MÉMOIRES DE DEBOGORY-MOKRIEVITCH

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЛ. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЕВИЧА

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE
51, Rue Saint-Sauveur, 51

1894

I

АМЕРИКАНИЗМЪ

Въ 1866 году, окончивъ каменецъ-подольскую гимназію, я поступилъ въ кіевскій университетъ. Я былъ матеріально необезпеченъ, вслѣдствіи чего принужденъ былъ часто уѣзжать домой, въ село Луку Барскую, Подольской губерніи, гдѣ были мои родители, и проживалъ тамъ нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ, не имѣя средствъ возвратиться обратно въ Кіевъ. Впрочемъ, въ Кіевѣ въ то время жилось довольно скучно — это былъ глухой періодъ среди студенчества: ни кружковъ, ни сходокъ. Только въ деревнѣ я и оживалъ, гдѣ по иниціативѣ старшаго брата Ивана цѣлые дни, бывало, проводили мы въ работахъ по хозяйству, а вечера — за чтеніемъ. Онъ получалъ журналъ „Дѣло“ и отъ времени до времени выписывалъ еще для своей библіотеки сочиненія разныхъ авторовъ. По утрамъ я вставалъ рано и обыкновенно отправлялся на полевыя работы: убиралъ сѣно, косилъ съ косарями. Мнѣ нравилось смотрѣть на ихъ загорѣлыя, мускулистыя руки, и самъ я мечталъ о развитіи физической силы. При подобныхъ условіяхъ, не замѣтно для себя, я скоро проникся демократическимъ духомъ, проявлявшимся однако въ началѣ не столько въ моихъ воззрѣніяхъ, сколько въ чувствахъ и внѣшнихъ манерахъ. Такъ, меня шо-

кировала щегольская одежда; я терпѣть не могъ крахмальныхъ воротничковъ, галстуковъ, тонкой обуви, перчатокъ и всегда носилъ вышитую малорусскую сорочку или кумачевую русскую рубаху-косоворотку; съ высокими смазными сапогами я не разставался ни въ грязь ни въ сухое время. Помню, въ 67-мъ году, будучи студентомъ, я пріѣхалъ въ Каменецъ и съ особымъ наслажденіемъ прогуливался въ такомъ костюмѣ мимо оконъ директора гимназіи, причемъ на свои вполнѣ здоровые глаза надѣвалъ синіе консервы, а во рту держалъ папиросу и неистово дымилъ. Мнѣ было пріятно, когда я замѣчалъ, что директоръ смотритъ на меня изъ окна; при встрѣчахъ съ нимъ я ему не кланялся, дѣлая видъ, будто его не узнаю. Въ гимназіи намъ запрещено было курить, ходить съ палкою, надѣвать консервы, хотя бы глаза болѣли, носить высокіе сапоги; все это я теперь совершалъ и, понятно, злорадствовалъ. Одинъ учитель, къ которому я заходилъ тогда въ гости, замѣтилъ однажды, глядя на мои длинные волосы, очки и толстую палку: „ну, видно, вы проглотили всю бездну премудрости нигилизма“.

Только въ 1869 году кіевское студенчество оживилось. На сколько помнится, дѣло началось съ организаціи кассы самопомощи. Къ этому же времени въ нашъ университетъ стали опредѣляться изгнанные послѣ безпорядковъ изъ петербургскаго университета; элементъ этотъ еще болѣе оживилъ нашу среду: начали зарождаться литературные кружки или кружки самообразованія; появились одна за другой — студенческая касса, кухмистерская, библіотека. Правда, всѣ книги нашей библіотеки свободно укладывались на шести полкахъ, или, вѣрнѣе, шести сосновыхъ доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ; двѣ верхнія полки заняты были толстѣйшими книгами въ переплетахъ, военными учебниками по стратегіи или чѣмъ то въ этомъ родѣ. Стратегія эта была кѣмъ то подарена еще при основаніи библіотеки и зачѣмъ мы ее держали трудно даже сказать, такъ какъ никто ее не читалъ Составъ книгъ остальныхъ четырехъ полокъ ничѣмъ осо-

беннымъ не отличался: книги были самыя заурядныя. Нецензурныхъ изданій у насъ не было. Если я припомню, что кіевскій университетъ обладалъ прекрасной библіотекой и лекторіей, гдѣ всякій студентъ могъ безвозмездно пользоваться книгами и газетами, то заведеніе нашей библіотеки прійдется объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ имѣть во что бы то ни стало свою собственную библіотеку, въ которой можно было бы хозяйничать безконтрольно. Иногда намъ казалось, что полиція и жандармы слѣдятъ за нашей библіотекой; это насъ очень интриговало, возбуждало интересъ. Въ такія минуты библіотека со своей объемистой стратегіей пріобрѣтала въ нашихъ глазахъ уже совсѣмъ цѣнное значеніе.

Я и три товарища занимали комнату сосѣднюю съ библіотекой; впрочемъ, нерѣдко число жильцовъ у насъ увеличивалось и доходило до восьми человѣкъ. Нашъ квартирный хозяинъ, Зименко, былъ простой добродушный старикъ, не вмѣшивавшійся ни во что; онъ зналъ, что въ концѣ мѣсяца получитъ за комнату восемь рублей серебромъ и до остального ему не было никакого дѣла; два, четыре или семь человѣкъ жило въ комнатѣ — ему было все равно; онъ одинаково исполнялъ свои обязанности по отношенію къ жильцамъ, сводившіяся впрочемъ къ тому чтобы утромъ подать самоваръ.

„Ки-и-пить!. Подается... Подается... Кипитъ!.
Пора вставать, чаи распивать!
Чаи китайскіе, — ромы ямайскіе!“

Такъ выкрикивалъ онъ по утрамъ, внося самоваръ въ полутемные сѣнички, служившіе у насъ вмѣсто передней. Иногда къ этому речитативу онъ прибавлялъ еще слѣдующее: „табаки раскуривать!“. Мы дѣйствительно послѣ этого вставали и принимались за „табаки“ и за чай, — безъ рому впрочемъ — такъ какъ на ромъ у насъ не хватало денегъ. Мы были бѣдны и едва-едва перебивались.

Надо сказать, что среди кіевскаго студенчества съ самыхъ отдаленныхъ временъ царствовала бѣдность; объ

этомъ можно было судить по разсказамъ и множеству ходившихъ анекдотовъ изъ студенческой жизни, въ которыхъ между прочимъ бѣднякъ-студентъ выступалъ обыкновенно въ симпатичныхъ роляхъ. Подобные анекдоты на столько были распространены, что у меня за долго до поступленія въ университетъ студенчество съ бѣдностью связывались въ такія же два неразрывныя представленія, какъ теперь связано у меня представленіе о фармацевтахъ съ духами или пахучимъ мыломъ. Студентъ почти что бравировалъ своею бѣдностью; она составляла своего рода шикъ; если у кого даже и имѣлись средства, то это не показывалось; простая, ни въ какомъ случаѣ не щегольская одежда — являлась признакомъ студенческой порядочности: надъ франтами смѣялись открыто; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ франты наши держались въ сторонѣ и не посѣщали собраній. Студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ бѣдняковъ: сыновей мелкихъ помѣщиковъ, разночинцевъ. Общая нужда вызвала организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызвала сожительства товарищескими кружками или, какъ ихъ иногда называли, коммунами и пріучала людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами. Такимъ образомъ студенческая жизнь представляла какъ нельзя болѣе благопріятныя условія для распространенія соціалистическихъ ученій, ибо, очевидно, принять ученіе, отвергавшее личную собственность, легче всего было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ еще соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствіе денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, имѣвшіе мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились впослѣдствіи, но еще шире вошли въ употребленіе въ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ, придавши имъ ту особую высоко-нравственную окраску, какою далеко не могутъ похвалиться многія организаціи.

Выше упомянуто было, что среди кіевскаго студенчества въ 69-мъ году стали устраиваться литературные

кружкп. Въ подобномъ кружкѣ, состоявшемъ изъ семи-восьми человѣкъ, принималъ участіе и я. Мы собирались одинъ разъ въ недѣлю, читали что нибудь и послѣ того бесѣдовали по поводу прочитаннаго. Мы преслѣдовали цѣль саморазвитія. Правда, среди насъ часто поднимались разговоры о предстоящей общественной дѣятельности, но въ этомъ отношеніи нами не принималось никакихъ практическихъ рѣшеній и мы разсматривали вопросъ лишь съ теоретической стороны. Мы считали себя обязанными въ будущемъ работать для пользы и блага народа, но далеко не предрѣшали заранѣе средствъ и путей, посредствомъ которыхъ надѣялись достигнуть этой задачи. Было бы очень трудно, однако, возстановить теперь все то, о чемъ мы бесѣдовали тогда, что читали и какъ высказывались по поводу того либо иного вопроса; въ настоящее время многія подробности совершенно изгладились изъ моей памяти. Я не могу припомнить ничего характернаго, выдающагося; не помню, что бы на меня произвело сильное впечатлѣніе или глубоко взволновало какое нибудь событіе, или какая либо книга. Все шло какъ то спокойно, обыденно. Будущая моя общественная дѣятельность рисовалась мнѣ смутно, неопредѣленно. Такъ дѣло стояло до 1871 года, когда, наконецъ, данъ былъ толчекъ, направившій окончательно мою жизнь по извѣстному пути.

Въ 1871 году въ Москвѣ разбиралось такъ называемое нечаевское дѣло, и отчеты о немъ печатались, — если не измѣняетъ мнѣ память — въ Правительственномъ Вѣстникѣ. Я жилъ тогда въ Лукѣ, и мы съ Иваномъ слѣдили очень акуратно за этимъ процессомъ, возбудившемъ у насъ странныя, почти противорѣчивыя чувства. Дѣло, представлявшееся дутымъ и несерьезнымъ, наталкивало въ тоже время на цѣлый рядъ весьма важныхъ размышленій. Большинство подсудимыхъ оказывалось простымъ орудіемъ въ рукахъ Нечаева, которому удалось избѣжать суда, скрывшись за границу. Но если показанія подсудимыхъ съ одной стороны и раскрывали передъ публикой нѣкоторыя непривлекательныя стороны

дѣла и въ частности поведенія самого Нечаева, прибѣгавшаго къ мистификаціи и обману своихъ товарищей, — то съ другой стороны, эти же подсудимые указывали на нужду и страданія народной массы, какъ на единственную причину, побудившую ихъ принять участіе въ заговорѣ. Смѣлое поведеніе на судѣ Успенскаго и Прыжова, двухъ главныхъ обвиняемыхъ, окончательно завоевывало симпатіи къ нимъ, дѣлая изъ нихъ мучениковъ за народъ. Конечно, можно было не соглашаться и спорить противъ пути, избраннаго ими для достиженія народнаго блага, можно было находить его даже ложнымъ, но съ нравственной стороны они были всецѣло правы, такъ какъ дѣйствовали согласно со своими убѣжденіями и не отступали передъ препятствіями; болѣе того — они не задумывались пожертвовать своей жизнью ради дѣла, въ которое вѣрили. Это горячее отношеніе къ дѣлу, это самопожертвованіе составляло положительную сторону нечаевцевъ и невольно звало къ подражанію. Народъ нашъ дѣйствительно нуждался и страдалъ; это я видѣлъ собственными глазами. Для добычи куска хлѣба онъ работаетъ съ ранняго утра до вечера, отъ зари до зари съ небольшими перерывами для обѣда, и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ до самой смерти. У него нѣтъ времени для образованія или чтенія, нѣтъ досуга для развлеченій. Ужасная жизнь!.. И всякій честный человѣкъ дѣйствительно долженъ работать на пользу этого несчастнаго, замученнаго народа. Вотъ это то стремленіе, шевелившееся раньше гдѣ то на днѣ души, было окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процессомъ. Но что именно надо было дѣлать и какого пути держаться я все таки не зналъ. И въ этомъ вопросѣ Иванъ явился моимъ учителемъ.

„Наши общественныя условія очень не хороши, говорилъ онъ, а такъ какъ всякій человѣкъ подчиняется вліянію окружающихъ обстоятельствъ, то даже хорошіе люди, попавши съ университетской скамьи въ пошлую жизнь, скоро деморализуются подъ вліяніемъ среды и мало по малу превращаются въ чиновниковъ, или въ пу-

стыхъ фразеровъ, неспособныхъ отстоять свои убѣжденія. Всякій порядочный юноша, пока въ университетѣ, мечтаетъ быть полезнымъ народу, но, окончивъ университетъ и поступивъ на службу, забываетъ обо всемъ. Подобному превращенію подвергаются всѣ. Поэтому, раньше чѣмъ говорить о дѣятельности для народа, мы должны застраховать себя тѣмъ или другимъ способомъ отъ такого превращенія, должны позаботиться о сохраненіи своихъ убѣжденій и нравственной чистоты. А это возможно лишь при томъ условіи, когда мы совершенно удалимся изъ деморализирующей среды, откажемся отъ привилегированной жизни и станемъ жить, какъ живетъ народъ. Мы должны отказаться отъ всего, что можетъ насъ деморализовать". Далѣе Иванъ принялся развивать ту идею, что зарабатывать хлѣбъ нравственно только физическимъ трудомъ, какъ зарабатываютъ его наши крестьяне, что всякій интеллигентный трудъ въ сущности есть эксплуатація народа и что по этому единственное, чѣмъ мы должны заниматься, это землепашество. Для этой цѣли Иванъ предлагалъ устроить земледѣльческую коммуну. Но такъ какъ наше правительство, по его мнѣнію, станетъ преслѣдовать коммуну и, однимъ словомъ, осуществить подобное предпріятіе въ Россіи невозможно, то поэтому намъ ничего другого не остается, какъ переселиться въ Америку.

Разсужденія Ивана казались мнѣ логичными на столько, что я не могъ подыскать на нихъ возраженій. Однако въ душѣ моей закопошились тяжелыя чувства, и я нѣкоторое время находился въ подавленномъ состояніи, не зная на чемъ остановиться и какое принять рѣшеніе: мнѣ жалко было бросать родину, жалко было разставаться съ Иваномъ, котораго я очень любилъ. Онъ со мной говорилъ такимъ категорическимъ тономъ, какъ будто ѣхалъ въ Америку сію минуту.

Иванъ видимо подмѣтилъ эту борьбу во мнѣ и принялся смягчать впечатлѣніе, вызванное его первыми бесѣдами.

„Переселеніе въ Америку и устройство тамъ земле-

дѣльческой коммуны вовсе не исключаетъ возможности работать въ Россіи, говорилъ онъ. Напротивъ, это представитъ даже большія удобства. Поселившись въ Америкѣ и сдѣлавшись американскими гражданами, мы безбоязненно можемъ пріѣзжать погомъ въ Россію и пропагандировать наши идеи: американское гражданство защитить насъ отъ насилій со стороны русскихъ властей."

Коммуна наша въ Америкѣ будетъ такимъ образомъ представлять изъ себя что то въ родѣ сборнаго пункта или вѣрнѣе такого центральнаго учрежденія, изъ котораго мы будемъ черпать наши силы: въ ней мы будемъ находить свою нравственную опору, она же будетъ снабжать насъ деньгами для разъѣздовъ.

На сколько могли быть практически осуществимы подобные переѣзды изъ одной части свѣта въ другую, или какъ это защитило бы насъ американское гражданство отъ преслѣдованій русскихъ властей и тому подобные вопросы оставались далеко не выясненными, тѣмъ не менѣе я мало по малу примирился съ проэктомъ переселенія и сдѣлался „американцемъ".

Надо сказать, что въ концѣ 60-ыхъ годовъ многіе усматривали нѣчто необыкновенно привлекательное въ американской жизни и учрежденіяхъ и ѣздили туда. Къ числу такихъ принадлежалъ между прочимъ одинъ нашъ родственникъ, мечтавшій устроить коммуну въ Америкѣ и съ этой цѣлью посѣтившій эту страну; отъ него то Иванъ и позаимствовалъ свой проэктъ. Но въ данномъ случаѣ интересно было то, что мысль о переселеніи, въ основаніи которой лежитъ почти всегда разочарованіе, воспринята была людьми далеко не разочарованными и вѣрившими въ свои силы.

Кореннымъ зломъ существующаго строя являлась, по нашему мнѣнію, личная собственность, поэтому основной нашъ принципъ былъ: отрицаніе личной собственности. Въ виду послѣдовательности мы не допускали ее прежде всего въ своемъ „американскомъ" кружкѣ. Мы признавали равноправность членовъ безъ различія половъ; считали честнымъ средствомъ заработка только

физическій трудъ, почему и находили его обязательнымъ для всякаго члена коммуны. Въ дебатахъ и разсужденіяхъ о равноправности мы логически пришли къ требованію извѣстнаго умственнаго ценза отъ членовъ нашей коммуны. Фактическаго равенства не могло существовать при сильной разницѣ въ развитіи, а коноводство въ коммунѣ не должно было допускаться ни подъ какимъ видомъ. Отрицательное отношеніе къ коноводству установилось главнымъ образомъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нечаевскаго процесса. Нечаевъ, требовавшій отъ всѣхъ безпрекословнаго повиновенія себѣ, вызвалъ у насъ неблагопріятныя чувства.

Помимо вліянія, какое, по нашей теоріи, мы должны были оказывать на окружающихъ людей своимъ примѣромъ, т. е. жизнью въ коммунѣ, — въ программу свою мы вводили еще пропаганду словомъ. Послѣднее собственно и вдохновляло насъ, составляя одну изъ существенныхъ задачъ нашей организаціи и дѣлая ее мало похожею на тѣ проэкты выселенія въ Америку, какихъ не мало было до и послѣ того и которые въ большинствѣ случаевъ задавались цѣлями несравненно болѣе скромными. Мы были коммунистами, такъ сказать, воинствующими; мечтали покрыть земледѣльческими коммунами, подобными нашей, чуть ли не весь міръ; наша пропаганда должна была разноситься всюду: въ Америкѣ, въ Европѣ, въ особенности же, конечно, въ Россіи. Намъ казалось, что подобная пропаганда будетъ имѣть успѣхъ среди русскаго народа: повсюду начнутъ устраиваться земледѣльческія коммуны, уничтожится мало по малу эксплуатація однихъ людей другими и восторжествуетъ, наконецъ, правда на землѣ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы принялись за пропаганду нашего „американизма“ прежде всего, конечно въ томъ литературномъ кружкѣ, членомъ котораго я состоялъ. Тутъ сразу обнаружились разногласія. Мы, „американцы“, признавали физическій трудъ обязательнымъ для всякого; большинство членовъ кружка высказались противъ этого мнѣнія; только двое примкнули къ намъ, съ

остальными же мы разошлись, и между нами, какъ это часто бываетъ у русскихъ, послѣ того установились почти враждебныя отношенія. Мы, однако, не пришли въ уныніе отъ этого неполнаго успѣха и съ юношескимъ пыломъ кинулись на розыски и вербовку людей подъ свое знамя. Унывать въ то время было мудрено. Среди университетской молодежи то и дѣло выростали новые кружки; по разнымъ угламъ Кіева устраивались всевозможныя ассоціаціи: тутъ висѣла вывѣска швейной мастерской, организованной на кооперативныхъ началахъ, тамъ была прачешная или сапожная. Правда, эти ассоціаціи также быстро разрушались, какъ и создавались, но отъ этого мало измѣнялось положеніе дѣлъ: жизнь била ключемъ.

Исходя изъ того взгляда, что дипломы деморализуютъ людей, давая возможность занимать привилегированныя положенія, я рѣшилъ бросить университетъ. Впрочемъ, все равно мнѣ было бы некогда посѣщать лекціи: я состоялъ членомъ нѣсколькихъ литературныхъ кружковъ и все время тратилъ на пропаганду американизма, шатаясь съ одного собранія на другое.

Въ пропагандѣ и поискахъ за новыми членами, мы натолкнулись въ Кіевѣ на кружекъ, занимающійся распространеніемъ среди молодежи книгъ извѣстнаго характера, какъ напримѣръ: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Азбука соціальныхъ наукъ“, сочиненія Лассаля и т. п. Этотъ кружекъ находился въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ такого же направленія, впослѣдствіи получившаго названіе „Чайковцевъ“. Вышеупомянутый кіевскій кружекъ всѣми силами старался препятствовать успѣху американизма среди молодежи. Но едва ли не самымъ ярымъ нашимъ противникомъ явился тогда Каблецъ. Покойный Каблецъ, бывшій сотрудникъ „Недѣли“, въ то отдаленное время состоялъ вольнослушателемъ въ кіевскомъ университетѣ и пользовался репутаціей одного изъ самыхъ крайнихъ радикаловъ и революціонеровъ. Съ нимъ то у насъ и происходили стычки. Онъ былъ страшно горячій спорщикъ

и, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми не въ мѣру горячими въ спорахъ, не хотѣлъ признать справедливымъ ни одного изъ нашихъ положеній, возражая намъ рѣшительно противъ всего. Мы говорили о пропагандѣ и дѣятельности среди народа; онъ противоставлялъ этому работу въ правительственныхъ сферахъ и толковалъ объ облагодѣтельствованіи народа сверху, путемъ декретовъ и реформъ. Его мы называли въ шутку „царистомъ", такъ какъ свои воззрѣнія онъ однажды формулировалъ такою фразою: „Александръ I, Николай I, Александръ II, Чернышевскій I"; при послѣднемъ имени онъ очень ехидно улыбнулся, находя аргументъ неопровержимымъ. Но насъ трудно было запугать именами и мы возражали, что и Чернышевскій, ставши царемъ, не сдѣлаетъ для народа больше того, что дѣлаетъ всякій другой царь. Этотъ взглядъ у насъ вытекалъ изъ того положенія, что всякій человѣкъ есть результатъ окружающихъ обстоятельствъ и въ данномъ случаѣ мы сводили вопросъ все къ той же деморализаціи, которая, по нашимъ понятіямъ, должна была постигнуть и Чернышевскаго, разъ бы онъ попалъ въ деморализующую среду.

Нужно сказать, что къ программамъ, толковавшимъ объ облагодѣтельствованіи народа сверху путемъ декретовъ, молодежь относилась въ то время крайне неодобрительно, равно какъ и ко всякаго рода централистическимъ теоріямъ и стремленіямъ. Въ частности къ централистическимъ организаціямъ отрицательное отношеніе установилось послѣ Нечаевскаго процесса. Всѣми порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно выяснилось на судѣ, тщательно скрывавшаго свои поступки отъ товарищей по дѣлу и державшему ихъ въ полномъ невѣденіи относительно своихъ намѣреній. Слово „нечаевщина" сдѣлалось нарицательнымъ и стало употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда желали обозначить какую либо дутую затѣю, построенную на обманѣ товарищей. „Да вѣдь это нечаевщина!" восклицали часто въ спорахъ по поводу какого нибудь мнѣнія или поступка извѣстнаго характера; подобное подведеніе подъ одну катего-

рію съ „нечаевщиной“ являлось однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ противъ. Съ понятіемъ о централистической организаціи связывалось представленіе о безконтрольности, а, слѣдовательно, и о полномъ просторѣ для обмана. Людей слабыхъ характеромъ, поддающихся вліянію другихъ, обзывали пѣшками; тѣхъ, что стремились коноводить — генералами; надъ первыми смѣялись, вторыхъ не любили и какъ однихъ, такъ и другихъ считали для дѣла вредными. На повиновеніе и дисциплину организаціонную смотрѣли нехорошо; послѣднее доходило у нѣкоторыхъ до такой степени, что они склонны были отрицать какую бы то ни было организаціонную попытку. Выработка устава или установленіе какихъ либо правилъ многими встрѣчалось очень недружелюбно; подчиняться правиламъ — значило признавать дисциплину. — „А!.. Понадобился уставчикъ!?“ съ ироніей всклицалъ на собраніи кто либо изъ присутствующихъ, и стоило подчасъ немалыхъ усилій, что бы принятъ былъ хоть слабенькій „уставчикъ“.

Изъ книгъ, пользовавшихся популярностью среди молодежи, болѣе другихъ читались по кружкамъ сочиненія Милля, „Политическая Экономія“ и „Объ Утилитаризмѣ„, „Историческія Письма Миртова“, первый томъ Лассаля. Особенно характерной, нахожу я, роль, которую играла эти послѣдняя книга; изъ Лассаля мы черпали аргументы въ пользу нашихъ народническихъ воззрѣній, не смотря на то, что Лассаль, говоря въ своей книгѣ о рабочихъ, всюду разумѣетъ только фабричный пролетаріатъ, а ничуть не крестьянъ, на которыхъ въ другомъ мѣстѣ прямо указываетъ, какъ на элементъ реакціонный постольку, поскольку они (во время такъ называемыхъ крестьянскихъ войнъ въ Германіи) старались поворотить назадъ колесо исторіи. Этимъ существеннымъ разнорѣчіемъ мы игнорировали тогда и все то, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи переносили на наше крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ „обездоленнымъ четвертымъ сословіемъ“. Мы особенно близко къ сердцу принимали раасужденія Лассаля о томъ, что ра-

бочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего сословія, другими словами за свои собственные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго прогресса, — такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является носителемъ прогресса, подобно тому какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ. Мы читали это, подставляли рабочаго крестьяниномъ, западно-европейскую буржуазію — нашимъ привилегированнымъ сословіемъ и, въ качествѣ „кающихся дворянъ", съ одной стороны, занимались самобичеваніемъ, съ другой, крѣпли въ своей вѣрѣ въ народъ, признавая его и лучше, и нравственнѣе насъ.

Такъ находили мы всюду доказательства и даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, възащиту нашихъ воззрѣній, вырабатывавшихся у насъ очевидно не однимъ литературнымъ путемъ, а и подъ вліяніемъ окружающей жизни. Въ Россіи не было фабричнаго пролетаріата подобнаго западно-европейскому. Какъ въ земледѣльческой странѣ по преимуществу, экономическая жизнь Россіи сосредоточивалась на крестьянскомъ сословіи, которое всего лишь десять лѣтъ назадъ освобождено было отъ крѣпостной зависимости. Все вниманіе, всѣ заботы лучшихъ русскихъ людей были поэтому обращены на это сословіе; оно у насъ составляло главную массу населенія, нашъ народъ; оно у насъ пухло и вымирало отъ голода, подавленное государственными налогами, лишенное просвѣщенія, оборванное, одичавшее... При подобныхъ условіяхъ, если бы русская молодежъ не заразилась народничествомъ, то этимъ показала бы лишь свою полную неотзывчивость. Въ то время какъ развитіе идей шло у насъ вышеописаннымъ путемъ, мы не переставали попрежнему пропагандировать свой американизмъ. Но народничество съ интернаціонализмомъ плохо вязалось и мужикофильство, принявшее въ нашемъ кружкѣ широкіе размѣры, совершенно не гармонировало съ мыслью о переселеніи. Надежда, что мы будемъ ѣздить изъ Америки въ Россію перестала насъ удовлетворять. Прав-

да, кружокъ нашъ успѣлъ разростись почти до двадцати человѣкъ и мы обладали уже достаточными средствами для переселенія, однако переселяться ,видимо, большинству на хотѣлось. Мы устраивали съѣзды, принимали рѣшенія; трое изъ насъ поѣхали даже въ Америку въ качествѣ передовыхъ, но все это не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: нашъ американизмъ долженъ былъ пасть. Члены, организаціи разбросанные по различнымъ городамъ, мало по малу стали впутываться въ различныя дѣла другихъ мѣстныхъ кружковъ; многіе поѣхали, между прочимъ, въ Швейцарію, куда въ это время со всѣхъ концовъ Россіи начала съѣзжаться молодежь, искавшая, подобно намъ, рѣшенія на вопросъ „что дѣлать ?“

Вопросъ этотъ послѣ распаденія американскаго кружка сильно смущалъ меня. Жизнь въ земледѣльческой коммунѣ рисовалась слишкомъ обособленной, изолированной, мирной. Хотѣлось какой то иной, болѣе широкой и шумной дѣятельности, гдѣ бы можно было приходить въ столкновеніе съ массами людей; чувствовалась потребность въ живой, активней борьбѣ; и хотя, по прежнему, я все еще оставался интернаціоналистомъ, но забираться въ такую даль, какъ Америка, рѣшительно не хотѣлось. Я остановился на мысли подучиться ремеслу, которое дало бы мнѣ возможность существовать потомъ въ качествѣ рабочаго, и съ этой цѣлью я выбралъ сапожничество и принялся его изучать.

Вскорѣ, подобно другимъ, я надумался тоже поѣхать въ Швейцарію, и вотъ ранней весной 1873 года выѣхалъ изъ Россіи. Въ ту минуту у меня не было яснаго плана, и я не зналъ, что съ собою дѣлать. Правда, было желаніе, пріѣхавши въ Швейцарію, все таки сдѣлать попытку пристать къ какой нибудь изъ тамошнихъ рабочихъ организацій, но желаніе это было простымъ послѣдствіемъ исчезнувшаго американизма и не заключало въ себѣ ничего серьезнаго.

II

ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

Въ Цюрихъ я пріѣхалъ въ апрѣлѣ 73-го года и тамъ засталъ много русскихъ. То была молодежь, по большей части студенты цюрихскаго университета и политехникума, состоявшая на половину изъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ за границу учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которыя закрытъ былъ тогда для нихъ на родинѣ. Но если въ Россіи, не смотря на надзоръ, въ университетахъ устраивались сходки и заводились кружки, то легко можно себѣ представить, насколько сильнѣе должно было проявиться подобное движеніе среди молодежи, собравшейся за границей вдали отъ родины, гдѣ не было полицейскаго надзора, и гдѣ можно было, не стѣсняясь, громко высказывать мнѣнія и организаваться въ какіе угодно кружки. Какой цыфры достигало количество съѣхавшихся тогда русскихъ — сказать не могу съ точностью, но, кажется, оно не превышало трехъ сотъ. Количество это безъ сомнѣнія затерялось бы незамѣтно среди населенія, напримѣръ, Парижа, но не такъ было въ Цюрихѣ. Тихіе кварталы этого города возлѣ политехникума, гдѣ преимущественно жили русскіе, совершенно преобразились: всюду слышалась русская рѣчь; кучки молодежи то и дѣло сновали по улицамъ, громко разговаривая между собою и жестикулируя, къ ужасу цюрихчанокъ, не видѣвшихъ раньше ничего подобнаго. Однако жизнь выражалась не въ одномъ только шумѣ и пѣсняхъ. Въ это время въ Цюрихѣ организовались двѣ русскія библіотеки; заведено было двѣ вольныя русскія типографіи; купленъ былъ домъ, если не ошибаюсь, тысячъ за восемьдесятъ франковъ, въ которомъ устроена была кухмистерская и гдѣ по вечерамъ въ большомъ залѣ происходили общія собранія и чте

нія рефератовъ и лекцій, преимущественно г. Лаврова, проживавшаго въ это время въ Цюрихѣ. Впрочемъ, я былъ въ Цюрихѣ тогда очень недолго, а потому не берусь знакомить читателя во всѣхъ подробностяхъ съ тамошней жизнью русскихъ. Быть можетъ кто либо другой разскажетъ когда нибудь обстоятельнѣе объ этомъ интересномъ времени, я же ограничусь лишь самыми общими указаніями.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе. Западно-европейское международное общество рабочихъ или, какъ его называли, „Интернаціоналъ“ къ тому времени успѣлъ уже распасться на два враждебныхъ лагера: соціаль-демократическій и анархическій. Соціаль-демократы — преимущественно въ Германіи — ставили своей практической задачей путемъ легальной агитаціи и выборовъ овладѣть постепенно рейхстагомъ, что бы превратить такимъ образомъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нѣмецкую буржуазно-конституціонную имперію въ соціалистическое государство. Анархисты признавали необходимымъ полное разрушеніе государства, какъ авторитарнаго учрежденія, отрицали благотворное вліяніе власти, въ чьихъ рукахъ она бы ни была и полагали, что дѣйствительное равенство можетъ осуществиться только по свободному соглашенію между людьми, а ни коимъ образомъ не путемъ государственныхъ декретовъ и реформъ. Такимъ образомъ, первые являлись „государственниками“, вторые — „анти-государственниками“.

Когда эти двѣ враждебныя между собою программы были поставлены на выборъ русской молодежи, она въ громадномъ большинствѣ высказалась за анархію. Я не берусь указывать здѣсь на причины этого явленія. Можетъ быть произошло это оттого, что намъ русскимъ успѣло надоѣсть къ тому времени государственное вмѣшательство, и въ государствѣ мы видѣли скорѣе врага прогрессу, чѣмъ пособника; а можетъ и потому, что мы не имѣли рейхстага и некуда намъ было посылать своихъ депутатовъ; какъ бы тамъ ни было, но молодежь, почти всѣ высказались за анархическія теоріи.

Но хотя всѣ и были за анархію однако, полнаго согласія далеко не было. Напротивъ. Когда я пріѣхалъ, то засталъ русскую колонію въ Цюрихѣ, раздѣленную на два враждебныхъ лагера: „лавристовъ“ и „бакунистовъ“. Первые группировались вокругъ Петра Лавровича Лаврова, только года за два передъ тѣмъ бѣжавшаго за границу изъ Вологодской губ., куда онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ, бывшаго профессора Артиллерійской Академіи въ Петербургѣ и автора извѣстныхъ „Историческихъ Писемъ“. Вторые представителемъ своимъ считали Михаила Бакунина, стараго эмигранта, проживавшаго въ то время на югѣ Швейцаріи, въ городѣ Локарно. Какъ одни, такъ и другіе конечной своей цѣлью ставили разрушеніе государства; какъ одни, такъ и другіе признавали только революціонный путь борьбы, — но на средства достиженія революціи смотрѣли различно и, въ этомъ то и заключались главнымъ образомъ ихъ разногласія.

„Лавристы“ на первомъ планѣ ставили пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ, которая должна была подготовить, какъ имъ казалось, народную массу къ соціальной революціи.

„Бакунисты“ признавали бунтовской путь, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, благодаря общему недовольству существующимъ строемъ, бунтъ всегда имѣлъ шансы перейти во всенародное возстаніе или, другими словами, въ революцію. Но даже въ худшемъ случаѣ, будучи подавленнымъ, бунтъ все таки являлся школою, которая воспитывала народъ въ желательномъ направленіи и революціонизировала его, то есть дѣлала способнымъ къ созданію революціи.

Къ этимъ болѣе или менѣе существеннымъ разногласіямъ примѣшивались еще второстепенныя недоразумѣнія, повидимому совершенно несерьезныя, ничтожныя, которыя однако же на дѣлѣ оказывались и болѣе серьезными и болѣе важными, чѣмъ все остальное. Между „бакунистами“ и „лавристами“ возгорѣлась изъ за библіотеки страшная борьба, доведенная болѣе ревностны-

ми сторонниками до того, что ,наконецъ, сдѣлалось опаснымъ выходить изъ дому безъ оружія. Когда я пріѣхалъ въ Цюрихъ, то засталъ здѣсь нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей по „американскому“ кружку, и одна изъ пріятельницъ принялась нервно и торопливо знакомить меня во всѣхъ подробностяхъ съ цюрихской жизнью, причемъ настаивала, чтобы я присоединился къ нимъ — она была ярая „бакунистка“. Но я рѣшительно ничего не могъ понять изъ того, что видѣлъ и слышалъ кругомъ себя, не могъ войти во вкусъ мѣстныхъ недоразумѣній и потому на первыхъ порахъ долженъ былъ оставаться въ сторонѣ. Къ тому же я былъ поглощенъ рѣшеніемъ вопросовъ чисто принципіальнаго характера,— и объ цюрихской библіотекѣ, кому она должна была принадлежать и кто ею долженъ былъ распоряжаться — „лавристы“ или „бакунисты, — просто не хотѣлось даже думать. Меня преслѣдовала мысль сдѣлаться рабочимъ и войти въ организацію интернаціонала. Эту же мысль раздѣляли со мною Донецкій и Судзиловскій, два моихъ товарища по „американскому“ кружку. Третій товарищъ, Ходько, человѣкъ, обладавшій неистощимымъ запасомъ остроумія и хохлацкаго юмора, подсмѣивался надъ нами и утверждалъ, что ровно ничего не выйдетъ изъ нашего стремленія „слиться“ съ западно-европейскимъ рабочимъ, что мы, подобно ему, скоро разочаруемся Европой возвратимся въ Россію, куда, между прочемъ, онъ уже со дня на день собирался ѣхать. Не смотря на это трое насъ рѣшили отправиться искать работу къ Сенъ-Готарду, гдѣ въ то время рыли тонель и прокладывалась желѣзная дорога, и недѣли черезъ три послѣ моего пріѣзда въ Швейцарію мы собрались въ путь.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Цюриха я зашелъ къ Р., одному изъ „бакунистовъ“, что бы познакомиться съ нимъ. Надо сказать, что я сильно интересовался какъ программой Бакунина, такъ и самой его личностью. Еще въ Россіи я слыхалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, которому русское правительство придавало большое значеніе, и потому, пріѣхавши въ Швейцарію, съ большимъ любопытствомъ

прислушивался ко всему, что касалось его. Я узналъ, что Бакунинъ участвовалъ въ революціи 1848 года въ Дрезденѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль, и потомъ за это осужденъ былъ саксонскимъ правительствомъ къ смерти. Но австрійское правительство потребовало его выдачи и въ свою очередь приговорило его къ смерти за участіе въ пражскомъ возстаніи, имѣвшемъ мѣсто ранѣе дрезденскаго. Посаженный въ одну изъ австрійскихъ крѣпостей, чуть ли не въ Ольмюцъ, онъ просидѣлъ тамъ прикованный за ногу къ пушечному ядру, до тѣхъ поръ пока, по требованію Николая I, не былъ выданъ, наконецъ, Россіи. Здѣсь, заключенный въ Шлиссельбургъ, пробылъ еще нѣсколько лѣтъ въ одиночкѣ и только въ концѣ 50-ыхъ годовъ сосланъ былъ въ Сибирь, откуда ему удалось бѣжать въ началѣ 60-ыхъ годовъ за границу. Прошедшая жизнь Бакунина, вліяніе, какимъ онъ пользовался на окружающихъ, его способности — словомъ все принимало у него крупные, необыкновенные размѣры, далеко не укладывавшіеся въ обыденныя рамки. То его приговариваютъ къ смерти, то томятъ потомъ около девяти лѣтъ въ одиночныхъ кельяхъ по крѣпостямъ. Изъ Сибири онъ бѣжитъ кругомъ свѣта черезъ Японію и Америку и, явившись въ Европу, принимаетъ здѣсь горячее участіе въ различныхъ революціонныхъ попыткахъ. Онъ оказывается однимъ изъ лучшихъ ораторовъ. Принявъ участіе въ „интернаціоналѣ“, становится могучимъ противникомъ Маркса, противопоставляя его „государственности“ свою „анархію“, и доводитъ дѣло до распаденія „интернаціонала“ на два враждебныхъ лагера: соціаль-демократовъ и анархистовъ.

Нечего и говорить, что я цѣликомъ склонялся къ послѣднимъ, такъ какъ мнѣ не нравились централистическія теоріи соціаль-демократовъ и „государственность“, отожествлявшаяся въ моихъ понятіяхъ съ чиновничествомъ, къ которому еще съ юности установилось у меня отрицательное отношеніе.

Но возвращаюсь однако къ прерванному разсказу.

Итакъ наканунѣ отъѣзда изъ Цюриха, я познако-

мился съ бакунинцемъ Р. и среди разныхъ другихъ вопросовъ заговорилъ, между прочимъ, съ нимъ о нашемъ планѣ сдѣлаться рабочими и примкнуть къ какой нибудь мѣстной секціи „интернаціонала“. Помню, сначала онъ принялся было меня разубѣждать, но, замѣтивъ мое упрямство, скоро прекратилъ свои возраженія и въ заключеніе сказалъ: „Ну что же, впрочемъ, попробуйте.. Хотя я знаю изъ опыта, что иностранцу это очень трудно. Даже Бакунинъ встрѣчалъ большія затрудненія во время своей дѣятельности въ Ліонѣ въ 71-омъ году. Противники распространяли о немъ нелѣпыя выдумки, желая дискредитировать его въ глазахъ ліонскихъ рабочихъ, и ему приходилось тратить много энергіи и силъ, что бы защитить себя отъ клеветы.

Эти свѣдѣнія непріятно меня поразили. Если Бакунина встрѣчали подобныя препятствія во время его дѣятельности среди французскихъ рабочихъ, то что же надо было ожидать мнѣ? — мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

На другой день Судзиловскій, Донецкій и я уже ѣхали по желѣзной дорогѣ къ Люцерну. Добравшись изъ Люцерна до Флюэлена по Фирвальдштетскому озеру, мы сошли съ парохода и двинулись пѣшкомъ — съ узлами на плечахъ — по шоссейной дорогѣ, ведущей къ Сенъ-Готардскому проходу. Дорога шла все время вдоль рѣки Рейсъ, которая текла горною долиною, мѣстами принимавшею видъ небольшихъ зеленыхъ и совершенно плоскихъ лужковъ, окруженныхъ горами, мѣстами же превращавшейся въ узкія извилистыя ущелья, загроможденныя каменьями, среди которыхъ съ шумомъ кипѣла и пѣнилась рѣка. По сторонамъ рѣки толпились горы, поросшія ельникомъ и выглядывавшія одна изъ за другой вершинами то, остроконечными, то закругленными въ видѣ гигантскихъ шапокъ, съ ущельями, съ голыми скалами. Помню, въ одномъ мѣстѣ почти у самой дороги торчала огромная, голая скала, перпендикулярно поднимавшаяся на такую страшную высоту, что мы всѣ трое невольно заглядѣлись на нее. Далеко-далеко вверху на скалѣ я увидѣлъ

ель, всю подавшуюся впередъ и нависшую прямо надъ нашими головами. Видимо, старая, рослая ель — снизу она казалась намъ крошечнымъ деревцемъ.

—„Вотъ ты себѣ представь“, говорилъ я Судзиловскому, глядя вверхъ, „что ты сидишь вонъ на той елочкѣ и что она подъ тобою вдругъ ломается.

—„У-у! Чортъ возьми!“ воскликнулъ Судзиловскій, содрагаясь. И я чувствовалъ, какъ у меня тоже пробѣжалъ морозъ по спинѣ.

Первое время я восторгался видами природы, но потомъ мало по малу горы стали меня давить. Мнѣ все хотѣлось широкаго, открытаго гаризонта. Однако напрасно мой глазъ искалъ простора: его нигдѣ не было; со всѣхъ сторонъ висѣли скалы. На меня напало какое-то тоскливое удрученное состояніе Разъ какъ то, уже не далеко отъ того пункта гдѣ начинается тонель, для избѣжанія росходовъ, мы забрались на ночлегъ въ глубь лѣса, въ сторону отъ дороги. Мѣстность была глухая. Шелъ дождь. Мы сильно продрогли, такъ какъ — хотя это и было въ маѣ мѣсяцѣ — но мѣсто было очень высокое, и тамъ стояли еще холода. По русскому обычаю мы развели костеръ и, расположившись подъ скалою, защищавшей насъ отъ дождя, разослали на землѣ одежду и улеглись спать. Густой еловый лѣсъ спускался по горѣ внизъ, откуда доносился неумолкаемый шумъ рѣки. Ночь наступила темная. Дождь усилился. Костеръ согрѣвалъ наши ноги и мы задремали. Вдругъ послышался въ лѣсу трескъ.

—„Кто тамъ!?“ окликнулъ одинъ изъ насъ по русски, видимо забывая съ просонья, что дѣло происходитъ въ Швейцаріи.

Мы всѣ очнулись отъ дремоты. Лѣсной валежникъ трещалъ подъ чьими то тяжелыми ногами. Трескъ усиливался, приближался; кто то двигался на огонь. Одинъ изъ насъ вытащилъ револьверъ. Мы предполагали увидѣть передъ собою по, крайней мѣрѣ, мѣдвѣдя, но оказался только лѣсной сторожъ. На неудобопонятномъ языкѣ (языкѣ внутреннихъ кантоновъ) онъ намъ объяснилъ, что разводить костровъ нельзя, такъ какъ отъ этого

можетъ произойти лѣсной пожаръ, и потребовалъ, чтобы мы потушили огонь.

Въ Россіи въ такую погоду не только лѣсные сторожа, а даже собаки спятъ, забравшись въ сухое мѣсто!

Мы принуждены были потушить костеръ.

—„Ну, здѣсь не скроешься!“ замѣтилъ кто-то изъ насъ.

—„Да... Не скроешься....“

И долго послѣ того мы бесѣдовали на тему о швейцарскомъ „благоустройствѣ“, и я вдругъ почувствовалъ, что оно меня давитъ, подобно горамъ. Мнѣ вспомнились наши русскіе лѣса — дремучіе, непроходимые, безъ лѣсныхъ сторожей.

Прибывши на мѣсто работъ, мы остановились для отдыха въ маленькомъ отельчикѣ, въ деревушкѣ, расположенной на крутомъ возвышеніи, и всю ночь слыхали, какъ внизу возлѣ рѣки происходили взрывы: тамъ рвали гору для тоннели. На другой день мы принялись разузнавать относительно работы, но къ, нашему изумленію услыхали, что рабочихъ и безъ того было больше чѣмъ нужно и намъ не оставалось никакихъ шансовъ получить занятіе. Тогда, сдѣлавши между собою совѣщаніе, мы рѣшили двинуться по направленію къ Женевѣ, такъ какъ возвращаться въ Цюрихъ во всякомъ случаѣ не хотѣли. И вотъ мы пошли дальше. На сколько помнится, изъ селенія Андермата, находящагося почти у самого подножья Сенъ-Готарда, мы поворотили вправо и двинулись черезъ такъ незываемый Фуркскій проходъ. Дѣло происходило, какъ я уже раньше говорилъ, въ маѣ мѣсяцѣ, и проходъ оказался еще весь заваленъ снѣгомъ, безъ малѣйшаго слѣда дороги. Мы шли, руководясь „Бедекеромъ“ и вершинами горъ, высившимися по сторонамъ. Проваливаясь въ снѣгъ до пояса, мы брели съ страшными усиліями. Выбившись изъ силъ, ложились и пробовали катиться по снѣгу или же ползли на четверенкахъ, что бы не такъ глубоко проваливаться. Между тѣмъ погода наступила превосходная. Солнцѣ ярко сіяло на совершенно безоблачномъ небѣ,

и наши глаза сильно страдали отъ лучей, отражавшихся отъ снѣга. Кое какъ мы добрались до отеля, большого зданія въ два или три этажа, стоявшаго среди этой снѣжной пустыни. Переночевавши въ отелѣ, гдѣ кромѣ одного сторожа и нѣсколькихъ собакъ никого не было, на другой день мы спустились въ Ронскую долину и двинулись по направленію къ Женевскому озеру.

Въ Женевѣ мы познакомились съ эмигрантомъ Лазаремъ Гольденбергомъ (не надо смѣшивать съ Григоріемъ Гольденбергомъ, пріобрѣвшимъ печальную извѣстность своими показаніями, скомпрометировавшими очень многихъ лицъ), завѣдывавшимъ въ то время вольной русской типографіей, принадлежавшей петербургскому кружку „чайковцевъ“, о которыхъ я упоминалъ какъ то выше. Типографія женевская заведена была ими, кажется, около года тому назадъ (1872 г.), и въ ней печатались брошюры исключительно для народа. Гольденбергъ принялся хлопотать о пріисканіи намъ работы, но найти въ Женевѣ какую бы то ни было работу, особенно иностранцу, оказалось дѣломъ далеко нелегкимъ. Судзиловскому скоро надоѣло это неопредѣленное положеніе и онъ рѣшилъ воротиться въ Цюрихъ, такъ что насъ осталось только двое: я и Донецкій. Въ ожиданіи пока подъищется работа (объ этомъ хлопотали французы, знакомые Гольденберга), я почти всякій день посѣщалъ Гольденберга и Куприанова, работавшихъ въ типографіи. Куприановъ недавно передъ тѣмъ былъ присланъ за границу кружкомъ „чайковцевъ“, кажется, спеціально по дѣламъ типографіи, и скоро долженъ былъ возвратиться въ Россію. Печаталась въ это время „Исторія французскаго крестьянина“, передѣлка на русскомъ языкѣ, приспособленная для народа. Я часто вступалъ въ споры съ Куприановымъ, доказывая ему, что мало пользы печатать книжки для народа, который неграмотенъ. Онъ, конечно, не соглашался со мною; но рѣдко удавалось разшевелить его въ спорѣ до того, что бы онъ поворотилъ ко мнѣ свое лицо: стоитъ, бывало, возлѣ кассы съ наборомъ въ рукѣ и возражаетъ, не торо-

пясь. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка флегматичнаго, но искренняго и развитаго не по лѣтамъ (въ то время, на сколько помню, ему не было двадцати лѣтъ). Помню, особенно много спорили мы съ нимъ по вопросу о значеніи темперамента для революціоннаго дѣла. Онъ не придавалъ никакого значенія темпераменту и все сводилъ къ понятію о долгѣ. Я думалъ иначе.

По возвращеніи въ Россію, Куприановъ вскорѣ былъ арестованъ и спустя нѣсколько лѣтъ умеръ отъ чахотки, развившейся у него въ тюрьмѣ.

Но вотъ, наконецъ, Донецкому и мнѣ удалось пристроиться къ работѣ: насъ помѣстили къ одному предпринимателю въ качествѣ землекоповъ съ платою трехъ франковъ въ день. Я былъ привыченъ къ физическому труду и потому выносилъ эту работу сравнительно легко. Но о Донецкомъ нельзя было этого сказать. Не одинъ разъ доводилось мнѣ читать въ его глазахъ страданіе. Махая желѣзной киркой съ ранняго утра до полудня, онъ выбивался изъ силъ и тяжело былосм отрѣть на его изнуренное залитое потомъ лицо. Земляная пыль набивалась въ глаза, въ ноздри, алтнее солнце невыносимо жгло сверху. Но онъ не унывалъ и скоро сталъ даже привыкать къ работѣ. Такъ прошло, кажется, недѣли двѣ или три. Помню, въ одну изъ субботъ я ушелъ съ работы домой нѣсколько раньше обыкновеннаго, разсчитывая встрѣтиться съ Донецкимъ вечеромъ въ кофейнѣ, гдѣ мы обыкновенно ужинали. Но уже давно наступило время окончанія работъ, я поужиналъ, а Донецкаго все не было. Я сталъ тревожиться. Переговоривши съ Гольденбергомъ, находившимся тоже въ кофейнѣ, мы рѣшили отправиться на мѣсто работъ. Закрадывалось даже подозрѣніе, не ушибленъ ли Донецкій землею, что, какъ извѣстно, случается при такого сорта работахъ. Придя на мѣсто, мы никого не застали; рабочіе разошлись по домамъ. Изъ опросовъ въ сосѣднихъ домахъ, мы узнали, что никакого несчастнаго случая не было и, нѣсколько успокоенные, возвратились въ нашу кофейню, предполагая, что Донецкій, идя съ работы вѣроятно зашелъ куда нибудь и что

во всякомъ случаѣ онъ скоро долженъ явиться къ ужину. Однако Донецкій не приходилъ въ тотъ вечеръ ужинать и не возвращался ночевать на свою квартиру. Я жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Ночь провелъ я въ безпокойствѣ и лишь только наступилъ день помчался къ Гольденбергу. Тревогу мы забили невообразимую. Тотчасъ сообщили обо всемъ знакомымъ французамъ коммунарамъ, жившимъ въ то время въ Женевѣ на положеніи эмигрантовъ. Коммунары, относившіеся весьма сочувственно къ намъ, устремились тоже на поиски. Никакихъ указаній, никакихъ свѣдѣній!.. Донецкій словно сквозь землю провалился. Измученные, недоумѣвающіе сошлись мы къ полудню въ нашъ ресторанчикъ, и каково же было наше изумленіе?! Донецкій сидѣлъ за столикомъ и что то ѣлъ съ апетитомъ. Оказалось, что все это время онъ провелъ въ женевской кутузкѣ. Дѣло было такъ: возвращаясь съ работы, Донецкій настигнутъ былъ на улицѣ двумя какими то господами въ штатскихъ костюмахъ; они схватили его за руки и стали тащить въ полицію. Принявъ вначалѣ этихъ господъ за обыкновенныхъ пьяныхъ нахаловъ, Донецкій попытался было отдѣлаться отъ нихъ силою, но они его одолѣли и самымъ грубымъ, безцеремоннымъ способомъ поволокли въ кутузку. По пути, на вопросъ Донецкаго, за что его арестуютъ, они ему отвѣтили: „Quel droit avez-vous de travailler ici!“ Приведя на мѣсто, они его тщательно обыскали, забрали табакъ и спички, находящіеся при немъ и втолкнули въ темную, вонючую коморку на почь. Только на слѣдующее утро его привели передъ лицо самого директора полиціи. Директоръ велъ себя необыкновенно вѣжливо и мило, порицалъ своихъ агентовъ за ихъ грубое поведеніе наканунѣ. Но, какъ извѣстно, это обыкновеніе всѣхъ директоровъ полиціи конституціонныхъ странъ: держать на службѣ грубыхъ агентовъ для того, что бы потомъ извиняться передъ пострадавшими. Надо знать, что Донецкій пріѣхалъ за границу съ чужимъ паспортомъ, такъ какъ онъ былъ нѣсколько скомпроментированъ въ глазахъ русской

полиціи и ему не хотѣли выдать заграничнаго паспорта. Въ Женевѣ онъ жилъ безъ „permis de séjour“; шпіоны женевскіе это пронюхали и, конечно, по приказанію того же вѣжливаго директора напали на него въ ту минуту, когда онъ возвращался съ работы домой. Директоръ полиціи, снявъ допросъ, отпустилъ Донецкаго, но при этомъ заявилъ ему, что бы онъ немедленно выѣзжалъ изъ женевскаго кантона, въ противномъ случаѣ грозилъ вывезти его силою.

Такимъ образомъ, Донецкій для женевской республики оказался опаснымъ человѣкомъ, отъ котораго тамошнія власти сочли необходимымъ во что бы то ни стало избавиться. Впрочемъ, можетъ быть его изгнали просто по просьбѣ русскаго посольства, и директоръ женевской полиціи получилъ за это даже извѣстную награду. А можетъ быть, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ женевскимъ властямъ было непріятно смотрѣть, какъ мы, иностранцы, отбивали работу у ихъ гражданъ. Такъ ли, иначе ли, но результатъ оставался одинъ и тотъ же: намъ нельзя было оставаться въ Женевѣ, ибо, очевидно, если полиція поступила съ Донецкимъ такъ сегодня, то никто не помѣшаетъ ей завтра поступить подобнымъ же образомъ со мною. Швейцарская свобода была, какъ видно, не для всѣхъ, и мы оказывались здѣсь лишними. Да полно, только ли съ нами, иностранцами, такъ безцеремонна была эта полиція!? Я самъ въ Женевѣ былъ свидѣтелемъ того, какъ жандармъ билъ „гражданина“; „гражданинъ“ свалился на полъ — дѣло происходило въ участкѣ — и жандармъ привялся тыкать его въ бока и брюхо своими сапожищами, подбитыми снизу для крѣпости сплошными рядами гвоздей, такихъ какіе употребляются у насъ въ Россіи для лошадиныхъ подковъ. Но что же это, въ такомъ случаѣ, за порядки и какая это свобода?.. Склонные и безъ того крайне скептически относиться къ политической свободѣ, мы только укрѣпились въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ней, имѣя передъ глазами подобные факты. Такимъ образомъ о „сліяніи“ съ западно-европейскимъ рабочимъ и думать

больше не хотѣлось и оставалось только покончить съ этимъ вопросомъ какъ нибудь сразу, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души давно уже копошилось смутное чувство недовольства и какой то неудовлетворенности всѣмъ тѣмъ, что приходилось видѣть кругомъ: и языкъ чужой, и нравы чужіе, и тѣсно тутъ такъ, что повернуться негдѣ, и скука, скука смертная!.. Я рѣшилъ возвратиться въ Россію. Такъ кончился первый періодъ моей жизни, явившійся какъ бы преддверіемъ къ слѣдующему за нимъ — „революціонному народничеству", которое собственно и составитъ главный предметъ моихъ воспоминаній.

Я послалъ письмо въ Цюрихъ, къ „бакунистамъ", предлагая принять участіе въ ихъ работахъ по изданію и, получивъ отвѣтъ, тотчасъ уѣхалъ въ Цюрихъ. Они печатали въ это время „Государственность и Анархія" Бакунина; „лавристы", кажется, работали тогда надъ первымъ номеромъ „Впередъ". Окончивъ печатаніе „Государственность и Анархія", въ августѣ или сентябрѣ 73 года, я вмѣстѣ съ Р. отправился въ городъ Локарно, гдѣ жилъ Бакунинъ. Передъ отъѣздомъ въ Россію мнѣ непремѣнно хотѣлось съ нимъ познакомиться.

Мы ѣхали дилижансомъ той самой дорогой, которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я пѣшкомъ прошелъ, только теперь изъ Андермата не сворачивали вправо, на западъ, а переваливши черезъ Сенъ-Готардскій проходъ, двинулись прямо къ югу, вдоль рѣчки, направлявшейся къ озеру Лаго-Маджоре, на берегу котораго построенъ городъ Локарно. Дилижансъ прибылъ на мѣсто поздно вечеромъ; мы заняли номеръ въ гостинницѣ, отложивъ нашъ визитъ до слѣдующаго дня. Но Бакунинъ вставалъ поздно, такъ что мы отправились къ нему только часу въ десятомъ утра. Погода стояла солнечная, и послѣ яркаго свѣта снаружи, когда я вошелъ въ его комнату, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, она мнѣ показалась совершенно темной. Одно или два ея окна выходили куда то въ темное мѣсто, можетъ быть въ садъ, и мало давали свѣту. У правой стѣны, въ углу,

я увидѣлъ въ тѣни огромную низкую кровать, на которой въ ту минуту еще лежалъ Бакунинъ.

Р. меня отрекомендовалъ ему. Тотъ, лежа, пожалъ намъ обоимъ руки, сопя, приподнялся съ кравати и сталъ медленно одѣваться. Я осмотрѣлся. Слѣва, вдоль стѣны стоялъ длинный столъ, заваленный газетами, книгами и письменными принадлежностями. Далѣе почти до потолка поднимались простыя деревянныя полки, тоже загроможденныя всевозможными бумагами. По срединѣ комнаты на кругломъ столѣ стоялъ самоваръ, стаканы, табакъ, куски сахару, чайныя ложечки... все въ перемѣшку; стулья — въ безпорядкѣ.

Бакунинъ былъ необычайно высокъ и массивенъ, хотя его полнота была, очевидно, болѣзненная. Его лицо было обрюзглое, подъ свѣтло-сѣрыми или голубыми глазами висѣли мѣшки. Огромная голова заканчивалась большимъ лбомъ, по сторонамъ котораго торчали вьющимися клоками рѣдкіе полусѣдые волосы. Онъ одѣвался, сопѣлъ и отъ времени до времени уставлялъ на меня свои свѣтлые глаза. Я чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и мнѣ было неловко, тѣмъ болѣе, что совершалось это молча. Я слыхалъ раньше, что Бакунинъ составлялъ мнѣніе о людяхъ по первому впечатлѣнію, и теперь, чего добраго, онъ изучалъ мою физіономію. Изрѣдка онъ перебрасывался съ Р. короткими фразами. Онъ сильно шепелявилъ, такъ какъ у него недоставало многихъ зубовъ. Но вотъ онъ согнулся, что бы одѣть ноги и въ эту минуту я услыхалъ, какъ его дыханіе сперлось. Когда онъ выпрямился, то засопѣлъ страшно тяжело — онъ задыхался, его обрюзглое лицо посинѣло. Все это указывало на то, что болѣзнь, свевшая его года три спустя въ могилу, уже была развита въ сильной степени. Когда Бакунинъ одѣлся, мы вышли въ садъ, въ бесѣдку, куда поданъ былъ завтракъ. Здѣсь къ намъ подошли двое итальянцевъ, одному изъ которыхъ онъ меня отрекомендовалъ. То былъ Кафіери, ближайшій другъ Бакунина, извѣстный тѣмъ, что отдалъ свое состояніе, достигавшее весьма значительной цифры, на

итальянскія революціонныя дѣла. Онъ, молча, усѣлся возлѣ насъ и принялся курить трубку. Между тѣмъ принесъ почталіонъ съ кучей газетъ и писемъ, и Бакунинъ занялся ихъ просматриваніемъ. Затѣмъ появился Зайцевъ, бывшій сотрудникъ журнала „Русское Слово“, жившій тогда въ одномъ домѣ съ Бакунинымъ, и вскорѣ между нами завязался общій разговоръ о Барцелонскомъ возстаніи (въ Испаніи), происходившемъ, кажется, въ 1872 году и окончившимся, какъ извѣстно, неудачно. Среди другихъ взглядовъ, высказанныхъ присутствовавшими, по поводу этого возстанія, Бакунинъ выразилъ, между прочимъ, ту мысль, что сами революціонеры были сильно виноваты въ неудачѣ, постигшей ихъ въ Барцелонѣ.

— „Въ чемъ же были ихъ ошибки?“ спросилъ я.

— „Надо было сжечь правительственныя зданія! Это первый шагъ въ моментъ возстанія, — а они этого не сдѣлали!“ съ жаромъ проговорилъ онъ.

Только изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ мнѣ выяснилось на сколько важное значеніе Бакунинъ придавалъ этому „первому шагу“. По его мнѣнію, уничтоженіемъ правительственныхъ зданій, гдѣ сохранялись всевозможные акты и документы, вносился серьезный безпорядокъ и хаосъ въ существующія общественныя отношенія. „Многія привилегіи и права собственности покоятся на тѣхъ либо другихъ документахъ“ говорилъ онъ „съ уничтоженіемъ которыхъ полный поворотъ къ старому порядку становится затруднительнымъ“. Развивая свою мысль, Бакунинъ указывалъ на тотъ, по его мнѣнію, многознаменательный фактъ, что самъ народъ въ моментъ возстанія раньше всего набрасывается на правительственныя учрежденія — канцеляріи, суды, архивы, и при этомъ вспомнилъ нашъ Пугачевскій бунтъ, когда возставшая толпа съ ожесточеніемъ рвала и жгла правительственныя бумаги. Народъ, такимъ образомъ, по мнѣнію Бакунина, инстинктивно понималъ зло „бумажнаго царства“ и стремился его уничтожить. Слушая Бакунина, я вспоминалъ и недовѣріе, съ какимъ дѣйствительно относится нашъ мужикъ къ бумагамъ, и тотъ страхъ, который

вселяютъ онѣ ему. Я вспомнилъ всю эту массу бумагъ съ тысячами исходящихъ номеровъ, выпускаемыхъ ежегодно нашими канцеляріями, — всевозможныхъ отношеній, заявленій, рапортовъ, гдѣ, главнымъ объектомъ, для чиновничьихъ манипуляцій, имѣющихъ цѣлью вытащить рубль изъ кармана, является все тотъ же неизмѣнный мужикъ; вспомнилъ — вѣнецъ всего — нашъ всероссійскій паспортъ, эту изумительную бумагу, обладающую такимъ качествомъ, что человѣкъ безъ нея не человѣкъ, а какое то преступное существо, долженствующее сидѣть въ тюрьмѣ; — вспомнилъ я все это и оцѣнилъ мысль Бакунина. Ненависть, съ какою онъ относился къ „бумажному царству", сказывавшаяся рѣшительно въ каждомъ словѣ и даже въ выраженіи его глазъ, становившихся совершенно круглыми въ ту минуту, когда онъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, дѣлали его какъ бы естественнымъ представителемъ русскаго народа, хотя въ это время Бакунинъ далеко уже не увлекался русскими революціонными дѣлами. Напротивъ, по отношенію къ русскимъ у него звучала скептическая нота. Надъ нѣмцами онъ любилъ посмѣяться, особенно, когда заходила рѣчь о нѣкоторыхъ возстаніяхъ 48-го года. Нѣмецъ и революція были въ его представленіи два другъ друга исключающія понятія. Всѣ свои надежды Бакунинъ возлагалъ на романскія племена и въ частности на итальянцевъ, посвящая все время и энергію на конспираціи среди нихъ. Поэтому Локарно, построенное на берегу озера Лаго-Маджоре, находящагося на границѣ Швейцаріи и Италіи, представляло изъ себя какъ нельзя болѣе удобный пунктъ для Бакунина, которому въѣздъ въ Италію, какъ и во Францію, былъ запрещенъ; Локарно игралъ роль революціоннаго центра, куда съѣзжались итальянскіе заговорщики для тайныхъ совѣщаній съ Бакунинымъ. Планъ Бакунина состоялъ въ томъ, чтобы организовать заговоръ изъ смѣлыхъ людей готовыхъ на самопожертвованіе, которые въ опредѣленный срокъ должны были собраться въ извѣстное мѣсто съ тѣмъ, что бы начать вооруженное возстаніе. Предпола-

галось дѣло начать съ нападенія на мѣстныя правительственныя учрежденія и затѣмъ перейти къ „ликвидаціи“ существующаго строя, т. е. конфискаціи земельной собственности, фабрикъ и т. п. Однако Бакунинъ далеко не льстилъ себя надеждой на непремѣнный успѣхъ. — „Мы должны безпрестанно дѣлать попытки возстанія“, говорилъ онъ. — „Пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ — десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается общимъ, — жертвы окупятся.“ Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводился къ тому, что бы выбить, такъ сказать, народную массу изъ ея индиферентнаго состоянія и заставить ее вступить въ открытую борьбу съ своими притѣснителями. Бакунинъ являлся сторонникомъ активнаго революціоннаго дѣла и не удовлетворялся одною пропагандою слова, находя ее безсильнымъ средствомъ для того, что бы революціонизировать массы.

На этой почвѣ послѣдователями Бакунина была потомъ построена доктрина, такъ называемаго, „парлефетизма“ (propagande par le fait), въ противовѣсъ пропагандѣ словомъ, приведшая въ концѣ-концовъ къ анархическимъ бомбамъ, столь волнующимъ въ настоящее время цивилизованный міръ. Однако разница между современнымъ анархизмомъ и бакунинскимъ уже прежде всего та, что Бакунинъ всегда стремился къ созданію организованнаго бунта, а ничуть не политическихъ убійствъ, совершаемыхъ къ тому же по личному усмотрѣнію, какъ это мы видимъ теперь, — и считать Бакунина отвѣтственнымъ за послѣднія событія было бы несправедливо. Доктрина „парлефетизма“ на практикѣ привела къ явленіямъ противообщественнаго характера, ибо на бомбу, брошенную въ толпу или въ ресторанѣ, мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на преступленіе; но намъ кажется, что большинство доктринъ, когда терялось къ нимъ критическое отношеніе и становились онѣ для людей непогрѣшимыми догматами приводили въ конечныхъ выводахъ, и особенно въ приложеніи ихъ къ жизни, къ нелѣпостямъ и абсурдамъ. Такъ мы видимъ, между

прочимъ, какъ противуположная доктрина, признававшая исключительно путь словесной пропаганды и безусловно отвергавшая „парлефетизмъ“, если не вовлекала людей въ преступленія, то зато часто приводила ихъ къ непослѣдовательности и болтовнѣ.

На второй или третій день пребыванія нашего въ Локарно мы отправились по озеру въ лодкѣ вмѣстѣ съ Бакунинымъ, желавшимъ показать намъ домъ, недавно купленный на его имя въ окрестностяхъ города. Покупка эта совершена была итальянскими заговорщиками съ цѣлью устроить революціонный притонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавши Бакунина домовладѣльцемъ, закрѣпить его положеніе въ Локарно, откуда его могли всякую минуту выгнать по настоянію итальянскаго правительства, имѣвшаго уже нѣкоторыя свѣдѣнія объ его участіи въ революціонныхъ конспираціяхъ. Мы поплыли, пересѣкая заливъ, и скоро приблизились къ берегу, поднимающемуся высокими крутыми горами, поросшими на извѣстной высотѣ кустарникомъ. Вдоль озера вилась шоссейная дорога, ведшая изъ Локарно, выше которой виднѣлись дачи. Причаливъ къ мѣсту, мы поднялись по тропинкѣ въ гору и, перейдя дорогу, вошли въ калитку. Я увидѣлъ передъ собой старый двухъ-этажный домъ съ выцвѣтшими стѣнами, покрашенными когда то желтой краской. Передній фасадъ, обращенный къ озеру, былъ выше задняго, какъ это бываетъ въ домахъ, построенныхъ на крутомъ скатѣ. Толстыя, каменныя стѣны окончательно дѣлали похожимъ на какое то маленькое укрѣпленьеце этотъ старый домъ, какъ мнѣ показалось, вообще мало пригодный для жилья; когда мы вошли въ него, на меня пахнуло сыростью и запахомъ плѣсени; заднія комнаты были темны, такъ какъ выходили окнами къ горѣ, круто поднимавшейся сзади дома, гдѣ былъ разбитъ небольшой фруктовый садикъ. Но зато для устройства притона домъ представлялъ много удобствъ. Отсюда можно было совершенно незамѣтно пробраться къ озеру и уплыть въ какомъ угодно направленіи. Въ Италію можно было проѣхать въ лодкѣ,

минуя таможни. Бакунинъ сталъ толковать о томъ, какъ „они“ (т. е. итальянскіе революціонеры и онъ вмѣстѣ съ ними) помѣстятъ въ этомъ домѣ „летучую типографію“ и будутъ печатать прокламаціи въ моментъ возстанія, какъ устроятъ здѣсь складъ оружія, конгревовыхъ ракетъ и тому подобныхъ „бунтовскихъ“ принадлежностей и будутъ доставлять ихъ въ Италію. Затѣмъ онъ обратился къ Р. и ко мнѣ съ предложеніемъ, что бы мы осмотрѣли помѣщеніе и высказали наше мнѣніе относительно того, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ устроить секретные ходы... Мы приступили къ осмотру. Я заглядывалъ рѣшительно во всѣ уголки. Изъ одной комнаты я нашелъ весьма удобнымъ прокопать подземный ходъ въ глухую часть сада, откуда уже легко было бѣжать и скрыться въ кустарникѣ, росшемъ по горѣ; изъ другого мѣста можно было устроить незамѣтный проходъ къ озеру. Подъ домомъ предполагалось вырыть помѣщеніе для склада оружія. Бесѣдуя съ Р. о секретныхъ ходахъ, я ходилъ по комнатамъ точно въ какомъ то завороженномъ состояніи. Здѣсь я имѣлъ передъ собою уже не отвлеченныя теоріи и разсужденія о революціонной дѣятельности, а, такъ сказать, самую эту дѣятельность во всей ея реальности. Воображеніе мое разгорѣлось. Я уже предвкушалъ то сладкое мгновеніе, когда кому нибудь изъ итальянскихъ революціонеровъ удастся тѣмъ или другимъ ходомъ ускользнуть при обыскѣ изъ рукъ полиціи. Въ ту минуту я не дѣлалъ различія между Швейцарской Республикой и самодержавной Россіей.

Мы кончили осмотръ и собрались въ нижней комнатѣ, гдѣ сторожемъ дома приготовлена была въ это время закуска, состоявшая, впрочемъ, изъ хлѣба съ сыромъ и довольно плохого кислаго вина. Усѣвшись за столъ, мы продолжали бесѣду на ту же тему; устройство притоиа съ секретными выходами и складомъ сильно занимало Бакунина. Онъ тоже допускалъ возможность обысковъ. Очевидно, Бакунинъ или вообще мало довѣрялъ швейцарской свободѣ, или быть можетъ имѣлъ въ виду

такія дѣла, которыя не могли быть терпимы ни въ одной странѣ.

„Быть можетъ и вамъ, русскимъ,“ говорилъ онъ, понадобится держать за границею свою строго конспиративную типографію для печатанія летучихъ листковъ, — можно будетъ ее тоже помѣстить здѣсь.“ Потомъ онъ перемѣнилъ тонъ и рѣзко добавилъ: „Впрочемъ, какіе же конспираторы русскіе?! Пойдутъ болтать — скомпрометируютъ, пожалуй, и наше, итальянское дѣло.“

Мнѣ было очень непріятно слышать этотъ упрекъ и я принялся что то — не помню ужъ, что именно — говорить въ защиту насъ, русскихъ. Но еше непріятнѣе сдѣлалось, когда Бакунинъ, возражая мнѣ, въ заключеніе вдругъ воскликнулъ: „Да что русскіе!?.. Всегда они отличались стадными свойствамп! Теперь они всѣ анархисты! На анархію мода пошла. А пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и можетъ быть ни одного анархиста среди нихъ не будетъ!“

Эти слова глубоко врѣзались въ моей памяти и часто приходилось мнѣ потомъ ихъ вспоминать и видѣть въ нихъ пророческое значеніе.

Завтракъ нашъ окончился брудершавтомъ. Бесѣда приняла обыденный характеръ. Бакунинъ то и дѣло ловилъ меня на словѣ вы, которое я по привычкѣ все еще употреблялъ вмѣсто ты.

Дня черезъ два послѣ того Р. отправился обратно въ Цюрихъ. Я же, намѣреваясь ѣхать въ Россію черезъ Сѣверную Италію, остался еще на нѣсколько дней въ Локарно. Все время я проводилъ у Бакунина, являясь къ нему обыкновенно часу въ 10-омъ — 11-омъ дня и оставаясь до глубокой ночи, такъ какъ ложился онъ всегда очень поздно. Отъ многихъ нашихъ бесѣдъ теперь сохранились въ моей памяти только отдѣльные отрывки. Такъ припоминаю, какъ онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ для развлеченія онъ занимался тѣмъ, что кормилъ крошками хлѣба голубей на окнѣ своей одиночной камеры. Или тоже я помню, какъ Бакунинъ утверждалъ, что уча-

стіе жуликовъ въ революціонныхъ дѣлахъ служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ успѣха, ибо жулики — такой народъ, который скорѣе другихъ опредѣляетъ истинное положеніе дѣлъ и даетъ настоящую оцѣнку событіямъ. Они сразу чувствуютъ, гдѣ можетъ быть нажива и что можетъ принести имъ выгоду, и разъ они начинаютъ вмѣшиваться въ революціонное дѣло, то это показываетъ, что революціонное дѣло сдѣлалось настолько популярнымъ, что можетъ явиться предметомъ эксплуатаціи для личныхъ цѣлей, — „это однако надо имѣть ввиду и принимать мѣры, что бы они не скопрометировали революціоннаго дѣла въ общественномъ мнѣніи," говорилъ Бакунинъ.

Но вотъ, наконецъ, я сталъ собираться въ дорогу. Помню, наканунѣ моего отъѣзда Бакунинъ высчиталъ по путеводителю количество денегъ необходимыхъ для моего путешествія и потребовалъ, что бы я непремѣнно показалъ ему свой кошелекъ. Напрасно я старался убѣдить его, что денегъ у меня достаточно и я въ нихъ не нуждаюсь. Онъ всетаки настоялъ на своемъ: кошелекъ свой я долженъ былъ въ концѣ-концовъ ему показать. До требуемаго количества не хватало тридцати съ небольшимъ франковъ.

— „Я остановлюсь въ Богеміи. Тамъ у меня есть пріятели, у которыхъ я могу взять денегъ, — сколько мнѣ понадобится," объяснялъ я.

— „Ну-ну, разсказывай!" возражалъ Бакунинъ. Онъ вытащилъ изъ стола небольшую, деревянную коробочку, отворилъ ее, сопя отсчиталъ тридцать съ лишнимъ франковъ и передалъ мнѣ.

Мнѣ было очень неловко принимать эти деньги, однако я принужденъ былъ ихъ взять.

— „Хорошо, но пріѣздѣ въ Россію я вышлю," проговорилъ я.

Но Бакунинъ только сопѣлъ и, глядя на меня, улыбался.

— „Кому? Мнѣ вышлешь?" спросилъ, наконецъ, онъ; потомъ добавилъ: „это я даю тебѣ не свои деньги".

— „Кому же ихъ переслать, въ такомъ случаѣ?“

— „Большой же ты собственникъ! Да отдай ихъ на русскія дѣла, если ужъ хочешь непремѣнно отдать“.

Мы простились и я выѣхалъ изъ Локарно.

Добравшись на пароходѣ до южнаго конца Лаго-Маджоре, я пересѣлъ тамъ на желѣзную дорогу и двинулся — черезъ Сѣверную Италію и Тироль — въ Россію. Поѣздъ мчался, а я, сидя у окна и глядя на мимо пробѣгавшія картины, мечталъ о будущемъ. Оно мнѣ представлялось такимъ заманчивымъ и величественнымъ! Я до того былъ полонъ вѣры въ ту минуту, что почти готовъ былъ крикнуть горѣ: „двинься съ мѣста!“ Вотъ миновалъ я уже Краковъ, — услыхалъ родную рѣчь и въ моей груди учащенно забилось сердце. Каждый мужикъ, каждая баба, влѣзавшіе въ мой вагонъ, казались мнѣ близкими, родными. Я всматривался въ нихъ такъ, какъ будто раньше не видѣлъ ихъ, или вѣрнѣе, точно я ихъ видѣлъ, но давно-давно когда то и теперь опять встрѣтилъ. Послѣ того какъ я отдѣлался отъ своего космополитизма, міръ окрасился для меня въ иную краску. Жизнь получила для меня болѣе смысла и прелести. Вспомнилъ я о своемъ недавнемъ стремленіи „слиться“ съ западно-европейскимъ рабочимъ и это стремленіе представилось мнѣ до такой степени жалкимъ, что я не находилъ словъ для выраженій.

Да, вѣры въ будущее у всѣхъ насъ было тогда много. Мы — на самомъ дѣлѣ незначительная горсть молодыхъ людей — ощущали въ себѣ присутствіе необычайной силы и это сознаніе силы покоилось у насъ на вѣрѣ въ народъ: всякій изъ насъ чувствовалъ за собою милліоны крестьянъ. При подобной вѣрѣ можно было надѣяться на успѣхъ и игнорировать общество. Мы такъ и поступали. Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революціонеровъ, да, съ другой стороны, — мужика, отбрасывая въ сторону, какъ негодное, рѣшительно все, что стояло внѣ насъ и этого мужика.

III

ПЕРВЫЙ ОБЫСКЪ. — КІЕВСКАЯ КОММУНА ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

Воротившись изъ за границы, я даже не заѣхалъ въ Кіевъ, а прямо остановился у себя, въ Лукѣ. Это вело, какъ мнѣ казалось прямѣе къ цѣли, такъ какъ въ Лукѣ у меня были пріятели среди крестьянъ и я надѣялся при посредствѣ ихъ скорѣе войти въ крестьянскую среду. Но пока я все таки присматривался и обдумывалъ, какъ приступить къ дѣлу, ограничиваясь отдѣльными знакомствами, прошло мѣсяца полтора. Между тѣмъ Донецкій, остававшійся позже моего въ Швейцаріи, успѣлъ пріѣхать въ Россію съ чужимъ паспортомъ. На станціи Сербиновцы, возлѣ Жмеринки, онъ слезъ съ поѣзда и, отдавъ на сохраненіе станціонному жандарму свой чемоданъ, отправился пѣшкомъ ко мнѣ, въ Луку, находящуюся недалеко отъ Сербиновецъ. Былъ мѣсяцъ Ноябрь. Время стояло холодное. Завернувшись въ красное, байковое одѣяло, на манеръ того, какъ укутываются пледомъ, Донецкій, съ небольшимъ узелкомъ въ рукахъ, пошелъ для сокращенія пути по полотну желѣзной дороги. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой, грабовый лѣсъ. Пройдя версты двѣ, онъ натолкнулся на кучку рабочихъ, поправлявшихъ что то на пути. Если бы рабочіе были одни, то съ Донецкимъ вѣроятно ничего особеннаго не случилось бы; но при нихъ находился дорожный мастеръ. По полотну желѣзной дороги запрещено было ходить, поэтому онъ сталъ кричать на Донецкаго, а потомъ вздумалъ его арестовать. Тогда Донецкій бросилъ свой узелокъ подъ желѣзно-дорожный мостикъ, освободился отъ одѣяла и пустился бѣжать въ лѣсъ. Онъ бѣгалъ быстро и надѣялся, что ноги ему не измѣнятъ въ этотъ разъ. И вѣроятно ноги бы ему не

измѣнили, и убѣжалъ бы онъ, если бы не споткнулся о пень. Онъ упалъ. При паденіи сильно расшибъ одну ногу и бѣжать дальше не могъ. Его схватили.

— „Къ становому его, ребята!“ командовалъ дорожный мастеръ. „Можетъ — какой бѣглый.“

По несчастію около этого времени возлѣ Сербиновецъ въ лѣсу найдено было мертвое тѣло съ признаками насилія, и мѣстный становой приставъ, Маковъ, именно въ тотъ день производилъ дознаніе въ селеніи Стодульцахъ. Отъ Сербиновецкаго вокзала до с. Стодульцы всего четыре версты, а отъ мѣста, гдѣ былъ схваченъ Донецкій, было на половину ближе. Черезъ какихъ нибудь полъ часа онъ, вмѣстѣ съ своимъодѣяломъ и узелкомъ, брошеннымъ подъ мостъ, былъ доставленъ къ приставу; тотъ понятно потребовалъ паспортъ у Донецкаго и принялся его опрашивать.

Случись подобная исторія въ какой либо внутренней русской губерніи, — быть можетъ все обошлось бы благополучно, — особенно въ тѣ времена, но тутъ вышло иначе: Подольская губернія пограничная — становые привыкли дѣлать обыски, разыскивая контрабанду. И въ этотъ разъ становой, видя по паспорту, что Донецкій только что пріѣхалъ изъ за границы, приказалъ обыскать его. Развязали узелокъ Донецкаго и нашли въ немъ небольшой пакетъ печатныхъ листовъ. То была прокламація или программа — кто его знаетъ, какъ правильнѣе назвать — подъ заглавіемъ: „Къ русскимъ революціонерамъ“, изданная какою то „цюрихскою общиною анархистовъ“, организовавшейся уже послѣ моего отъѣзда, такъ какъ въ мою бытность въ Цюрихѣ, я о ней ничего не слыхалъ. Видя, что все кончено, Донецкій назвалъ свою настоящую фамилію, объявивъ, что паспортъ, найденный при немъ, по которому онъ переѣхалъ границу, былъ попросту украденъ имъ у владѣльца.

— „Куда вы направлялись?...“ допрашивалъ его приставъ.

— „Въ Москву. Мнѣ не хватило денегъ ѣхать, — я принужденъ былъ итти пѣшкомъ,“ отвѣчалъ Донецкій.

Дѣйствительно, при обыскѣ у него найдено было всего нѣсколько десятковъ копѣекъ.

Само собою разумѣется, что событію этому становой придалъ необыкновенно важное значеніе. Онъ совершенно забылъ о мертвомъ тѣлѣ, найденномъ въ лѣсу, и съ небывалой энергіей принялся за розыски по дѣлу Донецкаго. Черезъ часъ, съ кучей понятыхъ, онъ былъ уже на Сербиновецкомъ вокзалѣ. Изъ комнаты станціоннаго жандарма вытащили чемоданчикъ, раскрыли его и съ ужасомъ увидѣли въ немъ кучу печатныхъ листовъ того же изданія. Какъ удалось Донецкому провезти эти прокламаціи черезъ русскую границу — не знаю. Начался тщательный пересмотръ всѣхъ его вещей. Найдена была книга, „Статистика“ Кольба, на переднемъ листѣ которой стояла надпись: „Владиміръ Мокріевичъ“.

Я не зналъ о случившемся, а между тѣмъ отъ Сербиновецкаго вокзала до Луки всего на всего восемь верстъ.

Часу въ третьемъ ночи я былъ разбуженъ необыкновеннымъ шумомъ. Открывъ глаза и лежа на кровати, я увидѣлъ передъ собою моего отца, стоящаго со свѣчею въ рукахъ, а на порогѣ комнаты фигуру станового пристава, одѣтаго въ дубленку и сербиновецкаго вокзальнаго жандарма — въ сѣрой шинели съ краснымъ шнуркомъ, спускавшимся по груди къ поясу, гдѣ висѣлъ револьверъ въ кожанномъ кобурѣ. И становой и жандармъ стояли въ комнатѣ въ форменныхъ фуражкахъ на головахъ.

— „Господинъ Мокріевичъ, сегодня (для станового было все еще сегодня, — видимо онъ не ложился спать въ эту ночь), сегодня пойманъ государственный преступникъ Донецкій. Противъ васъ имѣются улики, — мы должны произвести обыскъ.“

Все это сразу меня огорошило.

— „Сдѣлайте одолженіе“, проговорилъ однако я, стараясь быть вѣжливымъ и казаться возможно болѣе хладнокровнымъ, хотя въ эту минуту въ головѣ моей вихремъ проносился цѣлый рой мыслей.

„Какъ попался Донецкій? Нѣтъ ли чего нибудь запрещеннаго у меня?.. Кажется нѣтъ, а впрочемъ, — кто его знаетъ", думалъ я, вставая съ кровати и принимаясь поспѣшно одѣваться. Въ домѣ кромѣ меня и старика отца, были мои двѣ — тогда еще небольшія — сестры и прислуга. Братъ Иванъ былъ въ это время за границею. Матери тоже не было дома.

Начался обыскъ вещей, бумагъ, книгъ. Найдено было одно письмо, обратившее на себя вниманіе, въ которомъ говорилось очень много о „Іюпусѣ". Такъ называли мы Ходько, напоминавшаго своимъ обращеніемъ выведеннаго Викторомъ Гюго въ романѣ „Человѣкъ, который смѣется" извѣстнаго Люпуса, у котораго подъ личиною грубыхъ выходокъ скрывалось доброе сердце.

— „Что это за „Іюпусъ"?.. Кто это?.. спрашивалъ приставъ, читая письмо.

— „Такъ, пустяки", отвѣтилъ я, беря изъ его рукъ письмо. „Іюпусъ — латинское слово; въ переводѣ — значитъ волкъ."

— „А-а!.." многозначительно протянулъ приставъ. Онъ ничего не понималъ — это было очевидно. Но ему почему то не хотѣлось показать этого передъ мною и онъ оставилъ письмо. Прокламацій и запрещенныхъ книгъ у меня не оказалось, и только другое письмо, гдѣ упоминался петербургскій адресъ одной знакомой, было взято и пришито къ дѣлу.

Обыскъ кончился. Приступлено было къ составленію акта. Мы усѣлись во второй комнатѣ за большимъ дубовымъ столомъ, куда былъ поданъ, между прочимъ, самоваръ и приставъ, уславши понятыхъ крестьянъ изъ комнаты, принялся строчить бумагу.. Я подчивалъ его и сербиновецкаго жандарма чаемъ. Съ одной стороны, обыскъ, не давшій скверныхъ результатовъ, съ другой стороны, можетъ быть чай, развязалъ языкъ пристава и онъ сообщилъ мнѣ подробности ареста Донецкаго. Актъ былъ составленъ, я подъ нимъ подписался и становой сталъ собираться въ дорогу. Уже совсѣмъ свѣ-

тало, когда онъ съ жандармомъ и понятыми съѣхалъ со двора.

Отъ Луки Барской до уѣзднаго города тридцать верстъ. Становой отправился туда, что бы сдать начальству „государственнаго преступника“, пойманнаго имъ, и донести о всемъ происшедшемъ. Хотя при обыскѣ у меня не было ничего найдено, но одно мое знакомство — вполнѣ доказанное — съ Донецкимъ, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи, должно было достаточно компрометировать меня въ глазахъ начальства. Стаановой сдѣлалъ оплошность, не арестововъ меня. Уѣздное начальство могло оказаться предусмотрительнѣе и респорядиться о моемъ немедленномъ арестѣ. Предвидя это, я рѣшилъ уѣхать изъ дому какъ можно скорѣе. Но выѣзжать днемъ было неудобно .Мой отъѣздъ могли видѣть крестьяне, которымъ становой можетъ быть приказалъ даже слѣдить за мною. Поэтому я рѣшилъ дождаться ночи. Предоставляю судить всякому, — съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался я въ тотъ день солнечнаго заката! Наконецъ наступилъ вечеръ. Я сказалъ кучеру готовить лошадей и началъ собираться въ дорогу. Вдругъ послышался звонъ колокольчика и кто то подъѣхавъ къ нашимъ воротамъ, остановился. Сердце мое забилось. Поручивши узнать, кто пріѣхалъ, самъ я выскочилъ въ садъ и спрятался среди деревьевъ, твердо рѣшившись бѣжать хоть пѣшкомъ, разъ окажется, что пріѣхали за мною.

Нѣсколько минутъ спустя ко мнѣ подошелъ кучеръ и тихо прошепталъ: „Какой то панычъ пріѣхалъ. Васъ спрашиваетъ“.

— „Какой панычъ ? !“ недоумѣвалъ я. „Одинъ ?“

— „Одинъ. Въ очкахъ.“

Я вошелъ въ комнаты. На встрѣчу мнѣ поднялся со стула молодой человѣкъ нѣсколько выше средняго роста, съ синими консервами на глазахъ. Я внимательно всматривался въ лицо гостя, но оно мнѣ казалось совершенно незнакомымъ

— „Неужели не узнаете ?“ проговорилъ онъ·

— „Землеройка!“ воскликнулъ я тогда, узнавъ по голосу Лермонтова.

Лермонтовъ, состоявшій раньше въ кружкѣ петербургскихъ „чайковцевъ“ — около года тому назадъ — отдѣлился отъ нихъ и, пріѣхавши за границу, вошелъ въ организаціонныя отношенія съ цюрихскими „бакунистами“. Въ Цюрихѣ познакомился я съ нимъ при посредствѣ Ходько, прозвавшаго его, за конспиративное, таинственное поведеніе, „землеройкой“ или „гробокопателемъ“. Подъ этимъ прозвищемъ онъ и былъ извѣстенъ среди насъ. Лермонтовъ побрился и вслѣдствіе того сильно измѣнилъ свое лицо. Разговорившись съ нимъ, я узналъ, что адресъ мой онъ получилъ отъ Ивана, съ которымъ встрѣтился въ Швейцаріи уже послѣ моего отъѣзда. Теперь Лермонтовъ пробирался въ Петербургъ изъ Волочиска, съ австрійской границы, гдѣ онъ жилъ нѣкоторое время конспиративно, занимаясь организаціей контрабаднаго пути для перевозки нашихъ, бакунинскихъ изданій.

— „Ну, батенька, во время же вы заѣхали ко мнѣ!“ замѣтилъ наконецъ я и разсказалъ ему все, что у насъ случилось.

— „Плохо. А я было разсчитывалъ, прежде чѣмъ ѣхать въ Петербургъ, немного отдохнуть у васъ.“

Мы рѣшили вмѣстѣ бѣжать, и въ часу десятомъ или въ одинадцатомъ ночи выѣхали изъ дому, имѣя ввиду, попасть къ ночному поѣзду, шедшему изъ Волочиска въ Кіевъ.

Приближаясь къ Волковинецкому вокзалу (на Сербиновцы, само собою разумѣется, мы не рѣшались ѣхать) Лермонтовъ мнѣ замѣтилъ:

— „Смотрите же, въ вокзалъ войдемъ отдѣльно и не будемъ показывать вида, что мы знакомы. Такъ меньше обратимъ на себя вниманія. Если и арестуютъ одного изъ насъ, то другой можетъ уцѣлѣть.“

Этотъ совѣтъ я нашелъ благоразумнымъ. Лермонтовъ пошелъ первый. Четверть часа спустя, вошелъ и я за нимъ. Въ это время уже ожидался поѣздъ и зала была

освѣшена. Послѣ наружней темноты, свѣтъ лампъ непріятно рѣзалъ мнѣ глаза. Но вотъ я осмотрѣлся. Публика суетилась и бѣгала взадъ и впередъ; среди нея съ важностью расхаживалъ и страшилище — жандармъ. Однако, гдѣ же „гробокопатель“? Въ одномъ изъ болѣе темныхъ угловъ зала, на скамьѣ, сидѣлъ Лермонтовъ, но... боже мой, боже мой, на кого только онъ былъ похожъ! „Преступникъ!“ чуть не кричала каждая складка его платья. Черная, ноярковая шляпа на головѣ, сѣрый пледъ на плечахъ и синіе очки на носу!.. Какъ есть всѣ атрибуты нигилизма!.. „Преступникъ... Преступникъ... Съ такимъ видомъ далеко не уѣдешь“, мысленно повторялъ я, и съ этого перваго дня моей нелегальности, твердо рѣшилъ держаться совершенно другихъ пріемовъ. Я затерся въ толпѣ.

Наконецъ нашъ поѣздъ пришелъ. Не показывая вида, что мы знакомы, мы усѣлись въ одинъ вагонъ и поѣхалъ. Только потомъ, дорогою, убѣдившись, что за нами никто не наблюдаетъ, мы подсѣли другъ къ другу и стали бесѣдовать. Лермонтовъ считался болѣе опытнымъ конспираторомъ, чѣмъ я, такъ какъ онъ былъ уже до этого „нелегальнымъ“, т. е. жилъ не по своимъ документамъ, а потому мой взглядъ на то, какъ слѣдовало держать себя скрывавшемуся, не могъ быть авторитетнымъ для него.

Утромъ слѣдующаго дня мы были уже въ Кіевѣ. Передавши мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который взялся перевезти черезъ границу пуда два книгъ „Государственность и Анархія“, Лермонтовъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и былъ арестованъ на квартирѣ той самой нашей общей знакомой, чей адресъ былъ взятъ у меня при обыскѣ. Это была большая неосторожность съ его стороны, такъ какъ я ему объ этомъ говорилъ и слѣдовательно онъ долженъ былъ ожидать тамъ обыска.

На второй или третій день послѣ моего отъѣзда изъ Луки, въ нашъ домъ являлся жандармскій офицеръ изъ уѣзднаго города, съ цѣлью арестовать меня, но не за-

ставши, далъ объ этомъ знать высшему начальству, которое не замедлило разослать повсюду секретное предписаніе о моемъ задержаніи. Съ этого момента меня стали разыскивать. Арестованнй же Лермонтовъ былъ привлеченъ къ дознанію и года черезъ два или три умеръ въ тюрьмѣ, въ такъ называемомъ Литовскомъ Замкѣ, въ Петербургѣ. Что касается до участи Донецкого то она была не менѣе печальна. Онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и весною 1875 года приговоренъ судомъ къ пяти годамъ каторги, хотя все преступленіе его сводилось лишь къ перевозкѣ черезъ границу пучка прокламацій, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить даже одного экземпляра. Донецкій былъ засаженъ въ централку (Харьковской губ.), гдѣ сошелъ съ ума и откуда былъ вывезенъ въ Сибирь сумашедшимъ въ 1881 году, отсидѣвъ, такимъ образомъ, больше того срока, къ которому былъ приговоренъ. Я позволилъ себѣ уклониться здѣсь и забѣжать нѣсколько впередъ, что бы закончить исторію этихъ двухъ лицъ, павшихъ жертвою преслѣдованій нашаго правительства, а теперь возвращусь къ прерванному разсказу.

Пріѣхавши въ Кіевъ въ ноябрѣ 1873 года, я засталъ тамъ два кружка, или двѣ революціонныя группы.

Одинъ кружекъ, состоявшій изъ 6 — 7 человѣкъ, не представлялъ собою ничего экстраординарнаго. То была обыкновенная организація съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ уставомъ и извѣстными требованіями отъ своихъ членовъ, находившаяся въ сношеніяхъ съ петербургскимъ кружкомъ „чайковцевъ“ и одесскимъ кружкомъ Волховского. Отчасти кружекъ этотъ являлся какъ бы продолженіемъ того, который существовалъ въ Кіевѣ раньше и о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, называя его кружкомъ „кіевскихъ чайковцевъ“. Дѣятельность этого кружка въ 73 году выражалась главнымъ образомъ въ пропагандѣ соціалистическихъ идей среди молодежи, подобно тому, какъ и два года тому назадъ, съ той разницей, что тогда пропаганда эта велась при помощи такихъ книгъ, какъ „Азбука Соціаль-

ныхъ Наукъ“ и сочиненій Лассаля а теперь — „Капитала“ Маркса. Другой практической задачей кружка была пропаганда среди рабочихъ при помощи распространенія и чтенія революціонныхъ брошюръ въ родѣ „Исторіи Французскаго Крестьянина“, „Бунта Стеньки Разина“, „Емельки Пугачева“ и тому подобныхъ. Съ появленіемъ заграничной подпольной прессы практическимъ дѣломъ являлось также книжное дѣло т. е. перевозка черезъ границу запрещенныхъ книгъ и ихъ сохраненіе. Впрочемъ, контрабандной перевозкой книгъ кіевская группа чайковцевъ, на сколько мнѣ извѣстно, не занималась, и это дѣло велось, кажется, только питерцами, да одесскимъ кружкомъ Волховского.

Вторая кіевская группа представляла собою необыкновенно типичное учрежденіе, носившее названіе „коммуны“ и о ней мнѣ хочется сказать нѣсколько подробнѣе. Но я долженъ вначалѣ же оговориться, что къ „кіевской коммунѣ“ рѣшительно не подходитъ названіе кружка или группы; „коммуна“ даже не обладала опредѣленнымъ составомъ членовъ; напротивъ, тамъ постоянно смѣнялись лица: однѣ пріѣзжали, другія въ это время уѣзжали, или же попросту уходили пѣшкомъ. По обвинительному акту „О дѣлѣ 193-хъ“ въ числѣ членовъ „кіевской коммуны“ упоминаются: Брешковская, Стефановичъ, Фишеръ, Аксельродъ, братья Левентали и много другихъ лицъ. Но Брешковская прожила въ „коммунѣ“ всего мѣсяца три-четыре, Фишеръ и того меньше, а Стефановича пребываніе въ „коммунѣ“ измѣряется просто таки днями; между тѣмъ, какъ сама „коммуна“ просуществовала болѣе года (1873 — 74 г.). Что же касается до Аксельрода, братьевъ Левенталей и Кампнеръ, то они входили въ составъ кружка „кіевскихъ чайковцевъ“, о которыхъ я только что говорилъ и уже потому одному не могли быть членами „коммуны“. Въ „коммунѣ“ всѣ дѣлились другъ съ другомъ средствами, ѣли за однимъ столомъ, а на покупку продуктовъ, равно какъ и на расходы по квартирѣ деньги давали тѣ, кто ихъ имѣлъ. Тамъ можно было поселиться и жить

чуть не всякому: для этого достаточно было простое знакомство съ кѣмъ либо изъ живущихъ. Рекомендацій ни отъ кого не требовалось. Благодаря такимъ условіямъ въ „коммуну проникли въ 74 г. сначала Ларіоновъ и Польгеймъ, а затѣмъ и Гориновичъ. Эти три человѣка жестоко отплатили въ послѣдствіи за то гостепріимство, которое было оказано имъ въ „коммунѣ". Будучи арестованы, они выдали всѣхъ, кого только тамъ встрѣчали и дали немало ложныхъ показаній, компрометировавшихъ другихъ; но сверхъ всего этого своимъ предосудительнымъ поведеніемъ въ нравственномъ отношеніи, выяснившемся при дознаніи, дали оружіе въ руки жандармамъ, стремившимся во что бы то ни стало бросить грязью въ „коммуну". „Коммуна была наказана за свою неорганизованность; но строго говоря, обвинять за то, что туда попалъ Ларіоновъ такъ же было бы не кого, какъ некого въ частности обвинять за тѣхъ мошенниковъ, которые существуютъ вообще на свѣтѣ.

И такъ, „кіевская коммуна" не представляла собою никакой организаціи. Всякій на нее смотрѣлъ какъ на такое мѣсто, куда онъ могъ зайти передохнуть день-другой, а то и недѣлю, съ тѣмъ, что бы потомъ опять „итти въ народъ", или куда ему нужно было. „Коммуна" исполняла назначеніе революціонной станціи, являлась мѣстомъ взаимныхъ встрѣчъ — неболѣе, и никто ничего другого не требовалъ отъ этого учрежденія. Но за то — кто только не перебывалъ тамъ? Не разъ у воротъ дома Леминскаго, гдѣ во флигелѣ помѣщалась „коммуна", останавливалась карета и изъ нея выходила разодѣтая барыня: это пріѣзжала „либералка" для какихъ то переговоровъ и пріѣзжала въ закрытой каретѣ, что бы по дорогѣ никто не могъ ее узнать. Одновременно съ этимъ сюда же заходили плотники Гаврило и Анисимъ, для того что бы послушать чтеніе революціонныхъ брошюръ. Тутъ можно было слышать длинныя рѣчи Каблица, развивающаго народническіе принципы такъ какъ къ этому времени онъ уже отказался отъ якобинскихъ возрѣній и сдѣлался анархистомъ-народникомъ;

тутъ раздавалось и энергичное, искреннее слово Екатерины Брешковской, и умное замѣчаніе Сергѣя Ковалика.

Вотъ въ одной комнатѣ сидитъ у окна В. и рѣжетъ на камнѣ съ помощью обыкновеннаго шила печать для подложнаго паспорта; онъ ее рѣжетъ съ большимъ искусствомъ; и всѣ это видятъ, онъ ни отъ кого не скрываетъ: видитъ и Каблицъ, и Гаврило, и Анисимъ. А въ углу той же комнаты подъ секретомъ и съ большими предосторожностями Р-ичъ сообщаетъ мнѣ какіе то пустяки. Р-ичъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга и держитъ себя съ таинственной важностью, какъ, по его мнѣнію, подобаетъ столичному конспиратору. Здѣсь можно было видѣть чахоточнаго слесаря Кокушкина, доживающаго послѣднія мниуты своей жизни, — одного изъ замѣчательно прекрасныхъ людей. Здѣсь же вы могли встрѣтить Марію Колѣнкину, сосланную впослѣдствіи въ каторжныя работы; Судзиловскаго и Чернышева, вынужденныхъ бѣжать за границу въ 74 году; Николая Стронскаго, умершаго года черезъ полтора въ петербургской тюрьмѣ; Ивана Ходько, умершаго въ ссылкѣ, — и много-много другихъ лицъ, такъ или иначе пострадавшихъ и сдѣлавшихся жертвами правительственныхъ преслѣдованій.

Если исключить Ларіонова, Польгеймъ и Горинович, временное присутствіе которыхъ въ „коммунѣ“ объясняется ничѣмъ инымъ, конечно, какъ ея неорганизованностью — то въ общемъ, не смотря на постоянную смѣну лицъ, не смотря даже на отсутствіе организаціи — духъ времени все таки клалъ свою печать и придавалъ довольно опредѣленную физіономію „коммунѣ“. Къ характеристикѣ этой физіономіи я теперь и перехожу.

„Коммуна во многомъ представляла противуположность „кіевскимъ чайковцамъ“.

Для „чайковцевъ“ наука составляла все. Забавно было видѣть, какъ иной разъ рѣшали они самый несложный, обыденный вопросъ и вкривь, и вкось только потому, что хотѣли рѣшить его непремѣнно по наукѣ.

Старанія эти походили на то, какъ если бы вздумалъ кто нибудь для поднятія пшеничнаго зерна примѣнить сложную систему рычаговъ.

„Коммуна“ хохотала надъ этимъ идолопоклонствомъ. По ея мнѣнію, только жизнь могла научить чему либо. Съ необычайной легкостью она разрѣшала самые сложные, запутанные вопросы, разрубая съ самоувѣренностью Александра Македонскаго тамъ, гдѣ не въ состояніи была развязать.

Для „чайковцевъ“ прежде, чѣмъ приступить къ практическому дѣлу, необходимо было всѣ вопросы рѣшить научно, и такъ какъ сама наука многихъ вопросовъ еще не рѣшила, то въ поискахъ за рѣшеніями предвидѣлось затратить многіе годы.

„Коммуна“ утверждала, что къ практическому дѣлу надо приступить немедленно. Всякое откладываніе или проволочка есть преступленіе, да, наконецъ, на сколько времени не откладывай — все равно всѣхъ вопросовъ не рѣшишь. Поэтому учиться излишне — напрасная трата времени; а нѣкоторые договорились даже до того, что было бы недурно забыть и то, чему раньше выучились, такъ какъ интеллигентность только мѣшала омужиченью и полному сліянію съ народной массой.

Въ вопросѣ организаціонномъ „чайковцы“ были осмотрительны. Новопоступавшему приходилось выдержать искусъ: они требовали отъ него извѣстнаго умственнаго и нравственнаго ценза.

Въ „коммунѣ“ держались, примѣрно, такого пріема: „Согласенъ немедленно итти въ народъ?“ — „Согласенъ“! — „Значитъ, ты — нашъ“. Но почему, зачѣмъ согласенъ, и что тамъ въ народѣ будешь дѣлать — даже такіе существенные вопросы считались уже лишними. „Въ частностяхъ, де, столкуемся потомъ“.

Конечно, въ своей характеристикѣ я беру лишь крайнія мнѣнія, какъ онѣ высказывались тогда въ этихъ двухъ группахъ. И съ одной и съ другой стороны были лица, не договаривавшіеся до концовъ.

Средній уровень развитія „кіевскихъ чайковцевъ“

былъ выше. Попасть въ ихъ кружекъ круглому дураку было невозможно. Въ „коммунѣ“ были очень умные, а рядомъ съ ними и довольно ограниченные люди, какъ напримѣръ Гориновичъ и Польгеймъ. Между „кіевскими чайковцами“ не нашлось Ларіонова, но за то, съ другой стороны, не было и Брешковской.

Пріѣхавши въ Кіевъ, я поселился въ „коммунѣ“. „Коммуна“ мнѣ понравилась, понятно почему: я самъ сильно походилъ въ то время на начиненную бомбу, готовую ежеминутно взорвать. Дѣйствительно, недѣли двѣ-три спустя я жилъ уже на Подолѣ (такъ называется часть города Кіева, находящаяся возлѣ Днѣпра) въ грязной, вонючей комнатѣ, занимаемой артелью плотниковъ. Попалъ я туда при помощи плотника Гаврилы, распропагандированнаго Аксельродомъ, членомъ кружка „кіевскихъ чайковцевъ“. Я обладалъ порядочной физической силой; къ ручному труду у меня раньше была пріобрѣтена снаровка. Купленъ былъ топоръ, отостренъ какъ слѣдуетъ, и началъ я тесать „по шнуркѣ“ еловыя бревна. Скоро я подучился немного владѣть топоромъ. Бывало, смажешь мѣломъ „шнурку“ (такъ называется бичевка, употребляемая при тесаніи бревенъ), натянешь на бревно, стукнешь ею по бревну и, по полученной бѣлой чертѣ, тешешь. Приходилось „снускать на нѣтъ“ — я „на нѣтъ спускалъ“. Только вотъ „затесать въ замокъ“ не умѣлъ, да такъ и не выучился я тому искусству. Впрочемъ, я не задавался этой цѣлью: въ плотничью артель я поступилъ главнымъ образомъ потому, что зимою неудобно было отправляться по деревнямъ. Городской рабочій людъ меня не особенно интересовалъ; я мечталъ о деревнѣ. Проработавъ нѣкоторое время, я познакомился съ артельными порядками, и они мнѣ не понравились. Въ артели было человѣкъ восемнадцать и въ это число уже входили: распропогандированный „большакъ“ Гаврило и хозяинъ Анисимъ. Гаврило на правахъ старшаго все время болтался безъ дѣла. Анисимъ тоже, заложивъ руки въ карманы, только погуливалъ среди еловыхъ бревенъ. Онъ умѣлъ безъ помощи рукъ осо-

бымъ взмахомъ головы надвигать на лобъ свою мѣховую шапку, подчасъ, бывало, до того низко, что закрывалъ себѣ глаза; но это Анисимъ умѣлъ и поправить: мотнетъ, бывало, головой же и шапка очутится на мѣстѣ. И такъ весь день. Эти двѣ привилегированныя особы разнообразили свое время тѣмъ, что иногда исчезали куда то, а спустя часъ или два возвращались съ глазами налитыми, кровью. Рабочіе сверхъ квартиры и ѣды почти ничего не получали. Объяснялось это тѣмъ, что домохозяинъ, которому мы строили амбаръ, почему то удерживалъ деньги. Вначалѣ это было дѣйствительно такъ и рабочіе молчали. Но когда Анисимъ и Гаврило, получивъ какъ то сорокъ рублей, успѣли растранжирить эти деньги по кабакамъ, то артель возроптала. Произошли враждебныя столкновенія между рабочими и ихъ артельными хозяевами. Я себя чувствовалъ болѣе чѣмъ неловко; я негодовалъ. Гаврило, этотъ распропагандированный Гаврило, оказывался въ моихъ глазахъ эксплуататоромъ! Положимъ, я зналъ, что ни Анисимъ, ни Гаврило денегъ не утаили, а просто на просто пропили ихъ, но отъ этого рабочимъ было не легче. Я негодовалъ. Принялся упрекать Гаврилу. Но Гаврило, особенно въ пьяномъ видѣ, былъ окончательно невыносимъ. Наслушавшись отъ насъ же всевозможныхъ похвалъ по адресу рабочихъ, онъ, въ качествѣ рабочаго, въ такія минуты проникался необыкновеннымъ самомнѣніемъ. — „Я — Стенька Разинъ!“ кричалъ, бывало, онъ, выпучивъ на меня свои большіе, свѣтло-сѣрые глаза и ударяя себя кулакомъ въ грудь. Надо сказать, что въ тѣ времена при сношеніяхъ съ рабочими у пропагандистовъ практиковался весьма фальшивый пріемъ. „Вы — краеугольные камни будущаго строя“, нашептывали они рабочему. „Вы — революціонеры!.. Рабочіе — герои! А мы, интеллигенція, ни къ чему негодны. Мы, дворяне, всѣ дрянь...“ и прочее въ такомъ родѣ. Этотъ пріемъ былъ логическимъ слѣдствіемъ нашихъ міровоззрѣній: идеализаціи народа и того лассалевскаго взгляда на исторію, по которому въ настоящее время рабочее сосло-

віе является носителемъ прогресса и нравственности, равно какъ привилегированныя сословія — носителями реакціи и безнравственности. Понятно, стало быть, что у многихъ пропагандируемыхъ рабочихъ, наслушавшихся подобныхъ взглядовъ, вскружились головы и они возмнили о себѣ невѣсть какъ высоко. Такого рода деморализаціи подвергся въ сильной степени и бѣдный Гаврило. Въ сущности простой и добрый человѣкъ, онъ мало по малу заразился манією величія, по счастію, однако, проявлявшейся у него только въ пьяномъ видѣ; въ такія минуты онъ оралъ, ругался, лѣзъ ко всѣмъ въ драку и наконецъ, до того разъ какъ то надоѣлъ одному плотнику, что тотъ его поколотилъ.

IV

СЕРГѢЙ КОВАЛИКЪ. — ОБЫСКЪ ВЪ „КОММУНѢ". САПОЖНАЯ МАСТЕРСКАЯ.

Въ то время какъ я плотничалъ въ артели, въ январѣ или февралѣ 74 года, въ Кіевъ пріѣхалъ Коваликъ. Я былъ близко знакомъ съ нимъ, такъ какъ онъ состоялъ членомъ американскаго кружка, и зналъ поэтому впередъ, что его прибытіе сильно оживитъ нашу среду.

Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, если не ошибаюсь, въ 1870 году, а можетъ годомъ раньше, выдержалъ экзаменъ при кіевскомъ университетѣ на степень кандидата математическихъ наукъ и одно время думалъ получить кафедру по математикѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга; но, увлёкшись другими мыслями и цѣлями, онъ оставилъ на всегда свою ученоматематическую карьеру. Въ 1872 году въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губ., его выбрали мировымъ судьей, а потомъ онъ былъ даже предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Въ этотъ періодъ времени онъ близко познакомился съ Екатериной Брешковской (родители ея

были помѣщиками Мглинскаго уѣзда), принимавшей тогда горячее участіе въ дѣлахъ мѣстнаго земства. Попытка Ковалика работать на легальной почвѣ окончилась, однако неудачей, такъ какъ его избраніе не было утверждено въ Петербургѣ. Принужденный оставить городъ Мглинъ, онъ послѣ этого окончательно отдался революціонной агитаціи. Подобно ему и Брешковская скоро устранилась отъ участія въ дѣлахъ земства и занялась мыслью устроить земледѣльческую колонію въ родѣ нашей „американской коммуны“, съ той разницей, что предполагала это осуществить въ самой Россіи. Но такъ какъ при русскихъ политическихъ порядкахъ подобная затѣя была, очевидно, неосуществима, то уже къ концу 73 года Брешковская отказалась отъ нея и тоже всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности.

Коваликъ обладалъ блестящими способностями и мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать кого либо другого, кто — какъ онъ — умѣлъ бы съ такимъ искусствомъ заинтересовать всякого своей бесѣдой и съ такой быстротой входить въ умственные интересы собесѣдника. Въ нашемъ кружкѣ, среди близко знавшихъ его товарищей, онъ пользовался репутаціей весьма умнаго человѣка, и въ этомъ, конечно не было ничего удивительнаго. Но удивительно было то, что подобную репутацію онъ завоевывалъ рѣшительно всюду, куда не появлялся. Я не забуду того случая, какъ однажды на вечерѣ у одного исправника, отставного военнаго, Коваликъ привелъ послѣдняго въ восторгъ своими остроумными сопоставленіями и разсужденіями не болѣе не менѣе, какъ о маршировкѣ! „Замѣчательный человѣкъ!“ восклицалъ потомъ исправникъ, вспоминая о немъ. На самомъ дѣлѣ гибкость его ума была изумительна. Съ необыкновенной легкостью приспособлялся онъ къ собесѣднику и, ставши на его точку зрѣнія, не возражалъ прямо, а дѣлалъ только вставки и поясненія, неминуемо, однако, приводившія къ выводу, какой былъ желателенъ ему. Его споръ всегда былъ оригиналенъ и, какъ бы не былъ горячъ, рѣдко сопровождался шумомъ и громомъ. какъ это бывало у другихъ. Коваликъ ѣздилъ

на короткое время за границу и, возвратившись оттуда, энергично принялся за организацію революціонныхъ кружковъ среди молодежи, перебывавши за самое короткое время въ очень многихъ городахъ. Онъ посѣтилъ Харьковъ, Кіевъ и Одессу, всюду агитируя и ведя пропаганду въ пользу своей программы: онъ былъ сторонникомъ бунтовской программы. Уѣхавши въ февралѣ или мартѣ изъ Кіева въ Петербургъ, онъ группируетъ тамъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ съ ними отправляется въ маѣ 74 года на Волгу для дѣятельности въ народѣ. По пути, однако, останавливается въ Москвѣ и здѣсь ведетъ агитацію среди студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ Москвы ѣдетъ въ Ярославль, что бы попытаться организовать кружокъ среди ярославскихъ лицеистовъ. Изъ Ярославля направляется по порядку: въ Кострому, Нижній Новгородъ, Казань, беря адреса отъ однихъ къ другимъ и всюду призывая молодежь итти въ народъ для революціонной дѣятельности.

На Волгѣ Коваликъ работаетъ вмѣстѣ съ другими двумя замѣчательными людьми — Порфиріемъ Войнаральскимъ и Дмитріемъ Рогачевымъ. Будучи человѣкомъ со средствами, Войнаральскій помогаетъ всюду: онъ устраиваетъ мастерскія въ Москвѣ и Саратовѣ, гдѣ бы можно было революціонерамъ изучать ремесла и потомъ итти въ народъ въ качествѣ ремесленниковъ; заводитъ притоны въ Саратовѣ, Самарѣ, Пензѣ, для того что бы революціонеры могли находить убѣжища во время преслѣдованій со стороны полиціи; даетъ деньги на перевозку книгъ изъ за границы. Наконецъ, онъ входитъ въ соглашеніе съ Ипполитомъ Мышкинымъ, державшимъ легальную типографію въ Москвѣ, и этотъ послѣдній начинаетъ перепечатывать у себя запрещенныя брошюры. Такъ перепечатываются; „Исторія одного французскаго крестьянина“ „Чтой то братцы“ и много другихъ нелегальныхъ произведеній, и цѣлыми тюками, въ видѣ неброшюрованныхъ листовъ, доставляются изъ Москвы въ Самару, Саратовъ, Пензу и даже въ Петербургъ. Вой-

наральскій открыто читаетъ на сходкахъ крестьянъ революціонныя брошюры и зоветъ ихъ къ возстанію. Что касается Рогачева, то онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ Пензѣ и Саратовѣ; но во время арестовъ 74 года пошелъ въ качествѣ бурлака внизъ по Волгѣ и съ тѣхъ поръ на долго былъ потерянъ изъ виду товарищами. Благодаря его необыкновенной физической силѣ и ловкости, съ которой онъ избѣгалъ арестовъ, одно время о немъ ходили разсказы среди революціонной молодежи, совершенно какъ о какомъ нибудь мифическомъ героѣ.

Революціонное движеніе 1873 — 74 годовъ, охватившее массу русской молодежи, развивалось одновременно въ очень многихъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи; Прокуроръ саратовской судебной палаты, Жихаревъ, которому поручено было разслѣдованіе всего дѣла, открылъ, какъ извѣстно, слѣды „преступной дѣятельности“ пропогандистовъ болѣе чѣмъ въ тридцати губерніяхъ: всюду пропогандировали, организовались въ кружки, шли въ народъ... Но, безъ всякаго сомнѣнія, шире всего поставлено тогда было дѣло на Волгѣ, благодаря именно этимъ тремъ личностямъ: Ковалику, Войнаральскому и Рогачеву, которые вмѣстѣ съ Ипполитомъ Мышкинымъ являются какъ бы центральными фигурами движенія 73 и 74 годовъ, а равно и во время процесса, получившаго названіе „большаго процесса“ или „процесса 193 хъ“. Я назвалъ ихъ „центральными фигурами“, тогда какъ слѣдовало бы правильнѣе назвать: „типичными представителями движенія“, ибо движеніе 73 — 74 годовъ далеко не было централизованнымъ и прошло широкимъ неорганизованнымъ потокомъ. Во время процесса къ этимъ четыремъ человѣкамъ приставлена была спеціальная стража и въ залѣ суда они были даже разсажены отдѣльно отъ остальныхъ подсудимыхъ. Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій и Рогачевъ признаны были судомъ главными иниціаторами и составителями этого огромнаго заговора, — котораго въ дѣйствительности не существовало — якобы имѣвшаго свои развѣтвленія

чуть ли не по всей Россіи, и всѣ четверо были приговорены къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ и посажены въ центральную тюрьму Харьковской губерніи.

Въ 1874 году Сергѣй Ковалик имѣлъ не болѣе 26-ти лѣтъ. Онъ былъ нѣсколько выше средняго роста. На толстой шеѣ, составлявшей одну прямую линію со спиною, что придавало весьма характерный видъ всей его крѣпкой фигурѣ, посажена была голова съ необыкновенно большимъ, высокимъ лбомъ. Матово-блѣдное лицо съ скудной растительностью плохо гармонировало съ его сильнымъ корпусомъ, а небольшіе голубые глаза далеко не выражали той неутомимой энергіи, какой онъ обладалъ на самомъ дѣлѣ.

Съ пріѣздомъ Ковалика въ Кіевъ, я часто приходилъ изъ артели и цѣлые вечера проводилъ въ „коммунѣ“, гдѣ онъ тогда остановился и куда сходились и другіе кіевскіе радикалы. То было необыкновенно оживленное время. Помню, какъ то поднялась бесѣда о томъ, подъ какимъ видомъ удобнѣе всего итти въ народъ. Ковалик высказалъ мнѣніе, что самое удобное отправляться подъ видомъ ремесленника и предложилъ при этомъ приступить къ изученію какого нибудь ремесла.

— „Какого же, однако?“ допытывался одинъ изъ присутствующихъ.

— „Это все равно... Ну, хоть сапожничество“, отвѣтилъ тотъ.

— „Сапожничество? Помилуйте!...“ воскликнулъ вдругъ оппонентъ. „Да вѣдь это занятіе страшно разрушаетъ здоровье! Доказано, что почти всѣ сапожники страдаютъ печенью.“

— „Въ такомъ случаѣ — кузнечество...

— „Развѣ вамъ не извѣстно, что угольная пыль разрушаетъ легкія? По изслѣдованіямъ такого то (тутъ приведенъ былъ какой то медицинскій авторитетъ) — кузнецы, равно какъ и слесаря, часто кончаютъ чахоткой.“

— “Столярство“... заикнулся было Ковалик.

Но и столярство оказалось ремесломъ вреднымъ; дре-

весная пыль тоже разрушала что то. Оппонентъ зналъ о разрушительномъ вліяніи ремеселъ на человѣческій организмъ и на этой почвѣ, видимо, разсчитывалъ побѣдить противника.

— „Всѣ ремесла оказываются негигіеничными“, проговорилъ Коваликъ, „но едва ли есть что либо менѣе гигіеничное, чѣмъ занятіе революціонера“.

Ударъ вышелъ совершенно неожиданный. Присутствующіе засмѣялись, а сконфуженный оппонентъ замолчалъ. Рѣшили устроить въ ближайшемъ будущемъ столярную мастерскую.

Приходя изъ артели, я засиживался, бывало, въ „коммунѣ“ до полуночи, а иногда даже ночевалъ. Разъ какъ то, оставшись на ночь, на разсвѣтѣ я былъ разбуженъ Ивановой, сестрой Брешковской (вскорѣ потомъ умершей), шептавшей мнѣ на ухо: Вставайте скорѣе!.. Въ домѣ полиція“. Я вскочилъ на ноги. По счастью я спалъ въ кухнѣ, а обыскъ, производимый жандармами начатъ былъ съ комнатъ. Тѣмъ не менѣе я былъ въ западнѣ, такъ какъ кухня находилась въ самой глубинѣ корридора и изъ нея былъ только одинъ выходъ — черезъ этотъ же корридоръ; между тѣмъ какъ корридоръ такъ и комнаты, размѣщенныя по обѣимъ сторонамъ его, были полны полиціи, жандармовъ и понятыхъ. Я взглянулъ въ окно, выходившее въ огородъ, засыпанный снѣгомъ. Домъ не былъ оцѣпленъ и можно было бы пожалуй бѣжать черезъ окно, если бы дѣло не происходило зимою: окно было двойное, приходилось его ломать. Кажется Иванова же дала мнѣ совѣтъ уходить прямо черезъ корридоръ. Въ эту пору (по утрамъ) обыкновенно водовозы развозили воду по домамъ и меня легко могли принять за водовоза. Я накинулъ полушубокъ и вышелъ въ корридоръ. Тутъ толпились нижніе полицейскіе и жандармскіе чины. Благодаря моему костюму, они, видимо, приняли меня за простого рабочаго, а такъ какъ обыскъ производился у „студентовъ,“ то имъ даже въ голову не пришло остановить меня и спросить — кто я. Оглянувъ меня, они разступились. Поровнявшись съ ними, я по-

чтительно снялъ шапку и искоса посмотрѣлъ внутрь комнаты, двери которой были настежь открыты. Я увидѣлъ тамъ товарищей въ перемѣшку съ начальствомъ. Ковалик объяснялся съ какимъ то господиномъ одѣтымъ въ штатскій костюмъ, повидимому прокуроромъ. Когда я проходилъ, полицейскіе и жандармы посторонились и я вышелъ во дворъ. По двору я прошелъ медленнымъ шагомъ, но когда выбрался, наконецъ, за ворота на улицу и увидѣлъ, что тамъ не было ни одного полицейскаго, который могъ бы наблюдать за мною, то стремглавъ пустился бѣжать на Подолъ, гдѣ помѣщалась артель. Таковы были нравы въ то время. Годъ спустя, подобный побѣгъ былъ бы уже рѣшительно невозможенъ, такъ какъ весь домъ былъ бы, конечно оцѣпленъ и у воротъ стояла бы полиція, да, наконецъ, просто таки не выпустили бы изъ дому не только меня, а даже настоящаго водовоза, прежде чѣмъ не удостовѣрились бы въ его личности.

Выше я сообщилъ, что Лермонтовъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ мнѣ адресъ волочискаго контрабандиста, который обязался перевезти черезъ границу пуда два книгъ „Государственность и анархія". Я ѣздилъ тогда же въ Волочискъ и видѣлся съ этимъ контрабандистомъ; но такъ какъ книги не были еще перевезены, то я ему оставилъ адресъ Судзиловскаго, по которому онъ долженъ былъ увѣдомить, какъ только книги будутъ доставлены имъ въ условленное мѣсто. Этотъ адресъ не извѣстно какимъ образомъ попалъ въ руки пограничной полиціи, которая не замедлила, само собою разумѣется, дать знать въ Кіевъ, что и послужило поводомъ къ обыску въ „коммунѣ", гдѣ жилъ Судзиловскій. По счастью, однако, когда явились съ обыскомъ, его не застали, а потому не могли арестовать. На сколько припоминаю, онъ въ ту минуту былъ въ Одессѣ, куда ѣздилъ для переговоровъ съ однимъ кружкомъ, разыскивавшимъ подходящаго человѣка для отправки въ Самарскую губернію, гдѣ въ это время свирѣпствовалъ голодъ. Судзиловскій вошелъ въ соглашеніе съ этимъ кружкомъ и

предполагалъ устроить свою поѣздку въ Самарскую губ. весною, что бы собрать на мѣстѣ подробныя свѣдѣнія о голодѣ и, возвратившись, дать отчетъ передъ кружкомъ. Но, прибывши изъ Одессы въ Кіевъ и узнавши о томъ, что кіевская полиція его розыскиваетъ, онъ рѣшилъ поторопиться съ отъѣздомъ на Волгу. И такъ какъ все таки уѣхать нельзя было ему ранѣе нѣсколькихъ дней, онъ на это время поселился со мною въ артели, находя, что тамъ для него безопаснѣе. Такимъ образомъ, обыскъ въ „коммунѣ не принесъ никому существеннаго вреда.

Между тѣмъ дѣла въ артели въ революціонномъ отношеніи шли какъ нельзя болѣе скверно. Гаврило пьянствовалъ и кричалъ: „Я — Стенька Разинъ!“, а хозяинъ Анисимъ, котораго мы тоже вздумали было развивать, только головой моталъ. Что же касается до остальныхъ плотниковъ, то они, видимо, сторонились насъ: отчасти они были замучены трудомъ, такъ какъ работать приходилось буквально отъ зари до сумерекъ, и потому представляли изъ себя народъ крайнѣ индифферентный, ни о чемъ не думающій кромѣ отдыха, ѣды, бани и т. п. предметовъ; отчасти же они отгадывали, что мы были „не ихъ поля ягоды“ и потому избѣгали насъ. Я было предложилъ Гаврилѣ бросить эту артель и вмѣстѣ поступить рабочими къ одному подрядчику на Печерскѣ (часть города, гдѣ находится Лавра и крѣпость), гдѣ было больше ста плотниковъ и о которыхъ ходили слухи, будто они были недовольны своимъ подрядчикомъ и собирались даже бунтовать. Но Гаврило отказался. Безъ Гаврилы же я не рѣшался поступить, такъ какъ не вполнѣ владѣлъ ремесломъ и боялся очутиться одинъ среди незнакомыхъ плотниковъ. Поэтому я былъ весьма радъ, когда, наконецъ наступило время отъѣзда Судзиловскаго. Мы артель оставили и съ тѣхъ поръ я назадъ не возвращался и даже не встрѣчался болѣе ни съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ плотниковъ. Гаврилы я тоже не видѣлъ, и только впослѣдствіи услыхалъ о немъ страшную вѣсть: во время какой то работы на него упало огромное бревно и по-

ломало ноги. Врачи отрѣзали ему обѣ ноги и онъ остался калѣкой. Бѣдный Гаврило! Не разъ чудилось мнѣ потомъ, что я вижу передъ собою ползущаго на рукахъ по улицѣ калѣку съ двумя уродливыми обрубками вмѣсто ногъ, завороченными въ грязныя тряпки. Вотъ онъ останавливается передъ прохожимъ, садится на краю тротуара и, протянувъ руку впередъ, устремляетъ на него свой просящій взоръ. И вижу я передъ собою опять тѣ же хорошо знакомые мнѣ огромные, свѣтло-сѣрые глаза, ту же рыжую бородку и волосы скобкой съ проборомъ на боку. Я вижу передъ собою это добродушное лице: оно смотритъ на меня снизу, съ края тротуара. Вспоминаю я, какъ когда то онъ, выпучивъ на меня глаза, кричалъ: „Я — Стенька Разинъ!“ Вспоминаю.. Сравниваю... И чувство обиды вызываютъ во мнѣ эти воспомнинанія.

Судзиловскій сталъ собираться въ дорогу. Передъ его отъѣздомъ мы много бесѣдовали о нашихъ общихъ планахъ. По нашему убѣжденію, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ сохранилось въ народѣ болѣе революціонныхъ традицій, чѣмъ въ средней Россіи, такъ какъ самыя крупныя народныя движенія происходили на окраинахъ: пугачевщина была на Волгѣ, бунтъ Стеньки Разина — на Дону, гайдамачина на — Днѣпрѣ. Мы полагали, что гдѣ одинъ разъ происходило революціонное движеніе, тамъ оно легче могло возникнуть во второй разъ, и потому рѣшили не разбрасываясь по всей Россіи, сосредоточить наши силы въ такихъ именно мѣстностяхъ, которыя имѣли извѣстное историческое прошлое. Такимъ образомъ, по нашему плану, одни должны были дѣйствовать на Днѣпрѣ, другіе на — Волгѣ. Вызывая стачки и мѣстные бунты, во время которыхъ обыкновенно выдвигаются изъ массы болѣе смѣлыя и энергичныя личности, мы думали, такимъ образомъ, намѣчать годныхъ для дѣла людей и привлекать ихъ въ революціонную организацію. А разъ вспыхнуло бы возстаніе въ одной мѣстности, мы надѣялись, что оно, подобно пламени распространится и охватитъ всю Россію. Будучи сторон-

никами бунтовской программы, мы защищали и доказывали ея справедливость всѣми способами. Но главнымъ образомъ на помощь призывали исторію, наглядно поучавшую, какъ росли и развивались революціонныя движенія. А исторія насъ учила, что революціи не происходили сразу, а почти всегда начинались съ отдѣльныхъ незначительныхъ бунтовъ, только постепенно переходившихъ въ обширныя возстанія. Въ этомъ ростѣ и болѣе или менѣе постепенномъ расширеніи движенія, мы усматривали роковую необходимость, которой ни обойти, ни избѣжать было рѣшительно невозможно, такъ какъ она являлась результатомъ закона общаго развитія всей органической жизни. Подобно тому, какъ путемъ упражненія развиваются силы и способности отдѣльнаго организма, такъ и весь народъ, разсуждали мы, подготовляется къ революціи только путемъ упражненія своихъ революціонныхъ чувствъ и способностей. „Кто любитъ народъ — тотъ водитъ его подъ пушки“, сказалъ кто то изъ извѣстныхъ революціонеровъ, и мы придерживались этого взгляда.

Все это съ точки зрѣнія отвлеченныхъ разсужденій можетъ быть и было справедливо, но отвѣчала ли окружающая жизнь подобнымъ разсужденіямъ, съ этимъ мы не справлялись. Мы толковали о томъ, что у насъ на окраинахъ сохранилось много революціонныхъ традицій, что на Волгѣ до сихъ поръ поются пѣсни про Пугачева и Стеньку Разина, а на Днѣпрѣ — про Гайдамакъ. И это было справедливо: пѣсни дѣйствительно пѣлись; но только мы недостаточно обратили тогда вниманія на мелодіи этихъ пѣсень. Заунывныя и грустныя мелодіи этихъ пѣсенъ скорѣе могли вызвать у слушателя слезы, нежели зажечь революціонную страсть.

Однако, опредѣленной практической программы мы все таки не выработали, да и не могли выработать, такъ какъ это было нелегко. Въ то время какъ практическая задача „пропагандиста“ являлась болѣе или менѣе ясной, задача „бунтаря“ оказывалась и трудной и неопредѣленной. „Пропагандистъ“ занимался распространеніемъ ре-

волюціонныхъ брошюръ среди народа — иногда самъ читалъ, иногда же только раздавалъ ихъ. При нѣкоторой ловкости, работа эта не представляла особенныхъ трудностей, а при умѣніи обращаться съ крестьянами и заинтересовать ихъ разсказами, сулила даже сравнительный успѣхъ. Но для „бунтаря“, не усматривавшаго ничего серьезнаго въ разговорахъ, какъ бы они не были революціонны, дѣло представлялось совсѣмъ иначе. Ему нужны были бунты и стачки. Но организовать стачку или вызвать бунтъ, — объ этомъ легко было разсуждать, но не осуществить на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ это организовать стачку или вызвать бунтъ? Задача большая, трудная и часто совершенно неисполнимая. Поэтому большинство „бунтарей“, признававшихъ въ теоріи бунтовскую программу, потомъ, когда двинулось въ народъ, на практикѣ, своей дѣятельностью, нисколько не отличались отъ „пропагандистовъ“ и подобно имъ занималось распространеніемъ революціонныхъ брошюръ въ народѣ, быть можетъ лишь съ тою разницею, что дѣлали это съ большимъ жаромъ и меньшей осмотрительностью, чѣмъ „пропагандисты“.Въ этомъ видѣ и проявилась дѣятельность на Волгѣ кружковъ Ковалика и Войнаральскаго. Однако, были такіе и, между прочимъ мы принадлежали къ ихъ числу, которые не имѣли ввиду заниматься распространеніемъ революціонныхъ книгъ среди народа и для которыхъ, поэтому, вопросъ о практической дѣятельности стоялъ совершенно открытымъ и нерѣшеннымъ. Мы считали необходимымъ сначала ознакомиться съ условіями народной жизни, присмотрѣться къ мѣстнымъ обычаямъ, нравамъ міровоззрѣніемъ и затѣмъ уже, на основаніи реальныхъ данныхъ, выработать практическую программу дѣйствій.

Это было бы, конечно, хорошо, если бы мы въ состояніи были отнестись къ дѣйствительности съ надлежащей критической оцѣнкой. Но этого далеко не было. Уже въ то время у насъ существовали предвзятыя мнѣнія по многимъ существеннымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о революціонности крестьянской мас-

сы опредѣленно рѣшался нами въ положительномъ смыслѣ, не смотря на то, что для подобнаго рѣшенія мы не имѣли серьезныхъ данныхъ. Всѣ свои доказательства въ пользу этого мнѣнія мы черпали изъ болѣе или менѣе отдаленнаго историческаго прошлаго, не находя таковыхъ въ настоящемъ. Такъ, между прочимъ, доказательства въ пользу революціонности украинскихъ крестьянъ я находилъ въ нхъ поведеніи во время польскаго возстанія, въ ихъ преслѣдованіяхъ польскихъ „пановъ повстанцевъ“ и той ненависти, съ какой они относились тогда вообще къ панамъ, къ разряду которыхъ причисляли всѣхъ людей привилегированнаго званія, носившихъ европейскіе костюмы. Тому, кто привыкъ смотрѣть на возстаніе поляковъ на Украйнѣ 1863 года лишь съ польской точки зрѣнія, я припомню, что въ Юго-Западномъ краѣ поляки являлись почти исключительно „панами“, помѣщиками и слѣдовательно, злобное отношеніе къ нимъ крестьянъ было естественнымъ послѣдствіемъ вѣковой эксплуатаціи и притѣсненій, которымъ подвергали ихъ помѣщики. Борьба украинцевъ-крестьянъ въ 63-мъ году съ бунтовавшими поляками помѣщиками въ своемъ основаніи имѣла тѣ же мотивы, которыя создали въ прошломъ вѣкѣ гайдамачину. Конечно, русское правительство могло воспользоваться въ своихъ интересахъ этой борьбой, но сущность ея нисколько отъ этого не мѣняется.

Я близко соприкасался съ крестьянской средой и въ Лукѣ-Барской, гдѣ я росъ, у меня были пріятели среди крестьянъ. Но такъ какъ все таки для нихъ я былъ „панъ“, то,поэтому, съ трудомъ вѣрилось въ ихъ искреннія отношенія ко мнѣ. Такія отношенія, думалось мнѣ, возможны были бы только тогда, когда я самъ былъ бы мужикомъ и соприкасался съ ними какъ равный съ равными. „Передо мною, какъ передъ „паномъ“, мужики держались недовѣрчиво“, разсуждалъ я, „и, слѣдовательно, я не могу даже составить правильнаго понятія объ ихъ жизни“. Сознавая въ глубинѣ души, что до сихъ поръ я наблюдалъ крестьянскую жизнь, такъ сказать, съ внѣшней стороны, мнѣ стала представляться эта

жизнь теперь не такою, какой я ее видѣлъ, а въ нѣсколько иномъ, скрашенномъ видѣ. У меня получалась, такимъ образомъ, извѣстная идеализація крестьянской среды, не смотря даже на то, что я былъ съ нею довольно близко знакомъ. Само собою разумѣется, что идеализація эта приняла еще большіе размѣры у тѣхъ изъ насъ, которые выросли въ городѣ и никогда не видѣли мужика иначе, какъ изъ окна своей комнаты.

Но вотъ, наконецъ, Судзиловскій уѣхалъ въ Самарскую губ., и я съ Коваликомъ сняли квартиру на Спускѣ, возлѣ Подола (нижняя часть Кіева), съ тѣмъ, что бы устроить сапожную мастерскую. Роль главнаго мастера выпала на мою долю, такъ какъ я зналъ это ремесло лучше другихъ. Мы закупили нужные инструменты и матерьялъ и принялись точать сапоги.

Всякій день утромъ являлись въ нашу мастерскую обучаться ремеслу Аксельродъ и два брата Левенталя. Мы обыкновенно усаживались съ утра же за работу и принимались шить, а одновременно съ тѣмъ вели бесѣды на самыя разнообразныя темы, начиная съ женскаго вопроса и воспитанія дѣтей и оканчивая революціей. Болѣе всего, конечно, мы разсуждали о дѣятельности среди народа. Исходной точкой нашихъ разговоровъ часто служила бакунинская книга: „Государственность и Анархія“ и особенно помѣщенное въ концѣ ея „прибавленіе А“, въ которомъ Бакунинъ говоритъ спеціально о Россіи и призываетъ русскую молодежъ итти въ народъ для организаціи бунтовъ. Необходимость итти въ народъ болѣе или менѣе всѣми сознавалась; всякій чувствовалъ живую потребность что то дѣлать въ народѣ; но на самую эту дѣятельность смотрѣли разно и объ этомъ очень много спорили. Какъ бы тамъ ни было, но эти разговоры не оставались безплодными... Далеко однако нельзя было того же сказать о нашемъ шитьѣ. Правда, сначала мы пары двѣ-три сапогъ сшили, но вышли они совсѣмъ неуклюжіе. Матерьяльныхъ средствъ въ нашемъ распоряженіи было мало; приходилось дорожить всякой копѣйкой; что бы имѣть возможность про-

должать занятія въ мастерской, надо было сбывать наши издѣлія. Съ этой цѣлью Левенталь понесъ однажды сапоги на толкучій рынокъ, но возвратился оттуда совершенно сконфуженнымъ: никто не пожелалъ купить ихъ. „При царѣ Петрѣ такіе сапоги шили!“ замѣтилъ Левенталю какой то покупатель, какъ видно не безъ нѣкоторыхъ знаній по исторіи. Послѣ этого нести вторично на рынокъ наше коллективное произведеніе никто изъ насъ не пожелалъ

Впрочемъ, не эти маленькія неблагополучія были причиной закрытія мастерской; кое какъ мы перебивались и продолжали работать. Но съ приближеніемъ весны пронесся слухъ, что затѣвается однодневная перепись въ Кіевѣ. Мы нанимали квартиру, не заявивши паспортовъ. Меня полиція розыскивала еще по дѣлу Донецкаго, Ковалико тоже нехотѣлъ попадаться ей на глаза, и мы принуждены были перебраться съ этой квартиры. Сапожная мастерская закрылась и Ковалико вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Петербургъ.

V

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НАРОДЪ

Съ отъѣздомъ Ковалика у насъ наступило затишье: ни споровъ, ни разсужденій. „Коммуна“ словно опустѣла. Видимо разговоры надоѣли всѣмъ, и всякому хотѣлось поскорѣе попробовать свои силы на практикѣ. Вотъ въ воздухѣ повѣяло весною. Стада дикихъ гусей потянули на сѣверъ. Днѣпръ вскрылся. Съ шумомъ неслись по рѣкѣ сѣрыя льдины и ломались о каменные быки кіевскаго цѣпного моста. Крестьяне пригородныхъ селъ шныряли въ душегубкахъ между льдинами и крючьями вылавливали бревна, уносимыя разливавшеюся рѣкою.

Вася, бывшій впечатлительнѣе другихъ, не выдержалъ и первый заговорилъ въ такомъ духѣ, что нечего

сидѣть и ждать чего то сложа руки, а надо итти въ народъ.

— „Зачѣмъ же дѣло стало? Можемъ и отправляться“, поддержалъ его кто то.

— „Ну, братцы, такъ не откладывать же.“

— „Да, хоть завтра!“

И въ „коммунѣ“ поднялась необыкновенная суета! начались сборы къ путешествію въ народъ.

Если „кіевскихъ чайковцевъ“ можно было упрекнуть въ медлительности, то „коммуна“ страдала противуположнымъ порокомъ — крайней поспѣшностью. Тотчасъ же мы отправились на толкучій рынокъ, закупили тамъ поношенныя шапки, зипуны, полушубки, такъ какъ время стояло еще холодное. И когда съ этой стороны все было готово, написали четырехмѣсячные паспорта, приложили къ нимъ печати собственнаго издѣлія, одѣлись и, перекинувши мѣшки черезъ плечи, пошли на вокзалъ. Съ вечернимъ поѣздомъ мы уже ѣхали въ Жмеринку. Насъ было пять человѣкъ: Стефановичъ, Вася, я и еще двое, которыхъ я назову начальными буквами С. и Ш. Мы взяли съ собою сапожные инструменты, хотя изъ насъ только двое знакомы были съ этимъ ремесломъ. Денегъ на всякаго было по шести рублей, такъ какъ въ это время не оказалось больше въ кассѣ „коммуны“.

Въ поѣздѣ мы сразу почувствовали всѣ преимущества непривилегированнаго положенія. По примѣру русскаго рабочаго люда, мы забрались подъ скамейки, что бы спокойнѣе проспать ночь. Но не тутъ то было. Почти передъ каждой станціей въ вагонъ нашъ вваливались кондуктора и зачѣмъ то всякій разъ требовали, что бы мы показывали имъ свои билеты. Вереницами человѣкъ въ пять, начиная отъ оберъ-кондуктора и оканчивая истопникомъ, проходили они черезъ нашъ вагонъ и при этомъ, какъ мулы, лягали насъ, лежавшихъ на полу, своими ногами, одѣтыми въ высокіе сапоги съ „бутылками“ (такъ называются твердыя стоящія голенища). „Билеты ваши, господа!.. Пожалуйте билеты!.. Эй, ты... билетъ!..“ слышалось намъ сквозь громъ и грохотъ

быстро мчавшагося поѣзда. По примѣру того же русскаго люда, мы сносили и это.

На другой день мы уже толкались возлѣ жмеринскаго вокзала и распрашивали о работѣ. Работа скоро нашлась: нагрузка вагоновъ шпалами. Плата была урочная, отъ вагона. Мы взялись за работу: четверо носили шпалы, а Ш. стоялъ внутри вагона и приводилъ ихъ въ порядокъ. Проработавъ съ недѣлю времени и получивъ деньги, мы рѣшили двигаться въ путь. Изъ Жмеринки мы думали пройти на Умань и югомъ Кіевской губерніи добраться до Днѣпра. Но двигаться пятерымъ съ сапожными инструментами, пригодными для одного, много для двухъ человѣкъ, было не совсѣмъ удобно. Надо было выдумать какой нибудь другой предлогъ. Мы только теперь почувствовали, что ужъ черезчуръ поторопились съ нашимъ отъѣздомъ изъ Кіева. Тогда кто то изъ насъ обратилъ вниманіе на небольшую артелъ красильщиковъ, проѣзжавшихъ черезъ Жмеринку, и мы остановились на мысли принять видъ красильщиковъ. Это тѣмъ болѣе оказывалось удобнымъ, что мать Васина занималась когда то крашеніемъ матерій; самъ Вася нѣсколько смыслилъ въ этомъ ремеслѣ и брался подучить насъ ему довольно скоро. Между тѣмъ Ш. въ эту минуту сталъ колебаться: онъ искренне сознался передъ нами, что не въ силахъ дальше вести подобную жизнь, полную физическихъ лишеній, и выразилъ намѣреніе возвратиться въ Кіевъ. Насъ это страшно возмутило. Напрасно Ш. старался насъ увѣрить, что онъ можетъ быть полезенъ въ другихъ дѣлахъ въ городѣ, и просилъ даже поддерживать съ нимъ сношенія, — мы фанатически стояли на своемъ: „кто не съ нами — тотъ противъ насъ“, другими словами, кто не шелъ, какъ мы въ народъ — тотъ былъ нашъ врагъ. Вспоминая теперь разставаніе съ нимъ, я долженъ сознаться, что сцена вышла грустная и тяжелая: молча, съ поникшей головой, выслушалъ онъ нѣсколько язвительныхъ замѣчаній съ нашей стороны; при прощаніи у него, бѣдняги, дрожали руки. Ш. уѣхалъ. Вася тоже уѣхалъ въ Кіевъ, что бы закупить краски и потомъ

воротиться обратно. Трое насъ остались въ Жмеринкѣ и вновь принялись за нагрузку вагоновъ. Но вотъ мы дождались Васю; онъ воротился съ мѣшкомъ, наполненнымъ баночками и свертками, также привезъ съ собою немного денегъ, которые ему удалось достать въ Кіевѣ. Въ верстѣ отъ жмеринскаго вокзала былъ лѣсъ. Помню, мы отправились туда и, забравшись въ укромное мѣсто, выложили все свое имущество изъ мѣшковъ. Бѣлье, сапожные инструменты, краски — все было распредѣлено по мѣшкамъ сообразно силѣ каждого. Для большаго подобія съ дѣйствительными красильщиками и, наконецъ, просто для того, что бы было видно всякому, кто мы такіе, мы измазали красками не только свою одежду, но даже лица, и, приготовившись такимъ образомъ, вышли изъ лѣсу и двинулись по проселочной дорогѣ, ведшей изъ Жмеринки къ мѣстечку Браилову. Попадавшіеся на встрѣчу намъ крестьяне, вѣроятно, сразу признали насъ за красильщиковъ, такъ какъ, помню, мы не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха: до того лица были размалеваны. Браиловъ миновали благополучно, не смотря на то, что по срединѣ базара сидѣли около часа за столами, поставленнымн подъ открытымъ небомъ и пили чай, приправленный господами купцами жженымъ сахаромъ для цвѣта. Изъ Браилова мы направились въ мѣстечко Тывровъ. Добравшись до Тыврова и проходя по главной улицѣ, мы услыхали сзади себя крикъ: „Эй, вы!.. Кто вы такіе?“

Мы поворотили головы и, убѣдившись, что этотъ крикъ относился къ намъ, остановились.

— „Красильщики!“ громко отозвался одинъ изъ насъ.

— „Красильщики? Какіе такіе красильщики!? А паспорта у васъ есть? Подите ка сюда!“

Нечего было дѣлать. Мы поворотили назадъ. Подойдя къ дому, оказавшемуся волостнымъ правленіемъ, мы вытащили наши паспорта и передали господину, стоявшему на крыльцѣ, который, повидимому, былъ никто иной какъ волостной писарь. Онъ взялъ паспорта и тутъ же на крыльцѣ принялся ихъ просматривать.

— „Кто вамъ писалъ билеты!“ спросилъ, наконецъ, онъ.

— „Изъ волости,“ отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— „Вижу, что изъ волости, да спрашиваю: кто тамъ у асъ билеты пишетъ?“

— „Надо думать писарь волостной.“

— „Ка-акой дур-ракъ!.. Кто изъ васъ грамотный?“ Смотри! тыкалъ мнѣ писарь подъ самый носъ одинъ изъ паспортовъ, указывая на окончаніе текста. Тамъ стояло такъ: „выданъ въ тысяча восемьсотъ четвертомъ году“, вмѣсто „семьдесятъ четвертомъ“. Слово „семьдесятъ“ было пропущено.

— „Мы неграмотные,“ замѣтилъ я.

— „То-то, дураки, ничего не понимаете! И писарь у васъ въ волости такой же безграмотный дуракъ.“ И помолчавъ немного, онъ добавилъ: „Ну, ступайте!“

Это маленькое событіе, привевшее насъ сначала въ смущеніе, потомъ сильно ободрило: все хорошо, разсуждали мы, — если даже ошибка въ паспортѣ, вкравшаяся, благодаря нашей поспѣшности, не возбудила подозрѣній къ намъ.

Въ первые дни путешествія на привалахъ, которые устраивались въ уединенныхъ мѣстахъ, мы дѣлали подъ руководствомъ Васи опыты крашенія. Зеленый цвѣтъ на шерсти получался довольно чистый, но другіе цвѣта выходили почему то грязные и легко смывались. На бумажныхъ матеріяхъ, сколько мы не прилагали стараній, какъ ихъ ни варили въ горшкахъ, краски совсѣмъ не держались: даже зеленая и та ползла! Тѣмъ не менѣе, проходя черезъ села — вначалѣ, несмѣло и стѣсняясь — мы предлагали свой трудъ, но когда замѣтили, что крестьяне не даютъ красить, то другой разъ даже довольно громко выкрикивали по улицамъ: „кра-асимъ пояса!“ Затѣмъ обращались то къ тому, то къ другому съ предложеніями и, получивъ обыкновенно отказъ, старались такъ или иначе вступить въ разговоръ. Распросы свои мы сводили къ тому, что бы узнать, были ли въ данной мѣстности возстанія, когда они были и что по-

служило поводомъ. Мы шли по самымъ населеннымъ мѣстностямъ Подольской и Кіевской губерній; пройдено было по пути множество деревень и свѣдѣнія, собранныя нами, правда, по спеціальнымъ вопросамъ, годились для кое какихъ обобщеній. Такъ, изъ разговоровъ оказалось, что крестьянскія движенія происходили главнымъ образомъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ періодъ до и тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ и что приблизительно съ половины 60-ыхъ годовъ волненія стали происходить рѣже, а къ 70-ымъ годамъ ихъ почти совсѣмъ уже не было. Этому чрезвычайно важному обстоятельству мы не придали тогда ровно никакого значенія; мы, такъ сказать, пропустили его мимо глазъ, благодаря предвзятому взгляду, укоренившемуся еще въ шестидесятыхъ годахъ среди русскихъ революціонеровъ и исповѣдуемому равнымъ образомъ и нами, а именно, что народъ готовъ къ возстанію всякую минуту. Слѣпая вѣра въ близость русской революціи мѣшала намъ сознать, что народъ нашъ далеко не такъ революціонно настроенъ, какъ намъ того хотѣлось. Другое явленіе, бросавшееся въ глаза было повсемѣстное желаніе крестьянъ подушнаго передѣла земли, и на это явленіе мы обратили самое серьезное вниманіе. Передѣлъ земли являлся исходной точкой при выработкѣ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ практическихъ программъ. Въ этомъ желаніи народа, показывавшемъ его отрицательное отношеніе къ личной поземельной собственности, мы усматривали, съ одной стороны, соціалистическій идеалъ будущаго, съ другой — во имя этого идеала, надѣялись вызвать народное возстаніе. Для насъ, украинцевъ, община не была и не могла быть исходной точкой программы, такъ какъ общины, въ томъ видѣ, какъ она существовала на сѣверѣ Россіи, мы не имѣли. Въ то время не приходило въ голову возраженіе, дѣлаемое теперь марксистами, что „сущность дѣла заключается не въ формѣ владѣнія, а въ характерѣ производства“, т. е. другими словами, что одно отрицаніе личной поземельной собственности, наблюдаемое у нашихъ крестьянъ,

далеко не ведетъ еще къ соціализму, разъ обработка этой земли совершается на началахъ индивидуалистическихъ и орудія труда, какъ напримѣръ плугъ, лошадь и проч., являются предметами личной собственности.

По мнѣнію крестьянъ, передѣлъ земли долженъ былъ совершиться соразмѣрно количеству людей всѣхъ званій и сословій безъ различія. „И мужику, и пану, и попу, и жиду, и цыгану — всѣмъ по ровно“, объяснялъ мнѣ одинъ крестьянинъ Кіевской губеніи. Цифра ожидаемаго надѣла колебалась около пяти десятинъ на человѣка, четыре, пять и шесть десятинъ, смотря по мѣстности. Любопытно то, что почти тѣ же цыфры получалъ я потомъ, дѣля пространство данной мѣстности на число жителей. Въ 1874 г. ожиданія „передѣла“ приурочивались къ воинской реформѣ, которая введенабыла около этого времени. „Теперь будутъ брать всѣхъ въ солдаты: и пана, и цыгана, и мужика. И за это царь дастъ всѣмъ поровно земли“, толковалъ мнѣ одинъ крестьянинъ. Другой крестьянинъ ту же мысль развивалъ значительно обстоятельнѣе и съ подробностями. „Положимъ, говорилъ онъ, изъ нашаго села будутъ брать каждый годъ по десяти рекрутъ. Служить такъ долго, какъ прежде, не будутъ: черезъ нѣсколько лѣтъ воротятся въ село. Какъ воротятся, такъ имъ и нарѣжутъ земли. На другой годъ другіе десять воротятся въ село. и тѣмъ другимъ дадутъ землю. На третій годъ третьимъ дадутъ, на четвертый — четвертымъ... Такъ всю землю и передѣлятъ на равныя части“.

— „Откуда же столько земли возьмутъ?“ спросилъ я.

— „Царь отниметъ отъ пановъ“.

Однако о подобномъ, такъ сказать постепенномъ передѣлѣ земли пришлось слышать не отъ многихъ. Большинство ожидало, что это случится какъ то сразу: прикажетъ царь, придутъ землемѣры и подѣлятъ между всѣми. Вблизи мѣстечка Корсунь, Кіевской губ. двое крестьянъ меня распрашивали, не извѣстно ли мнѣ, зачѣмъ мѣряютъ землю въ Полтавской губ. возлѣ Чигиринъ-Дубровы. „Вы много ходите повсюду, можетъ что ни-

будь слыхали: не собираются ли дѣлить землю?“ Въ другомъ мѣстѣ меня спрашивали болѣе опредѣленно: „Правда ли, что въ Черниговской губерніи уже наѣхали землемѣры и дѣлятъ землю?“ У меня былъ паспортъ Черниговской губерніи и собесѣдники принимали меня за черниговца.

До какой степени были сильны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ожиданія, можно судить по слѣдующему факту: вблизи мѣстечка Ржищева, Кіевской губ., разговорившись какъ то съ однимъ крестьяниномъ, жаловавшимся на малоземелье, я замѣтилъ.

— „Почему вы не прикупите земли? Неужели въ окрестности ни одинъ панъ не продаетъ земли?“

— „Есть, положимъ: и деньги нашлись бы для покупки“, отвѣтилъ мой собесѣдникъ. „Такъ, человиче добрый, съ думкамы бьемося... Може-жъ таки дилытымуть тую землю?!. Теперъ за землю треба отдать гроши. А землю подилятъ — гроши и пропадуть. Грошей тоды уже не вернуть. То такъ и ждемо“.

Однако отъ всѣхъ, отъ кого мы слышали о „передѣлѣ земли“, мы слышали также, что этотъ передѣлъ долженъ совершиться по волѣ царя. По представленію крестьянъ, царь уже давно осуществилъ бы это, если бы ему не противились паны и чиновники — исконные враги крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царя. Такимъ образомъ царизмъ являлся въ самой тѣсной связи съ земельнымъ идеаломъ крестьянъ. Свои желанія, свои понятія о справедливости крестьяне переносили на царя, какъ будто это были его желанія, его понятія. Передѣлъ земли долженъ былъ совершиться потому, что этого желалъ царь. Какъ ни хороша была въ своемъ основаніи идея періодическихъ передѣловъ земли, сохранявшаяся еще въ сознаніи украинскихъ крестьянъ, — очевидно, какъ остатокъ болѣе или менѣе исчезнувшей общины — но къ идеѣ этой, какъ говорится, трудно было подступить: сразу же приходилось считаться съ царизмомъ, пустившимъ глубокіе корни въ міросозерцаніи крестьянъ. Крестьянину хотѣлось передѣла земли, но для достиже-

нія этого завѣтнаго желанія у него не было силъ. Онъ это чувствовалъ и сознавалъ, поэтому предпочиталъ лучше ждать, убаюкивая себя иллюзіей, что наступитъ, наконецъ, такое время, когда царь совершитъ передѣлъ земли, какъ совершилъ онъ десять лѣтъ тому назадъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Въ общемъ получалась картина крайне пассивнаго характера, и это не могло не отразиться на нашей послѣдующей дѣятельности среди народа.

Мы проходили верстъ до двадцати въ день, останавливаясь на ночлеги по деревнямъ. Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь, такъ какъ наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы менѣе всего ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій т. е. европейскій костюмъ и полагали, что чѣмъ бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись. Всюду они встрѣчали насъ подозрительно и до того неохотно давали пристанище, видимо, боясь, что бы мы не украли чего нибудь, что розыски ночлеговъ сдѣлались скоро для насъ истиннымъ наказаніемъ. Случалось обойти десятокъ избъ и всюду получить отказы. Не одну ночь проводили мы подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ время стояло дождливое, и не разъ, бывало, ночью вскакивалъ я на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и сырости. Разъ или два довелось спать прямо подъ дождемъ, и мы насквозь промокли. Болѣе всего страдали у насъ ноги отъ дурной обуви, которая понатирала намъ мозоли; у С. образовались цѣлыя раны на ногахъ. Сдѣлавши три-четыре перехода, мы останавливались обыкновенно на дневку. И иногда даже оставались на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, если только намъ удавалось розыскать въ деревнѣ какую нибудь пустую избу съ выбитыми окнами и завалившейся крышей, которую намъ отступали мужики. Тутъ то на ра-

зосланной соломѣ на полу мы вытягивали свои измученные, одеревенѣлые члены и съ наслажденіемъ предавались отдыху. Подобныя остановки устраивали мы подъ тѣмъ предлогомъ, будто предполагали въ этомъ мѣстѣ искать работу. Въ такомъ случаѣ Вася принимался варить краски, а я или Стефановичъ отправлялись по деревнѣ приглашать людей давать намъ красить. Крестьяне никогда не давали, такъ какъ, насколько мнѣ удалось узнать, красили они себѣ все, что имъ было нужно (преимущественно пояса) по сосѣднимъ мѣстечкамъ у знакомыхъ красильщиковъ. Для ѣды мы варили обыкновенно гречневую или пшенную кашу, но еще чаще удовлетворялись, по просту, хлѣбомъ съ саломъ.

Все это вмѣстѣ — физическая усталость, плохая пища и, въ довершеніе всего, наше ложное положеніе по отношенію къ крестьянамъ, ихъ недовѣріе къ намъ, принуждавшее и насъ съ своей стороны тоже держаться на сторожѣ — дѣйствовали рѣшительно угнетающимъ образомъ, особенно на тѣхъ изъ насъ, которые — какъ напримѣръ С. — быть можетъ, слишкомъ ужъ идеализировали раньше крестьянскую среду.

Медленно подвигаясь на востокъ, мы прислушивались къ тому, что говорили крестьяне и собирали свѣдѣнія о бунтахъ, происходившихъ въ шестидесятыхъ годахъ. Послѣ цѣлаго ряда дней ходьбы, добрались мы наконецъ до мѣстечка Корсунь, Кіевской губерніи, и здѣсь рѣшили остановиться. Мы наняли хату. Вася, по обыкновенію, принялся варить краски, пытаясь покрасить какой то платокъ. Стефановичъ нашелъ себѣ какую то работу у сосѣда-мужика. Я отправился по окрестнымъ селамъ собирать свѣдѣнія о корсунскомъ возстаніи, происходившемъ во время севастопольской войны, о которомъ мы имѣли уже нѣкоторыя данныя. Что же касается до С., то онъ взобрался на печь со своими больными ногами, да такъ и пролежалъ до самаго своего ухода. Недѣли полтора спустя онъ отправился изъ Корсуня куда то за Днѣпръ, къ своимъ роднымъ, и съ тѣхъ поръ не воз-

вращался ни въ Кіевъ, ни „въ народъ“. Такъ лишились мы второго нашего товарища.

Между тѣмъ, вотъ что мнѣ удалось узнать о корсуньскомъ бунтѣ. Во время севастопольской войны, т. е. еще до освобожденія крестьянъ въ имѣніи князя Лопухина (мѣстечко Корсунь и окрестныя села) распространился слухъ о существованіи царскаго манифеста, по которому будто бы даровались крестьянамъ „козацкія права“, — „наступила козачина“, какъ говорили мужики. Манифестъ этотъ, какъ подозрѣвали крестьяне, присланъ былъ священникамъ для опубликованія всему народу, но они его скрыли. То въ одной, то въ другой деревнѣ крестьяне стали требовать отъ своихъ приходскихъ священниковъ, что бы тѣ прочли имъ манифестъ. Но такъ какъ попы, по мнѣнію крестьянъ, находились въ соглашеніи съ помѣщиками и потому не хотѣли читать, то крестьяне, собравшись изъ деревень въ количествѣ тысячъ до десяти человѣкъ, пришли въ мѣстечко Корсунь ко дворцу Лопухина для того, чтобы потребовать выдачи имъ на руки царскаго манифеста. Между тѣмъ, о волненіи крестьянъ власти были заблаговременно предупреждены, и потому, когда толпа явилась въ Корсунь, то здѣсь застала уже солдатъ. Начались переговоры. Командиръ войска (кажется какой то саперный майоръ или полковникъ) предложилъ, что бы кто нибудь изъ толпы объяснилъ ему, чего они хотятъ. Со стороны крестьянъ для объясненій вышедъ одинъ старикъ, имени котораго я теперь не помню, и у нихъ произошелъ споръ, окончившійся бранью со стороны командира. Тогда обиженный старикъ бросился на него съ топоромъ и зарубилъ подвернувшагося ему подъ ударъ какого то молодого офицера, кажется вздумавшаго, заслонить собою начальника. Солдаты, въ свою очередь, бросились на старика и закололи его штыками. Послѣ того отданъ былъ приказъ стрѣлять въ толпу. Восемнадцать или двадцать человѣкъ было убито, много ранено и толпа разбѣжалась.

Свѣдѣнія, собираемыя нами о корсуньскомъ возстаніи,

все болѣе и болѣе насъ убѣждали, что это было на Украинѣ одно изъ самыхъ крупныхъ возстаній послѣдняго времени. А такъ какъ въ свѣжихъ воспоминаніяхъ, сохранившихся въ народной памяти объ этомъ бунтѣ и живыхъ разсказахъ о немъ, мы видѣли революціонныя традиціи, то поэтому находили, что было бы весьма полезно устроить въ Корсуни поселеніе или революціонный притонъ.

Между тѣмъ наступилъ мѣсяцъ май; въ маѣ же или іюнѣ, если мнѣ не измѣняетъ память, я долженъ былъ съѣздить на границу, въ Волочискъ, по книжному дѣлу; поэтому я рѣшилъ отправиться въ Кіевъ. Стефановичъ ушелъ изъ Корсуни раньше моего по какому то спеціальному дѣлу, такъ что, въ нанятой нами избѣ, долженъ былъ остаться Вася одинъ, пока я, покончивъ съ книжнымъ дѣломъ и доставши нужныя деньги для устройства притона, не ворочусь обратно въ Корсунь. Съ такими планами я вышелъ изъ Корсуни.

Верстахъ въ десяти отъ мѣстечка по дорогѣ къ Кіеву должно быть и теперь еще стоятъ корчмы, носящія названіе Сытниковскихъ, невдалекѣ отъ которыхъ виднѣется и самое селеніе Ситниковцы. Помню, идя въ Кіевъ, я остановился въ одной изъ этихъ корчевень (ихъ тамъ стояло двѣ или три вмѣстѣ). Войдя въ просторную избу, съ обыкновенной корчемной обстановкой, т. е. прилавкомъ, за которымъ продавалась водка, большимъ столомъ и длинными скамьями, тянущимися вдоль стѣнъ, я увидѣлъ тамъ десятка два мущинъ и бабъ, валявшихся въ разныхъ положеніяхъ на полу среди разбросанныхъ мѣшковъ и всевозможной одежды. То были богомольцы, направлявшіеся въ Кіевъ ко „святымъ мѣстамъ“, остановившіеся въ корчмѣ на отдыхъ. За столомъ же сидѣло нѣсколько человѣкъ крестьянъ, видимо мѣстныхъ, такъ какъ они держались безъ стѣсненія, — необыкновенно громко разговаривали между собою и другъ друга подчивали поочередно водкой изъ одной рюмки, которую то и дѣло доливали изъ бутылки, стоявшей на столѣ. Я усѣлся за другимъ концомъ стола и принялся завтракать.

Накричавшись до хрипоты, крестьяне разошлись. Остался только одинъ изъ нихъ, съ которымъ у меня скоро завязалась бесѣда. Послѣ обыкновенныхъ распросовъ, — что я за человѣкъ, откуда, чѣмъ занимаюсь и проч., мужикъ разговорился. Я воспользовался его болтливымъ настроеніемъ и свелъ разговоръ на интересовавшую меня тему.

— „А разскажите мнѣ, человиче добрый, началъ я, о корсунскомъ бунтѣ? Я много о немъ слышалъ, да не знаю, — правду ли мнѣ говорили, или, можетъ, брехали.“

— „А что же вамъ разсказывали?“ спросилъ меня мужикъ.

Я передалъ ему вкратцѣ то, что слыхалъ.

— „Правду разсказывали“, замѣтилъ онъ. „Правду... Бунтовали... И москали стрѣляли.... И двадцать человикъ убили... Все правда, все! Только, когда ужъ на то пошло, такъ скажу вамъ, что говорили вамъ правду, да только не всю. Дѣло это я знаю добре. Я здѣшній, сытниковскій, а отсюда то бунтъ и начался... Да, отсюда, съ этой самой корчмы, гдѣ мы съ вами сидимъ. Вотъ какъ это было. Весною, какъ теперь, шли богомольцы. Между тѣми богомольцами былъ одинъ дьякъ: онъ шелъ откуда то изъ Херсонщины въ Кіевъ, къ святымъ пещерамъ. Шли богомольцы и остановились на отдыхъ въ этой корчмѣ, а въ корчмѣ сидѣли наши люди. Вотъ и разсказываетъ этотъ дьякъ громко: такъ и такъ, люди добрые, есть царскій манифестъ про волю, про козачину... Разсказываетъ, что тотъ манифестъ или грамота царская разослана по всѣмъ попамъ, всѣмъ селамъ, и что онъ — тотъ дьякъ — самъ читалъ эту грамоту у своего попа, гдѣ то въ Херсонщинѣ. Разсказалъ этотъ дьякъ, потомъ отдохнулъ въ корчмѣ и пошелъ дальше вмѣстѣ съ другими богомольцами. А люди съ того времени и забунтовали. Бунтовали, бунтовали, ажъ покуда ихъ не пострѣляли на смерть.“

Замѣтивши, что мой разсказчикъ самъ вѣрилъ тому, что манифестъ подобный былъ тогда изданъ царемъ, я сказалъ: „не понимаю, какъ солдаты могли стрѣлять людей?

Надъ солдатами командуетъ царь. Если самъ царь написалъ манифестъ, то какъ же солдаты пошли противъ его воли?

— „Всему виноваты паны. Это они такъ сдѣлали", отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— „Какъ же паны могли распоряжаться солдатами? Царь же главный командиръ!.."

— „Извѣстно, царь главный... Только, сами знаете: „до бога высоко, а до царя далеко". Полковникъ все сдѣлалъ. А кто же такой полковникъ, развѣ не панъ? Ну, да я вамъ вотъ что скажу," добавилъ крестьянинъ, понизивъ голосъ. „Вы думаете солдаты стрѣляли? .. Положимъ, — они стрѣляли, это вѣрно, но безъ пуль. А въ это же самое время изъ оконъ княжескаго палаца стрѣляли офиціалисты (управляющіе, экономы, конторщики и проч.) Вотъ это же они и побили народъ, а не солдаты. Всѣ люди видѣли, какъ офиціалисты стрѣляли тогда изъ оконъ."

Почти до городка Ржищева сохранились болѣе или менѣе свѣжія воспоминанія о корсуньскомъ возстаніи. Весьма интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ одинъ мужикъ изъ селенія Македоны. Онъ разсказывалъ, что въ то время бунтовались всѣ окрестныя села около мѣстечекъ Корсуни, Таганчи, Межиричья. Особенно, по его словамъ, хорошо поставлено было дѣло въ Межиричьи. Тамъ въ то время, разсказывалъ онъ, былъ какой то отставной солдатъ, который обучалъ людей военному строю, „муштровалъ" ихъ. У людей были даже запасены пики на случай „войны съ панами". „Но, продолжалъ разсказчикъ, какъ услышали люди, что случилось въ Корсуни (т. е. о томъ, что тамъ уже разбиты бунтовщики), то и разошлись тихонько. Такъ паны о ихъ ничего и не узнали, — а по другимъ мѣстамъ всѣхъ забрали".

— „Какъ же забрали по другимъ мѣстамъ?" спросилъ я.

— „А видите, наѣхала комиссія для слѣдствія и разослала бумагу такую, чтобы отъ всякого села пришло

къ ней по нѣсколько человѣкъ. „Пусть только приходятъ самые разумные“, писала комиссія, „что бы можно было толкомъ узнать, чего люди хотятъ“. А по селамъ взяли да и послали самыхъ разумныхъ своихъ людей. А комиссія тогда всѣхъ тѣхъ людей — въ тюрьму. То такъ и пропали всѣ. Ни слуху, ни духу. И гдѣ они теперь — одинъ господь знаетъ? А изъ Межирѣчья никого въ комиссію не послали, то только же тамъ, въ одномъ Межирѣчьи, и остались цѣлы.“

VI

ДАЛЬНѢЙШІЕ ОПЫТЫ НАРОДОХОЖДЕНІЯ.

Прибывши въ Кіевъ, я сталъ хлопотать о деньгахъ для устройства революціоннаго притона въ Корсуни; но — чѣмъ другимъ — а деньгами мы, кіевляне, всегда были бѣдны. Денегъ неоткуда было достать. Въ довершеніе горя, скоро явился изъ Корсуни Вася: ему надоѣло тамъ одному сидѣть. Видя, что денегъ раздобыть нельзя, Вася сталъ почему то сердиться на всѣхъ и кончилъ тѣмъ, что уѣхалъ куда то на сѣверъ. Такимъ образомъ мы лишились, наконецъ, и третьяго товарища. Изъ нашей первой компаніи, состоявшей изъ пяти человѣкъ, удержалось только двое — Стефановичъ и я, которые еще не теряли надежды дѣлать что нибудь въ народѣ; остальные, видимо, разочаровались.

Съ моимъ пріѣздомъ въ Кіевъ, я засталъ составъ „коммуны“ сильно измѣнившимся; пріѣхало нѣсколько новыхъ лицъ изъ Петербурга: Стронскій съ своей женой, Рогачева, Дробышъ-Дробышевскій, Иванъ Чернышевъ. По словамъ пріѣхавшихъ, на сходкахъ въ Петербургѣ большинствомъ была принята бакунинская, или, какъ они называли „бунтарская программа“. Но въ практическомъ отношеніи, т. е. въ вопросѣ осуществленія этой программы на практикѣ, ни къ какому рѣшенію

тамъ не пришли, и подобно намъ, южанамъ, остановились на мысли первоначально отправиться въ народъ, съ тѣмъ чтобы присмотрѣться поближе къ условіямъ его жизни и затѣмъ, собравшись, обсудить практическую сторону вопроса.

Съ этой цѣлью предполагалось устроить въ Петербургѣ съѣздъ, и время для этого съѣзда назначено было осенью 1874 года, если не измѣняетъ мнѣ память, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Стронскій собирался итти въ народъ, въ Полтавскую губернію, вмѣстѣ съ Чернышевымъ. Жена Стронскаго съ Рогачевой отправились въ качествѣ работницъ недалеко отъ Кіева въ имѣніе, принадлежавшее Кіево-Печерскому монастырю. Стефановичъ надумался опять итти на югъ Кіевской губ. въ ту же мѣстность, гдѣ мы были, и не одинъ, а съ Катериной Брешковской и Колѣнкиной. Что касается до меня, то я рѣшилъ пошататься въ окрестностяхъ Кіева. Со дня на день я ожидалъ свѣдѣній, по полученіи которыхъ долженъ былъ отправиться на границу по книжному дѣлу, и потому не могъ забираться далеко. Я ходилъ по деревнямъ, расположеннымъ противъ Кіева по лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ видомъ плотника, розыскивающаго работу. Деревни тутъ построены на ровной, низкой мѣстности, нерѣдко заливаемой рѣкой, и мало пригодной для землепашества; поэтому жители больше походили здѣсь на пригородныхъ мѣщанъ, чѣмъ на крестьянъ, и рѣзко отличались своимъ барышническимъ духомъ. Въ этихъ шатаніяхъ я провелъ нѣсколько дней. Раза два приставалъ къ толпѣ богомольцевъ, плевшихся къ Кіеву по, такъ называемому, Черниговскому шоссе, и провожалъ ихъ до самой Лавры. Надо знать, что отъ цѣпного моста, переброшеннаго черезъ Днѣпръ, проложена прекрасная, широкая шоссейная дорога, большими зигзагами поднимающаяся вверхъ на Печерскъ, къ Лаврѣ. Но эту дорогу мои богомольцы почему то не брали, а предпочитали, перейдя мостъ, подниматься прямо по тропинкѣ на гору, на верху которой блестѣли золотые куполы Кіево-Печерской Лавры. Любопытно было видѣть,

какъ изнуренныя ходьбою бабы, съ лицами, опаленными солнцемъ и вѣтромъ, не будучи въ силахъ итти, взбирались на четверенкахъ на эту крутую гору. Должно быть въ этомъ послѣднемъ подвигѣ онѣ усматривали богоугодное дѣло. Мущины богомольцы совершали это молча; но богомолки страшно стонали, ползя одна за другой на четверенкахъ, съ громадными котомками на спинахъ, напоминая собою скорѣе кучу раковъ, чѣмъ толпу людей. Иная обрывалась и съ визгомъ ссовывалась внизъ; ее подхватывали другія, и она опять принималась ползти.

Наконецъ, помню, добрался я до селенія Бортничи (боюсь, точно ли называю селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ пятнадцати отъ Кіева). Захожу въ одну избу. Дѣло было къ вечеру... Крестьянка, хлопотавшая по хозяйству въ избѣ, встрѣтила меня довольно привѣтливо и пригласила садиться. Я сѣлъ на скамью, и скоро у насъ съ нею завязалась бесѣда; мы толковали о томъ, о другомъ. Но вотъ ужинъ былъ готовъ; хозяйка поставила ѣду на столъ и пригласила меня ѣсть. Я приблизился къ столу и взялъ въ руки ложку,

— „А откуда вы, человиче добрый?“ спросила меня хозяйка.

— „Изъ Веркіевки“, отвѣтилъ я. Имѣя паспортъ Веркіевской волости, Нѣжинскаго уѣзда, я, конечно, иначе и не могъ отвѣтить.

— „Слушаю я тебя и въ толкъ не возьму“, раздался внезапно мужской голосъ сверху печки. „Откуда говоришь ты родомъ?“

Я поднялъ глаза вверхъ и на печкѣ, занимавшей правый уголъ избы, увидѣлъ лежавшаго тамъ мужика среднихъ лѣтъ. Прежде всего меня непріятно поразило то обстоятельство, что этотъ мужикъ заговорилъ со мною на ты. Украинцы считаютъ эту форму рѣчи крайне невѣжливой и употребляютъ ее лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда бранятся или когда, вообще, желаютъ высказать свое пренебреженіе къ кому нибудь. Однако, я не подалъ вида, что обиженъ, и совершенно спо-

койно отвѣтилъ ему то, что говорилъ раньше хозяйкѣ.

— „Изъ Веркіевки?!.. А изъ какой? Изъ той, что подъ Нѣжиномъ? переспросилъ мужикъ.

— „Да, изъ той самой“, отвѣтилъ я.

— „Брешешь!“ категорически сказалъ онъ.

Я даже приподнялся изъ за стола, до того былъ и смущенъ, и разсерженъ вмѣстѣ.

— „Ты что же не вѣришь! Я тебѣ паспортъ покажу!...“ заговорилъ я съ нимъ тоже на ты.

Крестьянинъ лежалъ на печи брюхомъ, такъ что съ печки выглядывала только одна его голова.

— „Зачѣмъ же ты встаешь отъ вечери?! Сиди и ѣшь!“ замѣтилъ онъ, мѣняя тонъ; а потомъ продолжалъ: „Говоришь, изъ подъ Нѣжина?“

— „Да.“

— „Брешешь! Ей-Богу, брешешь!..“

— „Гляди паспортъ!“

— „ А мнѣ что же твой паспортъ?!.. Я неграмотный... Кто же тамъ разберетъ, что въ томъ паспортѣ написано?“

— „Позови грамотныхъ; пусть тебѣ прочтутъ...“

— „Что бы ни прочитали, говорю тебѣ: брешешь!.. Я „по мови чую“ (слышу по рѣчи), что ты оттуда, съ Польши, а не нѣжинскій“, сказалъ мужикъ, махая рукою по направленію къ Днѣпру. „И въ самомъ Нѣжинѣ я бывалъ не разъ и не два... Оттуда хлѣбъ возилъ, — слыхалъ, какъ тамъ люди говорятъ.“

Было очевидно, что я попался. Произношеніе на правомъ берегу Днѣпра или, какъ называютъ мужики эту мѣстность Украины, Польшѣ, сильно отличается отъ лѣво-бережиаго. Я же выросъ въ Подольской губерніи, усвоилъ себѣ тамошній языкъ и, слѣдовательно, для опытнаго уха не могло быть сомнѣнія въ моей „брехнѣ“. Вывернуться изъ этого положенія оказывалось невозможнымъ: чѣмъ болѣе я настаивалъ на своемъ, тѣмъ энергичнѣе раздавалось „брешешь“. Любопытно было то, что при этомъ мужикъ всякій разъ убѣдительно упрашивалъ меня не оставлять „вечери“.

— „А ты ѣшь!.. Не вставай отъ стола!..“ добродушно говорилъ онъ.

Наконецъ дѣло дошло до того, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только во всемъ сознаться; тогда я замолчалъ. Мужикъ понялъ, вѣроятно, это и съ своей стороны прекратилъ нападеніе.

Послѣ ужина, такъ какъ было уже поздно, онъ мнѣ замѣтилъ:

— „Ну, ложись спать. Да только, смотри, ночью не украдь чего нибудь“.

Утромъ другого дня я ушелъ въ Кіевъ и, идя дорогой, долго размышлялъ объ этомъ случаѣ. Онъ мнѣ послужилъ на будущее время прекраснымъ урокомъ. Я сталъ осторожнѣе относиться къ паспортамъ и практиковалъ такую систему: всюду выдавалъ себя не иначе, какъ за жителя Подольской губерніи, и только, когда обстоятельства загоняли меня въ Подольскую губернію, я для этого случая имѣлъ паспортъ изъ другой губерніи.

Въ Кіевѣ я засталъ ожидаемыя мною извѣстія и поѣхалъ въ Волочискъ. Нужно сказать (хотя этого я не зналъ тогда), что одесскій кружекъ пропагандистовъ, занимавшійся перевозкой книгъ черезъ границу, велъ дѣло при посредствѣ того жо волочискаго контрабаидиста, который находился въ сношеніяхъ со мною. Между тѣмъ, полиція въ то время имѣла уже свѣдѣнія о томъ, что черезъ Волочискъ провозили контрабаидным путемъ революціонныя книги и принимала мѣры къ поимкѣ виновниковъ. Въ этомъ всѣ убѣдились потомъ, когда въ Одессѣ пойманъ былъ, наконецъ, осенью 74 года Чудновскій, одинъ изъ одесскихъ пропагандистовъ. Что касается до меня, то я подозрѣвалъ этого контрабандиста въ сношеніяхъ съ полиціей значительно раньше и именно съ той минуты, какъ данный ему мною адресъ Судзиловскаго попалъ какимъ то образомъ въ руки полиціи и вызвалъ въ „коммунѣ“ обыскъ, о которомъ я разсказывалъ выше. Теперь, когда я пріѣхалъ въ Волочискъ, подозрѣнія мои еще болѣе увеличились. Я имѣлъ свиданіе съ нимъ на австрійской сторонѣ, въ Подволо-

чискѣ, въ ветхомъ домикѣ, стоявшемъ недалеко отъ рѣчки, служащей границей между Россіей и Австріей. Помню, я сидѣлъ съ нимъ въ избѣ и бесѣдовалъ, когда раздался стукъ въ наружную дверь. Изъ предосторожности я вышелъ въ сосѣднюю комнату и отсюда черезъ дверную щель увидѣлъ, къ истинному своему изумленію, какъ вошелъ русскій пограничный стражникъ и сталъ о чемъ то тихо разговаривать съ моимъ контрабандистомъ. Правда, послѣ его ухода, онъ старался меня увѣрить, будто стражникъ этотъ самъ занимается контрабандой и съ этой цѣлью къ нему заходилъ, но объясненіе это меня не удовлетворило, и я успокоился лишь тогда, когда мнѣ удалось благополучно воротиться въ Кіевъ. Вернулся я, само собою разумѣется, съ пустыми руками т. е. безъ книгъ, и съ тѣхъ поръ больше не ѣздилъ на границу за книгами. Такимъ образомъ, черезъ юго-западную австрійскую границу не было перевезено ни одного экземпляра бакунинскихъ изданій. Не знаю, насколько было удачнѣе съ другими изданіями, но намъ совсѣмъ не повезло. На этой границѣ все было испорчено, такъ какъ мы съ съ самаго же начала попали въ руки такихъ людей, которые нашли выгоднымъ выдать все дѣло полиціи.

Когда я воротился съ границы въ Кіевъ, то уже не засталъ здѣсь ни Стефановича, ни Брешковской: они отправились на югъ Кіевской губерніи. Я рѣшилъ „итти въ народъ“ одинъ и съ этой цѣлью поѣхалъ въ Жмеринку.

Пріѣхавши на мѣсто, мнѣ удалось сразу поступить на работу къ желѣзно-дорожному подрядчику, занимающемуся ремонтировкою дороги на извѣстномъ участкѣ. Партія человѣкъ въ шестьдесятъ, въ которую я попалъ, состояла исключительно изъ мѣстныхъ крестьянъ и работала между станціями Жмеринкой и Крыжополемъ. Вооруженные лопатами, мы разъѣзжали по линіи въ такъ называемомъ рабочемъ поѣздѣ, составленномъ изъ тридцати открытыхъ платформъ и одного багажнаго закрытаго вагона, гдѣ помѣщались запасныя лопаты и гдѣ

сидѣлъ „старшій“ рабочій, распоряжавшійся нашей партіей. На каждой платформѣ было по два человѣка. Работа заключалась въ томъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ мы нагружали наши платформы пескомъ, затѣмъ насъ подвозили то къ одному, то къ другому пункту, гдѣ мы тотъ же песокъ выгружали. Но такъ какъ, само собою разумѣется, движеніе по линіи не прекращалось, и довольно часто пробѣгали поѣзда товарные и пассажирскіе, то нашему поѣзду иногда по долгу приходилось стоять по станціямъ на, такъ называемыхъ, запасныхъ рельсахъ, въ ожиданіи пока очистит я путь. Работа выходила почти что дворянская. Правда, надо было очень быстро нагружать и разгружать вагоны, но за то въ антрактахъ по цѣлымъ часамъ мы лежали на своихъ платформахъ безъ всякаго дѣла.

— „Скорѣй!.. Скорѣй, хохлы!.. Мать вашу такъ...“ покрикивалъ „старшій“ рабочій въ одинъ изъ горячихъ моментовъ. Ближайшее наше начальство было не изъ хохловъ и очень любило пускать въ ходъ матерное поощреніе.

— „Что это онъ все по матери, да по матери?!..“ замѣтилъ я какъ то своему товарищу по платформѣ, тщедушному мужику съ подбритымъ чубомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ украинцы въ жаркое лѣтнее время.

— „За это платятъ“ флегматично отвѣтилъ тотъ и потомъ продолжалъ: „Какая же тутъ работа? Чортъ знаетъ что, а не работа! Посмотрите на ту платформу: ну — какой это работникъ?!. Въ селѣ гусей бы пасъ, а тутъ онъ считается работникомъ“.

На указанной платформѣ, дѣйствительно, стоялъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

Сбросивши песокъ съ вагоновъ, мы обыкновенно соскакивали на землю и быстро приводили его въ порядокъ, т. е. придавали ему видъ болѣе или менѣе правильныхъ фигуръ. Но раздавался свистокъ съ паровоза и всѣ, очертя голову, бросались на платформы, такъ какъ машина начинала двигаться. Часто это приводи

ло къ тому, что какой либо мужикъ не успѣвалъ влѣзть на верхъ, тѣмъ болѣе что влазить было крайне неудобно, и висѣлъ на однихъ рукахъ, пока товарищу не удавалось его втащить. А поѣздъ въ это время мчался.

Хорошее лѣтнее время, постоянные разъѣзды, легкая работа и плата болѣе чѣмъ достаточная для пропитанья (я и не проѣдалъ всего полтинника) — все это вмѣстѣ настраивало меня хорошо, и я чувствовалъ себя вполнѣ довольнымъ. Были у насъ и свои развлеченія. Помню, въ одномъ мѣстѣ (забылъ уже на какой станціи) наши мужики забрались какъ то въ вагоны, нагруженные глиняными горшками и утащили оттуда нѣсколько горшковъ. Собственникъ горшковъ, еврей, замѣтилъ похищеніе и пожаловался старшему рабочему. Тотъ сталъ обыскивать партію; но, конечно, ничего не могъ найти, такъ какъ горшки были заблаговременно попрятаны въ высокомъ хлѣбѣ, росшемъ возлѣ желѣзной дороги. Вслѣдъ за тѣмъ, такимъ же способомъ добыта была изъ другого вагона пшеница, и мы всей компаніей въ тотъ вечеръ ѣли кутью. Собственникъ конечно плакался. Но что значила для него эта незначительная потеря, когда онъ имѣлъ цѣлыхъ пять вагоновъ нагруженныхъ горшками! А между тѣмъ, какое удовольствіе получилъ всякій изъ насъ въ эту темную лѣтнюю ночь! Мы лежали вокруъ костровъ въ густой травѣ и глядѣли на пылающіе огни, со всѣхъ сторонъ обставленные горшками. Надъ нами высоко мерцали звѣзды. Кругомъ царила ненарушимая тишина, и только у насъ трещали дрова, да слышался смѣхъ и разговоры, продолжавшіеся чуть ли не до полуночи. Я ужъ умалчиваю о существенномъ, т. е. о самой кутьѣ, которую мы съѣли тоже не безъ удовольствія.

Но едвали не самое большое развлеченіе доставляли нашей партіи цыгане, жившіе въ землянкахъ, подъ лѣсомъ, если не измѣняетъ мнѣ память, возлѣ станціи Крыжополь.

— „Го-го-го-го-о!“ раздавалось со всѣхъ платформъ поѣзда, медленно двигавшагося мимо цыганскихъ земля-

нокъ. Возгласъ этотъ почему то задѣвалъ цыганъ, и они, точно по сигналу, выскакивали изъ своихъ помѣщеній. Поднимался невообразимый гамъ и крикъ. Кричали цыгане, потрясая въ воздухѣ сжатыми кулаками, кричали одновременно и мы, всѣ шестьдесятъ человѣкъ, тыча въ нихъ указательными пальцами, что, между прочимъ, особенно сильно ихъ злило. Цыганки въ иступленіи дѣлали непозволительные жесты, въ отвѣтъ на это съ платформы неслись на нихъ цѣлыя тучи песку. Но поѣздъ проходилъ и цыгане смолкали; затихали и мужики, съ твердымъ намѣреніемъ, однако, при первомъ же случаѣ опять поднять исторію. Проѣзжать приходилось часто и всегда, съ небольшими варіаціями, сцена повторялась.

Прошло нѣкоторое время. Наступила косьба. Въ окрестностяхъ люди принялись за уборку сѣна. Поденныя цѣны всюду поднялись, а нашъ подрядчикъ оставлялъ насъ при прежнемъ полтинникѣ. По деревнямъ платили косарямъ даже по семидесяти пяти копѣекъ въ день. Мои товарищи по работѣ знали объ этомъ и среди нихъ мало по малу стало расти недовольство. Нѣсколько разъ мы заявляли старшему рабочему, чтобы намъ увеличили плату, но онъ отвѣчалъ: „Не мое дѣло... Не я васъ нанималъ... Говорите подрядчику.“ Разсчетъ дѣлали по субботамъ, причемъ подрядчикъ почти всегда удерживалъ плату за два дня — до слѣдующаго разсчета, — и, такимъ образомъ, оставался постоянно въ долгу у рабочихъ; этимъ способомъ онъ держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Недовольство усилилось до такой степени, что въ первую же субботу, когда партія наша пріѣхала въ Жмеринку, рѣшено было не уступать подрядчику и требовать или повышенія платы, или окончательнаго разсчета. Толпа направилась къ квартирѣ подрядчика, жившаго недалеко отъ вокзала. Но въ квартирѣ его не оказалось — онъ ушелъ на вокзалъ. Дѣло усложнялось нѣсколько, такъ какъ на вокзалъ, въ пассажирскій залъ перваго класса, итти толпой было невозможно. Трое насъ пошло, что бы вызвать его оттуда. Однако, простоявъ нѣкоторое время возлѣ двери перваго класса,

которую то и дѣло отворяли и затворяли передъ нашимъ носомъ, и не найдя возможности проникнуть въ залъ съ этого входа, такъ какъ не пускали туда желѣзно дорожные служителя, мы обошли вокзалъ и вздумали попытать счастья съ другого входа — съ платформы. Но тутъ были встрѣчены такимъ яростнымъ нападеніемъ жандарма, ходившаго по платформѣ, что принуждены были просто таки бѣжать. Схватившись за шашку, онъ бросился за нами, какъ цѣпная собака, издавая, вмѣсто словъ, какіе то шипящіе звуки. Соскочивъ съ платформы и отбѣжавъ нѣсколько, издали мы вступили съ нимъ въ переговоры.

— „Намъ надо видѣть нашего подрядчика", говорили мы. „Онъ въ залѣ перваго класса".

— „Какого подрядчика?!.." кричало усатое страшилище. На его шеѣ висѣла круглая, бѣлая медаль, величиною въ чайное блюдце.

— „Нашего подрядчика!.. Онъ сидитъ въ залѣ."

— „Вв-онъ отсюда!!"

Такимъ образомъ, наша делегація воротилась совершенно посрамленная. Оставалось единственное средство, практикуемое въ такихъ случаяхъ на Руси, — ждать. Мы разсѣлись на землѣ возлѣ квартиры подрядчика и принялись за это средство. Долго мы сидѣли. Наконецъ, подрядчика мы все таки дождались; онъ зашелъ сначала въ свои комнаты, пробылъ тамъ нѣкоторое время и потомъ вышелъ къ намъ на крыльцо.

— „За деньгами пришли?" спросилъ онъ такимъ тономъ,точно это въ первый разъ ему случалось.

— „За деньгами.."

— „Вотъ что,люди добрые", замѣтилъ онъ; „денегъ сегодня у меня нѣтъ. Въ понедѣльникъ буду платить."

— Какъ же безъ грошей ?!" зашумѣли всѣ. „Намъ нужны гроши на харчи — ѣсть нечего."

— „На харчи я дамъ... По рублю на человѣка."

Это предложеніе видимо не понравилось. Вся толпа разомъ заговорила. Произошелъ шумъ и крикъ.

— „Не въ первый же разъ откладываю разсчетъ?..

Слава богу, до сихъ поръ люди вѣрили мнѣ!“ кричалъ подрядчикъ.

— „Мы хотимъ, что бы вы намъ плату увеличили!“ сказалъ я тогда громко, видя, что мое вмѣшательство становилось необходимымъ.

Шумъ утихъ.

— „А это еще что?! Полтинника вамъ мало?“

— „Мало! Косарю теперь платятъ семьдесятъ пять копѣекъ въ день“.

— „Такъ развѣ вы у меня косите?..

— Намъ все равно какая работа. Если понадобится и косить будемъ; не откажемся“.

Подрядчикъ замолчалъ, видимо, сознавая, что на этой почвѣ ему не переспорить насъ.

— „Но посмотрите, какіе между вами работники?!“ напалъ онъ потомъ съ другой стороны, указывая на четырнадцатилѣтняго мальчика, стоявшаго въ толпѣ.

— „Развѣ много такихъ?“ закричали мужики. „Два-три такихъ; а насъ всѣхъ, слава богу, шестьдесятъ человѣкъ!“

Подрядчикъ опять замолкъ.

— „Такъ не хотите брать по рублю на харчи?“ спросилъ онъ.

— „Не хотимъ брать по рублю!.. кричала толпа.

— „Не хотите и не нужно“, замѣтилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ и ушелъ къ себѣ въ комнаты. А мужики вновь остались ждать, но чего — въ этотъ разъ уже никому не было извѣстно.

Они разсѣлись на землѣ группами и шушукались между собою, въ ожиданіи подрядчика, а подрядчикъ словно забылъ о нихъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ... Солнце закатилось... Начались сумерки.

Наконецъ, изъ комнатъ подрядчика вышелъ на крыльцо старшій рабочій и громко возгласилъ:

— „Кто хочетъ брать по рублю — заходи!“

Мужики встрѣтили это заявленіе, молча, и нѣсколько мгновеній сидѣли на землѣ, не двигаясь; но вотъ изъ одной группы кто то всталъ и пошелъ къ крыльцу; за

нимъ поднялись на ноги еще два человѣка и тоже направились къ дому... А минутъ черезъ пять или десять уже валила цѣлая куча людей.

— Не толпиться.... Не толпиться.... Хватитъ для всѣхъ!“ говорилъ старшій рабочій, удерживая рукою крестьянъ, поднимавшихся на крыльцо.

Дѣло не выгорѣло. Вошелъ и я къ подрядчику.

— „А мнѣ, пожалуйста, дайте полный разсчетъ; рубля брать не хочу“, проговорилъ я, подойдя къ столу, за которымъ онъ сидѣлъ.

— „А-а?!.. Я тебя узналъ“, отвѣтилъ онъ, глядя на меня, — „это ты разговаривалъ тогда?!“ Дамъ... дамъ... Самъ не хочу тебя дер-жать. Только потомъ... Сначала выплачу другимъ.“

Часа два спустя я сидѣлъ въ земляномъ баракѣ, гдѣ мы обыкновенно ночевали, находясь въ Жмеринкѣ, и пристраивалъ уже свой походный мѣшокъ, готовясь на другой день ѣхать въ Кіевъ.

— „Всѣ гроши получилъ отъ подрядчика?“ спрашивалъ меня одинъ молодой паробокъ, работавшій въ нашей партіи.

— „Всѣ“, отвѣтилъ я ему.

— „Такъ и не задержалъ ни одной копѣйки?“

— „Не задержалъ... Какъ же онъ могъ задержать?“

— „Молодчина!“ съ завистью воскликнулъ онъ. „А мы съ однимъ карбованцемъ остались.“

— „Кто же вамъ виноватъ... Не надо было соглашаться.“

— „Въ слѣдующую субботу и я такъ сдѣлаю, какъ вы“, заявилъ онъ категорическимъ тономъ.

Но сдѣлалъ ли онъ такъ или нѣтъ — не знаю, такъ какъ, уѣхавши въ Кіевъ, я, послѣ того, въ Жмеринку не возвращался болѣе.

VII

ПОГРОМЪ

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то „коммуны“ въ домѣ Леминскаго уже не существовало болѣе. Нѣсколько человѣкъ, воротившихся „изъ народа“, жили на краю города по направленію къ, такъ называемой, Васильковской Заставѣ. Стронскій поселился съ женою въ номерахъ гостинницы, недалеко отъ вокзала. Около этого же времени появились Колѣнкина и Стефановичъ, который былъ „въ народѣ“ вмѣстѣ съ Брешковской на югѣ Кіевской губерніи. Помню, утромъ одного дня (дѣло происходило, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ) онъ пошелъ къ Лурье, члену кружка „кіевскихъ чайковцевъ“, и скоро прибѣжалъ оттуда взволнованный, объявивши намъ, что Лурье арестованъ уже нѣсколько дней тому назадъ и что у него, при обыскѣ найдены жандармами подробныя указанія мѣста, гдѣ жила въ ту минуту Брешковская съ подложнымъ паспортомъ на имя Феклы Косой (съ этимъ паспортомъ она жила среди крестьянъ). Что было поводомъ къ аросту Лурье — съ полной увѣренностью сказать не могу, но, насколько мнѣ извѣстно, дѣло было такъ: Лурье, остававшійся безвыѣздно въ Кіевѣ, служилъ посредникомъ въ письменныхъ сношеніяхъ между нѣкоторыми, ушедшими въ народъ въ различныя мѣстности, и, между прочимъ, Брешковская вела свои сношенія при его посредствѣ. Кажется, по адресу Лурье списывались съ кіевскими революціонерами приволжане и тамъ, на Волгѣ, найденъ былъ у кого то при обыскѣ этотъ адресъ. Широкія преслѣдованія революціонеровъ въ 1874 году подняты были сначала на Волгѣ, а затѣмъ они распространились по всей Россіи. Первый обыскъ сдѣланъ былъ 31-го мая въ Саратовѣ, въ мастерской, организо-

ванной Войнаральскимъ, и этотъ обыскъ послужилъ началомъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ обысковъ и арестовъ по другимъ городамъ. А именно, шесть дней спустя былъ произведенъ обыскъ въ Москвѣ, въ типографіи Мышкина. По счастью, въ этотъ разъ самъ Мышкинъ не былъ пойманъ и ему удалось бѣжать за границу. Послѣ этого произошли аресты въ іюлѣ мѣсяцѣ въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губ., гдѣ находился въ качествѣ фельдшера при земской больницѣ Судзиловскій. Во время ареста, Рѣчицкій — пріятель Судзиловскаго и бывшій членъ нашего американскаго кружка — застрѣлился; а Судзиловскому посчастливилось скрыться и потомъ бѣжать за границу. Со всякимъ новымъ обыскомъ и арестомъ, жандармы открывали все новыхъ и новыхъ „злоумышленниковъ“. Особенно энергичные поиски велись за Коваликомъ, Рогачевымъ и Войнаральскимъ, окончившіеся тѣмъ, что 12-го іюля Коваликъ былъ арестованъ въ Самарѣ, а двѣнадцать дней спустя — въ той же Самарѣ — пойманъ былъ и Войнаральскій. Рогачевъ скрылся, уйдя внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака. Начались повсемѣстные аресты.

Почти одновременно съ этими событіями, происходившими на Волгѣ, начались преслѣдованія въ Черниговской губерніи среди сельскихъ учителей по доносу одного изъ учителей же, нѣкого Трудницкаго. Такъ какъ въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губ., въ качествѣ учителя при земской школѣ былъ Иванъ Ходько, объ арестѣ котораго, какъ намъ удалось узнать, состоялось постановленіе, то мы рѣшили его предупредить. Съ этой цѣлью Дробышъ-Дробышевскій поѣхалъ въ Черниговскую губенію, а Стефановичъ отправился на югъ Кіевской губ., что бы предупредить Брешковскую. Но Брешковская ушла сама раньше, такъ что ни Стефановичъ, ни жандармы, прибывшіе изъ Кіева почти одновременно съ нимъ, уже ее не застали на мѣстѣ. Тогда началась травля по ея слѣдамъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ она была настигнута жандармами возлѣ города Тульчина, Полтавской губ., гдѣ была арестована и откуда перевезена

была въ Кіевскій Тюремный Замокъ. Брешковская отказалась объявить свое имя и долгое время была извѣстна властямъ только подъ вымышленнымъ названіемъ Феклы Косой. Стефановичу не удалось, такимъ образомъ, предупредить ее, и онъ совершенно напрасно блуждалъ по деревнямъ, всюду розыскивая ея слѣды. Между тѣмъ съ Дробышевскимъ произошелъ слѣдующій случай: онъ благополучно прибылъ въ деревню, гдѣ жилъ Ходько, передалъ ему нужныя свѣдѣнія и послѣ того оба они рѣшили ѣхать въ Кіевъ. На станціи Плиски, кіево-курской желѣзной дороги, они замѣтили, когда садились въ поѣздъ, что вокзальный жандармъ слѣдилъ за ними и въ ту минуту, когда поѣздъ начиналъ двигаться, вскочилъ въ слѣдующій вагонъ и поѣхалъ съ ними. При движеніи поѣзда имъ трудно было что либо предпринять, а во время остановокъ они замѣчали, что не только плискій жандармъ, сторожившій поѣздъ, но и другіе жандармы, бывшіе по пути, тщательно слѣдили за ними. Такъ конвоируемые, доѣхали они до товарной кіево-курской станціи, откуда оставалось всего двѣ-три версты до кіевскаго вокзала. На товарной станціи они было попытались сойти съ поѣзда, но тотъ же жандармъ съ плискаго вокзала въ компаніи съ мѣстнымъ попросили ихъ обратно сѣсть, и когда тѣ вошли въ вагонъ, то въ этотъ разъ оба жандарма уже безъ стѣсненія влѣзли за ними туда же и разсѣлись въ противуположныхъ концахъ вагона, каждый возлѣ дверей. Если до сихъ поръ у нихъ и являлось сомнѣніе, то тутъ они окончательно убѣдились, что ихъ ожидаетъ арестъ. Поѣздъ былъ ночной и они рѣшили попытать счастья въ бѣгствѣ. Подъѣзжая къ вокзалу, они условились выходить въ разныя двери, что бы раздвоить стражу. Но лишь только поѣздъ остановился и Ходько пожелалъ выйти въ другую дверь, жандармъ загородилъ ему путь и попросилъ его выходить въ ту же дверь, куда направился Дробышевскій. Одинъ жандармъ вышелъ впередъ и, соскочивъ со ступеньки вагона, остановился на платформѣ, гдѣ было еще нѣсколько жандармовъ, видимо ожидавшихъ поѣзда. Дро-

бышевскій пошелъ первый, за нимъ Ходько, а сзади нихъ шелъ другой жандармъ. У дверей вагона Ходько нагнулся къ Дробышевскому и шепнулъ на ухо: „бѣгите“, а самъ задержался и загородилъ собою дверь.

— „Проходите!“ крикнулъ задній жандармъ.

Ходько медлилъ. Дробышевскій же въ это время, вмѣсто того что бы сойти на платформу, прыгнулъ съ площадки вагона въ противуположную сторону, на рельсы, и быстро побѣжалъ, стараясь скрыться между рядами вагоновъ, стоявшихъ параллельно поѣзду. Задній жандармъ замѣтилъ это. Сильно ударивъ Ходько въ спину, такъ что тотъ повалился на полъ, онъ перескочилъ и съ пронзительнымъ крикомъ: „лови!“ бросился въ погоню за Дробышевскимъ. Жандармы, находившіеся на платформѣ тоже кинулись догонять Дробышевскаго. Тогда Ходько поднялся, спокойно вышелъ изъ вагона, прошелъ черезъ платформу въ залъ перваго класса, — „хотѣлось даже пріостановиться тутъ и хватить рюмку водки для подкрѣпленія“, острилъ онъ потомъ, — и вышелъ съ вокзала. Но здѣсь онъ тотчасъ же бросился въ сторону, въ долину, гдѣ течетъ рѣка Лыбедь, — мѣсто это въ то время было еще совершенно незастроеное, — и мракъ скрылъ его отъ преслѣдованій. Послѣдній маневръ оказался весьма полезнымъ: жандармы, поймавши Дробышевскаго, подняли сильную тревогу о другомъ бѣжавшемъ. По улицамъ поскакали на извощикахъ полицейскіе и шпіоны, стараясь опередить поссажировъ, ѣдущихъ съ вокзала, и заглядывали всѣмъ въ глаза, освѣщая фонарями. Но Ходько, какъ кіевскій старожилъ, прекрасно зналъ городъ. Онъ пробрался незамѣтно въ квартиру одного своего пріятеля, гдѣ немедленно сбрилъ себѣ бороду, перемѣнилъ костюмъ, и въ такомъ видѣ ночью приведенъ былъ къ намъ.

Между тѣмъ уже въ теченіи нѣсколькихъ дней я замѣчалъ, что жандармы шатались по нашей улицѣ, останавливаясь у воротъ то того, то другого дома, и о чемъ то распрашивали. Жить дольше въ нашей квартирѣ становилось рисковано и мы дня черезъ два ее бросили.

Нѣкоторые совсѣмъ оставили Кіевъ, другіе же разъѣхались по разнымъ квартирамъ. Я и Ходько поселились у одного знакомаго и стали собираться въ дорогу, рѣшивъ на время выѣхать за границу, такъ какъ намъ рѣшительно некуда было дѣваться. Всѣ эти дни мы находились въ самомъ тревожномъ и напряженномъ состояніи. Всюду видѣли шпіоновъ, все подозрѣвали. Боялись заходить другъ къ другу на квартиры и встрѣчи свои устраивали въ глухихъ мѣстахъ Ботаническаго Сада или даже за городомъ, въ Рощѣ. Со всѣхъ сторонъ, откуда ни доходили къ намъ свѣдѣнія, мы слышали тоже лишь объ арестахъ, да розыскахъ. Аресты были въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Самарѣ, Саратовѣ... Казалось, мы не знали такого пункта въ Россіи, гдѣ бы не было тогда арестовъ. Съ другой стороны, благодаря тому, что раньше мы порвали сношенія со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, у насъ не оказалось теперь связей, которыя могли бы быть полезны въ эту тяжелую минуту. Денегъ у насъ не было. Мы были скомпроментированы, насъ розыскивали, и скрываться намъ было не у кого. Однимъ словомъ, мы были разбиты правительствомъ буквально наголову.

Но вотъ кое какъ намъ удалось собрать около восьмидесяти рублей, и съ этими деньгами мы съ Ходько рѣшили бѣжать за границу, что бы тамъ на время укрыться отъ преслѣдованій. Предполагая однако возвратиться оттуда въ скоромъ времени, я хотѣлъ условиться съ товарищами относительно нашей будущей встуѣчи и съ этой цѣлью, наканунѣ отъѣзда изъ Кіева, я отправился къ Стронскому. Стронскій съ женою, какъ я уже упоминалъ выше, жилъ въ это время въ гостинницѣ возлѣ самаго вокзала. Но пріѣдя туда, я не засталъ Стронскаго и зашелъ къ Колѣнкиной, занимавшей номеръ въ этой же гостинницѣ. Помню, когда я вошелъ къ ней въ комнату, она сильно встревожилась моимъ приходомъ и стала настаивать на томъ, что бы я немедленно уходилъ изъ гостинницы.

— „Уходите пожалуйста отсюда“, говорила она. „Въ

сосѣднемъ номерѣ живутъ шпіоны... Сегодня ночью я слыхала разговоръ за этой стѣнкой". И она указала рукой на одну стѣнку.

Я взглянулъ на стѣнку. То была деревянная тонкая перегородка, какія часто встрѣчаются въ Россіи въ дешевенькихъ, выстроенныхъ наскоро гостинницахъ. Сквозь такую перегородку легко можно слышать все, что говорится въ сосѣдней комнатѣ.

— „Хорошо, я уйду. Но мнѣ хотѣлось бы условиться относительно встрѣчи", проговорилъ я тихо, чтобы не слышно было въ сосѣднемъ номерѣ.

— „Уходите! И слушать не хочу... Васъ здѣсь арестуютъ," отвѣчала Колѣнкина тоже тихимъ голосомъ.

— „Въ такомъ случаѣ и васъ арестуютъ?!"

— „Лучше одному гибнуть, чѣмъ двоимъ. Уходите!"

— „Дайте же мнѣ кончить: условлюсь...

—„И слушать не хочу", перебила она и затѣмъ, чтобы на самомъ дѣлѣ не слышать меня, она закрыла себѣ уши пальцами и заговорила: „Уходите, уходите, уходите, уходите..." Слово это она повторила разъ десять.

Какая то странная нервность овладѣла мною. Я вышелъ. Проходя по корридору — въ одной изъ комнатъ, двери которой были раскрыты настежъ, — я увидалъ нѣсколько человѣкъ, показавшихся мнѣ весьма подозрительными. Я вышелъ изъ гостинницы; но, отойдя шаговъ сто, задалъ себѣ вопросъ: „Зачѣмъ же, однако, я приходилъ сюда?" Мнѣ сдѣлалось досадно; я разсердился на себя, и это чувство уничтожило мою нервность. Тогда я поворотился и вторично вошелъ въ гостинницу. Колѣнкина изумилась, увидавъ меня, и, кажется, вторично собиралась повторить десятокъ разъ слово „уходите", но кое какъ мнѣ удалось договориться. Въ настоящую минуту я уже не помню точно, въ какомъ городѣ и когда именно рѣшено было встрѣтиться, но очень хорошо помню лишь то, что мы встрѣтились потомъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагали.

Бѣгство изъ Кіева для насъ, главнымъ образомъ для Ходько, оказывалось, однако, дѣломъ не совсѣмъ лег-

кимъ: Ходько былъ родомъ кіевлянинъ и многіе полицейскіе знали его въ лицо. Вокзалъ и пароходная пристань кишѣли шпіонами. Ходили слухи, будто у тріумфальныхъ воротъ и у цѣпного моста — двухъ выѣздныхъ пунктахъ Кіева — полицейскіе и тайные агенты останавливали даже извозчиковъ — евреевъ „балагулъ“ — и осматривали пассажировъ, уѣзжавшихъ изъ города. Справедливы ли были эти слухи или нѣтъ, не могу сказать, но въ то время мы приняли ихъ очень близко къ сердцу. И вотъ, принявши все это во вниманіе, мы рѣшили бѣжать пѣшкомъ. Наши сборы продолжались недолго. Въ первыхъ числахъ сентября, поздно вечеромъ, въ то время, когда пассажиры торопились на извощикахъ къ ночному поѣзду, отходившему изъ Кіева, Ходько и я вышли съ квартиры нашего пріятеля съ небольшими узелками въ рукахъ и направились по пути къ вокзалу. Мы миновали Безаковскую улицу, ведущую къ вокзалу, и пошли внизъ по Бульварной. Недоходя до тріумфальныхъ воротъ, спустились въ канаву и тутъ переодѣлись: въ нашихъ узлахъ были для этого нѣкоторыя принадлежности. Ходько надѣлъ крестьянскую свитку; я — за неимѣніемъ другой свиты — надѣлъ широкую красную рубаху поверхъ лѣтняго пальто, которое заткнулъ въ панталоны, рубаху же выпустилъ наверхъ, какъ это дѣлаютъ великорусскіе рабочіе. На ногахъ у насъ были высокіе сапоги, служившіе намъ одинаково какъ для простаго, такъ и для полу-интеллигентнаго костюма. Преобразившись такимъ образомъ, мы привязали къ спинамъ свои узелки и зашагали ночью по шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Кіева въ Житомиръ. Скоро по обѣимъ сторонамъ потянулись темныя заросли, и только одна дорога бѣлѣлась узкою лентою впереди насъ. Мы шли всю ночь и остановились на отдыхъ на разсвѣтѣ, отойдя большое пространство отъ Кіева.

Кто ѣздилъ въ семидесятыхъ годахъ по кіево-житомирскому шоссе, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что въ то время тамъ было еще очень много лѣсовъ. Во время нашего путешествія мы боялись останавливаться у придорож-

ныхъ корчемъ и почтовыхъ станцій, гдѣ всегда можно было нарваться на непріятность, и предпочитали отдыхать въ лѣсу. Мы имѣли съ собою запасъ сала и покупать въ дорогѣ приходилось только хлѣбъ. Сворачивали обыкновенно съ шоссе въ сторону, въ глубь лѣса, выбирали укромное мѣсто и, поѣвши, укладывались на ночь.

— „Какъ думаете, могутъ ли шпіоны прослѣдить нашъ путь?“ обратился я какъ то къ Ходько во время одной ночевки.

— „Ну-у! самъ Лекокъ потерялъ бы голову!“ отвѣтилъ онъ.

И мы оба невольно засмѣялись. Чувство удовлетворенности и даже торжества наполнило мою душу. Конечно, я могъ быть изловленъ потомъ; но въ ту минуту, когда лежалъ у корней лѣсныхъ деревьевъ, я находился внѣ всякой опасности. Шпіоны въ это самое время рыскали по всему Кіеву, разсчитывая захватить насъ; а мы были далеко-далеко отъ нихъ. Какъ же было не торжествовать при этой мысли? Здѣсь насъ никто не могъ видѣть. Кругомъ стояли высокія сосны, да темно-зеленыя ели, которыя вполнѣ скрывали насъ отъ по торонняго глаза. Только однѣ бѣлки видѣли насъ: онѣ почему то по цѣлымъ ночамъ прыгали возлѣ нашихъ головъ, шурша сухими хвоями, устилавшими почву. Первую ночь это насъ безпокоило, и мы часто просыпались отъ шума: но потомъ привыкли къ этому и ночи двѣ спали хорошо.

Недоходя до города Коростышева, расположеннаго верстахъ въ тридцати отъ Житомира, мы забрались въ лѣсъ и тамъ опять переодѣлись: свитку и красную рубаху спрятали въ свои узлы и приняли снова полуевропейскій видъ. Въ такихъ костюмахъ мы вошли въ Коростышевъ. Здѣсь наняли „балагулу“ (еврея извощика) и поѣхали въ городъ Бердичевъ, оставляя въ сторонѣ Житомиръ. Въ Бердичевѣ мы сѣли въ поѣздъ и двинулись къ границѣ.

На станціи Здолбуново, гдѣ была пересадка и гдѣ въ ожиданіи поѣзда, шедшаго въ Радзивиловъ, пришлось ожи-

дать нѣсколько часовъ на вокзалѣ, съ нами чуть-чуть не стряслась исторія. Помню, сидѣли мы на скамьѣи бесѣдовали довольно оживленно. Потомъ я вытащилъ изъ узла путеводитель Бедекера, чтобы разсмотрѣть маршрутъ; увлекся этимъ занятіемъ и не обращалъ никакого вниманія на то, что совершалось кругомъ насъ.

„На насъ смотритъ жандармъ“, тихо прошепталъ Ходько.

— „Не смотрите на него“, также тихо отвѣтилъ я ему.

Первая мысль, блеснувшая въ моей головѣ, была та, чтобы не показать виду жандарму, что мы замѣчаемъ его слѣженіе. Нѣкоторое время я продолжалъ перелистывать книгу, затѣмъ сложилъ ее, всунулъ въ узелъ, поднялся со скамьи и подошелъ къ жандарму. Когда я шелъ, мнѣ показалось, что онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на меня.

— „Когда поѣздъ идетъ въ Радзивиловъ?“ спросилъ я его.

— „Въ столько-то часовъ и минутъ.“

— „Отчего это приходится такъ долго ждать въ Здолбуново?“

— „По расписанію“, лаконически отвѣтилъ жандармъ.

Всякое мгновеніе я ждалъ, что онъ спроситъ меня въ свою очередь: „А позвольте узнать, кто вы такой и куда и зачѣмъ ѣдете?“ Паспорта у насъ были на этотъ разъ отвратительные, благодаря тому, что попрападали печати и бланки во время арестовъ, — и дать сколько нибудь удовлетворительное объясненіе поѣздкѣ нашей въ Радзивиловъ мы рѣшительно не могли. Поэтому, малѣйшее разслѣдованіе или просто два-три вопроса со стороны жандарма были достаточны, чтобы насъ погубить. Я почувствовалъ это сразу и потому рѣшилъ итти, какъ говорятъ, напроломъ. Недавая ему опомниться, я понесъ необыкновенно длинную околесину о томъ, зачѣмъ такія неудобныя расписанія составляются на желѣзныхъ дорогахъ, да нельзя ли ихъ перемѣнить, да почему ихъ не перемѣнятъ и прочее въ такомъ родѣ. Жандармъ долго слу-

шалъ меня. Вѣроятнѣе всего въ эту минуту онъ рѣшилъ, что я — лакей одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ и при томъ лакей назойливый. Съ его лица любопытство мало по малу исчезло и замѣнилось пренебреженіемъ и даже надменностью. Я продолжалъ его распрашивать о какихъ то пустякахъ а онъ сталъ отвѣчать неохотно. Потомъ, наконецъ, повернулся ко мнѣ спиною и съ важностью большаго индѣйскаго пѣтуха удалился отъ меня, мѣрно позвякивая шпорами. Тѣмъ дѣло и кончилось. Жандармъ ни разу больше не взглянулъ на насъ.

Доѣхавши до радзивиловскаго вокзала, мы сошли съ поѣзда и направились въ мѣстечко. Въ Радзивиловѣ (Волынской губ.), находящемся на границѣ Россіи съ Австріей ни я, ни Ходько не были раньше. Но съ пограничной жизнью вообще я былъ хорошо знакомъ и зналъ, что переходъ границы вовсе не представляетъ какой либо особенной трудности. По всему вѣроятію мы перебрались бы въ Австрію безъ помощи контрабандистовъ, если бы пограничная линія была близко отъ мѣстечка, но здѣсь она проходила въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радзивилова, сзади лѣса, такъ что изъ мѣстечка ея даже не было видно. Поэтому мы боялись рисковать и пускаться сами въ путешествіе и рѣшили обратиться къ помощи контрабандистовъ. Зная, что болѣе или менѣе всякій „балагула“, живущій въ пограничномъ городкѣ, такъ или иначе долженъ быть прикосновеннымъ къ контрабандѣ, я началъ съ того, что принялся розыскивать „балагулу“. Мнѣ на одного указали и я отправился къ нему.

— „Нанимаешь лошадей?“ спросилъ я.

— „Да. А куда вамъ нужно?

— „Въ Почаевъ“.

— „Можно. Сколько дадите?“

— „Ну, а въ Броды?“ спросилъ я, какъ будто всколзь.

— „И въ Броды можно.“

Умный „балагула“ сразу сообразилъ въ чемъ дѣло: это я видѣлъ по его глазамъ. Почаевъ — русское пограничное мѣстечко, находящееся недалеко отъ Радзивило-

яа; Броды же городъ австрійскій, лежитъ верстахъ въ двѣнадцати уже по ту сторону границы.

— „А сколько возьмешь въ Броды? заговорилъ я съ нимъ уже смѣлѣе.

— „Въ Броды?... На лошадяхъ?... На лошадяхъ трудно... Пѣшкомъ если хотите!“

— „Ну пѣшкомъ, если на лошадяхъ нельзя. Сколько возьмешь?“

„Балагула“ помолчалъ немного и затѣмъ съ нѣкоторой нерѣшительностью въ голосѣ проговорилъ:

— „Дайте пять рублей.“

Я сталъ торговаться съ нимъ и мы сошлись на трехъ рубляхъ.

— „Насъ двое“, замѣтилъ я ему тогда. „За двоихъ получишь шесть рублей.“

— „Хорошо, хорошо“, заторопился „балагула“, видимо, не желая упустить такого выгоднаго случая.

Онъ мнѣ указалъ водяную мельницу, стоявшую на краю мѣстечка, гдѣ мы должны были подождать, потребовалъ съ насъ впередъ четыре рубля и самъ тотчасъ пустился въ розыски.

Черезъ нѣкоторое время къ намъ подошло двое крестьянъ. Это оказались контрабандисты, присланные „балагулою“. Они повели насъ къ себѣ въ сосѣднюю деревушку, находящуюся верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Радзивилова, гдѣ мы пробыли нѣкоторое время и часа за два до вечера двинулись, наконецъ, въ путь, къ границѣ. Два контрабандиста шли впереди насъ, третій — сзади. Мы шли гуськомъ, межею, черезъ широкое вспаханное поле. Впереди виднѣлся лѣсъ. Что бы не таскать въ рукахъ узловъ, мы надѣли на себя все, что въ нихъ заключалось, благодаря чему намъ было очень тяжело и трудно поспѣвать за быстро шедшими проводниками. Уже оставалось недалеко до лѣса, какъ вдругъ съ лѣвой стороны донесся отдаленный крикъ.

— „Скорѣй!“ скомандовалъ тогда одинъ изъ передовыхъ и пустился бѣжать.

Я посмотрѣлъ влѣво и увидѣлъ какую-то фигуру,

быстро двигающуюся по полю на перерѣзъ намъ. Фигура приближалась, но и лѣсъ былъ уже совсѣмъ близко. Еще нѣсколько скачковъ и мы были въ лѣсу. Два контрабандиста отдѣлились отъ насъ и побѣжали влѣво, какъ будто на встрѣчу фигурѣ. Мы продолжали путь съ однимъ проводникомъ. Скоро послышались съ лѣвой стороны громкіе голоса, разносимые далеко лѣснымъ эхомъ. Мы бѣжали. На пути намъ попалась небольшая полянка, гдѣ какой то крестьянинъ возился возлѣ срубленной сосны.

— „Сюда!.. Сюда!..“ кричалъ онъ, указывая рукою въ извѣстномъ направленіи. „Стража — тамъ!“

— „Бѣгите такъ прямо! На „той сторонѣ“, въ корчмѣ встрѣтимся“, сказалъ нашъ третій проводникъ и самъ тоже бросился влѣво, откуда все сильнѣе и сильнѣе доносился шумъ.

Мы остались одни. Ходько задыхался. Я тоже усталъ.

— „Куда же теперь?“, спросилъ Ходько.

Но размышлять было некогда, и мы побѣжали прямо лѣсомъ. Стволы деревьевъ мелькали по сторонамъ. Но вотъ впереди показался просвѣтъ. Лѣсъ кончился. Добѣжавъ до крайнихъ сосенъ, мы остановились. Я осторожно выглянулъ изъ за сосны. Вдоль лѣса тянулась патрульная дорога. На дорогѣ никого не было видно. Съ правой стороны виднѣлся пограничный столбъ... Мы перескочили черезъ дорогу и очутились въ Австрійской Имперіи. Какой то мужикъ, неподалеку пахавшій поле, обратился къ намъ съ просьбой дать ему табаку. Табакъ въ Австріи составляетъ государственную монополію, и поэтому его много идетъ изъ Россіи контрабаднымъ путемъ. Мы дали мужику немного табаку и, разспросивъ дорогу, пошли въ корчму, гдѣ должны были встрѣтиться съ нашими контрабандистами. Дѣйствительно, они скоро туда явились. Оказывалось, они побѣжали влѣво для того, чтобы задержать стражника, какъ удерживаютъ отъ нападенія злую собаку, бросая ей платокъ. Проводники наши, какъ мѣстные жители, ничѣмъ при этомъ не рисковали. Заплативши имъ слѣдуемые

съ насъ два рубля и угостивши водкою, мы наняли телѣгу и поѣхали въ Броды. Между тѣмъ наступила ночь. Пошелъ дождь. Въ Броды,въ гостинницу, куда насъ привезъ крестьянинъ, мы явились съ головы до ногъ испачканы и промокшіе до рубахи, такъ какъ всю дорогу сверху лило, а снизу брызгало отъ колесъ и лошадиныхъ копытъ. Мы заняли номеръ. Я заказалъ кельнеру, поляку, кофе. Мы такъ мало походили на обыкновенныхъ посѣтителей, что кельнеръ сразу заподозрилъ въ насъ что то особенное Я объяснялся съ нимъ на польскомъ языкѣ и это, вѣроятно, дало ему поводъ, когда Ходько вышелъ на время изъ номера, обратиться ко мнѣ съ слѣдующею фразою:

— „Извините за нескромный вопросъ, — вы ѣдете по порученію „Жонда“?

— „Какого „Жонда“? съ удивленіемъ переспросилъ я его, хотя, конечно, сразу догадался, что рѣчь шла о, такъ называемомъ, „Жондѣ Нородовомъ“ (народномѣ правительствѣ), дѣйствовавшемъ въ Польшѣ во время возстанія.

Кельнеръ смутился и проговорилъ: „Быть можетъ вамъ надо визировать паспортъ — я это могу сдѣлать“.

— „Благодарю; мы въ этомъ не нуждаемся“.

Кельнеръ удалился. До самаго нашего отъѣзда онъ былъ крайне предупредителенъ съ нами и, видимо, оставался при своемъ первоначальномъ предположеніи, т. е. что мы были агентами или эмиссарами по польскимъ дѣламъ. Такъ мало былъ еще тогда извѣстенъ русскій нигилистъ.

На другой день мы уже ѣхали по желѣзной дорогѣ въ Львовъ.

Общая цыфра арестованныхъ и привлеченныхъ къ дознанію по дѣламъ 1873 — 74 гг., на сколько мнѣ извѣстно, значительно превышала тысячу человѣкъ, между которыми были лица, игравшіе впослѣдствіи весьма видную

роль въ нашемъ революціонномъ движеніи; таковы были: Желябовъ, Лангенсъ, Лебедева, Перовская, Якимова, Грачевскій. Но среди лицъ, привлеченыхъ къ дознанію были также и нерозысканныя. Въ концѣ 74 года всѣмъ жандармскимъ управленіямъ разослана была секретная бумага, гдѣ были переименованы лица, успѣвшія скрыться отъ преслѣдованій. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ скоро совершенно сошли со сцены: одни эмигрировали за границу, другія просто удалились отъ дѣла. Но были и такія, которыя продолжали дѣйствовать въ Россіи подъ чужими, чаще всего вымышленными, именами до тѣхъ поръ пока не были переловлены. Онѣ составляли нашу первую кадру „нелегальныхъ“. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Фроленко, прошли черезъ все революціонное движеніе, принимая самое горячее, активное участіе въ дѣлахъ, и арестованы были только въ 80-ыхъ годахъ.

Эта секретная бумага опубликована была въ февралѣ 1875 г. во 2-мъ номерѣ газеты „Впередъ“, издававшейся въ Лондонѣ. Ввиду интереса, который можетъ представить этотъ документъ для всякого, желающаго познакомиться съ исторіей революціоннаго движенія 70-ыхъ годовъ, я счелъ нужнымъ перепечатать его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе что „Впередъ“ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Вотъ этотъ документъ.

СПИСОКЪ ЛИЦАМЪ, ПРИВЛЕЧЕННЫМЪ КЪ ДОЗНАНІЯМЪ И ЕЩЕ НЕ РОЗЫСКАННЫМЪ.

1) Рогачевъ, Дмитрій Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокаго, очень плотенъ: лицо продолговатое и вообще невыразительное; имѣетъ шрамъ, хорошо заросшій, на бородѣ или на щекѣ; взглядъ тупой, волосы на головѣ русые, бороды и усовъ не было; шея очень толстая; лѣтъ 25 — 26; обладаетъ громадной силой и рѣшительностью; вращается преимущественно въ обществѣ семинаристовъ, гимназистовъ и гдѣ большое скопленіе рабочаго люда; одѣвается то въ крестьянское то въ обыкновенное платье. Называлъ себя Василіемъ Петро-

вымъ Орловымъ; въ бытность свою письмоводителемъ у мирового судьи Пензенской губ.. Городищенскомъ уѣздѣ, Войнаральскаго. онъ заготовилъ въ это время много паспортныхъ бланковъ съ печатями волостныхъ правленій того уѣзда. Имѣетъ свидѣтельства семинариста Ивана Ареопагитскаго и воспитанника Введенской прогимназіи, Чембарскаго мѣщанина Николая Куликова. При задержаніи Рогачева необходимо принять мѣры предосторожности противъ его побѣга ввиду его громадной силы.

2) Кравчинскій, Сергѣй Михайловъ. Отставной поручикъ артиллеріи.

Роста высокого, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26, брюнетъ, волосы курчавые, носитъ бороду и усы; черты лица весьма крупныя и выразительныя; лобъ большой, развитой; говоритъ высокимъ, нѣсколько пискливымъ теноромъ. Называетъ себя Сергѣемъ Михайловымъ; носитъ разное платье и имѣетъ фальшивые паспорты.

3) Клеменсъ, Дмитрій Александровъ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета

Роста средняго, лѣтъ за 25, на видъ кажется старше; тѣлосложенія крѣпкаго; волосы темно-русые, носилъ бороду и усы. Называлъ себя Ельцинскимъ и „Ни въ городѣ Иванъ, ни въ селѣ Селифанъ“. Носитъ разное платье. Будетъ портретъ.

4) Алексѣева, Олимпіада Григорьева. Жена титулярнаго совѣтника; помѣщица Кирсановскаго и Моршанскаго уѣздовъ, Тамбовской губерніи.

Небольшого роста, имѣетъ цыганскій типъ; собой довольно красива; при разговорѣ шепелявитъ; держитъ голову на сторону; волосы носитъ стриженные, одѣвается въ женское и мужское крестьянское платье.

5) Лисовскій, Александръ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ 25; роста выше средняго; бѣлокурый, глаза сѣро-голубые, лицо чистое, безъ бороды и безъ усовъ; плечистъ, хорошо сложенъ; наружность представительная.

6) Обнорскій, Викторъ Павловъ. Крестьянинъ Вологодской губерніи

Лѣтъ 24; бѣлокурый, красивый, съ сильно развитымъ черепомъ; ни усовъ, ни бороды не носитъ; тѣлосложенія крѣпкаго.

7) Иванчинъ-Писаревъ, Александръ Ивановъ. Дворянинъ, бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

8) Мышкинъ, Ипполитъ Никитинъ. Домашній учитель, стенографъ.

Портретъ разосланъ всѣмъ начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

9) Саблинъ, Николай Алексѣевъ. Студентъ Московскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

10) Судзиловскій, Николай Константиновъ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета; сынъ отставного чиновника губернскаго города Могилева.

Лѣтъ 25; роста немного ниже средняго; волосы русые, лицо чистое; носъ довольно большой; борода небольшая, рѣдкая; одѣвается неряшливо; по костюму похожъ на мастерового.

11) Жебуневъ, Николай Александровъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи.

Лѣтъ 27; роста высокаго, стройный; волосы на головѣ и небольшой бородѣ темно-русые; лицо смуглое, чистое, продолговатое, худощавое; типъ цыганскій; одѣвается въ русское платье.

12 Жебунева, Зинаида Иванова. Жена Николая Жебунева, дочь мѣщанина Глупнова. (?)

Родомъ изъ Харькова; молодая, бѣлокурая, небольшаго роста, худощавая, немного сгорбленная, на видъ болѣзненная; лицо съ веснушками. Носитъ русское платье.

13) Макаревичъ, Анна. Рожденная Розенштейнъ; жена дворянина.

Лѣтъ около 20; бѣлокурая, лицо чистое, бѣлое; средняго роста; недурна собой.

14) Лукашевичъ, Александръ Осиповъ. Студентъ С. Петербургскаго Технологическаго Института.

Лѣтъ около 20; роста малаго; безъ бороды и усовъ; на одномъ глазѣ имѣется небольшой порокъ; объясняется скороговоркою; сильный выговоръ Костромской губ.; въ походкѣ замѣчается странность. Имѣетъ билетъ на имя семинариста Покровскаго

15) Фроленко, Михаилъ Федоровъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

16) Леонтовичъ, Николай. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

17) Младенкій Мартинъ. Студентъ Петровской Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

18) Война, Александръ Григорьевъ. Дворянинъ Екатеринославской губерніи

Будетъ портретъ.

19) Устюжаниновъ, Иннокентій Александровъ. Медикъ.

Примѣты неизвѣстны.

20) Аносовъ, Николай Михайловъ. Бывшій слушатель Петровской Академіи; сынъ титулярнаго совѣтника.

Роста высокаго: лѣтъ 24; бѣлокурый, небольшая свѣтло-русая (почти рыжая) борода.

21) Бухъ, Николай Константиновъ. Дворянинъ.

Около 20 лѣтъ; лицо небольшое; волосы свѣтло-русые, зачесаны назадъ, борода и усы едва замѣтны. Ходитъ постоянно въ русскомъ костюмѣ.

22) Никитинъ, Николай Доримедонтовъ. Студентъ Медико Хирургической Академіи.

Около 25 лѣтъ; лицо чистое, волосы темно-русые, зачесаны назадъ. Ходитъ въ русскомъ костюмѣ.

23) Тепловъ, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго; брюнетъ, безъ бороды, съ маленькими усиками; взглядъ нѣсколько суровый.

24) Стронскій, Николай. Бывшій студентъ Технологическаго Института.

Роста средняго, въ кости широкъ, довольно плечистъ; брюнетъ, волосы курчавые, выстрижены въ скобку; носъ длинный, тонкій; лицо бѣлое, чистое, продолговатое.

25) Чернышевъ, Иванъ Яковлевъ. Студентъ Кіевскаго Университета.

Роста средняго, лицо круглое, смугловатое, глаза черные, носъ ровный, небольшой; собою худощавъ.

26) Максимовъ, Павелъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста ниже средняго, тѣлосложенія крѣпкаго; волосы каштановые, лицо круглое, бѣлое и чистое; носъ ровный, небольшой; руки маленькія, пальцы тонкіе.

27) Гриневичъ, Клеоникъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Роста выше средняго; въ кости широкъ; блондинъ, волосы рыжеватые; лицо не совсѣмъ чистое, продолговатое; неуклюжъ, движенія медленны; говоритъ протяжно.

28) Иванова Надежда Александрова. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

29) Воронцовъ, Александръ Ивановъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Лѣтъ около 22; плотный, роста выше средняго: лицо румяное, круглое; волосы рыжеватые.

30) Рабиновичъ. Студентъ Медико-Хирур. Академіи.

Лѣтъ 23; брюнетъ; небольшого роста.

31) Шрейдеръ, Михаилъ Николаевъ. Сынъ генералъ майора; имѣетъ безсрочное свидѣтельство московскаго предводителя дворянства за № 186.

Около 22 лѣтъ; высокаго роста; брюнетъ, волосы на головѣ длинные, усы маленькіе; называетъ себя слесаремъ Михаиломъ Николаевымъ и подъ этимъ именемъ находился въ слесарнѣ при фабрикѣ Лопатиныхъ въ Ивано-Вознесенскѣ.

32) Называющая себѣ Маріей Андреевой, по фамиліи, какъ полагаютъ, Шталь.

Около 25 лѣтъ; высокого роста, полная, говоритъ свысока; хорошо грамотная; одѣвалась по крестьянски, въ ситцевый сарафанъ, носила хорошія серги и кольца. Жила въ Иваново-Вознесенскѣ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Шрейдеромъ.

33) Фесенко, Иванъ Федоровъ. Студентъ С. Петербургскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

34) Охременко, Александра Васильева. Дочь секретаря Уманской городской думы.

Лѣтъ 19; небольшого роста; собой довольно миловидна, съ остренькимъ носикомъ и темно-русыми, обстриженными по плечи, волосами; носитъ часто крестьянскій малороссійскій костюмъ.

35) Стефановичъ, Яковъ Васильевъ. Сынъ священника села Денисовки, Конотопскаго уѣз., Черниговской губерніи, студентъ Кіевскаго Университета.

21 года; роста выше средняго: худощавъ; волосы темно-русые, довольно длинные, небольшая бородка; носитъ крестьянскій костюмъ.

36) Сухмановъ, Иванъ Федоровъ. Чиновникъ Одесской Контрольной Палаты.

Примѣты неизвѣстны.

37) Разумовская, Ольга Иванова. По мужу Ро-

мановская, дочь священника села Приворотъ, Уманцкаго уѣзда.*)

Примѣты неизвѣстны.

38) Бенецкій, Василій Александровъ. Студентъ Кіевскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны.

39) Ходько, Иванъ. Бывшій студентъ Новороссійскаго Университета. **)

Роста высокаго, брюнетъ, худощавый, носитъ очки.

40) Донецкая, Фекла Иванова. Бывшая учительница села Плиски, Борзенскаго уѣзда.

Примѣты неизвѣстны.

41) Деникеръ, Іосифъ Егоровъ. Бывшій студентъ С. Петербургскаго Университета, имѣетъ недвижимую собственность въ г. Астрахани.

Роста нѣсколько выше средняго, лѣтъ около 30; волосы на головѣ, небольшой бородѣ, бакенбардахъ и усахъ — черные; носитъ очки.

42) Пунча, Константинъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

43) Морозовъ, Николай Александровъ. Бывшій воспитанникъ 2-ой Московской гимназіи; незаконорожденный сынъ Моложскаго уѣзднаго предводителя дворянства Щепочкина.

Роста высокаго, лицо блѣдное, круглое съ тонкими чертами, брюнетъ, борода и усы едва замѣтны; носитъ очки.

44) Союзовъ, Иванъ Осиповъ. Уволенный изъ военнаго званія въ первобытное крестьянское состояніе.

Лѣтъ 25, роста средняго, видный собою; волосы на головѣ темно-русые, таковые же небольшіе усы бороду брѣетъ. Имѣетъ паспортъ, выданный изъ Морозовскаго волостного правленія.

45) Сиряковъ, Клавдій. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

---

*) Это ошибка. Село Приворотъ, гдѣ жила Разумовская, находится въ Ушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи.

**) Это ошибка. Иванъ Михайловъ Ходько былъ въ кіевскомъ университетѣ, а не въ новороссійскомъ.

46) Вагинъ Петръ. Бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи.

Примѣты неизвѣстны

47) Стенюшкинъ, Иванъ Павловъ. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи; изъ крестьянъ.

Примѣты неизвѣстны.

48) Дебогорій-Мокріевичъ, Владиміръ. Бывшій студентъ Кіевскаго Университета.

Примѣты неизвѣстны. Имѣетъ фальшивый паспортъ.

49) Каблицъ, Іосифъ. Бывшій студентъ Кіевскаго университета, сынъ поручика, урожденный Черниговской губерніи.

Кривъ на одинъ глазъ. Постоянно отличается буйнымъ характеромъ.

50) Усачевъ, Владиміръ. Бывшій воспитанникъ Артиллерійскаго Училища.

Роста средняго, широкоплечій; брюнетъ, безъ бороды и усовъ

51) Шуравинъ, Петръ Александровъ. Студентъ Медико-Хирургической Академіи.

Примѣты неизвѣстны.

52) Ивановскій, Василій. Окончившій курсъ Медико-Хирургической Академіи.

Очень высокаго роста. Между товарищами и знакомыми называется «Василіемъ Великимъ».

53) Каленкина, Марія. Акушерка.

Примѣты неизвѣстны.

MÉMOIRES DE DEBOGORY-MOKRIEVITCH

ВОСПОМИНАНІЯ

ВЛ. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЕВИЧА

Выпускъ Второй

PARIS
IMPRIMERIE J. ALLEMANE
51, Rue Saint-Sauveur, 51
—
1895

VIII

ВЗГЛЯДЪ НА ДВИЖЕНІЕ 74-го ГОДА. ПОѢЗДКА ЗА ГРАНИЦУ. — ВСТРѢЧА СЪ МЫШКИНЫМЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РОССІЮ.

Если моя дѣятельность въ народѣ, о которой я разсказывалъ въ предшествующихъ главахъ, такъ мало представляла опасности для государственнаго строя, то тоже самое можно сказать и о дѣятельности почти всѣхъ пропагандистовъ 74-го года. Хожденіе въ народъ въ 73 и 74-мъ годахъ въ общемъ не принесло прямыхъ революціонныхъ слѣдствій.

„Въ народъ ходили многіе съ чисто рекогносцировочными цѣлями, облюбовать мѣстечко для поселенія, попробовать свои силы и, наконецъ, просто посмотрѣть на этотъ народъ, о которомъ говорятъ такъ много и который отдѣленъ отъ соціалиста китайской стѣной. Если бы большинству наиболѣе серьезныхъ пропагандистовъ задать вопросъ передъ ихъ отправленіемъ въ народъ — какъ они смотрятъ на свою будущую дѣятельность и какую форму пропаганды предпочитаютъ, — отвѣтъ былъ бы, безъ сомнѣнія, такой: надобно не ходить, а жить въ народѣ.“

Такъ характеризуетъ движеніе 74-го года, нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ изъ его участниковъ въ передовой статьѣ революціоннаго обозрѣнія „Община“, издававшагося въ Женевѣ.

И дѣйствительно, мы ходили въ народъ, а не жили, такъ какъ всякому хотѣлось въ короткій срокъ возможно болѣе осмотрѣть мѣстностей, возможно болѣе получить впечатлѣній.

Но мнѣ думается теперь, что если бы мы даже и жили среди народа, то и въ такомъ случаѣ едвали получилось бы больше революціонныхъ слѣдствій, такъ какъ — правду сказать — для революціонной дѣятельности въ народѣ почвы было мало. Уже тогда болѣе безпристрастные изъ насъ приходили къ заключенію, что нашъ народъ далеко не обладаетъ революціоннымъ настроеніемъ. Въ своемъ мѣстѣ я вспоминалъ о той пассивности крестьянъ, которая бросалась и намъ въ глаза во время нашихъ странствованій по Подольской и Кіевской губерніямъ. Правда, мы слышали отовсюду, что крестьяне ждали передѣла земли; но ожидали они его мирно, терпѣливо, какъ простую царскую милость. Самимъ добиваться передѣла никому изъ нихъ и въ голову не приходило. Но увлеченные своимъ собственнымъ революціоннымъ настроеніемъ, мы закрывали глаза на это обстоятельство и утѣшали себя той мыслью, что все таки крестьяне желали передѣла. Мы упускали изъ виду, что можно желать передѣла и въ тоже время спокойно ожидать его многіе годы, ничего не предпринимая. Очевидно, однако, что еще годъ-два подобныхъ странствованій по деревнямъ или жизни среди народа, и мы отрезвились бы отъ нашихъ революціонно-народническихъ утопій. Движеніе наше улеглось бы, приняло бы болѣе спокойное теченіе и, въ концѣ-концовъ, можалуй, мы оказались бы ничѣмъ другимъ, какъ „крайней лѣвой“ нашего обще-земскаго движенія. Осѣли бы мы по деревнямъ, кто въ качествѣ учителя, кто фельдшеромъ, кто ремесленникомъ и стали бы пропагандировать идеи соціализма. Окружающая дѣйствительность скоро наложила бы печать на нашу пропаганду; мы увидѣли бы кругомъ себя почти поголовную безграмотность (а какая же широкая пропаганда возможна среди безграмотнаго населенія); самъ собою выступилъ бы на

очередь вопросъ о распространеніи въ народѣ грамотности и тому подобной культурной дѣятельности. Такъ рисуется мнѣ теперь эволюція нашего движенія, если бы условія русской жизни были сколько нибудь нормальны, т. е. другими словами, если бы у насъ вмѣсто злого и глупаго правительства оказалось бы умное, которое съумѣло бы правильно взглянуть на движеніе и предоставило его теченіе самому себѣ. Повторяю, революціонное народничество было обречено на гибель, такъ какъ народная масса далеко не была революціонна. Вотъ какъ характеризуетъ, между прочимъ, настроеніе этой массы Е. Брешковская въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи въ народъ лѣтомъ 74 года по Кіевской губерніи. Передавая свои впечатлѣнія о жителяхъ одной деревни, получившихъ въ надѣлъ песчаную почву, она говоритъ: „Ропщутъ жители песочковъ, проклинаютъ и судьбу свою и сильныхъ враговъ своихъ, начальство, но голосъ протеста не возвышается среди нихъ. „Видно ничего не подѣлаешь, видно на роду намъ такъ написано“, возражали мнѣ горемыки на всѣ мои правдивыя рѣчи. Если, съ одной стороны, нужда и вѣчный гнетъ могутъ довести человѣка до отчаянныхъ поступковъ, то, съ другой — доводятъ его до идіотизма.“ Въ другомъ мѣстѣ, характеризуя заводскихъ рабочихъ одного мѣстечка, она пишетъ: „Особенно рѣзко сказывались тѣ черты, которыя мѣшаютъ людямъ сознательно браться за общее дѣло, боясь рисковать собою за блага, пользоваться которыми прійдется лишь дѣтямъ ихъ, а не то и внукамъ; страхъ оставлять извѣстное настоящее для неизвѣстнаго будущаго, а главное — недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ единодушію народа. Всѣ эти черты всплывали тутъ же.“ Или опять находимъ у нея еще слѣдующее мѣсто: „Одно, что оставалось непреодолимымъ — это ихъ недовѣріе къ собственнымъ силамъ и нѣкоторая нравственная трусость, весьма, впрочемъ, понятная въ людяхъ, привыкшихъ постоянно покоряться и почти никогда не протестовать. Пугала ихъ отчасти и отдаленность цѣли“.

Итакъ, недовѣріе къ собственнымъ силамъ у крестьянъ и рабочихъ — вотъ что раньше всего бросалось въ глаза серьезному наблюдателю. Но вѣра въ собственныя силы — это едвали не самое существенное качество для революціонера.

При подобномъ настроеніи народной массы, конечно, никакой опасности для государства не могла представить наша проповѣдь соціальной революціи. А, какъ видно изъ раньше сказаннаго, даже и эта проповѣдь не всегда имѣла мѣсто, такъ какъ большинство ходило въ народъ въ 74 году съ чисто рекогносцировочными цѣлями. Не лучше дѣло стояло въ этомъ отношеніи и по городамъ. Такъ въ Петербургѣ и Одессѣ даже довольно усердно пропагандировали среди рабочихъ, но результаты этой пропаганды оказывались также совершенно ничтожные. Два-три распропагандированныхъ рабочихъ въ замѣну чуть не десятка арестованныхъ интеллигентовъ, конечно не могло считаться удовлетворительнымъ веденіемъ дѣла, если не страдать тѣмъ заблужденіемъ, будто распропагандированный рабочій цѣннѣе интеллигента.

Не смотря на все это, „Дѣло о пропагандѣ въ 37-ми губерніяхъ“ жандармы и прокуроры раздули, и травля приняла невѣроятные размѣры. Тюрьмы наполнились арестованными; за многими гонялись, какъ за звѣрями. Кто не жилъ тогда, тому теперь трудно даже представить до чего доходило дѣло! Надо было все это видѣть! Производились, скажемъ, аресты гдѣ либо на Волгѣ, въ Самарѣ или Саратовѣ, — и вотъ при обыскѣ находятъ тамъ у кого-то кіевскій адресъ; тотчасъ телеграфируютъ въ Кіевъ и кіевскіе жандармы бросаются по указанному адресу. Здѣсь опять во время обыска находятъ адресъ житомирскій или каменецъ-подольскій, — бросаются въ Каменецъ-Подольскъ, Житомиръ и т. д. до безконечности. Погоня распространилась по всей Россіи. Хватали направо, налѣво, правыхъ и виноватыхъ, ни кого не щадя, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Больной, умирающій, — тащи его! Сажай въ кутузку!

Такъ бѣшенная собака въ изступленіи кидается на все, что ей попадается на глаза.

Впрочемъ ,надо сказать и то, что политическія дѣла всегда пользовались у насъ самой ужасной репутаціей. Человѣкъ, только подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, уже находился въ положеніи зачумленнаго, отъ котораго всѣ бѣжали, даже его родные. Суровая кара постигала не одного его, но и всѣхъ, кто осмѣлился высказать ему свое сочувствіе или даже находился только въ простыхъ сношеніяхъ съ нимъ. Я помню, какъ не смѣли громко произносить даже самое слово „политическій преступникъ", и когда необходимость заставляла касаться этого болѣе чѣмъ щекотливаго вопроса, то дѣлалось это при помощи полусловъ и намековъ. Таковы были россійскіе порядки съ давнихъ временъ и таковыми они остались до нашего времени. Спасать отечество или, что одно и тоже, — самодержавіе отъ внутренняго врага оказалось весьма благодарнымъ занятіемъ, а потому прокуроры и жандармы со страстностью предавались этому дѣлу. На этой почвѣ легко было проявлять рвеніе, а слѣдовательно и получать награды; можно было легко воровать изъ тѣхъ темныхъ суммъ, что ассигновывались на всевозможныя поимки и шпіонство. А такъ какъ самодержавіе давало тонъ всему, то дѣльцы, которые взяли на себя роль спасителей, вдругъ оказались всесильными людьми въ Россіи. Если среди самого правительства попадались лица, смотрѣвшія не вполнѣ одобрительно на поступки такихъ дѣятелей, какъ Желиховскій и Жихаревъ, то даже они не рѣшались громко высказывать этого, боясь попасть въ немилость царя. Они молчали; и все молчало: общество, пресса, а Желихвскіе и Жихаревы, пользуясь этимъ, съ изумительной наглостью принялись строить свои карьеры на несчастьи другихъ.

Выше я сказалъ, что дѣятельность въ народѣ не привела ни къ какимъ результатамъ, и движеніе 74-го года оказалось, такимъ образомъ, безплоднымъ по отношенію къ той программѣ, которую само себѣ ставило; но за

то оно принесло большую пользу тѣмъ, что расколыхало нашу интеллигентную среду. Идя въ народъ, мы, конечно, менѣе всего думали объ этомъ. Мы, интеллигенты, отказывались, такъ сказать, сами отъ себя, отряхали прахъ отъ ногъ своихъ и шли съ тѣмъ, чтобы безповоротно слиться съ народной массой. Это намъ не удалось. Но удалось намъ вызвать то, о чемъ мы совсѣмъ не заботились — сочувствіе среди мыслящихъ слоевъ русскаго общества. Открытый призывъ къ бунту, скажемъ, Войнаральскаго, разъѣзжавшаго по деревнямъ, конечно, не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Крестьяне нигдѣ не возстали и какъ жили раньше, такъ и продолжали жить, мирно заботясь лишь о насущномъ хлѣбѣ. Сомнительно даже, вспоминалъ ли кто нибудь изъ нихъ потомъ о Войнаральскомъ. Но вся мыслящая Россія, читая „Обвинительный актъ“, съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ нему за то, что онъ, не задумываясь, пожертвовалъ своимъ имуществомъ, а въ концѣ концовъ и своей жизнью ради дѣла, которому вѣрилъ. Правительственныя преслѣдованія еще болѣе подняли соціалистовъ въ глазахъ лучшей части нашего общества. Мало по малу завязывалась борьба русской интеллигенціи съ самодержавнымъ строемъ. Съ этой точки зрѣнія движеніе 74-го года имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ именно въ 74-мъ году затянулся тотъ узелъ, котораго и до сихъ поръ еще не развязали.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ обширный и къ нему мнѣ прійдется не разъ возвращаться. Теперь же ворочусь къ своимъ воспоминаніямъ.

И за мной тоже гонялись, какъ за волкомъ. Моихъ родителей, жившихъ въ С. Лукѣ, стали осаждать жандармы, подвергать обыскамъ, допросамъ. Взяли подписку о невыѣздѣ изъ деревни у отца, матери, брата. За чѣмъ это нужно было? Неужели для того, чтобы предупредить побѣгъ старухи матери или семидесятилѣтняго отца, къ тому же пенсіонера? Нѣтъ. Просто надо было притѣснить людей. Все, что было гнуснаго въ нашей деревнѣ, способнаго къ доносамъ, вдругъ получи-

ло значеніе и силу. Началось слѣженіе и подсматриваніе за нашимъ домомъ. Сельскій попъ, сухое костлявое существо съ крючковатымъ носомъ, похожее больше на барышника-цыгана, чѣмъ на попа, леталъ съ доносами къ становому приставу: то онъ видѣлъ меня на кухнѣ, то гдѣ либо въ сосѣднемъ лѣсу. Всюду гонялись за моей тѣнью. Моя личность рѣшительно покоя не давала этимъ милымъ моимъ соотечественникамъ. Имъ хотѣлось меня поймать. Хотѣлось награды. Но, конетно, меня ни гдѣ не находили, такъ какъ я въ это время бѣжалъ и бѣжалъ безъ конца.

Бѣжали мы съ Ходько прежде всего, какъ я уже разсказывалъ, за границу. Миновали Львовъ, Краковъ, Вѣну, Мюнхенъ; переѣхали благополучно Баденское озеро; но здѣсь, въ швейцарскомъ пограничномъ городкѣ, у насъ произошло непріятное столкновеніе.

— „Haben sie Pass? Спросилъ меня одинъ изъ пограничныхъ жандармовъ.

— „Kein Pass ich habe... отвѣтилъ я.

— „Warum?“

И сталъ онъ толковать о томъ, что при переѣздѣ черезъ границу всякій долженъ имѣть паспортъ.

— „Ich weisse nicht deutsch sprechen, замѣтилъ я ему

Жандармъ даже разсердился, услышавъ это, предполагая, должно быть, что я притворяюсь незнающимъ языка.

— „Kein Pass ich habe... твердилъ я между тѣмъ одну и ту же фразу нѣсколько разъ. Ходько молчалъ.

Вскорѣ къ намъ подошелъ второй жандармъ. Посовѣтовавшись между собою, одинъ изъ нихъ вытащилъ записную книжку и принялся распрашивать насъ откуда и куда мы ѣдемъ. Имѣя въ виду скорое возвращеніе въ Россію, намъ не хотѣлось объявлять себя русскими — мы боялись, чтобы насъ не прослѣдили. И потому кое-какъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ я объяснилъ жандарму, что мы поляки и ѣдемъ изъ Галиціи. Свѣдѣнія эти еще больше заинтриговали жандармовъ; они принялись еще подробнѣе распрашивать наши имена, фа-

миліи и проч. На всѣ детали я отвѣчалъ, конечно, вполнѣ детальной ложью, а онъ все это записалъ въ свою книжечку. Но вотъ, наконецъ, поѣздъ готовъ; мы вскочили въ вагонъ; жандармы тоже сѣли въ сосѣдній вагонъ и поѣздъ двинулся. Во время пути мы размышляли и разсуждали о случившейся исторіи и не знали чѣмъ ее объяснить. Только потомъ все намъ выяснилось. Оказалось, что около этого времени швейцарскія власти поймали поддѣльныя ассигнаціи (кажется французскія), и полиція розыскивала нѣсколько человѣкъ поляковъ, скомпрометированныхъ по этому дѣлу. Когда же мы въ Романсгорнѣ назвались поляками, то жандармы приняли насъ, очевидно, за розыскиваемыхъ: но потомъ, должно быть, прослѣдивши и убѣдившись въ нашей невинности, оставили насъ въ покоѣ.

Мы пріѣхали въ Женеву и тамъ прожили около мѣсяца. Здѣсь мы застали Мышкина, недавно передъ тѣмъ бѣжавшаго изъ Москвы, гдѣ была арестована его типографія. Я упоминалъ уже раньше, что въ этой типографіи Мышкинъ перепечатывалъ народническія брошюры и отсылалъ ихъ главнымъ образомъ на Волгу, гдѣ должны были (кружокъ Ковальскаго и Войнаральскаго) распространять ихъ среди крестьянъ. Но много ли удалось распространить тогда этихъ брошюръ и имѣло ли, наконецъ, это распространеніе революціонныя слѣдствія — сказать не могу. Думаю, однако, что и это предпріятіе постигла неудача, подобно другимъ дѣламъ 74-го года.

Мышкинъ производилъ впечатлѣніе человѣка весьма энергичнаго и живаго. Всѣ его движенія были быстры; онъ скоро говорилъ; его небольшіе, черные глаза ярко блестѣли. Мы — я и бакунистъ Р., о которомъ я вспоминалъ, разсказывая о своей первой поѣздкѣ — довольно близко познакомились тогда съ нимъ, и такъ какъ, подобно намъ, онъ собирался скоро возвратиться въ Россію, то мы условились съ нимъ вмѣстѣ работать. И у него, какъ и у насъ, благодаря повальнымъ арестамъ, связи въ Россіи были утеряны.

При первомъ же знакомствѣ съ нимъ бросалась въ

глаза его необыкновенная прямота. Я нахожу, что это была основная черта его характера. Казалось, онъ совершенно не былъ способенъ скрывать свои чувства. Такъ, помню, однажды въ присутствіи большой компаніи онъ рѣзко и даже грубо высказалъ свою антипатію и недовѣріе къ Т., находящемуся тутъ же среди насъ. Передъ его отъѣздомъ въ Россію, мы условились съ нимъ относительно шифра и обмѣнялись адресами. Но послѣ того мнѣ не довелось его встрѣчать. По возвращеніи въ Россію, онъ вскорѣ задумалъ освобожденіе Чернышевскаго, бывшаго въ ссылкѣ въ Вилюйскѣ, Якутской Области, и съ этой цѣлью отправился въ Сибирь. Переодѣвшись жандармскимъ офицеромъ и запасшись документами, онъ пріѣхалъ въ Вилюйскъ и потребовалъ отъ мѣстнаго исправника выдачи Чернышевскаго, котораго якобы по приказу высшаго начальства нужно было куда то отвозить. Но исправникъ отнесся къ требованію съ недовѣріемъ и пожелалъ имѣть приказъ отъ мѣстнаго (якутскаго) губернатора, чего у Мышкина не оказалось. Почему закралось подозрѣніе у исправника — сказать не умѣю. Одно время ходили слухи, будто Мышкинъ надѣлъ аксельбантъ не на то плечо, на которомъ полагается носить жандармамъ. Но вѣрно ли это — неизвѣстно. Мнѣ же разсказывалъ одинъ бывшій ссыльный, которому довелось жить нѣкотрое время въ Вилюйскѣ (когда тамъ Чернышевскаго уже не было), что за Мышкинымъ, когда онъ тамъ появился, сначала наблюдали просто изъ любопытства и будто одинъ казакъ подсматривая вечеромъ въ окно къ нему, замѣтилъ что то подозрительное и донесъ исправнику. Какъ бы тамъ ни было, но Мышкину ничего другого не оставалось, какъ убираться изъ Вилюйска. Подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ рѣшилъ лично отправиться къ якутскому губернатору, чтобы добыть отъ него приказъ о выдачѣ Чернышевскаго, Мышкинъ выѣхалъ изъ Вилюйска. Однако исправникъ не отпустилъ его одного, а далъ ему въ провожатые двухъ казаковъ. По дорогѣ Мышкинъ стрѣлялъ по своимъ провожатымъ и бѣжалъ въ тайгу.

Но спустя нѣкоторое время былъ пойманъ и, арестованный, перевезенъ въ Европейскую Россію. Просидѣвъ около трехъ лѣтъ въ одиночкѣ, преимущественно въ Петро-Павловской крѣпости, онъ потомъ былъ однимъ изъ главныхъ обвиняемыхъ по дѣлу 193-хъ.

Такимъ образомъ, не совершивши ничего, или почти ничего, въ направленіи своей программы (революціоннаго народничества) Ипполитъ Мышкинъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе выдающимися дѣятелями нашего движенія. Въ нашемъ революціонномъ движеніи поведеніе подсудимыхъ при слѣдствіи и въ особенности на судѣ имѣло такое же общественное значеніе, а часто даже и несравненно большее, чѣмъ самая ихъ дѣятельность. Свою нравственную силу человѣкъ этотъ и показалъ именно на судѣ.

Рѣчь его передъ судомъ, въ которой онъ развивалъ свою программу, была такъ рѣзка, что первоприсутствующій прерывалъ его множество разъ. Впрочемъ, она представляетъ собою до того блестящую страницу въ исторіи нашего революціоннаго движенія, что я позволю себѣ здѣсь привести хоть небольшую выписку изъ нея.

Когда онъ заявилъ о незаконности мѣръ, принятыхъ противъ него во время предварительнаго дознанія, а именно о томъ, какъ его заковывали въ кандалы и не дозволяли носить чулокъ подъ кандалами, не смотря на то, что на его ногахъ образовались язвы, первоприсутствующій отвѣтилъ: „Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаніи; особому присутствію не подлежитъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры.

Мышкинъ. И такъ насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды — конечно, я не настолько наивенъ, что бы искать правды отъ суда и различныхъ властей, — но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнія общества, что на Руси обращаются съ государственными преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами.

Первоприсутствующій. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы?

Мышкинъ. Да, я смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ открыто говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагаемыхъ моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты.

Первоприсутствующій. Ваше заявленіе опять таки голословно.

Мышкинъ. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконніе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумашествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда.

Первоприсутствующій. Теперь не время и не зачѣмъ заявлять объ этомъ.

Мышкинъ. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ, — насиліяхъ нравственныхъ и физическихъ, — которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ!

Первоприсутствующій. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли.

Мышкинъ. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу.

Первоприсутствующій. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить.

Мышкинъ. Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленыхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать од-

но, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что не смотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія... или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное... болѣе позорное (первоприсутствующій кричитъ: уведите его!.. Жандармскій офицеръ бросается на Мышкина. Послѣ нѣкоторой борьбы съ подсудимыми, защищавшими Мышкина, офицеръ схватываетъ послѣдняго и зажимаетъ ему ротъ рукою). Но Мышкинъ кричитъ: Болѣе позорное чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужей жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть найболѣе дорогого для человѣчества!

Е. Лазаревъ, бывшій на этомъ засѣданіи суда въ качествѣ обвиняемаго (теперь онъ находится въ Лондонѣ), разсказывалъ мнѣ, что послѣднія слова Мышкинъ прокричалъ глухимъ, задавленнымъ голосомъ, уже въ то мгновеніе, когда его тащили изъ залы суда и жандармскій офицеръ все время старался зажимать ему ротъ своей рукою. Эта сцена произвела на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе. Въ залѣ раздались рыданія и крыки. Публика заволновалась; всѣ защитники вскочили со своихъ мѣстъ; судьи и прокуроръ встали. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ принялись грубо ругать судей. Жандармы схватили ихъ и выволокли изъ залы суда вслѣдъ за Мышкинымъ.

Мышкинъ приговоренъ былъ къ 10-ти годамъ каторги и отвезенъ въ харьковскую централку.

Послѣдующая жизнь по тюрьмамъ этого замѣчатель-

наго человѣка состояла изъ ряда столкновеній съ властями и сплошнаго протеста. Переведенный изъ харьковской централки на Кару (Забайкальской области), онъ оттуда бѣжалъ и ему удалось добраться уже до Владивостока, но тамъ былъ пойманъ и переведенъ изъ Сибири обратно въ Европейскую Россію, въ этотъ разъ въ Шлисельбургъ, гдѣ, по слухамъ, былъ наконецъ разстрѣлянъ или повѣшенъ за пощечину, данную имъ какому-то изъ своихъ тюремщиковъ. Однако, справедливъ ли этотъ слухъ — не знаю.

Но возвращаюсь къ прерванному разсказу. Итакъ, Мышкинъ уѣхалъ изъ Женевы прямо въ Россію. Ходько, Р. и я отправились въ Румынію, откуда Ходько тоже двинулся въ Россію. Я же раньше, чѣмъ воротиться въ Россію, задумалъ поискать мѣсто возлѣ австро-румынской границы для устройства революціоннаго притона на подобіе бакунинскаго притона въ Локарно, о которомъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ, и съ этой цѣлью выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Яссъ въ Черновцы (городъ въ Буковинѣ). Здѣсь, нанявши крестьянскую телѣгу, двинулся на лошадяхъ вдоль русской границы. Притонъ долженъ былъ служить какъ для склада и перевозки контрабандой заграничныхъ изданій, такъ, въ случаѣ надобности, и для оружія. Предполагалось купить домъ съ кускомъ земли, корчму, либо мельницу, въ которой долженъ былъ поселиться свой человѣкъ; для подобной покупки имѣлись въ виду деньги. Понятно, что притонъ возможнѣе и безопаснѣе было устроить на австрійской сторонѣ, чѣмъ на русской. Но моя поѣздка на лошадяхъ по Буковинѣ и Галиціи не принесла въ этомъ отношеніи результатовъ. На мои распросы не, продается ли гдѣ либо кусокъ земли или мельница, я получалъ только неопредѣленные отвѣты въ такомъ родѣ, что можетъ быть и продается, но надо еще спросить, да надо узнать... Словомъ, для розысканія подобнаго мѣста надо было пожертвовать больше времени. Проѣздомъ же, мимоходомъ точныхъ свѣдѣній со-

брать нельзя было. А между тѣмъ я торопился со своимъ отъѣздомъ въ Россію. Поэтому, описавши довольно большой кругъ по селамъ, я подъѣхалъ опять къ желѣзной дорогѣ и, сѣвши въ поѣздъ, направился во Львовъ.

Но если моя поѣздка не принесла прямыхъ результатонъ для того дѣла, во имя котораго предпринималась, то она оказалась несомнѣнно полезной въ другомъ отношеніи. Населеніе Буковины и Галиціи — тѣ же украинцы, что и у насъ въ Подольской или Кіевской губерніяхъ, и весьма интересно было сдѣлать сравненіе между ними. Любопытно было послушать, о чемъ толкуютъ здѣсь люди, чего ожидаютъ, къ чему стремятся. Хотѣлось хоть въ общихъ чертахъ сравнить міровозрѣніе этихъ украинцевъ съ нашими. И вотъ, и здѣсь я тоже натолкнулся на вѣру въ царя. О земельныхъ идеалахъ крестьянъ Буковины и Галиціи мнѣ пришлось мало слышать, и я не рѣшаюсь дѣлать своихъ выводовъ по этому вопросу; но о русскомъ царѣ я услыхалъ почти столько же здѣсь, какъ и въ Кіевской губерніи. Тоже противоположеніе царя, какъ друга крестьянъ, помѣщикамъ. Разница была лишь та, что здѣсь оказывалось цѣлыхъ два царя вмѣсто одного. „Нема яко царь московскій, та нашъ кесарь!“ восклицали крестьяне. Иногда русскаго царя называли „бѣлымъ„ царемъ, и на этого „бѣлаго“ царя большія надежды возлагались бѣдными галичанами. Царь вмѣстѣ съ кесаремъ какъ то должны были защитить ихъ отъ помѣщичьяго грабежа. Но любопытно было то, что нашъ царь стоялъ все таки на первомъ мѣстѣ. Фигура кесаря явно блѣднѣла въ представленіи крестьянъ по сравненію съ нашимъ самодержцемъ. Раньше какъ то мнѣ приходилось жить среди чеховъ (вблизь города Калина), потомъ среди болгаръ; я много видѣлъ сербовъ... И всюду, всюду я слыхалъ о русскомъ царѣ, который являлся такимъ образомъ настоящимъ политическимъ идеаломъ славянскихъ народовъ. Правда, этотъ воображаемый царь не вполнѣ походилъ на дѣйствительнаго, но тѣмъ не менѣе, вездѣ у

всѣхъ онъ сохранялъ свой существенный аттрибутъ — самодержавіе. Справедливый, но строгій; сильный, но милостивый. Другъ простого народа и врагъ помѣщиковъ. Если гдѣ помѣщиковъ не было, какъ, напримѣръ, у болгаръ, тамъ онъ являлся врагомъ турокъ, притѣснителей болгаръ. У чеховъ онъ былъ заклятымъ врагомъ нѣмцевъ. Отъ чеховъ я не слыхалъ восторженныхъ отзывовъ о кесарѣ, подобно тому какъ отъ галичанъ.

Добравшись до Львова, я отправился въ Броды, гдѣ при помощи контрабандиста досталъ австрійскій паспортъ на имя одного поляка и благополучно переѣхалъ русскую границу. Помню, въѣзжая въ Россію, я имѣлъ въ ту минуту всего на всего какихъ нибудь два адреса. Связи почти всѣ были утеряны; товарищи арестованы и сидѣли по тюрьмамъ, кто въ Кіевѣ, кто въ Петербургѣ или Одессѣ. Уцѣлѣвшихъ отъ погрома оставалось весьма немного и, въ числѣ ихъ былъ Яковъ Стефановичъ, съ которымъ мы ходили въ народъ и котораго я теперь долженъ былъ разыскать; но гдѣ онъ находился и при посредствѣ кого его можно было разыскать — я не зналъ. Раньше всего, однако, я рѣшилъ видѣться съ Ходько и съ этой цѣлью направился въ одно мѣстечко Подольской губерніи, гдѣ онъ тогда скрывался.

Встрѣча съ нимъ произвела на меня удручающее впечатлѣніе. За это время, какъ мы разстались съ нимъ въ Яссахъ, онъ сильно перемѣнился: исхудалъ, задыхался, кашлялъ. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ ему пришлось съ контрабандистомъ вплавь перебираться черезъ рѣку Прутъ, по которой плыли льдины, такъ что онъ порѣзалъ даже себѣ руки (на сколько помнится, былъ конецъ октября), какъ послѣ этого онъ сразу заболѣлъ. Болѣзнь была опасная, и въ будущемъ на него, очевидно, уже нельзя было разсчитывать; его жизнь была кончена.

Кому, однако, эта жизнь мѣшала, и какія преступленія совершилъ этотъ человѣкъ, что за нимъ гонялись съ такимъ остервенѣніемъ? Ивана Михайловича Ходько

я зналъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Я былъ въ седьмомъ классѣ каменецъ-подольской гимназіи, когда онъ былъ только въ третьемъ. Уже тогда онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ остроуміемъ и смѣлыми выходками. Какъ и слѣдовало ожидать, въ Каменцѣ, при тогдашнихъ „обрусительныхъ“ порядкахъ, когда дисциплина въ гимназіи доведена была до того уровня, на какомъ она стоитъ въ арестантскихъ ротахъ, Ходько, съ его живымъ нравомъ, не могъ удержаться долго. Выгнали ли его, или онъ самъ увольнился — не знаю, такъ какъ это случилось уже не при мнѣ, а года три спустя; какъ бы тамъ ни было, но вскорѣ послѣ того онъ выдержалъ вступительный экзаменъ при нѣжинскомъ лицеѣ и перевелся въ кіевскій университетъ по юридическому факультету. Въ 1872 году онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда присоединился къ нашему американскому кружку. Вскорѣ, подобно многимъ изъ насъ, онъ выѣхалъ за границу. Я вспоминалъ о немъ при описаніи своей заграничной поѣздки. Воротившись изъ Швейцаріи въ Россію въ 73-мъ году, Ходько выхлопоталъ себѣ мѣсто сельскаго учителя въ борзенскомъ земствѣ, Черниговской губ. и тамъ на мѣстѣ оставался до той поры, пока не былъ вынужденъ бѣжать. За какія дѣла жандармы рѣшили арестовать Ходько — трудно даже сказать. Мы, по крайней мѣрѣ, хоть по деревнямъ бродили съ фальшивыми паспортами; но за Ходько и этого преступленія не было. Онъ стоялъ на легальной почвѣ. Какъ близкій его товарищъ, я зналъ всѣ его дѣла. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы вести пропаганду соціализма среди крестьянскихъ дѣтей; не пропагандировалъ онъ и среди взрослыхъ крестьянъ, такъ какъ не успѣлъ еще осмотрѣться въ новой обстановкѣ. Преступленіе его состояло, повидимому, лишь въ томъ, что онъ, бывшій студентъ, поступилъ въ сельскіе учителя (въ глазахъ жандармовъ это являлось большой уликой), особенно же въ учителя Борзенскаго уѣзда, гдѣ на учительскія мѣста размѣщался въ это время кружекъ пропагандистовъ — Жабуневыхъ, Каца и др., о „преступ-

ной“ дѣятельности которыхъ жандармы знали вслѣдствіе доноса учителя Трудницкаго. Было подозрѣніе, что Ходько находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ кружкомъ Жабуневыхъ, хотя это совершенно было невѣрно. „Зачѣмъ же Ходько бѣжалъ, не будучи ни въ чемъ серьезно замѣшанъ?“ спросятъ, быть можетъ, меня. А бѣжалъ онъ потому, что въ нашу тюрьму входъ былъ очень широкъ, а выходъ узокъ. Зналъ это онъ, знали это и мы всѣ. По одному „подозрѣнію„ рѣшили его арестовать и „по подозрѣнію“ могли продержать его нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, какъ держали очень многихъ. Тюремное заключеніе для Ходько — слабаго грудью — конечно, оказалось бы болѣе вреднымъ даже октябрскаго купанія въ рѣкѣ Прутъ, и, попавши въ тюрьму, онъ, вѣроятно, умеръ бы нѣсколькими годами раньше.

Интересно то, что по истеченіи двухъ лѣтъ, когда въ Петербургѣ домъ предварительнаго заключенія былъ уже наполненъ привлеченными къ дознанію, когда алчность жандармовъ была нѣсколько удовлетворена и новые аресты совершались осмотрительнѣе, — интересно то, что Ходько въ это время, измученный нелегальной жизнью и матерьяльной нуждой до послѣдней степени, пересталъ прятаться и сталъ жить открыто въ Кіевѣ подъ своей фамиліей; тогда жандармы произвели у него обыскъ, сняли нѣсколько показаній и оставили подъ надзоромъ. Въ этомъ положеніи Ходько дожилъ до временъ генералъ-губернаторствъ, т. е. когда послѣ покушенія Соловьева на жизнь царя, генералъ-губернаторамъ дана была власть распоряжаться жизнью русско-подданыхъ. Въ 1879 году при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Чертковѣ Ходько былъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ, кажется, въ Архангельскую губ., гдѣ онъ и умеръ въ началѣ 80-ыхъ годовъ. Такова въ нѣсколькихъ строкахъ біографія. Это былъ умный и добрый, почти нѣжнаго сердца человѣкъ, тщательно, однако, скрывавшій отъ всѣхъ свою доброту и желавшій всегда казаться суровымъ, подобно Люпусу въ романѣ Виктора Гюго, за что мы и прозвали его Люпусомъ. Вся преступность

этого человѣка состояла въ томъ, что онъ былъ проникнутъ глубокимъ желаніемъ быть сколько нибудь полезнымъ для народа, и за это преслѣдовало его правительство до самой смерти.

Послѣ свиданія съ больнымъ Ходько, проживавшимъ въ одномъ мѣстечкѣ Каменецъ-Подольской губ., я уѣхалъ въ Кіевъ. По пріѣздѣ туда начались мои нескончаемыя скитанія по чужимъ квартирамъ, которыхъ, даже если бъ я и желалъ, не въ состояніи теперь припомнить и половины. Я ночевалъ то у знакомыхъ и пріятелей, то у мало знакомыхъ, то, наконецъ, у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей, куда приходилъ, по указанію конечно, по вечерамъ, чтобы никто не видѣлъ, и откуда уходилъ на другой день утромъ. Полиція меня розыскивала и никто не рѣшался держать меня долгое время въ своей квартирѣ. Кто самъ не испыталъ подобныхъ скитаній, тому никогда не понять того тягостнаго чувства, которое при этомъ овладѣваетъ, въ концѣ-концовъ, человѣкомъ. День за днемъ мѣняются дома, комнаты, лица, съ ихъ дневными интересами. Сегодня слышишь объ одномъ, завтра о другомъ, а тамъ о третьемъ. И нѣтъ никакой логической связи, ничего общаго между первымъ, вторымъ и третьимъ. Возможности нѣтъ войти въ интересы окружающей жизни, даже еслибы и хотѣлъ, тогда какъ въ сущности наблюдаешь лишь жалкіе обрывки этой жизни. Сколько нибудь систематическое чтеніе тоже невозможно; шляясь по чужимъ квартирамъ, приходится читать сегодня одно, а завтра другое, смотря по тому, какая книга попадется въ руки. И опять таки очень часто нѣтъ ничего общаго между вчерашнимъ и сегоднешнимъ чтеніемъ. Опять въ результатѣ ничтожные обрывки И такъ отъ утра до вечера и отъ вечера до утра... Проходятъ дни, недѣли, а иногда мѣсяцы. Точно вѣчный жидъ, блуждаешь изъ дома въ домъ. Надо обладать по истинѣ желѣзными нервами, что бы все это переварить. Я помню, покойный Лермонтовъ (умершій въ тюрьмѣ) жаловался мнѣ какъ то, что у него появилась даже желтуха одно время отъ нелегальной жизни.

Фальшивый паспортъ выводитъ изъ этого несноснаго положенія просто и легко: по фальшивому паспорту нанимаешь квартиру и живешь въ ней полнымъ хозяиномъ, какъ и прочіе обыватели. Къ несчастію, въ это время у меня не было фальшиваго паспорта; сдѣлать-же самъ я не могъ, такъ какъ тогда еще не умѣлъ рѣзать печатей; зналъ я только вытравливать чернила при помощи хлорной извести (у насъ это называлось „мыть паспорта“). Но для этого надо было имѣть какой нибудь старый паспортъ, а у меня не было никакого. Мои собственные документы, передъ побѣгомъ за границу, я передалъ Ходько, который отдалъ ихъ тогда-же на сохраненіе одному своему пріятелю, жившему въ Кіевѣ. Теперь, рѣшивши ими воспользоваться, т. е. вымыть ихъ и передѣлать на другую фамилію, я отправился къ этому лицу. Явившись къ нему, я не назвалъ себя сразу по фамиліи, благодаря чему, можетъ быть, у меня съ нимъ произошелъ слѣдующій курьезный разговоръ.

— „Вашъ адресъ далъ мнѣ Ходько“, сказалъ я ему, что бы внушить къ себѣ довѣріе.

— „Ходько вѣдь за границей“, замѣтилъ онъ.

— „Да, былъ за границей, но теперь онъ находится тамъ то“ — я назвалъ мѣстечко, гдѣ жилъ Ходько. Будьте добры, передайте мнѣ документы, оставленные у васъ“.

— „Какіе документы?“

— „Тѣ, которые Ходько вамъ передалъ на сохраненіе передъ своимъ отъѣздомъ за границу.“

Собесѣдникъ мой помолчалъ нѣсколько мгновеній, видимо колеблясь, и потомъ замѣтилъ: „Если Ходько у меня что оставилъ, то пусть самъ и возьметъ“.

— „Но Ходько это сдѣлалъ по моей же просьбѣ; это мои собственные документы.“

— „Ваши собственные?!.. воскликнулъ онъ съ удивленіемъ и окинулъ меня взглядомъ.

— „Ну-да!“ И туть только я назвалъ себя.

Тогда онъ опять взглянулъ на меня, въ этотъ разъ уже совершенно нахально и внезапно захохоталъ. „Потѣш-

ный вы человѣкъ!.. Ха-ха! Вы, говорите, Мокріевичъ?! А я слыхалъ, что Мокріевичъ давнымъ-давно тоже за границей.

— „Дѣйствительно, вмѣстѣ съ Ходько я ѣздилъ за границу, но мы оба вернулись...

— „Знаете ли что, оставимъ лучше этотъ разговоръ", вдругъ прервалъ онъ меня серьезно. „Никакихъ документовъ у меня нѣтъ. Оставимъ этотъ странный разговоръ".

Такъ своихъ собственныхъ документовъ я и не получилъ и принужденъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Сноситься письменно съ Ходько по этому вопросу мнѣ представлялось крайне рискованнымъ, такъ какъ распечатываніе писемъ практиковалось жандармами въ это время въ огромныхъ размѣрахъ и, слѣдовательно, можно было попасться; и, такимъ образомъ, оказалось пока невозможнымъ устроиться съ фальшивымъ паспортомъ. И вотъ опять потянулись дни скитанія по чужимъ квартирамъ. Если бы было лѣто, можно было бы пользоваться ботаническимъ садомъ или Байковой рощей, находившейся за городомъ; но это было зимой, когда теплый уголъ является самой насущной потребностью.

Какъ окончились бы мои скитанія въ этотъ разъ — не трудно догадаться, если бы на помощь мнѣ не явился Тетельманъ.

Тетельмана я не зналъ раньше. Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевъ спеціально съ той цѣлью, чтобы организовать помощь заключеннымъ, содержавшимся въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ. Нечего и говорить, что дѣло это было весьма полезное и даже необходимое, такъ какъ въ кіевской тюрьмѣ положеніе заключенныхъ было весьма плохое. Тетельманъ закупалъ съѣстные припасы и одежду и передавалъ въ тюрьму. Деньги для этого онъ собиралъ среди знакомыхъ. Разъ прибѣгъ онъ къ устройству вечеринки въ пользу заключенныхъ, но этотъ способъ доставанія денегъ, часто практиковавшійся на сѣверѣ, на югѣ у насъ оказался мало удачнымъ. Очень вѣроятно, впрочемъ, что и въ Кіевѣ вечеринка

принесла бы извѣстную выгоду, если бы не явились тогда противники, ополчившіеся противъ вечеринки. Распустили между прочимъ слухъ, будто вечеринка эта устраивается чуть ли не самими жандармами съ тою цѣлью, чтобы намѣтить всѣхъ сочувствующихъ и потомъ переарестовать. Понятно, что при существованіи подобныхъ слуховъ на вечеринку никто не пришелъ. Обвиняли также Тетельмана за то, что онъ будто громко разсказывалъ всѣмъ о цѣли вечеринки. Правда, поведеніе Тетельмана вообще не отличалось большой конспиративностью: дѣла онъ велъ такъ, что полиція могла легко узнать все. Но дѣло было, какъ мнѣ кажется, совсѣмъ не въ этомъ. Если бы Тетельманъ предпринялъ свою вечеринку, обставивши ее всевозможными конспираціями, тогда, конечно, тѣ же самые противники обвинили бы его въ томъ, что онъ устраиваетъ вечеринку для какихъ то неизвѣстныхъ имъ цѣлей. (А кто же согласится давать деньги неизвѣстно на что?) Словомъ, противники принадлежали къ числу тѣхъ, которые никогда ничего не дѣлали и ничѣмъ не жертвовали, а знали только разговаривать. Какъ бы тамъ ни было — хорошо или дурно была организована помощь кіевскимъ заключеннымъ — но организована она была все таки Тетельманомъ и ни кѣмъ другимъ.

Мнѣ и Стефановичу, вскорѣ прибывшему въ Кіевъ, Тетельманъ тоже оказалъ неоцѣнимую помощь. Я называю его помощь неоцѣнимой, такъ какъ она явилась въ самую критическую минуту. Выше я сообщилъ о своихъ скитаніяхъ по Кіеву безъ паспорта и безъ денегъ; въ подобномъ же положеніи находился и Стефановичъ. Тетельманъ насъ пріютилъ, далъ намъ возможность устроиться.

Въ то время въ Кіевѣ, кромѣ меня и Стефановича, не было никого изъ старыхъ товарищей. Е. Брешковская сидѣла въ кіевской тюрьмѣ, если мнѣ память не измѣняетъ, подъ именемъ Феклы Косой, и упорно отказывалась назвать себя. Судзиловскій бѣжалъ за границу. Сергѣя Ковалика возили жандармы изъ города въ

городъ, изъ одной тюрьмы въ другую, всюду уличая его въ утстройствѣ кружковъ. Отъ кружка кіевскихъ „чайковцевъ“ не осталось и слѣда: Лурье сидѣлъ въ тюрьмѣ, другіе попрятались по разнымъ угламъ и собирались эмигрировать за границу. И въ самомъ дѣлѣ, Аксельродъ и два брата Левенталя скоро бѣжали за границу. Ларіоновъ же съ Гориновичемъ, арестованные тоже и посаженные въ кіевскую тюрьму, выдавали въ это время всѣхъ, кого знали. Въ общемъ положеніе дѣлъ было крайне плохо; но мы въ ту минуту и не думали унывать. Революціонное народничество, видимо, еще не окончило своей исторической миссіи, и энергія насъ не покидала въ эту критическую минуту. Болѣе того, можно даже сказать, что мы чувствовали себя энергичнѣе прежняго. Помню, въ это время я познакомился въ Кіевѣ съ Гессей Гельфманъ. Она работала въ одной швейной мастерской, устроенной на ассоціаціонныхъ началахъ. Гельфманъ показалась мнѣ весьма молчаливой, скромной дѣвушкой. Спустя около года времени, она была арестована за сношенія съ кружкомъ такъ называемыхъ „москвичекъ“ (Бардина, Фигнеръ, Субботины). Послѣдующая ея исторія извѣстна: она судилась въ 1881 году по процессу „цареубійцъ“ и, приговоренная сначала къ смерти, а потомъ на вѣчную каторгу, умерла въ тюрьмѣ.

Мы со Стефановичемъ рѣшили уѣхать изъ Кіева въ Одессу, гдѣ насъ менѣе знали и, слѣдовательно, легче намъ было скрыться. Мы разстались съ Тетельманомъ и, съ тѣхъ поръ, я больше съ нимъ не встрѣчался. Скоро онъ былъ арестованъ. Слабый организмъ его быстро расшатался въ одиночномъ заключеніи: онъ заболѣлъ. Когда положеніе его стало безнадежнымъ, его выпустили на свободу, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Бѣдный Тетльманъ!.. Я его точно сейчасъ вижу передъ собой. Вотъ онъ маленькій, худенькій стоитъ, прислонившись къ теплой печкѣ съ заложенными за спину руками и говоритъ о чемъ то. Это была его обыкновенная поза. Онъ любилъ много говорить: сколько, бывало, ни слушаешь — никогда не переслушаешь его.

IX

НАШЪ КРУЖЕКЪ И НАША ПРОГРАММА. ЧИГИРИНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ. ЗНАКОМСТВО СЪ ЧИГИРИНЦАМИ.

Переѣхавши въ Одессу, мы съ Стефановичемъ занялись организаціей кружка. Но умудренные опытомъ, теперь мы были крайне осторожны въ привлеченіи лицъ. Лучшимъ элементомъ для кружка мы считали нелегальныхъ, т. е. скомпроментированныхъ и скрывавшихся, такъ какъ отъ подобныхъ лицъ съ большимъ основаніемъ можно было ожидать конспиративной выдержки и полной готовности къ дѣлу. Основаніе нашему кружку и было положено четырьмя нелегальными; кромѣ Стефановича и меня — остальныхъ двухъ я назову изъ предосторожности буквами Б. и К., такъ какъ мнѣ неизвѣстно, было ли открытожандармами впослѣдствіи ихъ участіе въ нашемъ кружкѣ или нѣтъ. Кромѣ этихъ четырехъ присоединились къ кружку еще человѣка четыре, между которыми былъ Викторъ Малинка. Остальныхъ лицъ я тоже не стану называть, такъ какъ, спустя нѣкоторое время, они отстали отъкружка: одни изъ нихъ совершенно перестали участвовать въ движеніи, другія хотя участвовали, но настолько слабо, что съумѣли до конца сохранить свою легальность. Такимъ образомъ, къ началу 75 года кружекъ нашъ состоялъ уже человѣкъ изъ восьми.

Первое и самое главное требованіе, которое мы ставили другъ другу въ своемъ кружкѣ, было — полная конспиративность фамилій. Всякій изъ насъ присвоивалъ

себѣ какое нибудь прозвище или кличку, подъ которой онъ и былъ извѣстенъ другимъ. Такъ, напримѣръ, за Яковымъ Стефановичемъ усвоена была кличка „Дмытра“, и подъ этой кличкой его знали всѣ новопоступающіе въ нашъ кружекъ. Но такъ какъ мы были далеки отъ централистическихъ тенденцій и не хотѣли ставить новичковъ въ зависимое положеніе отъ насъ, основателей кружка, то поэтому установлено было правило, такъ сказать, обоюдной конспираціи, т. е. и новичка вводить въ кружекъ не иначе, какъ подъ какой либо вымышленной кличкой. Тотъ изъ насъ, старыхъ членовъ, который первый познакомился съ нимъ, само собою разумѣется, долженъ былъ знать его фамилію, но онъ не говорилъ ея остальнымъ членамъ кружка. Впослѣдствіи это взаимное скрываніе фамилій болѣе или менѣе исчезло среди насъ, но на первыхъ порахъ мы ни къ чему не относились такъ строго, какъ къ выбалтыванію фамилій. Письменнаго устава у насъ не было. Всѣ вопросы, на сколько помню, рѣшались простымъ большинствомъ, точно такъ же, какъ и пріемъ новыхъ членовъ. Нужно признать, что въ организаціонномъ отношеніи мы сдѣлали большой прогрессъ по сравненію съ прошлымъ годомъ.

Прошлогоднее хожденіе въ народъ повліяло также и на нашу программу. Если и тогда уже мы находили безполезнымъ разбрасывать наши силы по всей Россіи и остановились, при выборѣ мѣста, на Волгѣ, Донѣ и Днѣпрѣ, то теперь и этотъ районъ казался намъ ужъ черезчуръ обширнымъ. Мы рѣшили сосредоточить всѣ наши силы въ одной небольшой мѣстности. Такимъ мѣстомъ мы опредѣлили юго-восточную часть Кіевской губ. или даже еще точнѣе — мѣстечко Корсунь съ окрестностями, такъ какъ разсказы крестьянъ о корсунскомъ возстаніи, происходившемъ лѣтъ двадцать тому назадъ, давало основаніе предполагать, согласно нашимъ теоріямъ, что тамъ сохранилось больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ революціонныхъ традицій. Въ 74 году неясно представлялось намъ, во имя чего мы будемъ организовывать крестьянъ. Правда, мы предполагали вызывать

какъ-то въ народѣ мелкіе бунты и стачки. Но какимъ образомъ ихъ вызывать — мы не знали. Этотъ вопросъ оставался для насъ нерѣшеннымъ. Теперь, въ 1875 г., мы остановились на мысли провести организацію въ народѣ во имя передѣла земли. Передѣлъ земли, по нашему мнѣнію, долженъ былъ явиться тѣмъ знаменемъ, подъ которое могли собраться бунтовскія силы народа. Во имя передѣла земли мы надѣялись вызвать мѣстное возстаніе, которое — на нашъ взглядъ — имѣло шансы распространиться и охватить весь народъ, такъ какъ стремленіе это было обще-народное. Раньше всего, однако, мы рѣшили создать тѣсное ядро, или кружекъ изъ интеллигенціи, затѣмъ разселиться по деревнямъ въ избранной мѣстности и тамъ на мѣстѣ заняться осуществленіемъ плана.

Весной 1875 года я поѣхалъ на сѣверъ. Съ одной стороны, у меня была надежда разыскать въ Москвѣ или Петербургѣ Мышкина, котораго я потерялъ изъ виду и о судьбѣ котораго тогда еще ровно ничего не зналъ, съ другой — предполагалъ, что мнѣ удастся тамъ привлечь къ нашему дѣлу кого нибудь изъ уцѣлѣвшихъ революціонеровъ отъ прошлогодняго погрома.

Въ Москвѣ около этого времени начались аресты, послужившіе поводомъ для процесса „пятидесяти“, т. е. кружка Бардиной, Фигнеръ, Субботиныхъ и друг., и общее настроеніе — съ кѣмъ мнѣ пришлось тогда встрѣчаться тамъ — было сильно подавленное. О Мышкинѣ я не узналъ ничего ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, гдѣ прожилъ около мѣсяца у одного моего стараго пріятеля. Тутъ, между прочимъ, я познакомился съ Г—ымъ, человѣкомъ легальнымъ, но принимавшимъ участіе въ 74 году въ саратовскомъ кружкѣ и мы съ нимъ часто бесѣдовали, дѣлясь впечатлѣніями, вынесенными изъ прошлогодняго хожденія въ народъ. Наблюденія, сдѣланныя имъ, весьма подходили къ нашимъ. Какъ, у насъ, среди украинцевъ, на Волгѣ крестьяне тоже ожидали милостей отъ царя; царизмъ былъ такъ же силенъ тамъ, какъ и на югѣ Россіи... Г—евъ высказывалъ мнѣніе, что въ наро-

дѣ возможно вызвать возстаніе только отъ имени царя, и я, съ своей стороны, размышляя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мной среди крестьянъ, не могъ не согласиться съ его мнѣніемъ.

Возвратившись въ Одессу, я подѣлился этой мыслью со Стефановичемъ, и тогда-то мы рѣшили примѣнить къ дѣлу подложные царскіе манифесты.

Дѣйствовать среди крестьянъ именемъ царя само собою напрашивалось. И тутъ прежде всего мы черпали свои доказательства изъ исторіи. Всѣ крупныя народныя движенія въ Россіи совершались подъ знаменемъ самозванцевъ, при чемъ первому самозванцу, въ смутное время, удалось даже овладѣть московскимъ престоломъ. Бунты Пугачева и Стеньки Разина (Разинъ, для приданія себѣ большаго значенія въ глазахъ народа, распустилъ слухъ, будто съ собою возитъ царевича), хотя и не привели къ побѣдамъ и были задушены правительствомъ, но все таки имъ удалось расколыхать всю восточную Россію. На Украинѣ мы не имѣли прямыхъ самозванцевъ, подобно Пугачеву, но и здѣсь имя царя эксплуатировалось для успѣха возстанія. Такъ во время Гайдамачины, имѣвшей у насъ мѣсто одновременно съ Пугачевщиной на Волгѣ, народъ вѣрилъ, будто ножи для рѣзанія пановъ-поляковъ были присланы самой императрицей Екатериной Второй. А что идея самозванства еще не отжила своего времени у насъ, въ этомъ мы убѣждались примѣрами изъ современной исторіи: корсуньскій бунтъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ юго-западной Россіи за послѣднее время, совершился отъ имени царя, подобно тому, какъ почти всѣ бунты въ періодъ освобожденія крестьянъ, когда всюду крестьяне бунтовали противъ пановъ, убѣжденные въ томъ, что царь стоитъ за нихъ. Наконецъ наши собственныя наблюденія окончательно укрѣпили насъ въ этомъ; повсюду мы слышали отъ крестьянъ, что царь передѣлитъ землю. Мы вѣрили, что единственный путь къ осуществленію соціалистическаго строя былъ путь революціонный, кровавый. Для осуществленія же соціальной революціи единственнымъ путемъ признавали

путь бунтовской. Въ нашемъ представленіи бунтъ являлся, такимъ образомъ, альфой и омегой всего; а бунтъ въ народѣ возможно было организовать лишь отъ царскаго имени. Правда, насъ шокировало подобное средство, но тутъ опять выручала насъ изъ затрудненія исторія. Въ то время мы часто прибѣгали къ сравненію современной Россіи съ до-революціонной Франціей. Исторія французской революціи была нашей настольной книгой. И вотъ, читая Тэна, (L'origine de la France contemporaine.)мы находили тамъ не мало фактовъ, подкрѣпляющихъ нашу теорію. У него мы узнавали, что французскіе крестьяне начали бунтоваться еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до революціи. У него мы могли прослѣдить, какъ эти бунты вспыхивали, росли, становились чаще и шире по району, и какъ, наконецъ, въ моментъ революціи, вся Франція находилась въ возстаніи. Тэнъ приводилъ примѣры того, какъ крестьяне изливали свою злобу на чиновниковъ (акцизныхъ, напр.) землевладѣльцевъ и совершали всевозможныя безчинства съ крикомъ: Vive le Roi! Но прошло нѣсколько времени и этому королю отрѣзали на площади голову. Весь этотъ ростъ революціи, вся эта картина до того была заманчива для насъ, и такъ, съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ своихъ деталяхъ напоминала намъ нашу собственную исторію, что не поддаться желанію проводить параллель до конца намъ было очень трудно. И мы проводили эту параллель до конца. Какъ французскій народъ въ прошломъ столѣтіи, разсуждали мы, совершая мѣстные бунты во имя короля, совершилъ въ концѣ-концовъ революцію, такъ и мы теперь будемъ бунтовать нашъ народъ отъ имени царя; рядъ подобныхъ бунтовъ приведетъ къ революціи, которая столкнетъ, наконецъ, народъ лицомъ къ лицу съ царемъ, а тогда падетъ, между прочимъ, и царскій авторитетъ. Нашъ бунтъ представлялся намъ чѣмъ то въ родѣ того, какъ нѣкогда для Лассаля — всеобщее избирательное право, т. е. корніемъ самоисцѣляющимъ рану.

Рядомъ подобныхъ-то умозаключеній и примѣровъ мы успокоивали поднимавшіяся по временамъ со дна души

возмущенія противъ задуманныхъ нами ложныхъ царскихъ манифестовъ.

Какъ бы тамъ ни было, но, по крайней мѣрѣ въ теріи, мы мирились съ этимъ обманомъ, который признавался нами за неизбѣжное зло, такъ какъ, чѣмъ больше мы размышляли, тѣмъ больше укрѣплялись въ той мысли, что въ народѣ возможно было вызвать только авторитарное движеніе. Само по себѣ это было косвенное признаніе съ нашей стороны того, что въ народѣ не было почвы для непосредственной революціонной дѣятельности. Любопытно слѣдующее обстоятельство: наше бунтарство, или, другими словами, бакунизмъ довелъ насъ до признанія подложныхъ царскихъ манифестовъ; между тѣмъ, когда мы сообщили о нашемъ планѣ самому Бакунину, желая узнать его мнѣніе, — это было уже незадолго до его смерти (1876 г.), — то онъ отнесся къ этому плану крайне неодобрительно. „Ложь всегда шита бѣлыми нитками“, говорилъ онъ лицу, служившему между нами посредникомъ. Но мы въ ту минуту двигались уже, такъ сказать, по инерціи, — по извѣстному строго начертанному пути, измѣнить который для насъ рѣшительно было невозможно. Надо было пережить все до конца.

Лѣтомъ 75 года мы начали селиться въ избранной нами мѣстности. Мѣстность эта была, какъ я уже говорилъ выше, юго-восточная часть Кіевской губерніи. Первое поселеніе, или революціонный притонъ устроенъ былъ Стефановичемъ и Б. въ мѣстечкѣ Корсуни, такъ какъ Корсунь съ окрестностями еще въ 74 году намѣчена была нами какъ пунктъ, гдѣ надо было устроить поселеніе. Стефановичъ поселился подъ видомъ торговца жестяныхъ издѣлій: кружекъ, леекъ и т. п. Закупка кружекъ производилась въ Одессѣ. Продажа велась по мѣстечкамъ въ базарные дни. На югѣ Кіевской губерніи мѣстечекъ очень много и базарные дни чередовались у нихъ такъ, что можно было все время находиться въ разъѣздахъ; въ одномъ мѣстечкѣ базары становились по

вторникамъ, въ другомъ — по четвергамъ, въ третьемъ— по субботамъ и т. д.

Однако мы были на столько бѣдны въ 75 г., что не были въ силахъ устроить даже второго поселенія и едва-едва поддерживали карсунскій притонъ, гдѣ, надо прибавить, наши торговцы вели свои операціи въ прямой убытокъ. Лошадь, которую приходилось держать для разъѣздовъ по ярмаркамъ, буквально насъ объѣдала, и хотя жестяныя кружки шли довольно бойко, но это далеко не покрывало всѣхъ расходовъ. Объ устройствѣ второго поселенія пока нечего было и думать, и весь 75-ый г. прошелъ для насъ, главнымъ образомъ въ подыскиваніи матерьяльныхъ средствъ и привлеченіи новыхъ членовъ. И дѣйствительно, въ нашъ кружекъ въ скоромъ времени вступили Марія Ковалевская и Вѣра Засуличъ, а спустя немного — Рахальскій и Чубаревъ. Со вступленіемъ послѣдняго касса наша сдѣлалась богаче, такъ какъ онъ обладалъ нѣкоторыми средствами.

Между тѣмъ какъ мы, революціонеры изъ интеллигенціи, собирались съ силами и готовились прилагать на практикѣ наши бунтовскія теоріи, — въ это время среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ., безъ всякаго съ нашей стороны участія, происходили волненія. Движеніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ началось еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ и въ немъ принимало участіе семь или восемь волостей, населенныхъ государственными крестьянами. Одна часть крестьянъ требовала душеваго передѣла земли; другіе же, заинтересованные въ томъ, чтобы удержать за собою тѣ участки, которыми владѣли, противились этому передѣлу; такъ какъ мѣстныя власти (мировой посредникъ и волостные) приняли сторону послѣднихъ, то это и повело къ волненіямъ. Но волновались только первые, получившіе названіе „душевиковъ“; другіе же называвшіеся „актовиками“(такъ какъ они подписались подъ актами, закрѣплявшими извѣстные участки за ними), не только не принимали участія въ движеніи, но даже вели борьбу съ первыми. Такимъ образомъ, Чигиринскія волненія

сводились, строго говоря, къ междуусобицѣ „душевиковъ“ съ „актовиками“.

По отношенію къ властямъ „душевики“ держались совершенно пассивно и, хотя упорствовали въ отказѣ подписаться подъ актами, но далѣе этого протестъ ихъ не шелъ. Коноводомъ этого движенія былъ крестьянинъ по имени Хома Прядко, пользовавшійся большой популярностью у крестьянъ, среди которыхъ ходилъ слухъ, будто онъ былъ въ Петербургѣ у царя и будто бы царь обѣщалъ помощь „душевикамъ“. Хома Прядко, дѣйствительно, ѣздилъ въ Петербургъ въ качествѣ ходока отъ одной изъ волновавшихся волостей (ходоковъ было послано тогда чигиринцами человѣкъ семь); но само собою разумѣется, ни у какого царя не былъ и даже вопросъ еще, былъ ли онъ въ Петербургѣ, такъ какъ полиція заблаговременно приняла мѣры и, кажется, еще по дорогѣ арестовала ходаковъ, исключая, впрочемъ, Прядка, которому удалось скрыться. Какъ бы тамъ ни было, но воротившись въ Чигиринщину, Прядко принялся ходить изъ деревни въ деревню и убѣждать крестьянъ не подписывать актовъ, такъ какъ, по его словамъ, скоро царь прикажетъ передѣлить землю.

Первый разъ мы услыхали о чигиринскихъ волненіяхъ въ 75 году, хотя они начались года четыре раньше. Волненіямъ этимъ мы, конечно, придали огромное значеніе. На нашъ взглядъ это было уже готовое дѣло, къ которому оставалось только присоединиться. Но осуществить это было очень трудно и мы долго не знали даже, какъ завязать знакомства среди чигиринскихъ крестьянъ, пока намъ не помогъ слѣдующій случай. Около этого времени въ Чигиринщинѣ произведены были многочисленные аресты и арестованныхъ разослали по сосѣднимъ уѣзднымъ городамъ, а болѣе видныхъ зачинщиковъ препроводили въ Кіевъ и заключили при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ. Самъ Хома Прядко, котораго розыскивали, удачно избѣгалъ нѣкоторое время ареста, но, наконецъ, былъ пойманъ и, закованный въ кандалы, привезенъ и посаженъ въ кіевскій тюремный

щаться назадъ. Я рѣшилъ поѣхать вмѣстѣ съ нею.

Чуть не съ первымъ пароходнымъ рейсомъ выѣхали мы изъ Кіева. Пароходъ шелъ внизъ по теченію. Мы должны были доѣхать до г. Черкассы и тамъ слѣзть. Помню, было холодно, и я всю дорогу, ѣдучи на палубѣ, кутался въ широкую крестьянскую свиту или же подходилъ — чтобы погрѣться — къ отверстію надъ машинами, откуда несло жаромъ и запахомъ машиннаго масла. У черкасской пароходной пристани мы сошли на берегъ и стащили свой багажъ, заключавшійся въ двухъ небольшихъ мѣшкахъ, наполненныхъ преимущественно товаромъ, купленнымъ Настей, и поволокли по грязи къ сосѣднему кабаку. Грязь была невылазная, такъ что Настя, одѣтая въ бѣлый новый кожухъ, совершенно его испачкала. Въ кабакѣ ожидалъ уже Иванъ, выѣхавшій намъ на встрѣчу на своей рослой, сѣрой лошади, объѣдавшей его такъ же исправно, какъ насъ объѣдала лошадь Стефановича. Мы уложили мѣшки въ телѣгу, усѣлись и поѣхали. Дорогой, помню, Настя нѣсколько разъ принималась управлять лошадью; тогда она надѣвала пэнснэ (она была близорука) и правила до тѣхъ поръ, пока мы не усматривали вдали крестьянина, шедшаго или ѣхавшаго намъ на встрѣчу.

Деревня, гдѣ жилъ Иванъ съ Настей, находилась на берегу Днѣпра. Громадный сосновый лѣсъ, принадлежавшій казнѣ, окружалъ ее со всѣхъ сторонъ и тянулся далеко вдоль рѣки. У жителей мало было пахотныхъ земель, и ихъ благосостояніе зависѣло, повидимому, не столько отъ урожая хлѣба, какъ отъ большей или меньшей легкости пользованія или, выражаясь опредѣленнѣе, кражи казеннаго лѣсу. Вопросъ о томъ, каковъ будетъ новый лѣсничій или новые сторожа, несравненно живѣе интересовалъ крестьянъ, чѣмъ метеорологическія явленія, столь живо интересующія обыкновенно земледѣльца. Если земледѣльцу для прекращенія весенняго бездождія часто приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ хожденіе съ церковными иконами и хоругвями по полямъ, къ поповскимъ отчитываніямъ и,

наконецъ, — когда уже ничего не помогаетъ, — закапыванію возлѣ колодца живаго рака (это самое вѣрное средство вызвать дождь), — то житель упомянутой деревеньки поступалъ совершенно иначе: поймавъ въ Днѣпрѣ раковъ, онъ, вмѣсто того чтобы закапывать ихъ въ землю, несъ лѣсному сторожу въ подарокъ и этимъ способомъ обыкновенно достигалъ своего благополучія. Мѣстная особенность дѣлала то, что крестьяне этой деревни жили словно въ другомъ царствѣ; вопросы, волновавшіе окрестныхъ крестьянъ, для нихъ оказывались мало интересными. Такъ, не смотря на то, что Боровичанская волость (Чигиринскаго уѣзда), гдѣ происходили волненія, отстояла отъ нашей деревни всего на какихъ нибудь шестьдесятъ верстъ, объ этихъ волненіяхъ никто здѣсь ничего не зналъ. Напрасно я разспрашивалъ и заводилъ на эту тему разговоры. — „Кто ихъ знаетъ что тамъ у нихъ вышло“, — такой отвѣтъ получалъ я отъ своихъ собесѣдниковъ. Насколько я могъ замѣтить, здѣшніе крестьяне мало интересовались даже вопросомъ о передѣлѣ земли, волновавшимъ въ то время весь крестьянскій міръ.

Верстахъ въ пяти-шести отъ этой лѣсной дыры, гдѣ мы занимали хату и торговали нашими товарами, находилась другая небольшая деревушка или, вѣрнѣе, сахарный заводъ, кругомъ котораго былъ поселокъ. На сахарномъ заводѣ служилъ одинъ изъ „сочувствующихъ“, при помощи котораго на этотъ же заводъ удалось помѣстить одного распропагандированнаго юношу рабочаго, скрывавшагося отъ полиціи. Юноша этотъ, почти мальчикъ, прозванный Лафертомъ, былъ родомъ сѣверянинъ и бѣжалъ оттуда на югъ во время арестовъ, о которыхъ я упоминалъ какъ-то вскользь (кружка Бардиной и друг.). При посредствѣ Лаферта я познакомился съ заводскими рабочими. Все это были крестьяне преимущественно изъ Полтавской губ., но было нѣсколько и изъ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губ. Широкія, чуть не во всю грудь, и сплошныя, какъ коверъ, вышивки на рубахахъ отличали ихъ по виду отъ полтавцевъ.

когда намъ придется выступить открыто съ оружіемъ въ рукахъ. Мы жили по деревнямъ и даже не знакомились съ крестьянами. Въ интересахъ конспираціи бунтарь, при встрѣчахъ съ крестьянами, отдѣлывался общими фразами, такъ какъ смотрѣлъ на всякую пропаганду, какъ на совершенно безполезную трату времени и, потому, не желалъ попусту чесать языка. По нашему мнѣнію, было излишне, да даже и невозможно заниматься подготовленіемъ умовъ крестьянъ къ предполагавшемуся возстанію; манифестъ въ рѣшительную минуту долженъ былъ сдѣлать это дѣло; а подготовкой нужнаго для начала возстанія бунтовскаго ядра или отряда, съ одной стороны, занимался Стефановичъ среди чигиринцевъ, съ другой — еще два-три изъ насъ имѣли въ виду этимъ заняться. Большинству же ничего не оставалось дѣлать, поэтому оно просто таки избѣгало крестьянъ и занималось, такъ сказать, самоподготовленіемъ къ возстанію. Прежде всего, всякій изъ насъ имѣлъ по револьверу и кинжалу, которые и носилъ всегда при себѣ. Мы закупили множество патроновъ и систематически упражнялись въ стрѣльбѣ. Въ результатѣ мы выучились прекрасно стрѣлять. Такъ, помню, я не выходилъ изъ игральной карты на разстояніи 20 — 25 шаговъ. Мы находили полезнымъ и даже нужнымъ изучать мѣстность, гдѣ предполагалось поднять возстаніе. И вотъ, кромѣ того, что мы ѣздивши знакомились съ окрестностями, мы закупили еще подробныя карты, изданныя генеральнымъ штабомъ Кіевской, Подольской и Херсонской губерній, и, нерѣдко, разложивъ ихъ на столѣ, изучали обозначенные на нихъ проселочныя дороги, лѣса, рѣченки... Но ни стрѣлять въ цѣль, ни изучать карты нельзя было на виду у всѣхъ. Револьверы, которые мы чистили (я, напримѣръ, необыкновенно тщательно совершалъ это), кинжалы, которые острили, вороха патроновъ, карты генеральнаго штаба, паспорта, которые приходилось самимъ себѣ дѣлать, — всѣ эти бунтовскія принадлежности заставляли насъ держаться подальше отъ окружающей среды. Приходилось тщательно скрывать отъ сосѣдей свою интимную жизнь,

беречься, какъ бы кто изъ нихъ не подсмотрѣлъ и не замѣтилъ чего нибудь такого, чего ему не слѣдовало знать. Наши наружныя двери были всегда заперты, что бы при стукѣ мы имѣли время спрятать ту или другую подозрительную вещь. Наши окна по вечерамъ всегда были завѣшены. Получалось странное, нелѣпое явленіе: народникъ бунтарь сталъ бояться посѣщеній крестьянъ. Мужикъ входилъ въ избу, чтобы поболтать о чемъ нибудь съ человѣкомъ „видѣвшимъ свѣтъ“, — бунтарь ежился, хмурился и думалъ лишь о томъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ непрошеннаго гостя. Изъ пятнадцати членовъ кружка, разсѣявшихся на югѣ Кіевской губ. едвали человѣка четыре искали знакомства съ крестьянами, остальные же находились въ самомъ ненормальномъ положеніи. Казалось, несравненно логичнѣе было этому большинству вовсе не жить по деревнямъ, а оставаться въ городахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ силы не понадобятся для вооруженнаго отряда. Но мы находили тогда нужнымъ жить всѣмъ среди народа. И вотъ жизнь большинства изъ насъ стала складываться по особому образцу. Замыкаясь все болѣе и болѣе отъ окружающей жизни, мы стали ограничиваться только сношеніями другъ съ другомъ, которыя уже по этому одному сдѣлались необычайно частыми. Но частыя посѣщенія въ глухихъ деревняхъ были неудобны: они могли возбудить подозрѣніе у сосѣдей-крестьянъ. Сборными пунктами начали выбирать болѣе оживленныя мѣста. Такимъ сборнымъ пунктомъ сдѣлался сначала городъ Смѣла Черкасскаго уѣзда, а впослѣдствіи Елисаветградъ Херсонской губ. Въ Смѣлѣ находился большой сахарный заводъ графа Бобринскаго и это мѣстечко было оживленнѣе не только другихъ мѣстечекъ Кіевской губерніи, въ родѣ Корсуни, напр., но даже такихъ уѣздныхъ городовъ, какъ Черкассы или Чигиринъ. Постоялый дворъ еврея Сруля, (я перемѣняю имя изъ предосторожности) сдѣлался нашимъ притономъ. У него въ заднихъ комнатахъ, выходившихъ окнами въ тѣсный непроѣзжій переулокъ, жило нѣсколько человѣкъ нашихъ, куда обыкновенно и сходились для сви-

нечно, скоро, но съ перевозкой его мы что-то, помню, долго возились. Наконецъ, онъ былъ доставленъ намъ черезъ румынскую границу.

И такъ, мы разбили кружекъ нашъ на группы единственно затѣмъ, что ожидали отъ этой мѣры хорошихъ практическихъ результатовъ. Всякій, имѣя передъ собою одну опредѣленную задачу, — разсуждали мы — можетъ легче ее исполнить, чѣмъ когда приходится ему разбрасываться на много дѣлъ. Это, конечно, было справедливое разсужденіе; но на практикѣ нѣкоторыя дѣла оказывались просто таки неисполнимы. Въ самомъ дѣлѣ, что могла предпринять, напр., хоть та группа, на обязанности которой лежало пріобрѣтеніе матерьяльныхъ средствъ? Легко сказать — пріобрѣтеніе средствъ! А какъ это было достать деньги? откуда? кто ихъ дастъ? Если бы у насъ были широкія связи въ обществѣ; но мы, вѣдь, и начали съ того, что прервали давно уже всѣ сношенія съ обществомъ. Теперь мы представляли изъ себя нѣчто замкнутое, обособленное отъ всего остальнаго міра. Я полагаю, что въ общемъ, болѣе или менѣе, таково же было положеніе всѣхъ народническихъ кружковъ. Мы существовали и дѣйствовали, расходуя собственныя, такъ сказать, внутреннія матерьяльныя средства. Если въ кружкѣ имѣлись богатые члены, — кружекъ имѣлъ средства и могъ ихъ расходовать на свои дѣла. Не было же богатыхъ членовъ — неоткуда было достать и нужныхъ средствъ. Извнѣ деньги приходили рѣдко.

У насъ только одинъ Чубаровъ имѣлъ небольшія средства. Правда, еще Малинка былъ сынъ очень богатаго помѣщика Полтавской губ. Но Малинка пока не располагалъ крупными суммами; онъ могъ достать тысячу, двѣ тысячи рублей, не болѣе. Между тѣмъ дѣло наше требовало просто таки огромнаго капитала. И вотъ, по неизбѣжности положенія, мы должны были вѣчно пребывать въ какомъ то мірѣ фантазій, или же намъ приходилось отказываться совершенно отъ своего дѣла. Первоначально мы мечтали добыть оружія по крайней

мѣрѣ тысячъ на десять человѣкъ. Предполагалось, что разъ только мы выступимъ вооруженнымъ отрядомъ и объявимъ крестьянамъ манифестъ, крестьяне тотчасъ станутъ волноваться. Этой минутой мы должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикамъ. Для этого-то мы и должны были заблаговременно заготовить оружіе. Но десять тысячъ ружей стоили по крайней мѣрѣ тысячъ двѣсти рублей; да нужно было еще израсходовать огромную сумму на тайную перевозку этихъ ружей, на устройство склада и т. д. Повторяю, мы надѣялись,что манифестъ взбунтуетъ народъ и, слѣдовательно, для успѣха бунта, намъ оставалось только заготовить оружіе. По мѣрѣ того, какъ мы спускались съ облаковъ на землю или, другими словами, переходили отъ нашихъ проэктовъ и плановъ къ ихъ практическому осуществленію — наши мечты становились все менѣе и менѣе пылкими; задачу свою мы все болѣе и болѣе съуживали. О десятитысячной арміи мы скоро перестали мечтать и поставили себѣ цѣль несравненно болѣе скромную — добыть оружія хоть для одной тысячи человѣкъ. Но и тысяча ружей стоила тысячъ двадцать-тридцать рублей, а съ контрабандной перевозкой, да другими постороннимми расходами влѣзла бы, пожалуй, въ цѣлыхъ пятьдесятъ. Откуда же было достать эти пятьдесятъ тысячъ рублей той группѣ, на обязанности которой лежало пріобрѣтеніе денегъ для закупки оружія? Такимъ образомъ, раздѣленіе на группы не повело за собою никакихъ добрыхъ практическихъ результатовъ. Все шло по старому. Большинству членовъ кружка, изнывавшихъ отъ отсутствія живаго дѣла и проводившихъ свое время во взаимныхъ посѣщеніяхъ, и послѣ раздѣленія на группы дѣла не оказывалось, и слѣдовательно, ничего другого не оставалось, какъ только ныть.

Несравненно лучше стояли дѣла тѣхъ, которые должны были завязывать сношенія съ крестьянами. И понятно почему. При нѣкоторой умѣлости, а главное при желаніи, задача эта была вполнѣ исполнимая. Стефано-

вичъ велъ свои сношенія съ чигиринцами отдѣльно и о нихъ я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Теперь же разскажу о знакомствахъ съ крестьянами, которыя имѣли мы съ Дробязгинымъ.

Дробязгинъ и я согласились работать совмѣстно и рѣшили воспользоваться раньше всего тѣми готовыми связями, которыя были переданы намъ, между прочимъ, однимъ сельскимъ учителемъ, народникомъ украинофиломъ, оставившимъ эту мѣстность, кажется, около года тому назадъ и переселившимся въ другую губернію. Изъ предосторожности, которая никогда не лишняя, какъ ни отдалена та эпоха, о которой я разсказываю теперь, я не стану называть ни этой деревни, ни учителя, ни тѣхъ крестьянъ, съ которыми намъ пришлось тогда войти въ сношенія. Я думаю, съ другой стороны, что для читателя едвали можетъ представить интересъ дѣйствительное названіе деревни или имена лицъ. Можетъ быть, многія изъ тѣхъ лицъ теперь уже мертвыя, и имъ не предстоитъ никакой опасности, — но я этого не знаю.

И такъ, невысокія горы, почти холмы, всюду обработанныя и только кое гдѣ заросшія кустарникомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что нѣкогда росъ здѣсь лѣсъ, и небольшая, быстрая рѣчка съ очень крутыми берегами — такова въ общемъ та мѣстность, куда направились мы съ Дробязгинымъ въ маѣ 76-го года. Въ то время я уже жилъ возлѣ Знаменки подъ видомъ торговца лошадьми. Мои разъѣзды по окрестнымъ ярмаркамъ, причемъ иногда приводилъ я къ себѣ, въ свое мѣсто жительства какую нибудь захудалую лошадку, служили полнымъ доказательствомъ того, что я былъ настоящій „ливерантъ“ (такъ называютъ въ юго-западномъ краѣ торговца лошадьми). Дробязгинъ заѣхалъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали, какъ будто по ярмаркамъ, — на самомъ же дѣлѣ отправились въ эту мѣстность.

Деревня, куда мы съ нимъ прибыли послѣ довольно продолжительнаго путешествія, была расположена на двухъ крутыхъ холмахъ, между которыми блестѣлъ широкій прудъ, обсаженный съ трехъ сторонъ вербами,

спускавшими вѣтви въ самую воду. Крестьянскія избы, окруженныя садами, были разбросаны на этихъ двухъ холмахъ безъ всякаго плана. Кривыя улицы, стѣненныя фруктовыми деревьями, цвѣвшими въ это время по садамъ, и хаты, виднѣвшіяся изъ-за этихъ деревъ, гдѣ-то въ глубинѣ дворовъ, придавали такой видъ деревнѣ, словн оона состояла изъ множества отдѣльныхъ хуторковъ.

Проѣхавши плотину, мы поднялись на гору и вскорѣ добрались до конца деревни. Здѣсь, влѣво отъ дороги мы увидѣли новопостроенную вѣтряную мельницу, которая и должна была послужить намъ исходной точкой въ поискахъ; распросы по деревнѣ могли вызвать толки среди крестьянъ, а этого мы старались избѣжать. Осмотрѣвшись, мы обратили вниманіе на одну избу, которая по примѣтамъ должна была принадлежать дѣду Федѣ, и направились къ ней. Во дворѣ мы увидѣли взрослую дѣвушку, просѣвавшую пшеницу или рожь надъ рядномъ, и обратились къ ней съ вопросомъ: гдѣ живетъ дѣдъ Федь?

— „Здѣсь“, отвѣтила она.

— „Если онъ дома, попроси, чтобы вышелъ къ намъ“, проговорилъ одинъ изъ насъ.

Мы не хотѣли вваливаться въ избу, не зная — одинъ ли былъ хозяинъ или, можетъ быть, имѣлъ въ эту минуту гостей. Дѣвушка положила рѣшето и ушла въ избу. Вскорѣ на порогѣ показался высокій старикъ совершенно сѣдой, сѣдой, какъ голубь, по выраженію украинцевъ. Онъ подошелъ къ воротамъ, возлѣ которыхъ мы поджидали, и сталъ внимательно смотрѣть на насъ, не произнося ни слова.

— „Добрый день, диду! Вы — Федь К.?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Я“.

— „Кланялся вамъ Федоръ..., Помните, диду, учителя Федора? Отъ него поклонъ вамъ привезли. Мы его пріятели.“

Суровое выраженіе сразу исчезло съ лица старика.

— „О, боже-жъ мой!... Какъ же мнѣ не помнить

его? Федора Ивановича?!..“ Дѣдъ вдругъ страшно заволновался. „Столько времени жилъ у насъ... О, божежъ мой милый, какъ же таки мнѣ не помнить Федора? Что же мы тутъ на улицѣ стоимъ!.. воскликнулъ онъ, принимаясь торопливо отворять свои ворота.

—Вотъ обрадуется мой Стецько, какъ узнаетъ!... Заѣзжайте, дорогіе гости, заѣзжайте! Ну и обрадуется онъ!“

Мы выѣхали во дворъ, пріятно пораженные, почти смущенные этой душевной встрѣчей.

— „А давно вы видѣли Федора Ивановича? спросилъ дѣдъ.

— „Давненько же“ отвѣтилъ кто-то изъ насъ.

— „Жинко!“ торжественно кликнулъ дѣдъ. „Богъ намъ послалъ дорогихъ гостей: пріятели нашего Федора. Вотъ, говорю я, обрадуется нашъ Стецько, когда узнаетъ! говорилъ онъ, входя въ избу; потомъ, обращаясь къ намъ, добавилъ: „Стецько часто вспоминаетъ Федора Ивановича“.

— „Нашъ Стецько все, бывало, вспоминаетъ учителя Федора,“ подтвердила старуха.

— „А гдѣ же вашъ сынъ, диду?“ спросилъ я.

Старикъ вздохнулъ, а старуха, стоявшая возлѣ печи, подперла рукою свое морщинистое лицо и грустно закачала головой.

— „Стецька взяли въ солдаты. Вытянулъ жеребокъ“*) проговорилъ дѣдъ и замолкъ. Старуха ничего не говорила: она только сморкалась; я видѣлъ, какъ изъ глазъ ея текли слезы.

— „Ну, теперь, слава богу, не такъ это страшно,“ попытался я поддержать духъ стариковъ. „Это прежде, бывало, какъ попалъ въ солдаты — такъ и пропалъ. Теперь скоро пускаютъ“.

— „Это правда, теперь легче“, согласился старикъ.

У дѣда Феди была одна дочь и одинъ сынъ. Благодаря тому, что дѣду не хватало немного до возраста, называемаго „престарѣлымъ“, Стецько его не могъ вос-

*) Вытянулъ жребій.

пользоваться льготой и вынужденъ былъ отбывать воинскую повинность. Онъ былъ взятъ въ солдаты нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и теперь старикъ ожидалъ со дня на день его прихода въ отпускъ.

Я вышелъ во дворъ, подбросилъ сѣна лошади и, вынувши изъ телѣги книжки, воротился въ избу. Всѣ книжечки были на украинскомъ языкѣ („метелыки“)

— „Вотъ, дѣду, эти книги Федоръ просилъ передать вамъ“.

— „О, спасибо!..“ отвѣтилъ дѣдъ, принимая книги съ нѣкоторой торжественностью; и тутъ же замѣтилъ, что самъ онъ неграмотный, но что книги эти прочтетъ ему Стецько, когда пріѣдетъ въ отпускъ.

— „Онъ у насъ грамотный“, говорилъ дѣдъ.

Старуха въ это время полѣзла въ сундукъ, вытащила оттуда какую-то свороченную тряпку, бережно развернула ее и показала намъ исписанную бумагу.

— „Это его письмо“, съ важностью проговорила она, передавая намъ бумагу“. Здѣсь онъ пишетъ, что скоро пріѣдетъ къ намъ въ отпускъ. Стецько нашъ грамотный.. Вотъ читайте сами его письмо“, уговаривала меня старуха.

Словомъ, по всему было видно, что Стецько былъ предметомъ семейной гордости.

Мало по малу мы разговорились; перешли на другія темы. Старуха и старикъ нѣсколько повеселѣли. Скоро пришли гости: Лазарь и Нечипоръ. Нечипору мы тоже дали нѣсколько книжекъ; онъ былъ грамотный, и его намъ особенно рекомендовалъ учитель. Лазарь, болѣзненный тщедушный мужичекъ лѣтъ 35 — 40, оказался весьма разговорчивымъ. Лишь только онъ узналъ, что мы пріятели Федора Ивановича, тотчасъ же принялся излагать передъ нами свои взгляды. Видимо, онъ очень любилъ болтать и радъ былъ случаю. Но при нѣкоторыхъ положеніяхъ болтуны положительно бываютъ полезны. Такъ было въ этомъ случаѣ, — мы были очень рады болтовнѣ Лазаря, такъ какъ она всѣмъ присутствующимъ развязала языки. Разсуждая (довольно краснорѣчиво, замѣчу

въ скобкахъ) объ общемъ положеніи крестьянъ, объ ихъ нуждѣ, малоземельи и проч., Лазарь приходилъ къ тому заключенію, что имъ оставалось единственное средство — бунтовать, такъ какъ ждать законной помощи было неоткуда. Съ болѣзненной раздражительностью ругалъ онъ тѣхъ, которые ожидали помощи отъ царя.

— „Мы здѣшніе“, говорилъ онъ, „знаемъ хорошо, что такое царь: мы — удѣльные. А послушайте, что говорятъ по другимъ селамъ, — тамъ говорятъ совсѣмъ другое объ царѣ. Какъ вспомню, продолжалъ онъ, какъ бунтовались поляки и мы собирались итти противъ нихъ, чтобы ихъ вязать, — такъ и жалко становится. А по другимъ селамъ такъ и на самомъ дѣлѣ ихъ вязали. Не нужно было этого дѣлать! Если бы они теперь подняли бунтъ, — ей богу, пошелъ бы бунтовать вмѣстѣ съ ними!“

Взглядъ на „польское дѣло“, высказанный Лазаремъ, меня поразилъ. Въ юго-западномъ краѣ поляки — это помѣщики. Кое гдѣ только въ Подольской и Волынской губ. встрѣчаются поселенія польской шляхты, — весь же край населенъ исключительно украинцами. Но украинцы — это крестьяне; такъ что мы имѣемъ здѣсь двѣ націи, одна враждебная другой въ экономическомъ отношеніи. Одна нація, польская, является аристократіей края, другая — украинская — мужичья. Въ этой комбинаціи заключается, какъ я думаю, самое глубокое несчастіе страны, такъ какъ, если дурно тѣмъ народамъ, у которыхъ есть бѣдные и богатые, образованные и необразованные; то во сто кратъ хуже тому народу, у котораго нѣтъ ни богатыхъ, ни образованныхъ, а царитъ полное равенство: поголовная бѣдность и поголовное невѣжество! Въ борьбѣ поляковъ со всероссійскимъ деспотизмомъ украинецъ мужикъ всегда становился на сторону послѣдняго. Мужикъ не политикъ; онъ предпочитаетъ русскаго царя польскому пану. Въ 1863 году польское возстаніе въ юго-западномъ краѣ было парализовано, главнымъ образомъ, крестьянами. Крестьяне-украинцы повсемѣстно преслѣдовали повстанцевъ-поляковъ, и либо

вязали ихъ и доставляли по начальству, либо же сами звѣрски расправлялись съ ними.

И такъ, повторяю, Лазарь своимъ мнѣніемъ рѣшительно поразилъ меня. Для выработки подобнаго взгляда, вѣроятно, не мало помогло ему то обстоятельство, что помѣщикомъ его былъ именно царь, а не полякъ. Деревня эта принадлежала удѣламъ. Но во всякомъ случаѣ на мнѣніе Лазаря надо было смотрѣть, какъ на исключительное и былъ большой вопросъ для меня, согласны ли были съ нимъ хотя бы даже присутствующіе при этомъ дѣдъ Федь и Нечипоръ. Оба они мало вмѣшивались въ этотъ разговоръ и, хотя на ихъ лицахъ можно было прочесть благосклонность, но, принимая во вниманіе сдержанность украинца, я не рѣшусь теперь утверждать, что они были одного мнѣнія съ Лазаремъ.

Несомнѣнно однако было то, что царь не пользовался ни у кого изъ нихъ ни малѣйшимъ престижемъ; царизма — этой общенародной болѣзни — здѣсь не было и слѣда; а этого одного было уже слишкомъ достаточно. Дѣятельность пропагандиста въ этой мѣстности — это нужно было признать — принесла самые блестящіе результаты.

Жизнь удѣльныхъ крестьянъ описываемой деревни была тяжелая и непривлекательная. Надѣлы даны были имъ маленькіе, такъ что они принуждены были искать заработковъ внѣ своего скуднаго хозяйства. Ежегодно цѣлыми толпами уходили изъ этой деревни на лѣтнія работы въ Херсонскую губ. Дѣдъ Федь не былъ бы въ состояніи пропитаться, если бы не дѣлалъ на продажу возовъ, которые и распродавалъ въ базарные дни въ ближайшемъ мѣстечкѣ.

Намѣреваясь провести нѣсколько дней у нашихъ новыхъ пріятелей, мы спросили, не покажется ли сельскимъ властямъ страннымъ наше долговременное пребываніе въ деревнѣ и не вызоветъ ли это какихъ либо подозрѣній. На это дѣдъ Федь отвѣтилъ, что у нихъ теперь старшина и волостной писарь свои люди и намъ опасаться нечего.

— „Раньше старшина у насъ былъ скверный, но мы его смѣнили“. замѣтилъ дѣдъ.

Мы стали распрашивать о деревенскихъ выборахъ и намъ удалось узнать, что среди крестьянъ этой деревни существовали двѣ партіи, или вѣрнѣе два теченія, боровшіяся другъ съ другомъ. Но въ чемъ была ихъ рознь — мы долго не могли понять. Даже наши собесѣдники, стоявшіе въ умственномъ отношеніи, конечно, выше средняго крестьянскаго уровня, не могли намъ хорошенько выяснить сущности этой борьбы. Только послѣ ряда распросовъ съ нашей стороны мы, наконецъ, уразумѣли, въ чемъ дѣло. Зажиточные хозяева, составлявшіе меньшинство, стремились властвовать и долгое время даже властвовали, пока не удалось съорганизоваться бѣднѣйшимъ, которые составили большинство и, въ концѣ концовъ, взяли власть въ свои руки. Во время нашего пребыванія въ этой деревнѣ всѣ власти, т. е. староста, старшина, судцы (судьи) принадлежали, такъ сказать, къ партіи большинства. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣли такое же раздѣленіе крестьянскаго міра на два борющихся лагеря, какъ это было и у чигиринцевъ.

Мы гостили у дѣда Феди нѣсколько дней. Нечипоръ и Лазарь постоянно проводили время съ нами. Въ рядѣ бесѣдъ мы развивали ту мысль, что отъ помѣщиковъ надо отнять землю и передѣлить ее поровну между всѣми и само собою, разумѣется, что наши собесѣдники признавали это вполнѣ справедливымъ. Мы указывали на то обстоятельство, что крестьяне всюду этого желаютъ, но къ несчастью ничего не предпринимаютъ для осуществленія своихъ желаній и ждутъ, что царь имъ передѣлитъ землю. Мы поддерживали мнѣніе Лазаря, что единственный выходъ для крестьянъ заключается въ бунтѣ по возможности, конечно, широкомъ, повсемѣстномъ.

Нашимъ собесѣдникамъ, какъ оказалося, хорошо были извѣстны крестьянскія ожиданія и толки о передѣлѣ земли, но сами они этому не вѣрили.

— „Ну, а если дѣло начнется, — найдутся ли у васъ охотники? спросилъ одинъ изъ насъ.

— „На хорошее дѣло всякій пойдетъ“, отвѣтилъ Нечипоръ.

— „Выиграемъ или проиграемъ — все одно хуже не будетъ. Хоть коней попасемъ на панскихъ сѣнокосахъ“, замѣтилъ Лазарь.

Я посмотрѣлъ на Лазаря: большіе темные круги подъ глазами, одышка, неустанный кашель — таковы были блага, которыми наградила его жизнь. Лазарю терять, дѣйствительно, было нечего.

— „Съ голыми руками бунтовать не выйдемъ“, говорили между тѣмъ мы. „Достанемъ ружей, надѣлаемъ пикъ, ножей, да сядемъ верхомъ на добрыхъ коней! Не такъ-то легко справиться москали съ нами! Трудно только начать. А какъ наберется сотня-другая человѣкъ, да пріѣдемъ мы съ ружьями и пиками въ какую нибудь деревню, да отнимемъ отъ пана землю и передѣлимъ ее между людьми, то люди насъ поддержатъ. Москаль не успѣютъ прійти, какъ около насъ соберутся уже тысячи народу. А если много народу взбунтуется, то потомъ никакое войско ничего не сдѣлаетъ.“

— „А что бы люди скорѣе къ намъ приставали“, заговорилъ Лазарь, „то нужно сдѣлать такъ: нѣсколько человѣкъ переодѣнутся за офицеровъ; понадѣваютъ эполеты и все такое. Да пріѣхавши верхомъ въ село, прямо въ волость: да сейчасъ — созывай сходъ!...

— „Да на сходѣ сказать, что мы отъ царя, и бумагу такую прочесть людямъ“, подсказалъ одинъ изъ насъ.

— „Сказать что мы отъ царя!..“ съ увлеченіемъ подхватилъ Лазарь. — „Всѣ тогда пристанутъ къ намъ! Такое можно надѣлать, что потомъ и войско не поможетъ“.

Помню, даже сдержанный Нечипоръ, слушая насъ, улыбнулся во весь ротъ. Но вѣрилъ ли онъ въ успѣхъ на столько же, на сколько мы вѣрили въ ту минуту — трудно было сказать. Вѣроятно, вѣры этой у него было меньше. Самозванство въ формѣ подставнаго царя или только въ видѣ ложныхъ царскихъ манифестовъ представлялась всякому знакомому съ міровоззрѣніями наро-

да вѣрнѣйшимъ средствомъ для произведенія смуты. Лазарь самостоятельно додумавшійся до того, что для успѣха надо было нѣсколькимъ человѣкамъ переодѣться офицерами, въ сущности говорилъ тоже; мы только яснѣе формулировали его собственную мысль.

Обѣдали мы то у дѣда Феди, то у Нечипора, жившаго по сосѣдству. Мы гуляли вмѣстѣ по левадамъ, по окреснымъ полямъ. Наши отношенія становились со всякимъ часомъ болѣе близкими. Несомнѣнно, однако, что мы сильно мѣшали работать въ особенности дѣду Федѣ, которому давно надо было окончить возъ, заказанный однимъ человѣкомъ изъ сосѣдней деревни.

Появился, наконецъ, и Стецько, получившій отпускъ на три дня. Полкъ его стоялъ въ уѣздномъ городѣ. Старуха и старикъ обрадовались до того, что не знали куда его посадить. Это былъ еще совсѣмъ юный на видъ паробокъ круглолицый, черноокій. Мать немедленно же сняла съ него солдатскій костюмъ; но его низко выстриженная, по солдатски, голова мѣшала походить ему на крестьянина. Какъ только мы познакомились съ нимъ, онъ не замедлилъ показать намъ свои таланты. Онъ читалъ и писалъ, дѣйствительно, вполнѣ свободно; любимой книгой его былъ „Кобзарь“ Шевченко, изъ котораго онъ множество стиховъ декламировалъ наизусть. Самъ онъ тоже, увлекаясь примѣромъ Шевченка, бывшаго, какъ и онъ, простымъ мужикомъ, написалъ довольно длинную поэму стихами, которую и прочелъ намъ въ первый же день. Дѣдъ восторгался, слушая его; мы нашли поэму слабенькой, но не желая обижать стариковъ, промолчали. Учитель, видно, положилъ больше всего старанія на Стецько, но тѣмъ не менѣе Стецько производилъ впечатлѣніе какого-то взбаломошеннаго юноши, съ головой вскруженной отъ похвалъ, расточаемыхъ окружавшими. Онъ былъ грамотнѣе всѣхъ окружающихъ и надувался отъ этого, какъ индѣйскій пѣтухъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія за обѣдомъ Стецько то и дѣло декламировалъ стихи; видимо, онъ желалъ обратить на себя вниманіе. Въ этотъ разъ обѣ-

далъ съ нами и Нечипоръ; тутъ же сгорбившись сидѣлъ и Лазарь.

— „А знаете“, обратился къ намъ дѣдъ „какъ увидѣлъ я васъ въ первый разъ тогда у воротъ, такъ даже испугался; дума юсебѣ: какіе-то кацапы *), чего эти люди хотятъ отъ меня ?. Не дай боже встрѣтиться съ такими въ лѣсу!.. Страшные, бородатые... Мы тутъ не носимъ бородъ. И Федоръ тоже всегда брилъ бороду... А теперь вижу....

— „А теперь видите, если бы намъ побрить бороды, то изъ насъ вышли бы настоящіе козаки!?..“ перервалъ его Дробязгинъ. „Развѣ не такъ ?“

— „Совсѣмъ козаки!“

Стецько въ это время декламировалъ.

— „Вотъ, лучше ѣшь,“ замѣтила ему мать. А то все только говоришь, да говоришь.“

— „Когда же мы еще увидимся ?“ спросилъ Лазарь.

— „Мы скоро опять пріѣдемъ“, отвѣтилъ одинъ изъ насъ.

— „Заѣзжайте прямо ко мнѣ, какъ до своей хаты“, проговорилъ дѣдъ.

— „Спасибо за ласкавое слово. Позволяете, такъ мы и опять къ вамъ заѣдемъ“, сказалъ Дробязгинъ.

Стецько продолжалъ декламировать, но его никто не слушалъ, кромѣ старой матери; повимому она ничего, или, по крайней мѣрѣ, очень мало понимала изъ этой декламаціи, но все же слушала и удивлялась искусству. Стецьку это было пріятно. Я посмотрѣлъ на его пухлые щеки, и мнѣ вдругъ припомнился второклассникъ, гимназистъ, только что пріѣхавшій на праздники въ домъ своихъ родителей; съ великимъ торжествомъ декламируетъ онъ своей матери ту именно крыловскую басню, за которую получилъ пятерку, а мать, сидя возлѣ него, привѣтливо ему улыбается, но думаетъ совсѣмъ о дру-

*) Такъ называютъ украинцы великороссовъ

гомъ: она думаетъ — откуда бы достать ей денегъ для дальнѣйшаго воспитанія сына.

Послѣ обѣда мы простились и уѣхали.

XI

НАШИ СВЯЗИ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

Новоприобрѣтенныя знакомства казались намъ цѣнными, и мы съ Дробязгинымъ возвращались изъ мѣста нашего посѣщенія вполнѣ довольные. Въ частности мнѣ нравилось здѣсь то, что въ наши сношенія съ этими людьми не пришлось вносить ни обмана, ни хитростей, и что мы сразу стали съ ними въ болѣе или менѣе прямыя, товарищескія отношенія, чего мы не могли достигнуть и даже не знали, какъ этого достигнуть, при нашихъ столкновеніяхъ съ чигиринцами. Правда, здѣсь мы недоговорились еще до конца: самое завѣтное, что пуще всего отъ всѣхъ скрывали мы — наши манифесты — остались еще не открытыми. Мы думали сдѣлать это позже, когда приблизится время возстанія. Но уже и то, что было нами вскользь сказано въ бесѣдѣ съ Лазаремъ, было — какъ намъ казалось — вполнѣ достаточно для перваго раза. Мы замѣтили, что къ подобной мѣрѣ, какъ манифестъ отъ имени царя, умы нашихъ новыхъ пріятелей давнымъ давно были подготовлены и подготовлены были, конечно, никѣмъ инымъ, какъ самой жизнью, и что разъ наступитъ рѣшительная минута, можетъ быть, они же первые для обезпеченія успѣха прибѣгнутъ къ этой мѣрѣ. Вся постановка дѣла здѣсь получалась и проще и лучше, чѣмъ съ чигиринцами, и я былъ необыкновенно этому радъ.

Задавшись цѣлью завязывать знакомства среди крестьянъ, само собою разумѣется, мы далеки были отъ того, что бы ограничиться одной мѣстностью и потому, не

теряя времени, продолжали свои поиски дальше. Нужно сказать, что года полтора-два назадъ Иванъ Дробязгинъ въ качествѣ пропагандиста жилъ, если мнѣ не измѣняетъ память, въ городѣ Вознесенскѣ Херсонской губер. и ему удалось сблизиться съ крестьянами, приходившими туда изъ Кіевской губ на заработки. Крестьяне тѣ были изъ мѣстечка Мошны, и теперь мы рѣшили воспользоваться этими старыми связями, и направились въ Мошны. Мѣстечко это, находящееся на берегу Днѣпра у подножія огромной горы, заросшей лѣсомъ и виднѣющейся далеко съ Днѣпра, лежало почти по дорогѣ намъ домой. Приходилось немного только отбиться въ лѣвую сторону. Къ сожалѣнію, однако, знакомые Дробязгина и въ этомъ году успѣли уже уйти на лѣтніе заработки и мы, никого изъ нихъ уже не заставши, принуждены были направиться домой. Мы съ Дробязгинымъ условились, спустя нѣкоторое время (кажется, черезъ мѣсяцъ) опять поѣхать къ дѣду Федю, и въ мѣстечкѣ Смѣла разстались: Дробязгинъ отправился къ себѣ, куда-то по направленію къ Днѣпру (не помню точно мѣста его поселенія), я же поѣхалъ на югъ, къ Знаменкѣ, гдѣ въ это время жилъ подъ видомъ торговца лошадьми.

По пути я остановился въ мѣстечкѣ Александровкѣ, гдѣ въ это время случился какъ разъ базарный день. Какъ торговцу лошадьми мнѣ было полезно посмотрѣть на базаръ, поэтому я заѣхалъ на постоялый дворъ и, выпрягши и уладившись со своимъ конемъ, пошелъ на площадь. Но базаръ оказался незначительный и кромѣ изнуренныхъ лошадей съ громадными язвами на спинахъ и на шеяхъ отъ черезсѣдельниковъ и хомутовъ, и полу-нагихъ цыганъ, бѣгавшихъ съ кнутами по базарной площади, я ничего другого не увидѣлъ и скоро воротился назадъ.

Прійдя на постоялый дворъ или, вѣрнѣе въ корчму, гдѣ я остановился, я потребовалъ самоваръ и въ общей питейной избѣ расположился пить чай.

Въ это время съ улицы вошелъ мужикъ съ деревянными обручами на плечѣ и направился къ прилавку, за которымъ стоялъ хозяинъ, еврей. Мужикъ былъ среднихъ

лѣтъ съ широко открытыми, карими глазами, поразившими меня сразу своимъ страдальческимъ выраженіемъ, а когда онъ поворотилъ ко мнѣ лицо, и я увидѣлъ его впалыя щеки, то почти догадался въ ту минуту, въ чемъ было дѣло. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось итти съ этапомъ по сибирскому тракту, я часто наблюдалъ подобное выраженіе глазъ у голодныхъ арестантовъ и потомъ никогда не ошибался въ этомъ. Но тогда я только догывадался, что тутъ было какое то физическое страданіе и, руководимый чувствомъ жалости, предложилъ ему выпить со мною чаю. Мужикъ сначала какъ то нерѣшительно отнесся къ моему предложенію — точно не повѣрилъ, — но когда я вторично пригласилъ его, онъ сѣлъ на скамью и, сбросивши съ плечъ обручи, положилъ ихъ на полъ

— „Мы не привычны къ чаю“, замѣтилъ онъ.

— „Если въ чай положить сахаръ, да пить его съ хлѣбомъ, то можно наѣсться все равно какъ борщемъ“, говорилъ я между тѣмъ, придвигая ему стаканъ чаю и кусокъ хлѣба.

Онъ принялся ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— „Бандарюете ?“*) спросилъ я.

— „Какъ видите“.

— „А изъ какого села ?“

— „Изъ Бырокъ“, отвѣтилъ онъ.

Селеніе Бырки находится на притокѣ Днѣпра Тясминѣ, недалеко отъ мѣстечка Александровки. Я часто проѣзжалъ черезъ это село и теперь долженъ былъ ѣхать, такъ какъ оно лежало мнѣ на пути.

— „Что же у васъ въ Быркахъ работы нѣтъ, что приходите сюда въ Александровку ?“

— „Какая же тамъ у насъ работа! Сюда ходимъ за работой.“

— „Развѣ у васъ поля нѣтъ ?“

---

*) Т. е. занимаетесь бондарствомъ.

— „Поля?... Есть... А были вы когда нибудь въ Быркахъ?“ спросилъ онъ меня въ свою очередь.

— „Былъ“.

— „Видѣли, какіе тамъ пески?

Я вспомнилъ, дѣйствительно, почти зыбучіе пески, которые не разъ приходилось мнѣ переѣзжать возлѣ рѣки Тясмина.

— „Вотъ эти же пески, что вы видѣли, это наши поля. Тамъ и мое поле. Одинъ песокъ“, продолжалъ мой собесѣдникъ, кушая хлѣбъ и запивая чаемъ, „песокъ, на которомъ и былинка не ростетъ. Если бы не это — онъ указалъ рукою на обручи, лежавшіе на полу — „давно умеръ бы съ голоду.“

— „А бондарствомъ хорошо зарабатываете?“ спросилъ я.

— „Гдѣ тамъ...“ Мужикъ, молча, ѣлъ нѣкоторое время, потомъ проговорилъ: „какъ случится: иной разъ заработаешь и хорошо, а другой разъ — только проходишь даромъ. Вотъ и сегодня, съ самаго утра хожу по базару и хоть бы вамъ одинъ обручикъ набилъ!

— „Погано“, замѣтилъ я, пододвигая ему хлѣбъ и наливая второй стаканъ чаю.

— „Какъ ужъ не поганно, когда ѣсть нечего!“, заговорилъ мужикъ, языкъ котораго все болѣе и болѣе развязывался. „У меня такъ: сегодня не заработалъ — сегодня нечего и въ родъ положить. Вотъ и теперь, съ самаго раньняго утра до сихъ поръ, вѣрите ли, и маленькаго кусочка хлѣба не съѣлъ! Такъ весьд ень одну воду и пью: во рту сохнетъ. Если бы не вы, спасибо вамъ, пошелъ бы домой голодный, какъ собака.“

— „Почему же вы изъ дому не взяли съ собою хлѣба?“

— „Изъ дому?! Охъ, и не говорите лучше!“ воскликнулъ онъ. „Дома у меня одно несчастье. Жена, — вотъ уже три года — ни рукою, ни ногою двинуть не можетъ, — лежитъ пластомъ на печкѣ. Не оборотишь ее на другой бокъ, такъ сама и поворотиться не можетъ. А въ хатѣ трое дѣтей. Старшему хлопчику недавно семь лѣтъ минуло; только этой весной сталъ его

пріучать за погоныча*); а двое другихъ совсѣмъ еще малые: одному пять, другому четыре годика. Дома у меня такъ: какъ самъ не замѣшу, то и хлѣба нѣтъ; да, правду сказать, и мѣсить нечего. Вотъ этимъ только и живлюсь", добавилъ онъ, опять показывая на обручи. „Приду сюда, заработаю, куплю хлѣба готоваго, печенаго и несу его до дому; жена и дѣти ѣдятъ. Такъ и живемъ.." Послѣ небольшой остановки мужикъ продолжалъ: „И съ чего она заболѣла — богъ святой знаетъ!... Я уже и бабокъ призывалъ, и къ доктору возилъ; и къ кому только не ходилъ, кого только не спрашивалъ! Вотъ уже три года такой муки! другой разъ даже грѣхъ на душу беру: гляжу, гляжу на нее, да стисну зубы и думаю: господи, да хоть бы уже ты взялъ ее къ себѣ! Пусть бы она сама не мучилась, да не мучила и меня по край себя."

Мужикъ замолкъ; я молчалъ тоже. Наконецъ, онъ поѣлъ хлѣбъ, вытеръ усы рукою, перекрестился и поднялся со скамьи.

— „Ну пойду же я, похожу, можетъ еще заработаю какую копѣйку", сказалъ онъ, забрасывая на плечо обручи. „Спасибо вамъ за хлѣбъ".

— „Сегодня думаете возвращаться до дому или заночуете здѣсь?" спросилъ я.

— „Гдѣ же здѣсь ночевать?! Пойду до дому."

— „Такъ сдѣлайте же такъ, человчие добрый: походите по мѣстечку, сколько вамъ нужно, поработайте, а какъ кончите работу, возвращайтесь сюда и отсюда вмѣстѣ поѣдемъ. Мнѣ все равно Бырки по дорогѣ; подвезу васъ."

— „А вы долго стоять будете?"

— „Да выѣду передъ вечеромъ."

Въ Александровкѣ у меня не было никакого дѣла, и я могъ отсюда уже давнымъ давно выѣхать. Но мнѣ захотѣлось поближе познакомиться съ этимъ бондаремъ и я рѣшилъ его обождать.

---

*) Тотъ который погоняетъ воловъ при плугѣ.

Воротился онъ часа черезъ два на постоялый дворъ. Я тотчасъ собрался, и мы выѣхали изъ мѣстечка.

Дорогой я принялся распрашивать его объ ихъ помѣщикѣ, о надѣлахъ земли, полученныхъ ими при освобожденіи и пр. Насколько могу теперь припомнить, онъ разсказывалъ, что первоначально даны были имъ въ надѣлъ хорошія земли, но потомъ удалось какъ-то помѣщику повернуть дѣло, замѣнивъ большую часть этой земли песками, на которыхъ, по выраженію его, не росла и былинка, а не то что хлѣбъ. При этой мошеннической сдѣлкѣ, вѣроятно въ цѣляхъ ея упроченія, поступлено было такимъ образомъ, что пески не были раздѣлены между всѣми, а достались цѣликомъ только одной части крестьянъ; другіе же крестьяне оставлены были при хорошихъ надѣлахъ. Этимъ достигнуто было то, что среди крестьянъ возникла рознь и несогласія, въ концѣ развившіяся въ настоящую вражду. У моего собесѣдника было такое ясное опредѣленное представленіе объ своихъ деревенскихъ дѣлахъ, что большаго нельзя было и требовать; своихъ односельцевъ, державшихъ сторону пана, онъ обзывалъ разбойниками за то, что они продали интересы громады.

— „Лѣтъ семь тому назадъ“, разсказывалъ мужикъ, „былъ я сотскимъ въ нашемъ селѣ. И раньше не одинъ разъ говорилъ я между своими о томъ, что бы подать жалобу на пана; просить, что бы взяли отъ насъ эти пески и воротили намъ наши старые надѣлы; а когда меня выбрали сотскимъ, сталъ я объ этомъ еще больше говорить. Что же они сдѣлали, эти собаки? Позвали меня въ волость и старшина велѣлъ меня высѣчь. Высѣкли меня и потомъ еще посадили въ холодную, да продержали двѣ недѣли. За сотскаго выбрали другого. И до сихъ поръ у насъ ихъ царство“, закончилъ мужикъ.

Оказывалось, такимъ образомъ, что въ селеніи Быркы громада была раздѣлена на двѣ враждебныя партіи, ясно сознававшія рознь своихъ интересовъ, во имя которыхъ и вели другъ съ другомъ борьбу. Это положеніе дѣлъ въ Быркахъ очень соотвѣтствовало тому, что говорили

намъ дѣдъ Федь, Нечипоръ и Лазарь относительно своего села; припоминало это также и положеніе дѣлъ бунтовавшейся чигиринщины, гдѣ „актовики“ и „душевики“ преслѣдовали одни другихъ до послѣдней степени. Въ селѣ Быркѣ были даже и свои жертвы за громадскія дѣла: кутузка и побои исполняли здѣсь, очевидно, ту же роль, какъ тюрьма и Сибирь въ рукахъ нашего правительства.

— „Никакія жалобы вамъ не помогутъ“, заговорилъ я въ свою очередь. „Кому станете подавать жалобы? Чиновникамъ? Чиновники держатъ руку пановъ. Чиновники такіе же разбойники, а можетъ и хуже, какъ вашъ панъ или старшина“.

— „Это правда“, согласился мужикъ.

— „Отъ вашего пана просто нужно отнять всю землю и потомъ передѣлить ее поровну между всѣми людьми“.

— „Вотъ, что правда — то правда!... воскликнулъ онъ.

Попутчикъ мой, сидѣвшій ко мнѣ бокомъ, вдругъ энергично задвигался и поворотился ко мнѣ грудью.

— „Знаете ли“, началъ онъ, „не одинъ разъ вотъ также соберемся мы и толкуемъ между собою: давно пора отнять отъ нашего пана землю! Слухи же ходятъ“, продолжалъ онъ менѣе рѣшительнымъ тономъ; потомъ, глядя на меня, полувопросительно добавилъ: „говорятъ, будутъ дѣлить землю?!..“

— „Люди вездѣ это ждутъ“, отвѣтилъ я.

— „Не знаю, кто вы и откуда, а вижу только, что вы добрый человѣкъ; вы, навѣрно, много видѣли, много слышали и знаете больше, чѣмъ мы, темные люди; разскажите, что вы слышали?

— „Я — торговецъ; ѣзжу по ярмаркамъ; и встрѣчалъ много всякого народа. Гдѣ я ни былъ, и съ кѣмъ ни говорилъ — отъ всѣхъ слышалъ, что отъ пановъ скоро будутъ отнимать землю и дѣлить ее между людьми“.

— „Вотъ далъ бы господь!.. Говорятъ, царь этого хочетъ?“

— „Можетъ и царь хочетъ“, уклончиво отвѣтилъ я.

„А только я знаю одно: видно же что-то будетъ, когда всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ.“

— „Далъ бы то господь поскорѣе.“ Онъ вздохнулъ, потомъ спросилъ меня: скажите гдѣ вы живете?“

Я назвалъ деревню.

— „Знаю; около Черно-Лисья*); я тамъ бывалъ.“ Собесѣдникъ мой сидѣлъ нѣкоторое время, молча, потомъ заговорилъ: „Старые люди разсказываютъ, что наступитъ такое время, когда въ одно мѣсто со всѣхъ концовъ соберется много-много народу, и станетъ тамъ большая-большая битва! И послѣ того всѣмъ людямъ будетъ хорошо жить. Это мѣсто, разсказываютъ, будетъ въ черномъ лѣсу, тамъ гдѣ расходятся три большія дороги въ три разныя стороны. Выходитъ, какъ будто, около Знаменки: и три большія дороги расходятся оттуда — чего уже больше чугунокъ? — и чернолѣсье. Знаменка отъ васъ близко?

— „Близко. А вы откуда слыхали это? спросилъ я, заинтересованный повѣріемъ.

— „Между народомъ такой слухъ ходитъ; я самъ слыхалъ отъ другихъ и теперь вамъ разсказываю“.

Между тѣмъ мы приближались къ усадьбѣ моего попутчика. Вправо отъ дороги пятянулся низкій, мѣстами совершенно мокрый лугъ; ряды вербъ по межамъ разграничивали крестьянскія владѣнія одно отъ другого, а дальше виднѣлись избы.

— „Вотъ я и доѣхалъ до своего дома!“ проговорилъ крестьянинъ.

— „Ледащія же здѣсь усадьбы; и картофеля негдѣ посадить“, замѣтилъ я.

— „Усадьбы еще ничего; хоть по крайней мѣрѣ трава ростетъ. А посмотрите туда!“ и мужикъ указалъ рукою въ противуположную сторону, гдѣ желтѣли песчаные бугры. „Тамъ, тамъ наша недоля!“ воскликнулъ онъ.

Я остановилъ лошадь. Крестьянинъ слѣзъ съ телѣги

*)Такъ называютъ лѣсистую мѣстность возлѣ Знаменки.

и стащилъ свои обручи и мѣшокъ, въ которомъ былъ теперь большой „буханецъ“ печенаго хлѣба. Онъ его припасъ для своей несчастной семьи.

— „Когда же еще увидимся?“ спросилъ я.

— „Можетъ опять въ Александровкѣ“, отвѣтилъ онъ; но потомъ вдругъ лицо его оживилось, и онъ заговорилъ: „А то заѣзжайте ко мнѣ; все равно вамъ по дорогѣ; вотъ моя хата (онъ указалъ на одну избу). Ей-богу, заѣзжайте!.. Такъ бы мнѣ хотѣлось, что бы вы заѣхали! Собралось бы насъ нѣсколько человѣкъ, посидѣли бы, поговорили... Можетъ, услышали бы отъ васъ что нибудь хорошее... А то сидимъ мы здѣсь по своимъ куткамъ и ничего не знаемъ, что на свѣтѣ божьемъ дѣлается“.

— „Заѣхать можно; только боюсь я, какъ бы и меня вашъ старшина не посадилъ въ холодную“ проговорилъ я полушутливымъ тономъ и потомъ продолжалъ совершенно серьезно: „Знаете, человиче добрый, о такихъ вещахъ, какъ мы съ вами толковали, громко говорить нельзя“.

— „О, развѣ я этого не знаю!? Собралось бы насъ четыре-пять человѣкъ, — все близкіе мои сосѣди, мои пріятели.... А больше — кто же?

Я посмотрѣлъ на него и встрѣтилъ взглядъ его широко открытыхъ, карихъ глазъ; въ нихъ свѣтилась такая правдивость, что мнѣ сдѣлалось стыдно за недовѣріе, промелькнувшее, было, на мгновеніе въ моей головѣ.

— „Добре, непремѣнно заѣду“, говорилъ я, пожимая ему руку.

— „Прощайте! Если бы не подвезли — плелся бы я еще гдѣ нибудь по дорогѣ; а такъ, спасибо вамъ, уже и дома.

Мы разстались и я поѣхалъ дальше.

Утопающій хватается за соломенку, размышлялъ я, ѣдучи къ себѣ домой. Такъ и этотъ несчастный бырчанскій бондарь, встрѣтя маленькое сочувствіе у человѣка, котораго передъ тѣмъ даже ни разу не видѣлъ, уже возлагаетъ на него смутныя свои надежды. А сколько подобныхъ бондарей у насъ! Ихъ можно встрѣтить

на всякомъ шагу. Небольшое вниманіе съ вашей стороны, капельку участія, и вы сразу привлекаете къ себѣ симпатіи этого человѣка; а послѣ двухъ-трехъ свиданій можете стать съ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Какое широкое поле для того, кто хочетъ работать среди народа! Если вы пропагандистъ — пропагандируйте ваши идеи; если вы бунтарь — агитируйте и организуйте для возстанія. Здѣсь есть почва для всего. Мужикъ — этотъ „таинственный незнакомецъ", этотъ сфинксъ, какъ утверждали нѣкоторые, — вовсе не казался мнѣ сфинксомъ, и мнѣ ясно-ясно представлялась въ ту минуту моя будущая дѣятельность!

Прошло недѣли четыре послѣ описанныхъ встрѣчъ и мы съ Дробязгинымъ опять собрались и поѣхали къ нашимъ знакомымъ.

Прибывши на мѣсто, мы заѣхали прямо къ дѣду Федю, встрѣтившему насъ, само собою разумѣется, очень радушно, и въ тотъ же день, конечно, видѣли Нечипора и Лазаря. Еще въ первый нашъ пріѣздъ, какъ Нечипоръ, такъ и дѣдъ Федь съ большой похвалой отзывались о трехъ своихъ пріятеляхъ односельцахъ, съ которыми хотѣли тогда же насъ познакомить; но не помню по какой причинѣ, кажется, просто потому, что тѣ жили на другомъ концѣ села и ихъ не удалось встрѣтить, знакомство это не состоялось. Теперь Нечипоръ рѣшилъ это осуществить. Дѣйствительно, на второй же день послѣ нашего пріѣзда онъ привелъ этихъ трехъ мужиковъ къ дѣду Федю. Одинъ изъ нихъ, Архипъ, привлекъ къ себѣ наше вниманіе. Это былъ сорокалѣтній, рослый крестьянинъ съ свѣтло-сѣрыми глазами и густыми, свѣтлыми усами, какъ кисти, опускавшимися на его ротъ, подъ которымъ, внизу, выступалъ широкій бритый подбородокъ. Когда завязалась у насъ бесѣда, двое изъ новопришедшихъ крестьянъ приняли въ ней живое участіе; но Архипъ отмалчивался, изрѣдка лишь вставляя незначительныя замѣчанія. Не трудно было, однако, замѣтить, что онъ пользовался среди своихъ большимъ уваженіемъ. Даже Нечипоръ относился къ нему явно по-

чтительно, что въ моихъ глазахъ имѣло особенное значеніе, такъ какъ Нечипоръ не принадлежалъ къ числу увлекающихся пылкихъ натуръ, и слѣдовательно на его оцѣнку людей можно было полагаться. Бесѣда наша вертѣлась, впрочемъ, на общихъ вопросахъ. Мы не хотѣли сразу вступать въ черезчуръ откровенныя объясненія и предпочитали сначала дать возможность высказаться нашимъ новымъ знакомымъ, ограничиваясь съ своей стороны болѣе или менѣе неопредѣленными выраженіями.

Такъ прошло нѣкоторое время. Вдругъ Архипъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, дернулъ слегка за руку и тихо проговорилъ: „Идемъ!“

Я поднялся, и мы вышли изъ избы. Архипъ шелъ впереди молча, я молча за нимъ слѣдовалъ, мысленно задавая себѣ вопросъ: что ему надо отъ меня? Такъ прошли мы, не говоря ни слова другъ другу, дворъ и леваду дѣда Федя и очутились въ полѣ. Здѣсь Архипъ остановился. Впереди виднѣлась долина, а за ней по всей горѣ, на сколько хваталъ глазъ, колосились озимые хлѣба.

— „Скажите, что вы хотите?“ спросилъ онъ, уставивши на меня свои сѣрые глаза.

Я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ отвѣчать прямо, не уклоняясь и не отдѣлываясь неопредѣленными фразами, потому отвѣтилъ: „Мы хотимъ взбунтовать людей.“

— „Для чего?“

— „Покажите мнѣ, гдѣ граница людскихъ полей?“ спросилъ я его въ свою очередь.

— „На той горѣ видите широкую межу?“ онъ указалъ пальцемъ на противуположную гору. „Съ лѣвой стороны тянутся поля нашего села, а вправо — поля сосѣдняго села (Архипъ назвалъ деревню).“

— „Добре. А теперь скажите мнѣ: всею ли этой землею владѣютъ люди?“

— „Нѣтъ. Людскія нивы кончаются тамъ“, отвѣтилъ

онъ, опять показывая рукою, — „а туда дальше идутъ ланы *) экономіи.

— „Кто же эти ланы засѣваетъ?“

— „Арендаторъ.“

— „Вотъ же мы хотимъ, что бы ту землю, которую засѣваетъ теперь арендаторъ, отобрать и передѣлить между всѣми людьми. И въ сосѣднемъ селѣ тоже отнять землю отъ пана и раздѣлить ее поровну между людьми. Такъ и по всѣмъ другимъ селамъ. Тогда только будетъ правда на землѣ. А что бы это сдѣлать, надо взбунтоваться всему народу.“

Архипъ нѣкоторое время стоялъ, молча, видимо раздумывая по поводу сказаннаго мною; потомъ проговорилъ: „Добре“; а потомъ еще добавилъ: „Ну, теперь вернемся въ хату“. И пошелъ по направленію къ избѣ.

Что означало это его „добре“, трудно было сказать. Выражало ли оно его полное согласіе со всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ отъ меня, или же только извѣстную неопредѣленность отношенія, — что у украинца тоже часто выражается этимъ словомъ „добре“ — не знаю я. Можетъ быть Архипъ въ ту минуту и самъ еще не зналъ, какъ ему отнестись къ нашему плану.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами у дѣда Федя, мы внимательно всматривались въ окружавшихъ насъ людей. Нечипоръ и самъ дѣдъ Федь намъ очень нравились. Дѣдъ представлялъ собою нѣсколько романтическій типъ. Онъ любилъ слушать, когда кто нибудь читалъ стихи или пѣлъ пѣсни; и одно, и другое производило на него огромное впечатлѣніе. Мнѣ не разъ удавалось ловить слезу въ его глазахъ, когда онъ слушалъ какую нибудь заунывную украинскую „думу“. Все замысловатое, фантастическое привлекало его вниманіе. Выражался онъ всегда нѣсколько витьевато. Нечипоръ былъ, напротивъ, очень практиченъ; большой хлопотунъ, правдивый и энергичный — онъ представлялся намъ человѣкомъ, который разъ брался за какое нибудь дѣло,

*) Ланомъ называется просто огромное поле.

всегда доводилъ его до конца. Что касается до Архипа, то, чѣмъ болѣе мы всматривались въ него, тѣмъ онъ намъ казался интереснѣе. Это былъ несомнѣнно человѣкъ съ сильнымъ характеромъ. Правда, тонкостью чувствъ онъ не отличался; чувствительности дѣда Федя у него не было и слѣда. Ни колизіямъ, ни сомнѣніямъ, повидимому, не было мѣста въ его душѣ: да — такъ да, а нѣтъ — такъ нѣтъ! Все у него было прямое и и крѣпкое, какъ у лѣсного дуба. Мы съ Дробязгинымъ уже мечтали даже о томъ, чтобы въ рѣшительную минуту предложить его въ атаманы.

Передъ нашимъ отъѣздомъ была созвана сходка. Нечипоръ явился ея организаторомъ, собравъ человѣкъ пятнадцать — все людей надежныхъ, — а вмѣстѣ съ нами и нашими пріятелями составилось больше двадцати. Среди этихъ людей было человѣкъ шесть изъ сосѣднихъ селъ. Послѣднее обстоятельство придавало сходкѣ особенно серьезное значеніе, такъ какъ лица, участвовавшіе въ ней, являлись представителями уже отъ нѣсколькихъ деревень. Помню, то былъ воскресный день; въ будни люди, благодаря работамъ, не могли бы собраться. На сходкѣ ораторомъ явился сначала Дробязгинъ. Въ общихъ чертахъ онъ изложилъ ту мысль, что всюду люди бѣдствуютъ отъ малоземелья и всюду хотятъ общаго передѣла земли; но что, конечно, никакого передѣла мирнымъ и законнымъ путемъ произойти не можетъ и что единственное средство для достиженія этого остается всенародный бунтъ. Всѣ присутствующіе, когда пришлось всякому изъ нихъ въ отдѣльности высказаться по поводу поднятаго нами вопроса, соглашались съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что надо было бунтоваться; но при этомъ многіе изъ нихъ добавляли, что они не вѣрятъ въ успѣхъ дѣла. „Прійдутъ москали и побьютъ“, категорически заявилъ одинъ изъ присутствующихъ. Мы на это возражали, конечно, что бунтоваться съ голыми руками не будемъ, а сначала постараемся добыть побольше оружія, да сверхъ того попытаемся поднять бунтъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ концѣ концовъ и

мы сами признали, что въ ту минуту не были еще готовы къ возстанію и, какъ очередное дѣло, выдвигали подготовленіе умовъ въ народѣ къ предстоящему возстанію. Другими словами, мы предлагали присутствующимъ составить организацію, которая поставила бы своей цѣлью осторожно распускать слухи среди народа о томъ, что скоро наступитъ передѣлъ земли; но что всѣ люди должны заранѣе готовиться къ борьбѣ, такъ какъ помѣщики не захотятъ уступить землю безъ боя.

Мы съ Дробязгинымъ рѣшили непремѣнно воспользоваться этой сходкой и положить начало организаціи среди крестьянъ. Понимая, однако, хорошо, что организація только въ томъ случаѣ можетъ развиваться и крѣпнуть, когда у людей, участвующихъ въ ней, будетъ какое нибудь живое дѣло: однимъ словомъ, понимая то, что для людей мало одного отвлеченнаго рѣшенія составить организацію, а нужно еще непремѣнно практическое дѣло, которое связало бы ихъ, — мы предложили тутъ же составить раньше всего кассу взаимопомощи. Такъ какъ нѣкоторые изъ присутствующихъ собирались въ этомъ году къ жатвѣ итти на заработки въ Херсонскую губ., а подобное отстраненіе лицъ, участвующихъ въ организаціи, было бы вредно для дѣла, то поэтому рѣшено было оказать матерьяльную поддержку болѣе нуждающимся. Мы для примѣра и поощренія тутъ же внесли въ кассу, если мнѣ не измѣняетъ память, двадцать пять рублей и предложили присутствующимъ выбрать изъ своей среды кассира. Теперь уже не помню, кто именно былъ выбранъ кассиромъ — дѣдъ или Нечипоръ.

Когда мы подняли вопросъ о томъ, что слѣдуетъ позаботиться о привлеченіи людей въ нашу ново-основанную организацію *), то Нечипоръ заявилъ, что онъ

*) Для избѣжанія недоразумѣній я долженъ замѣтить, что, конечно, такихъ словъ, какъ: кассиръ, организація и т. п. не было говорено нами. Я передаю здѣсь лишь смыслъ нашихъ бесѣдъ. Всѣ наши разговоры велись, само собою разумѣется, на украинскомъ простонародномъ языкѣ.

имѣетъ ввиду не мало лицъ вполнѣ надежныхъ, которыхъ можно будетъ привлечь къ дѣлу.

— „Какъ поѣду въ мѣстечко Лысянку," говорилъ онъ, „увижу всѣхъ и переговорю".

Оказывалось, что у Нечипора по дорогѣ къ Лысянкѣ въ нѣсколькихъ селахъ были родные и близкіе пріятели, на которыхъ онъ разсчитывалъ, что они къ намъ пристанутъ. Благодаря своимъ широкимъ связямъ, Нечипоръ получалъ необыкновенно важное значеніе для дѣла. Но можно было надѣяться, что среди присутствующихъ найдется еще нѣсколько лицъ, если и не съ такими большими связями, какъ у Нечипора, то все таки съ довольно обширными знакомствами. Такимъ образомъ мы, революціонеры изъ интеллигенціи, попадали, наконецъ, въ ту, такъ сказать, народную струю, гдѣ отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему и т. д., мы получали полную возможность раскинуть нашу организаціонную сѣть на какое угодно пространство. Это, конечно, мы сразу поняли и оцѣнили въ ту минуту, и предоставляю теперь судить всякому — до чего мы должны были почувствовать себя тогда счастливыми!

Впрочемъ, едва ли всякій это сможетъ понять. Для этого нужно быть слишкомъ близко знакомымъ съ тою эпохою. Здѣсь же я замѣчу, что до тѣхъ поръ нигдѣ почти ничего не было сдѣлано въ народѣ, и люди даже не знали, какъ подступиться къ мужику, о которомъ всѣ только разсуждали, но который, по признанію самихъ революціонеровъ, былъ отдѣленъ отъ нихъ китайской стѣною.

Мы совѣтовали Нечипору, какъ и вообще всѣмъ присутствующимъ, быть крайне осторожными въ выборѣ людей и посвящать въ нашу тайну лишь вполнѣ надежныхъ лицъ, такъ какъ, если полиція узнаетъ о заговорѣ, говорили мы, то приметъ заранѣе мѣры, которыя помѣшаютъ намъ осуществить нашу задачу.

Припоминаю еще одинъ незначительный фактъ, который, однако, можетъ быть, не безъинтересно будетъ разсказать здѣсь. На нашей сходкѣ присутствовалъ тогда одинъ человѣкъ изъ сосѣдняго села, обратившій на се-

бя наше вниманіе своимъ нѣсколько страннымъ поведеніемъ. За все время онъ ни разу не обратился къ намъ ни съ какимъ вопросомъ и не произнесъ громко ни одного слова, но то и дѣло шушукалъ что-то на ухо Нечипору, когда тотъ приближался къ нему. Наконецъ, Нечипоръ выбралъ удобную минуту и сказалъ намъ:

— „Есть тутъ одинъ человѣкъ, который хочетъ чтобы кто нибудь изъ васъ къ нему подошелъ; онъ хочетъ съ вами говорить".

— „О чемъ?" спросилъ я.

— „Онъ говоритъ..." Нечипоръ запнулся, „не знаю даже, какъ объ этомъ и подумать," продолжалъ Нечипоръ. „Онъ говоритъ, что онъ умѣетъ отъ пуль заговаривать, такъ что онъ крѣпко-крѣпко намъ пригодится когда мы выступимъ воевать".

Я посмотрѣлъ на Нечипора, что называется большими глазами. Этотъ умный, трезвый, развитой мужикъ вдругъ понесъ такую околесину!...

— „Развѣ вы этому вѣрите?" спросилъ я его.

Нечипоръ мялся, видимо, не зная, что ему отвѣтить.

Какъ меня, такъ и Дробязгина, этотъ колдунъ, умѣющій заговаривать отъ пуль, разсердилъ не на шутку, и мы рѣшили его наказать тѣмъ, что на отрѣзъ отказались говорить съ нимъ. А это было, несомнѣнно, чувствительное наказаніе для него, такъ какъ мы здѣсь являлись центральными фигурами, и на насъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалось вниманіе всѣхъ. Колдунъ, это было видно по всему, принадлежалъ къ разряду крайне самолюбивыхъ личностей, и ему хотѣлось „не мытьемъ, такъ катаньемъ" завоевать себѣ въ нашемъ будущемъ отрядѣ блестящее положеніе. Такимъ образомъ, нашъ бунтовской отрядъ, можетъ быть, имѣлъ бы и своего колдуна.

И такъ, начало организаціи среди крестьянъ было положено, и оставалось только вести это дѣло дальше.

Помню, въ избѣ, гдѣ больше двадцати человѣкъ помѣщалось и разговаривало, а многіе изъ насъ и курили, сдѣлалось невыносимо душно, и я вышелъ изъ хаты

во дворъ, что-бы освѣжиться. Но здѣсь былъ непріятно пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: куча людей толпилась возлѣ самыхъ оконъ нашей избы, видимо, желая подслушать, что дѣлалось и о чемъ говорилось внутри. Это были все взрослые молодые люди, паробки, собравшіеся изъ села. Меня это до того взволновало, что я немедленно воротился въ избу и, отозвавъ въ сторону дѣда Федя, тихо спросилъ его:

— „Какіе тамъ люди стоятъ возлѣ окна? Это совсѣмъ-совѣмъ не хорошо! Какъ бы чего дурного не вышло изъ этого".

— „Э!.. ничего дурного изъ этого не выйдетъ!" успокаивалъ меня дѣдъ, — „это наши паробки.... Какъ же хотите вы? Войти сюда, гдѣ сидятъ и разговариваютъ старые люди, они не смѣютъ... Вотъ они и ждутъ возлѣ хаты; хочется имъ знать, на чемъ здѣсь порѣшатъ, что имъ отсюда „вынесутъ".

— „Чего же они ждутъ?"

— „Вотъ, — сказали — чего ждутъ!? А можетъ, мы тутъ рѣшили бы коней сѣдлать? *)

— „Ну?..."

— „Ну, такъ они и сѣдлали бы!.. Вы какъ думаете?! Не бойтесь, ничего дурного не выйдетъ изъ этого! Это все свои люди..." улыбаясь, говорилъ дѣдъ.

Конечно, то могли быть свои люди; но съ улицы могли видѣть эту сцену и не свои; и это послѣ того, какъ мы такъ обстоятельно разсуждали объ осторожности!... — размышлялъ я. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что размышленія эти меня посѣтили только въ первое мгновеніе. Потомъ, очень скоро эта сцена вдругъ освѣтилась для меня совсѣмъ съ другой стороны, и я сталъ усматривать здѣсь, подобно дѣду Федю, только готовность къ бунту, что меня, само собою разумѣется, необыкновенно радовало. Но такъ ли это было на самомъ дѣлѣ?

Послѣ описанной сходки мы скоро уѣхали.

---

*) Выраженіе, очевидно, сохранившееся съ казацкаго времени, означающее выступленіе въ военный походъ.

Теперь мы возвращались домой еще болѣе радостные, чѣмъ въ первый разъ. Въ моемъ воображеніи уже рисовалась картина, какъ выступитъ въ походъ нашъ вооруженный отрядъ, ватажкомъ котораго или атаманомъ будетъ Архипъ. Архипъ болѣе другихъ казался подходящимъ для подобной роли. На мой же взглядъ, атаманомъ бунтовскаго отряда долженъ быть крестьянинъ, и мы, революціонеры изъ интеллигенціи, могли составлять изъ себя только нѣчто въ родѣ генеральнаго штаба. Уже рисовалась мнѣ картина, какъ отрядъ нашъ будетъ приходить въ села, отнимать отъ помѣщиковъ землю и немедленно дѣлить ее между крестьянами. Сначала мы будемъ появляться неожиданно то въ той, то въ другой деревнѣ, будируя и возбуждая всюду народъ, но по мѣрѣ того, какъ возстаніе будетъ крѣпнуть, наши передвиженія сдѣлаются болѣе правильными. Уже я мысленно опредѣлялъ тотъ путь, по которому будетъ двигаться нашъ отрядъ, перечислялъ тѣ села, которыя окажутся намъ по дорогѣ и гдѣ, поэтому, раньше всего совершится передѣлъ земли. Конечно, въ первое время мы будемъ избѣгать битвъ съ войсками, нападая на нихъ лишь невзначай, — какъ вообще ведутся партизанскія войны. Мы порвемъ желѣзныя дороги и телеграфы, что-бы затруднить дѣйствія правительства и дать возможность, съ другой стороны, окрѣпнуть возстанію. Овладѣвая городами, мы будемъ забирать оружіе, какое попадется, и жечь правительственныя зданія: канцеляріи, суды, всевозможные архивы. Я сталъ уже мечтать о томъ, какъ возстаніе наше будетъ расти и шириться, и какъ, наконецъ, вспыхнетъ общій пожаръ, и мятежныя толпы народа разольются грозными потоками по всей странѣ.

Вотъ, она, революція, давно желанная! Вотъ, наконецъ, она! Я ее почти осязалъ своими руками въ ту минуту!...

Какая, однако? Соціалистическая? Передѣлъ земли далеко еще не осуществлялъ соціализма! Земельный идеалъ украинца — подушный передѣлъ — по всему вѣроятію, являлся уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ нѣкогда

существовавшей общины съ періодическими передѣлами земли, какая по настоящее время существуетъ на сѣверѣ Россіи. Правда, желаніе крестьянъ передѣла земли указывало на ихъ отрицательное отношеніе къ тому, что бы земля была личной собственностью. Но, очевидно, что самъ по себѣ передѣлъ въ будущемъ не гарантировалъ еще отъ развитія личной собственности. Крестьяне, которые получили бы при передѣлѣ извѣстные участки земли и успѣли бы разбогатѣть, конечно, не пожелали бы потомъ вторичнаго передѣла, и первые явились бы врагами подобнаго уравненія имуществъ. Что это было бы именно такъ, на это мы имѣли передъ глазами живой примѣръ — чигиринскія волненія. „Актовики“, такіе же мужики, какъ и „душевики“, въ качествѣ довольныхъ своимъ положеніемъ, явились самыми непримиримыми противниками мужичьяго идеала — передѣла земли. Какъ же мы мирились съ этимъ? Какъ мы себѣ представляли все таки полное осуществленіе соціализма? А мы просто такъ далеко не забѣгали мыслями впередъ. Мы видѣли, что крестьяне страдаютъ отъ малоземелья; мы слышали, что крестьяне мечтаютъ о подушномъ передѣлѣ земли; и мы стремились къ осуществленію этого ближайшаго крестьянскаго идеала, не безъ основанія думая, что будущія поколѣнія сами о себѣ позаботятся лучше, чѣмъ мы о нихъ теперь (фраза, брошенная гдѣ-то Чернышевскимъ); что наша задача состоитъ въ томъ, что-бы осуществить назрѣвшія требованія народа, или, какъ мы любили тогда выражаться, стоять на почвѣ ближайшихъ народныхъ требованій. Осуществляя назрѣвшія требованія, мы этимъ открывали путь дальнѣйшему прогрессу. Мы не безъ основанія думали, что народные идеалы и стремленія являются продуктомъ его жизни, т. е. что они складываются подъ совокупнымъ давленіемъ всѣхъ обстоятельствъ экономическаго строя, политическихъ порядковъ и пр.; и что, слѣдовательно, одной словесной пропагандой все равно нельзя измѣнить міровоззрѣній народныхъ; что въ концѣ концовъ лучше и полезнѣе что нибудь осуществить въ жизни,

чѣмъ обо многомъ мечтать и разговаривать только. Словомъ, мы стояли тогда въ этомъ отношеніи на вполнѣ раціональной почвѣ.

Но что касается путей, посредствомъ которыхъ мы думали осуществить наши стремленія, то тутъ, нужно сознаться, мы впали въ страшную ошибку. Мы избрали путь народнаго возстанія. Вѣра въ революціонность народа, въ его могущество и даже непобѣдимость — вотъ та слабая сторона, на которой, увы, построено было все наше революціонное народничество. И любопытнѣе всего было то, что доказательства свои мы черпали изъ исторіи, тогда какъ исторія-то, казалось, и должна была насъ уберечь отъ подобной ошибки. Мы ухитрялись отдѣльныя историческія событія, совершавшіеся, скажемъ, въ прошломъ вѣкѣ, цѣликомъ какъ-то пріурочивать къ нашему времени, и при этомъ упускали иногда изъ виду самыя существенныя обстоятельства: или не принимали во вниманіе общихъ условій жизни того отдаленнаго времени, или же не замѣчали разницы, существующей между той эпохой и настоящимъ временемъ.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1770 такого-то года возлѣ города Яицка на Уралѣ появилась толпа козаковъ, состоящая изъ трехсотъ человѣкъ...“ читали мы въ исторіи пугачевскаго бунта; потомъ переворачивали нѣсколько страницъ и читали дальше: „Въ концѣ октября того же года подъ городомъ такимъ-то у Пугачева уже было тридцать тысячъ войска, столько-то лошадей, столько то пушекъ и пр.“ Вотъ какъ растетъ народная армія! восклицали мы. Въ одинъ мѣсяцъ съ небольшимъ съ трехсотъ она выросла до тридцати тысячъ. Очевидно, и намъ стоитъ только начать съ самымъ маленькимъ отрядомъ и мы не оглянемся, какъ будемъ имѣть десятки тысячъ въ своихъ рядахъ!... Дальше, въ описаніи того же пугачевскаго бунта, мы наталкивались на факты вродѣ того, напр., что правительственныя пушки доставлялись изъ одной губерніи въ другую, скажемъ, на волахъ, и ѣхали цѣлыхъ два мѣсяца, или что нибудь въ такомъ родѣ; такіе факты нисколько не вызывали у насъ сравненій. Мы

не говорили: „Однако, легко было тогда бунтовать! Тогда правительство возило пушки на волахъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ; везло ровно два мѣсяца тамъ, гдѣ теперь въ три часа привезетъ“. Мы, напротивъ, читая о подобномъ казусѣ, только радовались, весело потирая себѣ руки и приговаривали: „такъ имъ и надо мерзавцамъ!... вотъ имъ и пушки опоздали...“ Или, напр., начитываемъ мы въ исторіи того же пугачевскаго бунта нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Пугачевъ окружилъ городъ съ шестидесятью тысячнымъ войскомъ. Но въ это время полковникъ такой-то сдѣлалъ удачную вылазку и въ рядахъ самозванца произошли смятеніе и паника. Въ лагерѣ его всю ночь слышался крикъ, а когда на другой день утромъ Пугачевъ вышелъ изъ своей палатки, то ,къ ужасу своему, увидѣлъ совершенно опустѣвшій лагерь. При самозванцѣ осталось только пятнадцать человѣкъ“. За тѣмъ слѣдуетъ поименное перечисленіе этихъ пятнадцати: „Чика“, конечно, одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Пугачева и другіе. „Но это, однако, ужасный фактъ! Изъ шестидесяти тысячъ осталось вѣрныхъ своему дѣлу только пятнадцать человѣкъ! Куда же дѣвались остальные? Бѣжали!... Какъ они смѣли бѣжать?! Какое безобразіе! Какъ мало мужества у толпы!...“ „Что? Мало мужества у толпы?!“, съ азартомъ восклицали мы. Но найти оправданіе и сказать что нибудь въ пользу мужества толпы при этомъ казусѣ мудрено было; поэтому, мы предпочитали повернуть вопросъ другой стороной: „Ничего!“, успокоивали мы, „сегодня разбѣжались, — завтра опять прійдутъ.“

Конечно, я, можетъ быть, нѣсколько ретуширую здѣсь, но сущность нашихъ объясненій историческихъ событій была именно въ такомъ духѣ. Все то, что подтверждало наши теоріи, мы брали цѣликомъ; все то, что противорѣчило имъ, мы такъ или иначе ухитрялись повернуть все таки въ пользу нашихъ взглядовъ, или, наконецъ, просто уклонялись отъ объясненія. То былъ по истинѣ самообманъ или даже болѣе того — гипнозъ какой-то, ибо въ настоящее время трудно представить

себѣ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было проглядѣть хотя бы такія сооруженія, какъ желѣзныя дороги и телеграфы? Вѣдь во времена Пугачева, а тѣмъ болѣе Стеньки Разина, ничего подобнаго не было. Но если и тогда правительство вышло побѣдителемъ, то какъ можно было надѣяться на успѣхъ въ настоящую эпоху? Пути сообщенія, почты, телеграфы, полицейская организація, — словомъ все, что носитъ общее названіе „благоустройства“, вѣдь это же все — несомнѣнный плюсъ для прочности государственнаго порядка и несомнѣнный минусъ для бунтовскаго отряда. Но самое поразительное во всемъ этомъ недосмотрѣ былъ недосмотръ военной силы; а это ужъ, казалось, и ребенокъ долженъ былъ бы видѣть. Однако, въ этомъ отношеніи проглядѣли не одни мы, русскіе, но и западно-европейскіе революціонеры: въ то время, какъ они строили свои революціонные планы, исходя изъ опытовъ 48 года, европейскія правительства не дремали и, съ Бисмаркомъ во главѣ, развили милитаризмъ до такихъ размѣровъ, что разговоры о народныхъ возстаніяхъ и баррикадахъ сдѣлались теперь просто таки дѣтскими. Легко было бунтоваться пугачевцамъ, имѣя за собою вооруженное козачество, а противъ себя — незначительную регулярную армію, да къ этому еще — вмѣсто желѣзныхъ дорогъ — отвратительныя грунтовыя, вмѣсто локомотивовъ — воловъ, вмѣсто телеграфовъ — фельдъегерей... Но нынче? Если бы мы потрудились сравнить только военные бюджеты Екатерины II и Александра II, то этого одного было бы за глаза достаточно, что бы умѣрить нашъ пылъ. Увы, никому изъ насъ это не приходило въ голову, и крестьянинъ, говорившій намъ, что „прійдутъ москали и побьютъ насъ“, оказывался несравненно дальновиднѣе насъ, революціонеровъ изъ интелигенціи, проглядѣвшихъ такую огромнѣйшую силу, какъ наша полутора-милліонная армія. При тѣхъ средствахъ, какими располагаютъ современныя европейскія правительства, удачное возстаніе возможно лишь при одномъ условіи, — когда возстаніе это сдѣлаетъ само же войско. Уже парижская револю-

ція 1871 года сдѣлана была національной гвардіей и при томъ еще при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ: внѣшней войнѣ, отвлекшей силы. Но думали ли мы хоть о томъ, чтобы внести нашу пропаганду въ среду военныхъ? Нисколько. Мы, народники, съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ относились къ этой организованной, всерѣшающей силѣ, и только народовольцами агитація среди военныхъ поставлена была однимъ изъ главныхъ пунктовъ программы. Я позволю себѣ привести здѣсь конецъ рѣчи Петра Алексѣева, произнесенной имъ передъ судомъ въ 1877 году, гдѣ ясно формулирована, эта наша народническая вѣра. Вотъ что онъ говоритъ: „И она (революціонная молодежъ) пойдетъ неразлучно съ нами до тѣхъ поръ, пока поднимется эта мускулистая крестьянская рука,(говоритъ, поднявъ руку) и огражденное солдатскими штыками ярмо деспотизма не разлетится въ прахъ.“

Такъ понималъ задачу революціонеровъ Петръ Алексѣевъ; болѣе или менѣе также понимали ее и другіе. Мы не представляли себѣ революцію иначе, какъ въ видѣ прямой, непосредственной борьбы народа съ войскомъ. Мы противопоставляли народъ привилегированнымъ сословіямъ и правительству съ его чиновничьей организаціей и арміей, какъ два враждебныхъ лагеря, двѣ силы, вотъ-вотъ готовыя столкнуться, вступить другъ съ другомъ въ смертельный бой, и ни одной минуты не сомнѣвались въ успѣшномъ исходѣ этой борьбы для народа. „Скоро, братцы, прійдетъ это времечко“, читаемъ мы въ народнической брошюрѣ „Чтой то братцы?“ — „Со всѣхъ сторонъ поднимается сила крестьянская, взволновалась Русь-матушка, зашумѣла, какъ море великое. А поднимется, да расправится, — такъ не будетъ съ ней ни сладу, ни удержу.“

XII

НАСТРОЕНІЕ НАШЕГО КРУЖКА. — ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ГОРИНОВИЧА И НАШЕ БѢГСТВО ИЗЪ ДЕРЕВЕНЬ. — АРЕСТЪ ВЪ МѢСТЕЧКѢ ШПОЛѢ. — СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ то время, какъ я съ такой вѣрой относился къ нашему будущему и фантазировалъ, и строилъ всевозможные планы, предусматривая чуть не мельчайшія подробности предполагаемаго бунта, — дѣйствительность готовила совсѣмъ другое. Настроеніе большинства членовъ нашего кружка давно было уже не благопріятное для дѣятельности среди народа и со дня на день становилось хуже. Я разсказывалъ уже раньше о томъ ненормальномъ положеніи, которое заняли мы сразу лишь только поселились въ народѣ: мы жили по деревнямъ и не знакомились съ сосѣдями- крестьянами. Такъ поступалъ не тотъ, либо другой изъ насъ, а рѣшительно всѣ. Такъ, напримѣръ, я первый, ставившій, между прочимъ, своей задачей заведеніе связей въ той деревнѣ, гдѣ жилъ, подобно другимъ, избѣгалъ знакомствъ съ крестьянами и, если знакомился, то только на сторонѣ, вдали отъ своего мѣстожительства. Причину этого нужно искать, главнымъ образомъ, въ нашемъ нелегальномъ положеніи, которое вынуждало насъ держаться по отношенію ко всѣмъ постороннимъ крайне сдержанно, болѣе того — недовѣрчиво, чтобы не дать возможности проникнуть имъ въ нашу интимную жизнь.

Конечно такое сдержанное, недовѣрчивое отношеніе къ сосѣдямъ-крестьянамъ мѣшало намъ сближаться съ ними, и наша жизнь въ деревняхъ становилась, такимъ образомъ, одной пустой формальностью, не приносящей ничего, кромѣ обузы для насъ самихъ. Но жизнь кружка или партіи направляется, какъ мнѣ кажется, не столько общими принципами и конечными цѣлями, стоящими въ его программѣ, какъ той ежедневной мелкой работой, что приходится совершать ему въ борьбѣ съ окружающей текущей жизнью. Ничего удивительнаго, поэтому, что вышеописанное ненормальное положеніе среди народа, съ полнымъ отсутствіемъ дѣла, прямо относящагося къ цѣли, стала развивать въ нашемъ большинствѣ скептицизмъ и сомнѣніе, принявшіе въ концѣ весьма опасные размѣры. Между нами стала наблюдаться большая рознь въ настроеніяхъ. Такъ, Стефановичъ, вевшій свои конспираціи съ чигиринцами, увлеченный этимъ дѣломъ, вскорѣ занялъ совершенно обособленное положеніе въ нашемъ кружкѣ. Съ своей стороны, я былъ такимъ пламеннымъ бунтаремъ въ ту минуту, благодаря, конечно, тѣмъ удачнымъ знакомствамъ среди крестьянъ, о которыхъ разсказывалъ выше, что тоже не могъ мириться съ настроеніемъ большинства. А жизнь большинства, между тѣмъ, слагалась на особый образецъ. Стефановичъ, Дробязгинъ, я искали и находили работу для себя, по крайней мѣрѣ, вдали отъ нашихъ поселеній, если не у себя дома. Положеніе же большинства было другое, такъ какъ оно не находило дѣла для себя ни дома, ни внѣ дома, и даже не предвидѣло никакого дѣла до самого того момента, когда прійдется выступить съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ, если можно такъ выразиться, не въ мѣру высоко поднятый тонъ, тогда какъ дѣйствительная окружающая жизнь требовала, можетъ быть, именно мелкой, кропотливой работы, далъ въ будущемъ только лишній шансъ для разочарованія: спускаться съ неба на землю всегда непріятно. Большинство изъ насъ ожидало, когда двумъ-тремъ человѣкамъ удастся завязать подходящія сношенія съ крестьянами, ждало, пока

появятся откуда нибудь средства, необходимыя для закупки оружія. Да что оно могло, въ самомъ дѣлѣ, и предпринятъ въ этомъ отношеніи? Положеніе было безвыходное. — «Ахъ, какъ бы поскорѣе начинать уже!» восклицали тѣ, которыхъ терпѣніе истощалось. — „Да когда же, наконецъ, мы приступимъ къ дѣлу? Неужели будемъ только все собираться, да готовиться?“ говорили болѣе нервные и горячіе. Поднялись разговоры о назначеніи срока. „Разъ наступитъ назначенное время — мы должны начать возстаніе“, доказывали они. То есть, другими словами, начинать хоть съ пустыми руками. „Пусть насъ окажется всего двадцать человѣкъ“— развивали они свою мысль дальше, — явимся мы въ какую либо деревню, созовемъ сходъ, прочтемъ манифестъ отъ имени царя о передѣлѣ земли и уйдемъ съ тѣмъ, чтобы появиться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.“ Предполагалось, что этимъ путемъ удастся разволновать крестьянскую массу.

Стала замѣчаться какая-то нервная торопливость въ нашихъ дѣствіяхъ; мы боялись, что разъ теперь не поспѣшимъ и отложимъ возстаніе, то потомъ уже ничего не выйдетъ изъ нашихъ плановъ. Но сознаніе, что начинать бунтъ съ голыми руками было-бы чистымъ безумiемъ, все таки брало верхъ. И вотъ мы стали искать выхода. Рѣшено было отправить одного делегата въ Петербургъ и Москву къ тамошнимъ революціоннымъ кружкамъ, съ цѣлью просить у нихъ матерьяльной помощи. Выбранъ былъ для этого человѣкъ, къ которому всѣ революціонеры, сколько нибудь знавшіе его, относились безусловно хорошо, человѣкъ съ самой высокой революціонной репутаціей (имени его я здѣсь не хочу назвать). Мы надѣялись, что онъ успѣетъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ насъ, въ этой миссіи. Онъ долженъ былъ разсказать тамъ, что у насъ заведены серьезныя связи въ крестьянствѣ и что почва для возстанія вполнѣ подготовлена; но такъ какъ начинать подобное дѣло, не имѣя оружія, значило бы подвергать дѣло въ самомъ же началѣ огромному риску, то поэто-

му мы призываемъ всѣхъ революціонеровъ-народниковъ на помощь къ намъ. Для того, что бы окончательно вселить довѣріе къ нашему предпріятію, делегатъ долженъ былъ предложить, чтобы оттуда командировали кого либо изъ своихъ къ намъ, на югъ, для провѣрки нашихъ словъ. Съ такими порученіями уѣхалъ нашъ делегатъ.

Но спустя нѣкоторое время, къ нашему ужасу, онъ вернулся почти ни съ чѣмъ, если не считать за серьезное пріобрѣтеніе тѣ тридцать револьверовъ, дешевыхъ и никуда негодныхъ, которые онъ привезъ изъ своей командировки.

Мы имѣли, такимъ образомъ, для нашего предполагаемаго возстанія цѣлыхъ тридцать плохихъ револьверовъ! Хороша оказалась помощь петербургскихъ кружковъ!.. Только и оставалось для полнаго обезпеченія успѣха въ возстаніи призвать еще на помощь того колдуна, что брался заговаривать отъ пуль!

Однако, я иронизирую здѣсь заднимъ числомъ. Тогда же мнѣ было совсѣмъ не до того: я былъ слишкомъ вѣрующимъ народникомъ.

Между тѣмъ многіе изъ нашихъ тогда уже стали иронизировать и надъ мужикомъ, и надъ собою, и надъ всѣми нашими предпріятіями. Они прекрасно видѣли и понимали, что народъ оставался также чуждъ имъ, какъ былъ для нихъ и раньше, до ихъ жизни въ деревняхъ; чувствовали, съ другой стороны, и себя чуждыми народу и это, конечно, должно было развить у нихъ недовѣріе къ своимъ силамъ и своему дѣлу. Они увидѣли, что ни народъ для нихъ, ни они для народа не были нужны. Революціонное народничество отживало свое время и мало по малу начинали уже зрѣть какія то новыя чувства. Трудно формулировать, однако, въ чемъ заключались эти чувства. Не у одного изъ скептиковъ въ ту минуту поднимался, можетъ быть, вопросъ въ такомъ родѣ: „а что если мы не тамъ ищемъ рѣшенія вопроса, гдѣ его слѣдуетъ искать?“ Въ самомъ дѣлѣ, если мы всѣ сознавали, что безъ оружія безсмысленно было поднимать бунтъ, то самъ собою напрашивался выводъ,

что безсмысленно было и вообще поднимать возстаніе, такъ какъ, конечно, достать оружіе въ такомъ количествѣ, чтобы съ нимъ можно было противупоставиться войску, мы все равно не могли, — для этого нужны были милліоны, а сотня, двѣ и даже тысяча ружей такъ же мало обезпечивали успѣхъ дѣла, какъ если бы ихъ и совсѣмъ не было.

Сборнымъ мѣстомъ нашего кружка, какъ я описывалъ выше, было мѣстечко Смѣла, и въ частности, постоялый дворъ Сруля. Но наши постоянныя шатанія въ Смѣлу скоро скомпрометировали этотъ постоялый дворъ въ глазахъ смѣлянской полиціи, заподозрѣвшей въ насъ воровскую шайку. Становилось опаснымъ дальше жить въ Смѣлѣ, и нашъ сборный пунктъ, наша, такъ сказать, главная квартира перенесена была въ г. Елисаветградъ Херсонской губ. Елисаветградъ, стоящій на желѣзной дорогѣ — Одесса-Харьковъ —, находился недалеко отъ другихъ нашихъ поселеній, бывшихъ, главнымъ образомъ, въ южной части Кіевской губ., и, потому, оказывался весьма удобнымъ пунктомъ, тѣмъ болѣе, что городокъ этотъ былъ еще оживленнѣе мѣстечка Смѣлы и слѣдовательно, еще легче было намъ скрываться. Организаторомъ елисаветградскаго поселенія явился Чубаровъ (членъ нашего кружка), нанявшій отдѣльный домъ, само собою разумѣется, на вымышленное имя. Съ нимъ поселились Малинка и Рахальскій; другіе же члены кружка наѣзжали сюда, оставаясь тутъ иногда подолгу, и здѣсь отбывались наши собранія.

Здѣсь то въ елисаветградскомъ притонѣ и стало рѣзко наблюдаться то ненародническое, а какое то другое настроеніе, о которомъ я вспоминаю выше, и я помню, силько чувствовалъ и скорбѣлъ тогда отъ той розни, что выросла между нами и продолжала расти дальше. Не разъ, бывало, принимался я разсказывать скептикамъ о бырчанскомъ бондарѣ, приводя мое знакомство съ нимъ, какъ доказательство того, съ какою легкостью можно заводить связи среди крестьянъ. Мнѣ хотѣлось указать хоть на маленькое дѣло, достижимое

для всякого, но которое могло бы заполнить время и вывести наше большинство изъ бездѣятельнаго состоянія, представлявшаго главную опасность для нашихъ плановъ. Я это тогда понималъ или, вѣрнѣе, не понималъ, а чувствовалъ. Я чувствовалъ, что нашимъ революціонно-народническимъ планамъ угрожала какая-то смертельная бѣда, и мнѣ хотѣлось какъ нибудь предъотвратить ее. Но въ отвѣтъ на мой примѣръ знакомства съ бондаремъ только подтрунивали надо мною, говоря, что я изобрѣлъ „механическій путь намѣчанія революціонныхъ типовъ въ народѣ“. Понятно, я сердился.

Такъ влачили мы нашу жизнь въ народѣ... И до какихъ поръ влачили бы — трудно сказать, если бы слѣдующій случай не вытолкнулъ насъ изъ нашихъ поселеній.

Въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній, разсказывая о „Кіевской коммунѣ“, я упоминалъ о Ларіоновѣ и Гориновичѣ, какъ о двухъ субъектахъ, которые, будучи арестованы, дали много компрометирующихъ показаній. Одинъ изъ нихъ, Гориновичъ, можетъ быть, именно въ награду за его раскаяніе, выпущенный изъ тюрьмы, вмѣсто того, чтобы куда нибудь удалиться, гдѣ могли бы его поскорѣе всѣ забыть, принялся за чѣмъ то усиленно розыскивать Стефановича и меня, какъ своихъ знакомыхъ, мотивируя это тѣмъ, что хочетъ работать съ нами въ народѣ. Кажется, миссія розыскать насъ просто на просто возложена была на него жандармами. Ему какъ-то удалось напасть на наши слѣды: онъ узналъ, что мы находимся гдѣ-то возлѣ г. Елисаветграда и лѣтомъ 76-го года пріѣхалъ сюда. Здѣсь членъ нашего кружка, Левъ Дейчъ, встрѣтилъ случайно Гориновича у одного изъ мѣстныхъ радикаловъ — военнаго фельдшера Майданскаго — и узналъ его. Дейчъ и Викторъ Малинка, оба проживавшіе тогда въ елизаветградскомъ притонѣ, сочли вполнѣ справедливо появленіе Гориновича опаснымъ для дѣла и мало по малу пришли къ тому заключенію, что другого средства не оставалось, какъ только его убить. Но такъ какъ убійство въ

г. Елисаветградѣ могло повлечь за собою розыски и открытіе нашей организаціи, то поэтому они надумались совершить это убійство въ Одессѣ, куда съ этой цѣлью и вызвали Гориновича.

Покушеніе на жизнь Гориновича произошло въ Одессѣ на площади, находящейся возлѣ товарной желѣзнодорожной станціи. Послѣ ударовъ, свалившихъ его на землю, покушавшіеся сочли его мертвымъ и тогда облили его лицо сѣрной кислотой въ томъ намѣреніи, чтобы полиція не могла потомъ констатировать личности убитаго. Но что бы, съ другой стороны, всѣ знали причину убійства, возлѣ лежавшаго Гориновича оставлена была записка слѣдующаго содержанія: „Такова участь всякого шпіона“. (я не помню, впрочемъ, точныхъ словъ записки). Но Гориновичъ оказался живъ. Съ лицомъ изуродованнымъ сѣрной кислотой онъ потомъ фигурировалъ на „большомъ процессѣ“, какъ живой примѣръ крайней жестокости покушавшихся революціонеровъ. Я не стану здѣсь даже опровергать этой очевидной клеветы. При видѣ изуродованнаго лица Гориновича всѣ содрогались и ужъ, конечно, сами покушавшіеся содрогались и возмущались въ тысячу кратъ болѣе лицемѣрныхъ прокуроровъ русскаго правительства.

Случай этотъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на судьбу нашего кружка.

Гориновичъ остался живъ. При слѣдствіи выяснилось, что покушавшіеся встрѣтились съ нимъ въ Елисаветградѣ у военнаго фельдшера Майданскаго и мѣстнаго адвоката, Краева. Тотчасъ эти два человѣка были арестованы. Къ сожалѣнію Краевъ сталъ давать компрометирующія показанія. А такъ какъ Краевъ зналъ нашъ притонъ, гдѣ жили Чубаровъ, Рахальскій и другіе, и куда постоянно наѣзжали остальные члены кружка, то вскорѣ начались поиски за всѣми нами. Пришлось намъ покидать болѣе или менѣе насиженныя мѣста и бѣжать куда-то. И вотъ, назначивъ Харьковъ общимъ сборнымъ пунктомъ, мы бросились въ разсыпную, кто куда находилъ удобнѣе для себя.

Я и три товарища принялись тоже за ликвидацію нашего поселенія. Дѣло было не особенно сложное, и дня два-три спустя мы уже двигались по дорогѣ къ мѣстечку Шполѣ Кіевской губ., на двухъ телѣгахъ, нагроможденныхъ почти до самого верху всевозможными вещами: помимо одежды и хозяйственныхъ принадлежностей, тутъ было три или четыре сѣдла, на которыхъ мы мечтали ѣздить во время возстанія; нѣсколько книгъ, главнымъ образомъ, по исторіи французской революціи, пугачевщины и гайдамачины; карты генеральнаго штаба той мѣстности, гдѣ предполагалось начать возстаніе; нѣсколько кинжаловъ и револьверовъ съ цѣлой кучей револьверныхъ патроновъ; множество коробокъ съ порохомъ; фальшивые паспорта; поддѣльныя печати и тому подобныя „бунтовскія“ принадлежности.

Въ мѣстечко Шполу мы пріѣхали подъ вечеръ и остановились на ночь въ постояломъ дворѣ. На другой день, не помню, почему, мы проваландались довольно долго, а когда собрались, наконецъ, уѣхать, въ большихъ крытыхъ сѣняхъ постоялаго двора, называемыхъ „подсѣньемъ“ (въ родѣ сарая), гдѣ стояли уже запряженныя наши телѣги, появился вдругъ тысяцкій съ двумя сотскими и потребовалъ наши паспорта.

Пробѣжавъ документы и найдя ихъ, конечно, въ порядкѣ (документы у насъ были поддѣланы превосходно; въ частности у меня былъ настоящій документъ одного моего умершаго родственника), тысяцкій посмотрѣлъ пытливо на наши телѣги и поинтересовался узнать, какія это были вещи.

Мы себя назвали торговцами лошадей и объявили, что переѣзжаемъ на жительство изъ г. Черкассы въ г. Умань Кіевской губ., и что эти вещи были наши хозяйственныя принадлежности.

Тогда тысяцкій на угадъ запустилъ руку въ одну изъ телѣгъ, и къ нашему ужасу, вытащилъ оттуда револьверный кобуръ.

— „А это что?..“ воскликнулъ онъ.

— „Чехолъ отъ ровольвера“, отвѣтилъ я, „да и ре-

вольверъ есть. Сами знаете — таскаемся по ярмаркамъ, приходится держать оружіе. Другой разъ ѣдешь ночью съ деньгами...“

О револьверѣ я заговорилъ потому, что все равно кобуръ былъ найденъ; отказываться и выворачиваться казалось неудобнымъ. Я счелъ практичнѣе пойти опасности на встрѣчу, а потому, не колеблясь, вытащилъ револьверъ и подалъ его тысяцкому.

Но или мой разсчетъ оказался невѣрнымъ или же, можетъ быть, и безъ того мы возбудили серьезныя подозрѣнія, только онъ не удовлетворился моей откровенностью. Взявъ револьверъ изъ моихъ рукъ и оглядѣвъ его со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшительно заявилъ:

— „Собирайтесь-ка, пойдемъ въ становую квартиру.“

На это мы, что называется, только руками развели.

Толпа зѣвакъ собралась у воротъ постоялаго двора, вевшихъ въ подсѣнье, гдѣ вся вышеописанная сцена происходила, и съ любопытствомъ оглядывала наши телѣги, нагруженныя вещами, и насъ самихъ, чувствовавшихъ себя въ ту минуту сильно обезкураженными.

— „И телѣги, и телѣги ведите за собою!“ проговорилъ тысяцкій, замѣтивъ, что мы собираемся итти одни безъ нашихъ телѣгъ.

Нечего было дѣлать; взявши лошадей подъ узды, мы медленно, среди разступившейся по обѣ стороны толпы народа, выѣхали изъ большихъ воротъ постоялаго двора и двинулись вслѣдъ за тысяцкимъ, шедшимъ впереди; двое сотскихъ пошли сзади насъ.

По дорогѣ въ становую квартиру, находившуюся на краю мѣстечка, намъ — по крайней мѣрѣ мнѣ — пришлось о многомъ-многомъ передумать. Шли мы, молча, не разговаривая другъ съ другомъ, всякій погруженный въ свои невеселыя размышленія, такъ какъ въ присутствіи тысяцкаго и сотскихъ серьезной бесѣды все равно нельзя было вести, а шептаться — значило лишь усилить подозрѣнія противъ себя. Прежде всего мнѣ пришла въ голову мысль, что насъ задержала шполянская полиція, благодаря распоряженіямъ изъ Елиса-

ветграда, разосланнымъ повсюду объ арестѣ лицъ съ извѣстными примѣтами, которыя, само собою разумѣется, должны были подходить къ нашимъ примѣтамъ, такъ какъ насъ то собственно и розыскивали. Это мрачное предположеніе само собою лезло въ голову. Но если даже было и не такъ, если насъ задержали безъ всякаго отношенія къ елизаветградскимъ событіямъ, то и въ этомъ случаѣ положеніе казалось отчаяннымъ: достаточно было обыскать наши телѣги и найти револьверы, патроны, порохъ, а особенно фальшивые паспорта, что-бы наше дѣло было окончательно проиграно. Обыска же надо было ожидать во всякомъ случаѣ; болѣе того, я былъ увѣренъ въ томъ, что насъ обыщутъ тотчасъ, какъ мы пріѣдемъ въ становую квартиру. „Да, дѣло проиграно“, думалъ я и мысленно готовилъ себя уже къ тюрьмѣ, показаніямъ и очнымъ ставкамъ.

Но вотъ мы пришли въ становую квартиру; по счастью, становаго пристава не оказалось, — онъ куда-то выѣхалъ. Наши телѣги съ лошадьми заведены были во дворъ, и насъ позвали въ канцелярію. Здѣсь два писаря, сгорбившись надъ длиннымъ столомъ, выводили какія-то полицейскія кляузы; третій чиновникъ, видимо старшій, сидѣлъ за отдѣльнымъ небольшимъ столомъ и перелистывалъ бумаги. Когда мы вошли, онъ оглядѣлъ насъ съ головы до ногъ и, получивъ изъ рукъ тысяцкого мой револьверъ, положилъ его въ шкапъ; потомъ приказалъ задержать насъ до пріѣзда пристава во дворѣ и самъ вновь углубился въ свои бумаги. Мы вышли во дворъ. Тысяцкій оставилъ при насъ сотскаго и самъ куда-то ушелъ.

Я осмотрѣлся. Ворота на улицу были заперты. Дворъ былъ обнесенъ низкимъ плетнемъ, за которымъ съ одной стороны тянулся огородъ; тамъ видѣнъ былъ еще другой такой-же плетень, а дальше — незасѣянное поле. Сдѣлать попытку къ побѣгу было легко, но быть пойманнымъ казалось еще легче, такъ какъ рѣшительно негдѣ было спрятаться: поле было гладкое и ровное,

какъ столъ, весьма удобное для солдатскихъ ученій, но не для укрывательства.

Теперь, ходя по двору, мы бесѣдовали и совѣщались между собою. Всякій изъ насъ находилъ положеніе отчаяннымъ, но прибѣгать къ такому средству, какъ бѣгство, казалось безразсуднымъ. Бѣгство мы считали послѣднимъ средствомъ. „Еще будетъ время, а пока торопиться съ этимъ незачѣмъ“, разсуждали мы и чего то ждали. Надежда смутная, неясная шевелилась гдѣ то на днѣ души. Но на чемъ она покоилась — трудно было даже сказать; можетъ быть на томъ, что наступалъ вечеръ и въ полѣ ложились длинныя тѣни, а ночь — лучшій помощникъ въ подобныхъ случаяхъ. Прошло около часу времени; сумерки сгустились и почти уже наступила ночь, когда наконецъ становой пріѣхалъ. Выслушавъ наше дѣло, онъ взялъ наши паспорта и приказалъ отвести насъ обратно на постоялый дворъ, заявивъ, что дѣло это разсмотритъ завтра утромъ.

Стопудовая тяжесть сразу свалилась съ плечъ: за ночь мы надѣялись найти какой нибудь исходъ.

Мы отправились со своими телѣгами на постоялый дворъ опять въ сопровожденіи того же тысяцкаго и сотскихъ. Прибывши на мѣсто, тысяцкій оставилъ сотскихъ караулить насъ — одного внѣ, другого внутри постоялаго двора — и самъ удалился.

Наступила ночь. Хозяева, евреи, легли спать и все кругомъ утихло. Но мы не спали: въ небольшой комнатѣ, освѣщенной сальной свѣчкой, мы сидѣли и тихо между собою шушукались. Сторожъ нашъ тоже не спалъ; изъ большаго темнаго подсѣнья, гдѣ находились наши телѣги и лошади, доносился по временамъ его кашель и шаги. Надо было во что бы то ни стало воспользоваться этой ночью, такъ какъ утромъ слѣдующаго дня насъ ожидалъ обыскъ и допросъ. Обсудивъ наше положеніе, мы находили два выхода: либо бросить телѣги съ вещами и лошадьми и самимъ бѣжать, либо рискнуть и ожидать легальнаго исхода дѣла, но въ такомъ случаѣ заранѣе приготовиться къ обыску. Первое оказывалось

трудно исполнимымъ уже по тому одному, что наши документы были задержаны становымъ, а безъ паспортовъ насъ могли арестовать въ первой же деревнѣ; не говоря уже о трудностяхъ самого побѣга ввиду караульныхъ. Второй легальный исходъ казался болѣе правдоподобнымъ, но для этого мы должны были перебрать всѣ наши вещи и удалить все то, что могло насъ компрометировать. Осуществить это возможно было не иначе, какъ войдя въ соглашеніе съ нашимъ внутреннимъ караульнымъ. Очевидно съ послѣдняго и надо было начинать, но между нами произошли разногласія. Одинъ изъ товарищей энергично протестовалъ противъ попытки соглашенія съ караульнымъ; онъ доказывалъ, что ничего не успѣвши, мы этимъ только больше скомпрометируемся, и что намъ лучше сразу думать о побѣгѣ. Другіе, въ числѣ которыхъ былъ я, стояли за попытку соглашенія, мотивируя тѣмъ, что о бѣгствѣ мы можемъ думать потомъ, когда намъ не удастся первое. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ и мы приступили къ осуществленію. Послѣ нѣкоторыхъ подходовъ мнѣ удалось завязать разговоръ съ сотскимъ. Я вышелъ изъ нашей комнаты въ подсѣнье и тутъ мы съ нимъ мало по малу разговорились. Онъ оказался крестьяниномъ одной извѣстной мнѣ деревни; мы заговорили съ нимъ объ ихъ помѣщикѣ, о житьѣ-бытьѣ крестьянъ и не прошло и часу времени, какъ уже вмѣстѣ ругали и помѣщика, и того самого становаго съ тысяцкимъ, который поставилъ его насъ караулить.

— „Мнѣ надо достать кое-какія вещи изъ телѣги“, замѣтилъ я ему между прочимъ.

— „Идите и берите что вамъ надо“, отвѣтилъ сотскій.

Я направился къ одной изъ телегъ, ощупью отыскалъ небольшой сундучекъ, гдѣ между другими предметами находились паспортныя бланки, и вытащилъ его. Съ этого началъ я потому, что безъ паспортовъ побѣгъ былъ немыслимъ, а побѣгъ надо было прежде всего обезпечить. Одинъ изъ товарищей тотчасъ занялся приготовленіемъ паспортовъ: бланки были чистыя и ихъ надо было только вписать.

Между тѣмъ, отнесши ящикъ съ паспортными бланками въ нашу комнату, я воротился обратно въ подсѣнье и принялся рыться между вещами, нащупывая и вытаскивая револьверы, кинжалы, патроны и другіе компрометирующіе предметы. Сотскій оказался добрымъ человѣкомъ.

— „Этотъ вашъ становой приставъ — настоящій разбойникъ!“ говорилъ я. „Подумайте сами: ну, что ему отъ насъ нужно? А вотъ же задержалъ и не пускаетъ! Моритъ насъ тутъ въ городѣ... Тутъ за все плати, за все гроши давай!... Никто ничего даромъ не дастъ...“

— „Кто же дастъ даромъ?!“ соглашался сотскій.

— „Въ чужой сторонѣ заѣзжему человѣку крѣпко трудно!... Намъ надо ѣхать скорѣе; время уходитъ, а онъ насъ держитъ! И завтра, кто его знаетъ, когда еще выпуститъ.“

— „И не говорите лучше! Чистый звѣрюка!“ воскликнулъ сотскій. „Мѣсяца два назадъ заболѣла у меня „дытына“. Жинка передаетъ черезъ нашихъ людей — они сюда на базаръ ѣздятъ, — чтобы я пришелъ до дому. Я къ нему: прошу его, молю! Пустите меня! Только на одинъ день пустите! Можетъ „дытына“, не дай богъ, умретъ, — хоть посмотрю на нее передъ смертью! Такъ, что жъ вы думаете? Не пустилъ!“

—„Вотъ здѣсь у меня въ коробкахъ есть порохъ“, говорилъ я дальше. „Что тутъ худого, что у меня есть порохъ? Имъ всѣмъ, подлецамъ, можно держать у себя и порохъ и ружья! А завтра, какъ найдутъ этотъ порохъ у меня, такъ ужъ впередъ знаю, — будетъ мнѣ за это цѣлое несчастье.“

— „Давайте, я его спрячу“, вызвался сотскій.

Полчаса спустя нашъ караульный вмѣстѣ съ нами пряталъ всякую всячину, то затыкая въ кучи соломы, навороченныя по угламъ подсѣнья, то зарывая въ соръ подъ яслями. Разъ или два, должно быть ради разнообразія, онъ взлазилъ даже по бревенчатымъ стѣнамъ подсѣнья и пряталъ нѣкоторыя вещи подъ стрѣху.

Когда былъ оконченъ пересмотръ вещей, и болѣе

или менѣе приготовились мы къ ожидаемому обыску, то почувствовали себя облегченными; теперь можно было даже лечь поспать.

— „Ну, спасибо вамъ, человиче добрый, что помогли“, проговорилъ я, подавая сотскому рублевую бумажку.

— „За что даете мнѣ гроши?“ смущенно заявлялъ онъ.

И долго не соглашался брать денегъ. Сцена вышла глупая и неловкая.

На слѣдующій день утромъ мы съ нашими телѣгами двинулись въ сопровожденіи сотскихъ опять къ становому. День былъ базарный и на площади противъ нашего постоялаго двора толпилось множество крестьянъ, съѣхавшихся изъ сосѣднихъ деревень. Но прійдя къ становому, мы нашли канцелярію пустою; чиновники отсутствовали, вѣроятно, по случаю базарнаго дня и оставался только одинъ писарь, должно быть, дежурный, который намъ сообщилъ, что становой приставъ уѣхалъ еще съ утра по какому то спѣшному дѣлу въ уѣздный городъ, и намъ прійдется обождать его возвращенія. Какое могло быть спѣшное дѣло, котораго становой не зналъ бы вчера? Вчера вѣдь онъ говорилъ намъ, что разсмотритъ наше дѣло сегодня утромъ?... мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

Съ опущенными головами возвращались мы назадъ на постоялый дворъ. Подозрительность, возбужденная предыдущими событіями, вдругъ заговорила во мнѣ съ удвоенной силой. Внезапный отъѣздъ станового въ уѣздный городъ получилъ въ моихъ глазахъ прямую связь съ нашимъ дѣломъ и являлся, такимъ образомъ, весьма грознымъ показателемъ. Становой, взвѣсивъ обстоятельства дѣла, нашелъ нужнымъ съѣздить въ уѣздъ, чтобы лично донести о всемъ случившемся по начальству, не рѣшаясь самостоятельно принять тѣ, либо другія мѣры относительно насъ; въ трудныхъ и важныхъ случаяхъ благоразумные полицейскіе чиновники часто такъ поступаютъ. „До уѣзднаго города около тридцати верстъ;

туда и обратно — составляетъ шетьдесятъ верстъ; выѣхалъ становой въ такомъ то часу, значитъ, ожидать его возвращенія надо тогда-то", вычислялъ я уже тотчасъ, когда надъ нашими головами долженъ былъ разразиться рѣшительный ударъ. „Изъ Звенигородки (уѣздный городъ) онъ возвратится не одинъ; навѣрно съ нимъ пріѣдетъ и жандармскій офицеръ", говорилъ я товарищамъ.

Чѣмъ болѣе мы вдумывались, чѣмъ больше совѣщались и разсуждали, тѣмъ подозрительность наша росла и крѣпла въ этомъ направленіи. Такъ другъ друга мы заражали и дразнили, пока, наконецъ, не разбередили своихъ нервовъ до самой послѣдней степени. Наше положеніе, вдругъ, представилось намъ всѣмъ вполнѣ безисходнымъ. „Бѣжать во что бы то ни стало!... Вотъ единственное, что намъ оставалось!" рѣшили мы всѣ, какъ одинъ. и съ лихорадочной поспѣшностью принялись готовится къ побѣгу.

По разсчетамъ, до возвращенія станавого изъ Звенигородки оставалось еще часовъ около четырехъ и этимъ временемъ мы должны были воспользоваться. Не смотря на то что былъ день, а не ночь, побѣгъ сравнительно легко было совершить, благодоря толкотнѣ на площади и въ нашемъ постояломъ дворѣ, куда то и дѣло заходили и уходили всевозможнаго сорта люди. Какъ я уже упоминалъ выше, день былъ базарный, и народъ сновалъ взадъ и впередъ безостановочно. Сотскіе тоже часто выходили на базарную площадь, чтобы поглазѣть на ярмарку. Мы пробовали съ своей стороны выходить за ворота постоялаго двора и замѣтили, что наши стражники на это не обращали вниманія. Это было явленіе нѣсколько странное, какъ бы противорѣчащее общему положенію дѣла, казавшемуся намъ столь критическимъ; но мы объясняли себѣ это просто россійской халатностью; ярмарка поглощала вниманіе всѣхъ, въ томъ числѣ, видимо, и вниманіе нашихъ кауарульныхъ. Мы стали готовиться къ побѣгу. Мы надѣли подъ низъ другіе костюмы, оставивши сверху прежніе, которые мы думали сбросить, лишь только выберемся благополучно

за мѣстечко; условились въ маршрутѣ и сборномъ пунктѣ, рѣшивши итти къ этому пункту не вмѣстѣ, всѣмъ а отдѣльно; раздѣлили между собою деньги, чтобы всякій имѣлъ при себѣ на случай, если внезапныя обстоятельства заставятъ кого нибудь отдѣлиться отъ остальной компаніи: взяли паспорта, приготовленные съ вечера... Право, даже весело сдѣлалось намъ. Мы задумали оставить шполянской полиціи записку слѣдующаго содержанія: „Предлагаемъ, вмѣсто насъ, арестовать подателя и препроводить его въ одинъ изъ тюремныхъ замковъ, какъ безпаспортнаго бродягу.“ Записку эту мы должны были прицѣпить ко лбу одной изъ нашихъ лошадей. Конечно, всѣ наши вещи съ телѣгами и двумя лошадьми мы рѣшили бросить и бѣжать пѣшкомъ.

Все уже было готово у насъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ разсыльный и зоветъ насъ немедленно въ канцелярію станового. „Неужели же онъ успѣлъ воротиться? Не можетъ быть!...“ мысленно восклицалъ я, идя вмѣстѣ съ другими къ становому.

— „Что же вы не явились сегодня въ канцелярію?“ обратился къ намъ старшій чиновникъ, лишь только мы показались въ дверяхъ.

Мы заявили, что были утромъ и сослались на писаря, видѣвшаго насъ.

— „Приставъ приказалъ отпустить васъ“, проговорилъ онъ. „Надо только актъ составить.“

Начался опять допросъ: кто мы и что мы за люди, откуда и куда ѣдемъ и проч. Писарь сидѣлъ за столомъ и сообразно нашимъ отвѣтамъ составлялъ актъ. По этому акту выходило, что ѣдемъ мы изъ г. Черкасы въ г. Умань, хотя на самомъ дѣлѣ ѣхали мы въ Смѣлу и, конечно, не изъ Черкассъ. Актъ былъ написанъ. Въ качествѣ грамотнаго я подписался (другіе показали, что они не грамотные). Намъ возвратили наши документы, возвратили даже револьверъ, и мы весело пошли обратно на постоялый дворъ.

Быстро, на сколько было возможно, мы собрались и уложили вещи (трудно разыскивать было въ соломѣ и

въ сорѣ, особенно ввиду того, что приходилось это дѣлать незамѣтно), потомъ запрягли лошадей и выѣхали, не смотря на то, что когда мы выѣзжали, то уже совсѣмъ клонилось къ вечеру. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство было намъ на руку: двинувшись по дорогѣ на западъ, т. е. какъ будто по направленію къ Умани, мы, подъ прикрытіемъ сумерекъ, своротили, сдѣлали большой объѣздъ, выбрались на смѣлянскую дорогу и съ присвистомъ помчали своихъ лошадей прямо на сѣверъ.

Оказывалось, что въ мѣстечкѣ Шполѣ совершена была около этого времени довольно крупная кража, и мы угодили туда какъ разъ въ то время, когда по мѣстечку велись розыски. Мы почему-то обратили вниманіе тысяцкаго и съ этого загерѣлся сыръ-боръ.

Всю ночь, не останавливаясь, гнали мы своихъ лошадей. Какъ памятна мнѣ эта ночь! Небо чистое; свѣжо; прозрачная, легкая мгла чуть-чуть стелется надъ полями, залитыми сверху блѣдно-зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ. Дорога ровная; наши телѣги грохочутъ по гладко укатанному пути. Двое товарищей во всю глотку поютъ пѣсни. Вѣроятно, они тогда чувствовали себя довольными.

Прибывши въ Смѣлу, мы, конечно, заѣхали прямо къ нашему Срулю. Онъ очень удивился, такъ какъ давно никого изъ насъ не видѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовался, что мы еще цѣлы и невредимы. „А такой-то? Ну, а такой-то?“ спрашивалъ онъ. — „Живы, живы всѣ!“ „Слава богу!“

— Ну, Сруль, намъ надо сейчасъ же отыскать подводу въ Черкассы. Надо поспѣть къ сегодняшнему пароходу.“

— „А ваши же кони и телѣги?“ спросилъ онъ.

— „Одного коня съ телѣгой возьметъ онъ“, проговорилъ я, указывая на одного товарища. Въ Черкассы рѣшили ѣхать насъ трое; четвертый направлялся въ другую сторону, и ему нужна была и лошадь, и телѣга.

— „А другого коня съ телѣгой и всѣ наши вещи оставимъ у тебя. Хочешь, купи эту лошадь.“

— „Добре, только я дорого не дамъ“, замѣтилъ Сруль, улыбаясь.

Продавши ему коня съ телѣгой за безцѣнокъ (мы хотѣли этого коня сбыть во всякомъ случаѣ, такъ какъ на немъ часто ѣздили въ Елисаветградъ, и онъ былъ примѣтный), мы отобрали нужныя для себя вещи, остальныя сдали ему на сохраненіе, и нѣсколько времени спустя, двигались уже на наемныхъ лошадяхъ въ Черкассы.

Кружокъ нашъ, разбѣжавшійся изъ поселеній, почти въ полномъ составѣ собрался въ Харьковъ. Стали мы сходиться и толковать о томъ, какъ намъ дальше быть, какъ довести дѣло наше до конца, т. е. до вооруженнаго возстанія. Рознь, наблюдавшаяся давно среди насъ, все таки не бросалась такъ рѣзко въ глаза раньше, какъ это мы всѣ почувствовали теперь, на харьковскмъ съѣздѣ, Пока мы жили по деревнямъ, въ разныхъ мѣстахъ, разногласія менѣе были замѣтны; когда же мы собрались въ одно мѣсто, да еще съ цѣлью принять рѣшенія на будущее время — все всплыло наружу. Теперь намъ предстояло начинать многое съизнова: выбирать мѣста для поселеній, устраиваться подъ новыми предлогами и прочее, такъ какъ надо было затереть всѣ свои слѣды; розыски по дѣлу Горинoвича могли повлечь за собою весьма опасныя послѣдствія. Если бы мы бодро относились къ нашему дѣлу и вѣрили въ его осуществимость, то тѣ затрудненія, какія представлялись намъ вслѣдъ за неудачнымъ покушеніемъ на жизнь Гориновича, конечно, были бы преодолены, и мы продолжали бы преслѣдовать нашу цѣль. Но вѣры въ дѣло уже не было. Да и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, опять было селиться намъ по деревнямъ? Вѣдь тамъ дѣлать было нечего! Рознь проявилась среди насъ невообразимая! Наши сходки на „Основѣ“ (такъ называется роща близь Харькова, гдѣ мы чаще всего собирались для обсужденія дѣлъ) памятны мнѣ до сихъ поръ. Лежимъ, бывало, мы подъ соснами и толкуемъ: доказываетъ, напримѣръ, что нибудь одинъ изъ насъ, а другіе слушаютъ и только улыбаются; тотъ развиваетъ свою мысль, — ему да-

же и не возражаютъ серьезно, а дѣлаютъ лишь вскользь кой-какія замѣчанія. Горячихъ споровъ почти не было. Но и отъ улыбокъ, и отъ замѣчаній, брошенныхъ вскользь, вѣяло такой непримиримой разноголосицей, какой, конечно, никогда не чувствовалось у насъ раньше, при самыхъ горячихъ спорахъ.

Дробязгинъ горячился больше другихъ; какъ теперь передъ собою вижу его! Вотъ онъ стоитъ передъ нами на колѣняхъ (онъ не можетъ лежать на травѣ, подобно другимъ, потому что сильно взволнованъ) и размахивая руками, съ жаромъ доказываетъ необходимость большей выдержки для дѣятельности въ народѣ.

— „Неправда! работать можно!..“ возражаетъ онъ скептикамъ, и дрожитъ при этомъ его жиденькая, рыжеватая бородка, а маленькіе, сѣрые глаза горятъ гнѣвомъ. Онъ развивалъ ту мысль, что работать надо, не торопясь и не нервничая, не назначая напередъ сроковъ, когда именно начинать возстаніе. — „У насъ“, говорилъ онъ „все время только и слышны были разговоры о томъ, что возстаніе нужно начать въ такомъ или другомъ мѣсяцѣ. Не въ апрѣлѣ или маѣ должно быть возстаніе, а тогда, когда выйдетъ; когда само собою, органически, такъ сказать, вытечетъ оно изъ всей нашей дѣятельности.“

Но разсужденія Дробязгина о томъ, какъ нужно было вести дѣло на будущее время, такъ и оставались одними только разсужденіями. Напрасно силился онъ вдохнуть жизнь въ нашу организацію, — то былъ уже трупъ.

Иванъ Дробязгинъ былъ небольшаго роста человѣкъ, жиденькаго тѣлосложенія, съ рыжеваго-пепельной растительностью на головѣ и лицѣ; но эта невзрачная по виду фигурка содержала въ себѣ много ума съ чисто украинскимъ юморомъ и громадную нравственную силу. Въ 74-омъ году, вмѣстѣ съ Ковальскимъ (впослѣдствіи разстрѣляннымъ) онъ пропагандировалъ среди штундистовъ херсонской губ., почему, между прочимъ, и дана была ему въ нашемъ кружкѣ кличка „штунда“. Послѣ харь-

ковскаго съѣзда онъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ спустя нѣкоторое время, былъ арестованъ. Слѣдствіе по его дѣлу, какъ это водилось въ то время вообще, затянулось на долго, пока соловьевское покушеніе на жизнь царя въ 79 году не вызвало военнаго положенія въ Россіи, и въ Одессу не былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Тотлебенъ. Тотлебенъ съ своимъ помощникомъ Панютинымъ принялись искоренять крамолу. По волѣ монарха, генераламъ этимъ дано было право жизни и смерти русскоподданныхъ Южнаго Края, и генералы эти широко воспользовались этимъ правомъ. Что же, однако, это были за генералы, что царь рѣшился дать имъ въ руки такую громадную власть? Тотлебенъ, кажется, удовлетворялся больше пассивной ролью: онъ только получалъ жалованье, предоставивъ вести дѣло искорененія крамолы своему помощнику Панютину. А Панютина вотъ въ какихъ, примѣрно, выраженіяхъ характеризовалъ мнѣ Гавріилъ Баламезъ, содержавшійся въ то время въ одесской тюрьмѣ и, слѣдовательно, не разъ видѣвшій этого господина: „Представь себѣ, низкаго, широкоплечаго старика съ отвислыми щеками и отвислой нижней челюстью, съ безсмысленнымъ взглядомъ; широко разставленыя ноги, широко разставленныя руки и массивный, почти квадратный, корпусъ, нѣсколько наклоненный впередъ, — дѣлали его весьма похожимъ на черепаху, поднявшуюся на заднія лапы, или на какую-то четырехъ-угольную каракатицу-моллюску. И этой то внѣшности вполнѣ соотвѣтствовали внутреннія качества Панютина.“ И такъ, отвратительной каракатицѣ-моллюскѣ, лишенной отъ рожденія человѣческихъ нервовъ, дана была Александромъ II неограниченная власть! Можно себѣ представить, что должно было совершаться! Множество лицъ за самыя ничтожныя провинности сосланы были въ каторжныя работы; еще больше сослано было на поселеніе административнымъ порядкомъ; но это было далеко не все; въ августѣ 79 года, въ Одессѣ были казнены: Чубаровъ (членъ нашего кружка), Лизогубъ и Давиденко; почти одновременно съ этимъ въ г. Николаевѣ (одесскаго же генералъ-губер-

наторства) повѣщены были Виттенбергъ и Логовенко и, наконецъ, въ декабрѣ того же года опять въ Одессѣ повѣшены были: Майданскій за то, что, какъ выяснено было слѣдствіемъ, онъ далъ Дейчу сѣрную кислоту, которой облитъ былъ Гориновичъ, — Малинка и Дробязгинъ, члены нашего кружка, первый за участіе въ покушеніи на жизнь Гориновича, а второй.... За что въ самомъ дѣлѣ казненъ былъ Иванъ Дробязгинъ 7-го декабря 1879 года? Пусть русское правительство потрудится отвѣтить на этотъ вопросъ.

Но гдѣ же это видно, чтобы Всероссійское Правительство, такое величественное непогрѣшимое, правительство отвѣчало на какіе то вопросы частнаго лица! Если бы подобный вопросъ задало ему даже правительство другой страны, то и тогда бы оно не сочло нужнымъ отвѣчать: во внутреннія дѣла проспмъ, молъ, не мѣшаться. А повѣсили Дробязгина — такъ и повѣсили! Какое кому до этого дѣло!

Спокойно, съ достоинствомъ держался Дробязгинъ въ послѣднія минуты жизни. За нимъ не было ни одного такого политическаго преступленія, за которое по нашимъ законамъ можно было ожидать смертной казни и онъ былъ казненъ единственно потому, что не выказалъ передъ Панютинымъ слабости духа.

Любопытно, что когда окончились казни въ Одессѣ и миссія Тотлебена — этого, въ лучшемъ случаѣ, генерала-тряпки, — была совершена, разсказываютъ, будто, на одесскомъ вокзалѣ, въ присутствіи публики произошла такая сцена: „Вы меня опозорили. Моя репутація была незапятнана. Вы опозорили меня на старости лѣтъ“, говорилъ отъѣзжавшій Тотлебенъ Панютину, присутствовавшему при его проводахъ. — „Ваше превосходительство!“ отвѣчала каракатица, и задрожала при этомъ ея отвратительная нижняя челюсть, — „я тоже генералъ.... И тоже старикъ...“

Все это, однако, имѣло мѣсто три года спустя, а потому, возвращаюсь опять къ нашимъ сходкамъ на „Основѣ“.

И такъ, во время сходокъ среди насъ проявилась новая рознь; замѣчалось даже нежеланіе выработать на будущее время какую бы то ни было общую программу дѣйствія. Такъ, между прочимъ, я первый, будучи во многомъ согласенъ съ Дробязгинымъ, мало поддерживалъ его, такъ какъ всякіе разговоры находилъ безполезными. Я чувствовалъ, что кружокъ нашъ въ эту минуту распадался и на совмѣстную дѣятельность въ будущемъ не надѣялся. Я былъ того мнѣнія теперь, что для бунтовской работы въ народѣ вовсе не нужно было заранѣе организовывать кружокъ, а достаточно было для этого двухъ-трехъ согласныхъ человѣкъ. Въ рѣшительную же минуту, т. е. въ моментъ возстанія, всегда можно было надѣяться на поддержку: стоило лишь явиться въ городъ и кликнуть кличъ, — навѣрно, нашлась бы масса молодежи, готовой принять активное участіе въ дѣлѣ. Опытъ нашихъ связей въ крестьянствѣ оказалъ на меня огромное вліяніе: я какъ будто даже еще укрѣпился въ своей вѣрѣ въ народъ и съ тѣхъ поръ никогда потомъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ, будто дѣятельность въ народѣ невозможна, съ мнѣніемъ, которое въ непродолжительное время сдѣлалось господствующимъ среди революціонной интеллигенціи. Я находилъ, что не со стороны народа, а исключительно съ нашей стороны оказалась неустойка; и что неудача, постигшая насъ, явилась, главнымъ образомъ, результатомъ нашего безденежья. Я думалъ, что стоило только намъ достать оружіе, и однѣ тѣ связи, крторыя мы уже имѣли въ крестьянскомъ мірѣ (дѣдъ Федь, Нечипоръ и другіе) были вполнѣ достаточны для того, чтобы начать возстаніе хоть въ ту же минуту.

Среди немногихъ проэктовъ, высказанныхъ тогда на „Основѣ“, имѣвшихъ цѣлью вдохнуть жизнь въ нашу организацію и намѣтить на будущее время хоть какую нибудь общую работу, помню еще предложеніе Маріи Ковалевской, состоявшее въ томъ, чтобы отпечатать манифесты о передѣлѣ земли и безъ всякой подготовительной работы, заняться распространеніемъ ихъ среди на-

рода. Она предлагала отправиться въ лодкахъ внизъ по Днѣпру и раздавать манифесты крестьянамъ прибрежныхъ деревень. — „Это навѣрно вызоветъ волненія и тогда мы увидимъ, какъ намъ поступать дальше“, говорила она. Съ этимъ проэктомъ я не могъ согласиться уже потому, что не придавалъ значенія, такъ называемымъ, „пассивнымъ“ крестьянскимъ бунтамъ, т. е. бунтамъ въ Толстовскомъ вкусѣ, во время которыхъ правительство сѣчетъ крестьянъ, а крестьяне только терпятъ. Мнѣ казалось, что задача революціонной интеллигенціи, главнымъ образомъ, въ томъ и заключалась, чтобы внести больше активности въ народные бунты, а ничуть не вызывать самимъ „пассивныя“ возстанія, которыхъ было очень много, напр. хотя бы въ шестидесятыхъ годахъ и которыя, поэтому, какъ я думалъ, не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. — „И били насъ, и сѣкли насъ! Въ Днѣпръ загоняли насъ по самую шею; кричали намъ: „всѣхъ васъ потопимъ!“ Мы все терпѣли; и все таки стояли на своемъ.“ Въ такихъ, примѣрно, выраженіяхъ, помню, разсказывалъ мнѣ одинъ мужикъ изъ приднѣпровской деревни о томъ, какъ они одно время „бунтовали“.

Большинство членовъ, какъ я уже сказалъ выше, мало дебатировали на нашихъ сходкахъ и ограничивались только вскользь брошенными замѣчаніями по тому, либо иному вопросу. Къ числу такихъ невысказывавшихся тогда принадлежалъ и Яковъ Стефановичъ. Онъ былъ всецѣло погруженъ въ свое чигиринское дѣло и, повидимому, не находилъ нужнымъ привлекать къ этой конспираціи остальныхъ членовъ кружка. Помню, обратился онъ тогда съ предложеніемъ къ кружку, чтобы ему данъ былъ для пользованія типографскій станокъ, бывшій нашей общей собственностью, очевидно, имѣя намѣреніе печатать манифесты отъ имени царя, которые онъ потомъ и примѣнилъ къ дѣлу. Кружокъ постановилъ предоставить ему пользованіе станкомъ.

Я лично мало сочувствовалъ въ ту мчнуту его чигиринскимъ конспираціямъ, и, на мой взглядъ, проэктъ

Ковалевской имѣлъ даже преимущества: тутъ, по крайней мѣрѣ не надо было прибѣгать къ систематическому, продолжительному мороченью людей, — а просто, встрѣтилъ подходящаго мужика гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, побесѣдовалъ съ нимъ, всучилъ ему въ руки манифестъ — и конецъ дѣлу. Что же касалось до послѣдствій, то они мнѣ представлялись почти одинаковыми въ обоихъ случаяхъ: и здѣсь, и тамъ слѣдовало ожидать, что манифесты вызовутъ волненія, и здѣсь, и тамъ волненія эти, безъ оружія, должны были носить вполнѣ пассивный характеръ. Мое бунтовское міровоззрѣніе не мирилось съ подобными предпріятіями.

XIII

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Харьковскій съѣздъ окончился фактическимъ распаденіемъ нашего кружка, хотя это и не было формулировано, ни кѣмъ не было громко сказано: всѣ молчали, но всѣ это чувствовали, разъѣзжаясь изъ Харькова.

Костюринъ и Дробязгинъ уѣхали въ Одессу, гдѣ и были вскорѣ арестованы. Объ участи Дробязгина я упоминалъ раньше; что касается до Костюрина, то года полтора спустя онъ былъ судимъ по процессу 193-хъ и приговоренъ — если не измѣняетъ память — къ шести годамъ каторги. Б* уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ послѣдствіи былъ арестованъ, приговоренъ по другимъ дѣламъ къ каторжнымъ работамъ и сосланъ въ Сибирь. Фроленко Михайло уѣхалъ тоже въ Одессу. Стефановичъ съ Дейчемъ и Бохановскій, который присоединился къ нимъ, поселились въ Кіевѣ и отсюда начали совершать свои періодическія поѣздки въ Чигиринщину.

Что касается до меня и еще нѣсколькихъ товарищей, то для насъ послѣ Харьковскаго съѣзда наступилъ особый періодъ. Объ этомъ времени я вспоминаю съ ужасомъ: словно я пролежалъ въ какой нибудь тяжкой болѣзни — до того хаотическимъ представляется оно мнѣ теперь. Я многое успѣлъ забыть; да едвали интересно было бы вспоминать о всемъ. Событія — одно другого нелѣпѣе, одно другого безсмысленнѣе!... Постыдное фіаско, которое мы потерпѣли въ нашемъ дѣлѣ, вызывало самое отвратительное нравственное состояніе; къ этому еще присоединился полный матерьяльный кризисъ. И вотъ, отъ незнанія куда себя дѣвать и въ поискахъ за пропитаніемъ, таскаемся мы вмѣстѣ съ какой-то бродячей трупой актеровъ по южнымъ приморскимъ городкамъ: Маріуполь, Бердянскъ, Керчь, Таганрогъ, — и участвуемъ въ представленіяхъ: тутъ сталкиваемся съ какимъ-то агентомъ Славянскаго Комитета, собирающимъ пожертвованія въ пользу возставшихъ славянъ (въ это время было герцоговинское возстаніе), — нахаломъ, доведшимъ мое раздраженіе до того, что однажды я было полѣзъ въ карманъ за револьверомъ. То вдругъ опять появляемся въ Харьковѣ, но уже въ качествѣ пѣвцовъ, а не актеровъ; поемъ по трактирамъ и этимъ зарабатываемъ пропитаніе.

Какъ долго продолжались эти скитанія, теперь точно не могу сказать; но припоминаю, что вырваться изъ этихъ обстоятельствъ мнѣ удалось не скоро. Я пріѣхалъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ того момента, когда объявлена была война съ Турціей. Я былъ необыкновенно исхудавшій; упадокъ физическихъ силъ былъ полный; желудокъ мой не варилъ; изъ носа постоянно текла кровь. Въ 73-мъ году, выступая на путь революціоннаго народничества, я свободно поднималъ десятипудовыя тяжести; теперь, къ началу 77-го года, когда этотъ путь былъ пройденъ, я едва волочилъ свои ноги.

Отвратительное нравственное состояніе, указанное мною выше, вызванное, впрочемъ, не одной неудачей, постигшей насъ въ народѣ; простая неудача предлага-

гала бы, съ другой стороны, возможность и удачи; но тутъ было что то глубже, значительно глубже обыкновенной неудачи; было что то иное, чего я не съумѣлъ бы въ ту минуту формулировать и что только теперь, послѣ многихъ лѣтъ жизни, когда я вспоминаю и вдумываюсь въ прошлое, — вычерчивается въ моемъ представленіи. Разсказывая о нашихъ знакомствахъ среди крестьянъ, я выразился, между прочимъ, что успѣхъ встрѣтившій насъ тогда, усилилъ мою вѣру въ дѣло. Но едвали мое выраженіе было точно, ибо едвали то чувство, которое я испытывалъ въ ту минуту, можно было назвать вѣрой. А если то была и вѣра, то во всякомъ случаѣ, не та старая вѣра, одухотворявшая насъ въ 73, 74 и 75 годахъ, а совершенно иная. Въ 73 и 74 годахъ вся масса русскаго народа представлялась намъ болѣе или менѣе однородной и почти готовой къ поголовному возстанію. Эта вѣра, такъ сказать, во всю народную массу настолько насъ бодрила, что мы склонны были не особенно заботиться даже объ созданіи организаціи. Всякій вѣрилъ, что за нимъ чтоятъ милліоны крестьянъ и эта вѣра неудержимо толкала впередъ. Среди насъ почти не поднималось рѣчи и о заготовленіи оружія, ни о какихъ бы то ни было другихъ усовершенствованныхъ средствахъ борьбы. Мы не сомнѣвались въ томъ, что народъ „закидаетъ своихъ враговъ шапками“. Я не могу воспроизвести точныхъ словъ одного стихотворенія, сочиненнаго нами въ 74-мъ году, которое мы переложили на мотивъ марсельезы; припоминаю только, что припѣвъ его былъ: „За колья, топоры!“ Мы вѣрили и надѣялись, что все это выйдетъ довольно таки просто: народъ схватится за „колья“ и революція готова. И нашу извѣстную народную пѣсню „про дубинушку“ тоже пѣли въ передѣланномъ видѣ, гдѣ „дубина“ должна была сыграть рѣшающую роль. О „топорѣ“ я ужъ и не вспоминаю; топору — этому національному оружію — и вовсе повезло: еще въ 60-хъ годахъ въ революціонныхъ прокламаціяхъ говорилось о немъ. Петръ Алексѣевъ въ сво-

ей рѣчи, конецъ которой мы приводили выше, говорилъ даже о крестьянскомъ „кулакѣ“.

Теперь, въ 77 году для меня сдѣлалось яснымъ, какъ день, что ни „дубина“, ни „колья“, ни даже „топоры“ не могутъ сослужить службы въ возстаніи, а что для возстанія надо имѣть непремѣнно оружіе и къ тому усовершенствованное. Оружію я началъ придавать такое огромное значеніе, что на всякую революціонную попытку въ народѣ безъ предварительной заготовки оружія сталъ смотрѣть, какъ на недомысліе, какъ на доказательство неяснаго пониманія главной задачи революціонера. Я считалъ, что именно мы, революціенеры изъ интеллигенціи, должны были позаботиться о пріобрѣтеніи нужнаго оружія, котораго мужикъ не могъ достать, и неоткуда было ему достать, но безъ котораго, съ другой стороны, не мыслимо было возстаніе. Но разъ сталъ я придавать такое важное значеніе оружію, то сами собою напрашивались вопросы о количествѣ его, объ умѣніи владѣть имъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы изъ того, если бы были доставлены, скажемъ, хоть берданки? Вѣдь не давать же ихъ въ руки тѣмъ, которые раньше не видѣли никогда ружей, заряжающихся съ казенной части?! Но чѣмъ грозило въ концѣ концовъ подобное положеніе вещей? А тѣмъ, что приходилось думать о созданіи въ народѣ какой-то боевой, чисто военной организаціи. Но возможно ли было провести ее въ тайнѣ отъ полиціи? Вѣдь это было уже не то, что создать организацію бунтовскаго ядра, „сильнаго лишь въ качественномъ отношеніи, но не въ количественномъ“. Удержать тайну тамъ, гдѣ замѣшаны сотня, двѣ и даже три — людей, совсѣмъ не одно и тоже, что создать организацію военнаго огряда въ тысячу или двѣ людей? Всѣ эти и тому подобные вопросы сами собою напрашивались, и заводили мысль въ такія дебри, изъ которыхъ она, бѣдная, не знала какъ ей выпутаться.

И вотъ, что казалось прежде такимъ яснымъ, неопровержимымъ и понятнымъ, стало заволакиваться въ моемъ представленіи какимъ то туманомъ, мглою... Этотъ

туманъ сразу отразился на моихъ поступкахъ. Въ ту минуту, повторяю, я этого не сознавалъ; я только чувствовалъ, что все идетъ и внѣ, и внутри меня какъ-то неладно, и хотя на словахъ я былъ пожалуй не менѣе вѣрующимъ народникомъ-бунтаремъ, какъ и раньше, но на дѣлѣ было совсѣмъ не то. Я чувствовалъ недостатокъ энергіи. „Надо итти въ народъ; здѣсь, въ городѣ, нечего дѣлать“, не разъ мысленно рѣшалъ я. И тутъ же выступали вопросы: „А что я буду тамъ дѣлать? Допустимъ, я розыщу людей и сговорюсь съ ними... Навѣрно даже разыщу! Да и искать было нечего, — связи были готовыя: стоило лишь поѣхать къ дѣду Федю и Нечипору. Но что мы станемъ дѣлать, не имѣя оружія? Что я имъ предложу? Не начинать же бунтъ съ голыми руками?! А для закупки оружія нужны большія, большія средства!...“ И вотъ, остановишься, бывало, передъ этимъ вопросомъ, какъ передъ каменной стѣной, и дальше ни съ мѣста. И стала овладѣвать мною тоска, тѣмъ болѣе удручающая, что я не въ состояніи былъ формулировать ея причины.

Бывало, сойдемся мы, нѣсколько товарищей, и толкуемъ между собою; всего чаще, конечно о причинахъ нашей неудачи въ народѣ. Въ Кіевѣ жили тогда: Малинка, Ковалевская, Рахальскій, Чубаровъ. Я не упоминаю о Стефановичѣ, Дейчѣ и Бохановскомъ, которые тоже жили въ Кіевѣ, но, ведя свои конспираціи съ чигиринцами, ,въ это время совершенно отдѣлились отъ остальныхъ. Помню, одинъ разъ Малинка сильно изумилъ меня, соглашаясь со мною, что для работы среди народа не надо привлекать много лицъ изъ интеллигенціи, достаточно подобраться нѣсколькимъ человѣкамъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что за то эти нѣсколько человѣкъ, составляющіе организацію, должны будутъ непремѣнно поклясться дргъ другу въ томъ, что никто изъ нихъ не отступится отъ разъ выработаннаго сообща плана дѣйствій.

— „Разъ выработали какой нибудь практическій планъ и согласились на немъ“, говорилъ Малинка, „этотъ

планъ потомъ не можетъ быть измѣняемъ. И отъ него никто изъ членовъ организаціи не смѣетъ отступиться подъ страхомъ смертной казни.“

— „Ну, это ты ужъ слишкомъ строго“, замѣтилъ я ему на это. „Впрочемъ, кто же будетъ казнить? Конечно товарищи?! Они же будутъ и судить, а слѣдовательно и рѣшать вопросъ: заслужилъ ли казни, совершившій тотъ или другой проступокъ, или нѣтъ. Въ сущности, все сведется къ рѣшенію большинствомъ голосовъ.“

— „Э-э!... Вотъ какъ ты думаешь? Нѣтъ, братъ! Казнить должны, а не то что будутъ рѣшать по усмотрѣнію!“воскликнулъ Малинка, ударяя на словѣ должны.

— „Какъ это!?“ воскликнулъ я въ свою очередь.

— „А такъ: казнить должны безъ дебатовъ. Увидѣлъ, скажемъ, ты, что я нарушилъ какое либо постановленіе, принятое организаціей, и заявляешь объ этомъ остальнымъ членамъ. И тутъ ужъ меня должны казнить; никакимъ дебатамъ и ни какому голосованію мѣста нѣтъ.“

— „Что ты, Хомце!*) Это выходитъ — одинъ человѣкъ можетъ казнить другого, и аппелировать не къ кому?“

— „Такъ и значитъ,“ мрачно подтвердилъ Малинка. Его черные глаза горѣли такимъ огнемъ въ ту минуту, что я ужаснулся, глядя въ нихъ.

— Слуга покорный, довѣрять свою жизнь всякому! Сумашедшій можетъ усмотрѣть нарушеніе тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. И все таки надо казнить.“

— „А не принимай сумашедшихъ; не принимай въ организацію такихъ, кому боишься довѣрить свою жизнь. Какъ казнимъ одного, другого“, продолжалъ Малинка, „такъ сразу излечимся отъ нашей холодности. А то, посмотри, на что похоже: собираемся, толкуемъ, рѣша-

*)Викторъ Малинка извѣстенъ былъ у насъ въ кружкѣ подъ именемъ „Хомця“ (уменьшительное отъ Фома), подобно тому, какъ Иванъ Дробязгинъ прозывался „Штундою“.

емъ, а потомъ всякій дѣлаетъ то, что ему взбредетъ въ голову. Какъ къ шуткѣ относимся къ своимъ рѣшеніямъ. Нѣтъ, я иначе понимаю революціонную организацію: это долженъ быть союзъ на жизнь и смерть."

Малинка скоро уѣхалъ изъ Кіева въ Полтаву, на сколько могу припомнить, для отбыванія воинской повинности. Онъ считалъ себя легальнымъ, такъ какъ не зналъ, что его фамилія была открыта жандармами и что его уже розыскивали по дѣлу Гориновича. Въ Полтавѣ онъ былъ арестованъ, но ему удалось бѣжать; онъ скрывался нѣкоторое время въ Харьковѣ, пока тамъ не арестовали его вторично. Въ этотъ разъ его препроводили въ Одессу, гдѣ велось слѣдствіе по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича. Изъ одесской тюрьмы онъ сдѣлалъ еще попытку къ побѣгу, но неудачно. 7-го декабря 1879 года онъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ Дробязгинымъ въ Одессѣ по распоряженію генерала Панютина. Такъ погибъ Викторъ Малинка.

Но кто такой былъ Малинка? Что это была за личность? Извѣстенъ ли онъ сколько нибудь русской публикѣ, подобно тому, какъ извѣстны, напр., другіе наши революціонные дѣятели? Нисколько! Въ ряду повѣшенныхъ просто только стоятъ голыя имена Дробязгина и Малинки; но то, что скрывалось за этими именами — погибло безвозвратно, погибло вмѣстѣ съ ихъ несчастными трупами, закопанными гдѣ-то возлѣ одесскихъ скотобоенъ. Не могу воздержаться, чтобы не припомнить слѣдующаго гнуснаго факта: по поводу этихъ одесскихъ казней возлѣ скотобоенъ одна изъ мѣстныхъ газетъ (къ сожалѣнію, не помню ея названія) иронизировала тогда въ такомъ родѣ, что скотовъ-де надо рѣзать и убивать всѣхъ въ одномъ мѣстѣ. Вотъ до какихъ изувѣрскихъ размѣровъ доходилъ цинизмъ продажныхъ писакъ въ Одессѣ во время панютиновщины! Да, да, закопали гдѣ-то негодяи и нашего „Штунду", и нашего „Хомця"! Это тѣ скромные, но великіе мученники движенія, имена которыхъ едвали будутъ говорить что нибудь потомству, но которые отъ этого нисколько не менѣе дороги

для ихъ близкихъ товарищей. Воскрешу же я хоть въ своей памяти эту оригинальную фигуру! Вотъ онъ — передо мною, съ черными, какъ смоль, глазами, худой, высокій, особенно по сравненію съ маленькимъ, рыженькимъ Дробязгинымъ. Молодая растительность черными клочками обрамляетъ его нѣсколько блѣдныя щеки. Выраженіе лица суровое; въ особенности смотрятъ сурово его черные, блестящіе глаза. Викторъ Малинка — сынъ очень богатого помѣщика Полтавской губерніи — былъ всего двадцати двухъ-трехъ лѣтъ въ то время, когда я познакомился съ нимъ въ Одессѣ въ 1875 году. Онъ былъ студентомъ по юридическому факультету. Вся его фигура съ головы до ногъ изобличала демократа; полная неприхотливость въ жизни столь же рѣзко бросалась въ глаза у него, какъ и у извѣстнаго богача Лизогуба, пожертвовавшаго своимъ имуществомъ для революціонныхъ дѣлъ, и казненнаго тѣмъ же Панютинымъ. Но Малинкѣ, отецъ котораго былъ еще живъ, не удалось, подобно Лизогубу, помочь революціоннымъ дѣламъ деньгами, если не считать тысячъ около трехъ рублей, внесенныхъ имъ разновременно въ кассу. Когда я съ нимъ познакомился, онъ увлеченъ былъ въ ту минуту болгарскимъ освободительнымъ движеніемъ отъ турецкаго ига и все время возился съ болгарами, проживавшими въ Одессѣ. На сколько мнѣ извѣстно, среди нихъ былъ и Стамбуловъ, — впослѣдствіи балгарскій президентъ министровъ и милліонеръ, — тогда же бѣдный юноша, не имѣвшій во что одѣться. Мнѣ запомнилась одна болгарская пѣсня, которую любилъ пѣть Малинка, и гдѣ то и дѣло повторялся слогъ: „Мила моя майка“. Постоянно, бывало, гудитъ онъ своимъ басомъ эту „милу мою майку“. При первомъ знакомствѣ Малинка производилъ впечатлѣніе не въ свою пользу. Многимъ онъ казался даже мало развитымъ человѣкомъ. Происходило это отъ того оригинальнаго, болѣе того, просто страннаго пріема, котораго онъ держался, или вѣрнѣе, который онъ себѣ усвоилъ во время бесѣдъ съ людьми: онъ часто не договаривалъ фразъ, останавливаясь гдѣ-то на

полусловѣ и предоставляя своему собесѣднику догадываться о концѣ самому. Замѣчалась такая же небрежность въ рѣчи, какъ и въ одеждѣ, которую онъ носилъ. Красное слово рѣшительно не имѣло для него значенія. Также безразлично относился онъ и къ тому, какое впечатлѣніе вызывалъ у другихъ своей личностью. Онъ обладалъ изумительной, чисто украинской, лѣнью на слова и его нужно было всегда раньше растормошить, чтобы онъ оживился и заговорилъ сколько нибудь плавно. Но мнѣ доводилось его видѣть не разъ въ такомъ оживленномъ состояніи; тогда онъ заразительно хохоталъ, острилъ и разсуждалъ довольно краснорѣчиво. Благодаря вышеприведеннымъ странностямъ, самые настоящіе дураки, не годные выдержать и тѣни сравненія съ нимъ, часто глубокомысленно иронизировали надъ нимъ. Малинка былъ человѣкъ дѣла по преимуществу, обладалъ сильнымъ характеромъ и былъ способенъ на самыя крупныя революціонныя дѣла.

Такова была, въ общихъ чертахъ, личность этого человѣка, убитаго Панютинымъ и закопаннаго вмѣстѣ съ Дробязгинымъ гдѣ-то возлѣ одесскихъ скотобоенъ.

Всѣ эти ужасы совершились, однако, года два спустя. Тогда же, въ 77-мъ году, никому изъ насъ даже не закрадывалась мысль о такомъ страшномъ концѣ.

Въ это время Россія переживала войну съ Турціей. Нескончаемая вереница вагоновъ двигалась мимо кіевскаго вокзала съ сѣвера на югъ, увозя съ собой пушки, боевые снаряды, лошадей, солдатъ, различныхъ полковъ и родовъ оружія. Между тѣмъ съ мѣста войны доходили скудныя свѣдѣнія, большинству которыхъ мало вѣрилось. Многимъ была памятна севастопольская война, когда по офиціальнымъ извѣстіямъ наши войска постоянно одерживали побѣды, тогда какъ въ дѣйствительности — какъ потомъ оказалось — побѣдили французы, а не мы. Невольно закрадывалось подозрѣніе, что и теперь правительственныя извѣщенія, чтобы не смущать умовъ, скрывали истину и не сообщали всего. Правда, Турція была „гнилое царство“, не то, что Англія или Франція. Но

почти такимъ же гнилымъ представлялось и наше русское царство. Воровство и злоупотребленія въ арміи, по слухамъ, достигали ужасающихъ размѣровъ. Не вѣрилось въ существованіе честныхъ генераловъ въ русской арміи и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ казались ворами, либо, въ лучшемъ случаѣ, людьми совершенно не способными къ веденію военнаго дѣла. Неуспѣхъ въ войнѣ даже съ Турціей казался неизбѣжнымъ. Подобное преувеличенное представленіе въ дурную сторону диктовано было, просто таки, желаніемъ, чтобы нашу армію разбили. Я такъ привыкъ отдѣлять и противупоставлять народъ правительству, съ его чиновничей и военной организаціей, что пораженіе послѣдняго не считалъ пораженіемъ перваго, и даже находилъ, что съ пораженіемъ правительства, народъ только выигрывалъ. Помню, проходя городомъ, мы обратили какъ-то вниманіе на толпу людей, скучивавшихся у угла одной улицы, гдѣ наклеены были телеграммы, извѣщавшія о какомъ-то военномъ событіи, чуть ли не о переходѣ войскъ черезъ Дунай. Замѣтивши большой интересъ, съ какимъ публика относилась къ телеграммѣ, пришедшей съ театра военныхъ дѣйствій, мы надумались воспользоваться подобнымъ настроеніемъ, чтобы произвести смущеніе умовъ. Задумано — сдѣлано. На другой день кіевская публика читала телеграмму сообщавшую о неуспѣшной переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай и огромномъ количествѣ жертвъ, понесенныхъ при этомъ. Эфектъ получился неожиданный. Мы ходили по улицамъ, останаливались возлѣ расклеенныхъ нами телеграммъ и прислушивались къ разговорамъ толпы. Публика замѣтно волновалась. Тогда власти опубликовали въ мѣстной газетѣ, что эта телеграмма была ложна и распространена „злоумышленниками“ и что впередъ телеграммы будутъ снобжаться внизу правительственной печатью. Но насъ это только разохотило. Послѣ первой же телеграммы, расклеенной по улицамъ, съ правительственной печатью, мы сдѣлали такую же печать, и вскорѣ публика опять читала нашу телеграмму. Тогда полиція страшно засуе-

тилась. Между тѣмъ расклейку своихъ телеграммъ мы совершали по ночамъ. Будочники рѣшительно потеряли головы. Полиціимейстеръ приказывалъ имъ срывать телеграммы „злоумышленниковъ“. Но какъ ихъ было различать имъ бѣднымъ, малограматнымъ людямъ! „Нельзя, нельзя читать!“ кричитъ, бывало, городовой, запыхавшись подбѣгая къ углу улицы, гдѣ кучка народу читала какую нибудь телеграмму, иногда наклеенную нами, а иногда и правительственную. Получались комичныя сцены. Мы шлялись по улицамъ и хохотали.

Однако интересъ новинки скоро пропалъ. Нельзя было не признать безцѣльности затѣи, сопровождавшейся къ тому же огромнымъ рискомъ, такъ какъ бдительность полиціи въ это время была необыкновенно усилена. „А вотъ, господа,“ предложилъ кто-то, „давайте-ка лучше выругаемъ царя! Да расклеимъ по улицамъ и пусть публика читаетъ. Вѣдь никто еще не ругалъ его громко на русскомъ языкѣ?!“ И мы задумали выругать царя. Но что намъ помѣшало осуществить эту мысль — не помню.

XIV

ОЧИЩЕНІЕ КОНСПИРАТИВНОЙ КВАРТИРЫ. СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ

Стефановичъ съ товарищами — Бохановскимъ и Дейчемъ — проживавшій таже въ Кіевѣ, какъ я сказалъ уже выше, продолжали вести свои конспираціи съ чигиринцами. Онъ занималъ небольшой домикъ въ одной изъ окраинъ города, гдѣ помѣщалась и наша кружковая типографія. Свои періодическія свиданія съ чигиринцами онъ устраивалъ въ различныхъ мстахъ и городахъ

и одинъ разъ, между прочимъ, назначилъ мѣстомъ свиданія въ Кіевѣ квартиру, занимаемую Чубаровымъ и мною, и гдѣ временно проживалъ съ нами мой старый пріятель Владиміръ Малавскій, студентъ кіевскаго университета. Квартира наша находилась на Жилянской улицѣ на краю города и задними окнами обращена была къ обширнѣйшей, пустой долинѣ, по которой протекаетъ рѣченка Лыбедь. Положеніе было удобное на случай обыска: ночью (а обыски почти исключительно производились по ночамъ) выскочивъ черезъ окно, легко было спрятаться въ этой долинѣ. То была та самая долина, гдѣ въ 74 году скрылся отъ преслѣдованій, бѣжавшій съ вокзала Иванъ Ходько, — о чемъ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ.

Лѣтомъ 77 года я поѣхалъ на время въ Одессу. Чубаровъ тоже куда-то отлучился и на нашей квартирѣ оставался одинъ Малавскій. Я уже упоминалъ, что на этой квартирѣ Стефеновичъ имѣлъ свиданіе съ крестьянами-чигиринцами. Двое изъ нихъ — Олійникъ и Писковой — по возвращеніи домой были арестованы и при допросахъ указали на эту квартиру. Тогда жандармы явились сюда съ обыскомъ, арестовали Малавскаго и, сдѣлавши засаду, спустя дня два, поймали Бохановскаго, заходившаго туда за чѣмъ-то. Вслѣдъ за тѣмъ, въ одной изъ деревень Полтавской губ. арестовали Стефановича и Дейча.

Такимъ образомъ, главные виновники, ведшіе среди чигиринцевъ заговоръ, были схвачены. По счастію, кіевская квартира ихъ не была открыта. При арестѣ у Бохановскаго былъ отобранъ ключъ отъ этой квартиры. Но такъ какъ онъ не давалъ показаній, то жандармы не знали гдѣ она находится. Положеніе, однако, было весьма серьезное: жандармы рыскали по всему городу, въ розыскахъ за квартирой; а тамъ находилась тайная типографія; сверхъ того, могли быть, да и были на самомъ дѣлѣ, сильно компрометирующія бумаги, надо было очистить квартиру раньше, чѣмъ ее успѣли открыть. Между тѣмъ, квартира эта была „конспиративная“ и

изъ бывшихъ на свободѣ лицъ зналъ ее только я одинъ. Поэтому дано было знать мнѣ въ Одессу, и я тотчасъ пріѣхалъ въ Кіевъ

Здѣсь я засталъ уже компанію, сгруппировавшуюся возлѣ Чубарова и Рахальскаго. Надо сказать, что кружокъ нашъ до распаденія держался изолированно отъ другихъ революціонныхъ организацій; кружковая изолированность, являвшаяся, впрочемъ, общей характерной чертой того времени, вытекала у насъ отчасти и изъ нашей спеціальной постановки дѣла: подложные манифесты, съ помощью которыхъ мы хотѣли вызвать въ крестьянствѣ бунтъ, ставили насъ въ особое положеніе заговорщиковъ, вынужденныхъ скрывать свое дѣло отъ всѣхъ. Но послѣ харьковскаго съѣзда изолированность эта стала мало по малу исчезать; мы стали приходить въ соприкосновеніе съ революціонерами другихъ кружковъ, и теперь, въ минуту опасности, когда надо было во что бы то ни стало очистить квартиру Стефановича, дѣло это оказалось общимъ для всѣхъ кіевскихъ революціонеровъ. Всѣ мы сообща стали собираться и обсуждать различные планы — какъ овладѣть квартирой.

Домикъ, который занималъ Стефановичъ съ товарищами, находился въ одномъ изъ крайнихъ кварталовъ города. Фасадомъ своимъ въ три окна (насколько помнится, весь домикъ заключалъ въ себѣ три комнаты съ сѣнями) онъ смотрѣлъ на улицу, по другой сторонѣ которой были совершенно еще не планированныя и незастроенныя мѣста, — овраги, тянувшіяся до самой астрономической обсерваторіи. Мѣстность эту кіевляне называли „Кіевской Швейцаріей“, и здѣсь-то, по этимъ оврагамъ мы и стали таскаться по ночамъ, присматриваясь и придумывая средства, чтобы овладѣть квартирой. Часамъ къ 10 вечера мы сходились обыкновенно у одного распропагандированнаго рабочаго, жившаго недалеко отъ этой квартиры, и тутъ у насъ поднимались пренія. Но какъ всегда, въ подобныхъ случаяхъ, пренія оканчивались ничѣмъ, и мы, безъ заранѣе установленнаго рѣшенія, отправлялись только на рекогносцировку, надѣясь

на то, что ближайшее знакомство съ мѣстностью и мѣстными условіями, можетъ быть, наконецъ натолкнетъ насъ на какой нибудь опредѣленный планъ.

Трудно было, впрочемъ, и ожидать соглашенія: компанія была, что называется, разношерстная; многіе изъ насъ здѣсь въ первый разъ только встрѣтились. Изъ лицъ близкихъ мнѣ принимало участіе лишь двое: Чубаровъ и Рахальскій. Другихъ участниковъ я не взялся бы даже характеризовать, такъ какъ большинства изъ нихъ совершенно не зналъ. Постараюсь, однако, упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Больше другихъ, помню, обратилъ тогда на себя мое вниманіе Г. Гольденбергъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, повидимому, очень впечатлительный, страшно много споривший и дѣлавшій всевозможныя предложенія — какъ овладѣть квартирой, на которыя, впрочемъ, мало кто изъ кампаніи обращалъ вниманіе, такъ какъ всѣ его предложенія отличались непрактичностью и большой рискованостью. Дальнѣйшая исторія этого человѣка была такова: онъ былъ сосланъ административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи, откуда вскорѣ бѣжалъ и въ 1879 году сдѣлался ярымъ сторонникомъ террористовъ. Въ февралѣ 79 г. онъ убилъ харьковскаго губернатора Крапоткина, навлекшаго на себя месть революціонеровъ за безчеловѣческое отношеніе къ политическимъ приговореннымъ, сидѣвшихъ въ харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ; но будучи арестованъ, спустя нѣкоторое время, Гольденбергъ, къ сожалѣнію, далъ компрометирующія показанія, погубившія весьма многихъ лицъ. Смерть Гольденберга во время слѣдствія (онъ сидѣлъ, кажется, въ Петропавловской крѣпости) остается до сихъ поръ неразъясненнымъ фактомъ. Но я склоненъ думать, что предположеніе, будто онъ убитъ тюремщиками, едвали заслуживаетъ довѣрія. Самоубійство Гольденберга, человѣка впечатлительнаго и болѣзненно нервнаго, легко объясняется угрызеніемъ совѣсти, которое неминуемо должно было посѣтить его въ тюрьмѣ вслѣдъ за тѣмъ,

какъ онъ обдумалъ и взвѣсилъ весь вредъ, причиненный его показаніями.

Другая личность, возбуждавшая интересъ къ себѣ былъ Давиденко. Этотъ маленькій, молоденькій человѣчекъ, похожій на семнадцатилѣтняго юношу, сразу расположилъ насъ къ себѣ своей смѣлостью и благоразуміемъ. О Давиденко безъ преувеличенія можно сказать, что онъ и выросъ, и воспитался въ тюрьмѣ. Еще будучи гимназистомъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, если не ошибаюсь, за какія-то найденныя у него запрещенныя книги. Потомъ его выпустили, но потомъ опять взяли... Сколько разъ его брали и выпускали — сказать не умѣю, но, кажется, по разсчету времени, отъ 75 года онъ больше прожилъ въ тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ въ Одессѣ и въ 79 году повѣшенъ по распоряженію Панютина за то, что по указанію шпіоновъ въ квартирѣ его сохранялся динамитъ, хотя этотъ динамитъ и не былъ найденъ, такъ какъ своевременно былъ увезенъ съ квартиры другими революціонерами.

На наши ночныя сборища появлялся также Колодкевичъ; впрочемъ, онъ не принималъ горячаго участія въ дебатахъ и почти все время молчалъ. Въ послѣдствіи времени Колодкевичъ участвовалъ въ террористическихъ дѣлахъ „Исполнительнаго Комитета“. Арестованный, кажется, въ 1880 году, онъ былъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, какъ я слыхалъ, умеръ отъ чахотки.

Объ остальныхъ участникахъ въ нашихъ ночныхъ скитаніяхъ по оврагамъ не стану вспоминать, такъ какъ не зналъ бы, строго говоря, что и вспомнить, — такъ мало впечатлѣній сохранилось о нихъ въ моей памяти.

Уже нѣсколько ночей бродили мы по оврагамъ, а дѣло не подвигалось ни на одинъ шагъ. Между тѣмъ потеря каждого дня могла обойтись дорого; развязка приближалась: полиція и жандармы энергично разыскивали квартиру, и нужно было ожидать, что скоро ее откроютъ. Мы должны были рѣшиться на что нибудь.

Въ послѣднюю ночь, помню, мы собрались раньше обыкновеннаго. Всѣ были воружены револьверами. Чубаровъ зачѣмъ-то нацѣпилъ поддѣльную бороду. Ночь была туманная и грумировка казалась совершенно излишней. Этотъ поступокъ вызвалъ рядъ остротъ и самъ Чубаровъ смѣялся не меньше другихъ. Нѣкоторое время компанія настроена была очень весело. Взобравшись на полъ горы, на верху которой сквозь туманъ темнѣла обсерваторія, укутанная высокими деревьями, мы усѣлись и принялись обсуждать планъ, предложенный Давиденко. Онъ предложилъ обокрасть квартиру. Такъ какъ подобное предпріятіе нуждалось въ лицахъ опытныхъ по части ночныхъ похожденій, то для этой цѣли онъ привелъ съ собою трехъ ночныхъ жуликовъ, съ которыми свелъ знакомство еще сидя въ кіевской тюрьмѣ, гдѣ и они въ то время отсиживали свои сроки.

— „Выкрасть невозможно“, не соглашался кто то. „Станокъ типографскій вѣситъ около шести пудовъ. Какъ вы его утащите?“

Переговоривши со своими молодцами, Давиденко попросилъ меня опредѣлить величину станка. Я постаралась вспомнить, на сколько могъ величину станка и высказалъ мнѣніе, что его можно было протащить черезъ окно.

— „Въ такомъ случаѣ мы его уворуемъ“, категорически объявилъ Давиденко.

— „Шестипудовую тяжесть вытащатъ окномъ?!..“ запальчиво возражалъ Гольденбергъ. „Это невѣроятно! Мой планъ, господа, — просто, ворваться въ домъ и силой овладѣть всѣмъ.“

— „Вы забываете, что во флигелѣ живетъ человѣкъ пятнадцать плотниковъ,“ замѣтилъ Рахальскій.

— „Ну, такъ что же?!... Мы — съ револьверами...“

— „Да вы забудете и о револьверахъ, какъ свезутъ васъ дубиною по спинѣ; плотники народъ здоровый!!.“ иронизировалъ Рахальскій.

Гольденбергъ пытался было настаивать на своемъ,

но скоро вынужденъ былъ замолчать, такъ какъ почти всѣ склонились къ предложенію Давиденко.

— „Воровать, такъ воровать!“ проговорилъ Давиденко. „Вы, господа, оставайтесь здѣсь; а мы четверо пойдемъ на мѣсто, въ случаѣ понадобится помощь — позовемъ“.

— „Выберемъ атамана“, предложилъ тогда одинъ изъ молодцовъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ.

— „Вотъ пускай онъ и будетъ,“ отвѣтилъ другой, указывая на Давиденко.

Вслѣдъ за тѣмъ всѣ четверо поднялись на ноги и стали быстро спускаться въ оврагъ.

Прошло нѣкоторое время. Мы сидѣли молча. Сырость меня пронизывала. Охота разговаривать, видимо, пропала у всѣхъ. Кругомъ было тихо. Вдругъ, съ одной стороны послышался дребезжащій полицейскій свистокъ; вслѣдъ за тѣмъ отозвался ему другой. Въ предыдущія ночи мы ни разу не слыхали свистковъ. Казалось въ эту окрайну города никогда реньше не заходилъ будочникъ. Это насъ встревожило. Мы всѣ встали на ноги. Свистки стали раздаваться все чаще и чаще. Въ это время мы увидѣли, что по оврагу быстро двигались какія то фигуры. Одна изъ нихъ къ намъ приблизилась и сквозь туманъ мы увидѣли Давиденко.“

— „Скорей за мной! Полиція облаву устроила. Надо бѣжать!“ проговорилъ онъ.

Мы бросились внизъ вслѣдъ за нимъ. Спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, мы не шли, а бѣжали за нашими передовыми. Одинъ изъ нихъ, видимо, прекрасно зналъ эту мѣстность и куда-то насъ велъ. Сзади насъ слышались теперь почти безпрерывные свистки, что показывало полицейскую тревогу. Мы бѣжали по пустырямъ и оврагамъ, взбирались на какія то кучи, вновь попадали въ овраги и наконецъ добрались до линіи построекъ. Тутъ мы прошли черезъ какой-то садъ, мимо небольшаго домика, и попали во дворъ, гдѣ яростно набросилась на насъ собака; видѣлъ ли насъ кто либо изъ жильцовъ этого домика — не знаю: было уже очень

поздно и, вѣроятно, тамъ всѣ уже спали. Мы вышли со двора черезъ калитку и очутились на улицѣ.

— „Теперь по домамъ!“ проговорилъ Давиденко.

— „Да вы скажите хоть, что это за улица?“ спросилъ кто-то.

Названа была улица. Тогда мы разбились и всякій быстро пошелъ въ свою сторону.

— „Ничего изъ этого не выйдетъ! Наши шатанія по ночемъ только привлекутъ вниманіе полиціи. Дѣло это надо какъ нибудь иначе обстроить,“ говорилъ Рахальскій, идя со мною и Чубаровымъ.

Утромъ слѣдующаго дня Рахальскій снарядилъ одного пріятеля слесаря на квартиру Стефановича. Слесарь пошелъ туда подъ предлогомъ, будто разыскивать какого-то своего знакомаго. Улучивъ минуту, онъ снялъ восковой отпечатокъ съ замка отъ двери, ведшей въ квартиру и затѣмъ, воротившись, поддѣлалъ ключъ. Съ этимъ ключемъ Рахальскій явился къ хозяйкѣ домика и объявилъ ей, что онъ родичъ ея квартирантовъ, что они остались гостить у него въ деревнѣ и дали ему ключъ отъ своей квартиры съ тѣмъ, чтобы онъ могъ временно воспользоваться ею. Хозяйка, простая баба, оказалась далека отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и Рахальскій помѣстился въ комнатѣ Стефановича.

Тотчасъ закипѣла работа. Давиденко и еще двое другихъ принялись очищать квартиру: днемъ по частямъ вынесены были компрометирующія бумаги и мелкіе предметы, ночью — громоздкія вещи, — типографскій станокъ и кассы. Черезъ сутки квартира была уже очищена и Рахальскій, распрощавшись съ бабой, уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, мы замѣтили большое движеніе возлѣ Лыбеденскаго участка (такъ называется участокъ, находящійся возлѣ университета). Полиція приглашала въ участокъ всѣхъ лицъ, находящихся въ подозрѣніи и предъявляла ихъ какой-то женщинѣ. Множество студентовъ было осмотрено этой женщиной; но послѣ всякаго осмотра, на вопросъ частнаго пристава Машковскаго, — не признала ли она? — получался одинъ

категорическій отвѣтъ: „не тотъ“. Одного кого-то совсѣмъ было уже признала, такъ что Мошковскій для окончательнаго удостовѣренія сталъ его поворачивать передъ нею всѣми сторонами, но когда поворотилъ спиною, то она вдругъ всокликнула: „Гдѣ тамъ! гдѣ тамъ! Тотъ же былъ тонкій и высокій, а этотъ какой-то пузатый!“ Принуждены были выпустить и пузатаго. Давиденко, какъ поднадзорнаго тоже потребовали въ полицію, но онъ, боясь, чтобы его не признала баба, не явился. Полиція послѣ этого стала его разыскивать и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Одессу.

Что касается до Рахальскаго, то онъ былъ на положеніи нелегальнаго, т. е. жилъ подъ фальшивымъ паспортомъ и, слѣдовательно, являться въ участокъ ему не пришлось. Впрочемъ, онъ тоже вскорѣ уѣхалъ на югъ. Годъ спустя, именно въ 78 году, Рахальскій эмигрировалъ за границу, гдѣ среди эмигрантовъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гусанова. Слабое здоровіе, матеріальныя лишенія и тяжелый трудъ наборщика быстро расшатали его организмъ. Онъ заболѣлъ чахоткой и вынужденъ былъ поступить въ госпиталь, въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1883 году. Такова, вкратцѣ, скорбная исторія этого человѣка, умнаго, мягкаго, добраго товарища, всегда дѣлившагося съ другими своими послѣдними крохами.

И такъ, квартиру Стефановича жандармы открыли, но только она оказалась пустою. Между тѣмъ, чигиринскому дѣлу власти придали на первыхъ порахъ огромное значеніе. У кіевскаго генералъ губернатора сначала явилось даже желаніе предать главныхъ виновниковъ военному суду. Само собою разумѣется, что уничтоженіемъ компрометирующихъ, бумагъ находившихся въ квартирѣ Стефановича, нанесенъ былъ сильный ударъ жандармскимъ ликованіямъ. Они видѣли, что изъ ихъ рукъ ускользывали возможныя улики и, потому, съ особой энергіей принялись за розыски виновныхъ, устроившихъ имъ такой неожиданній сюрпризъ.

И вотъ, начались обыски и поиски по всему городу.

Полиція и шпіоны рыскали по всѣмъ направленіямъ. Но все оказывалось безуспѣшнымъ.

Между тѣмъ и настроеніе кіевскихъ обывателей въ это время, не говоря уже о молодежи, было тоже не совсѣмъ обычное. Война съ Турціей многимъ открыла глаза. Неудачи, постигшія русскія войска въ войнѣ съ Турціей, этой „гнилой“ державой, невольно наталкивали людей, даже не глубоко заглядывавшихъ въ жизнь, на разныя размышленія и на предположеніе о существованіи у себя дома кой-какихъ прорѣхъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доходили смутные слухи о воровствѣ подрядчиковъ интендатскихъ, что является возможнымъ лишь при участіи высшей военной власти. О главнокомандующемъ, Николаѣ Николаевичѣ старшемъ, передавались самыя компрометирующія свѣдѣнія. Эта фигура являлась предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорили, что онъ былъ большой дуракъ. Помню, приводилось даже мнѣніе авторитетныхъ знатоковъ военнаго дѣла (указывали чуть ли не на Мольтке), будто самый переходъ черезъ Дунай совершился столь удачно единственно потому, что планъ переправы былъ черезъ чуръ глупо скомпонованъ. Мѣсто для переправы выбрано было тамъ, гдѣ ни одинъ благоразумный полководецъ никогда не рѣшился бы устраивать переправы, и, поэтому-де, турки были застигнуты въ расплохъ. Такимъ образомъ, выходило, что глупость, переходящая всякія предѣлы, глупость, достигавшая до границъ виртуозности, принесла неожиданно хорошіе результаты. Потомъ разсказывали о какой-то авантюристкѣ Чисновой (если не измѣняетъ мнѣ память), шлявшейся всюду за главнокомандующимъ, которая командовала самимъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, являясь, такимъ образомъ самой высшей инстанціей въ нашей дѣйствующей арміи. Объ убійствѣ одного изъ нашихъ князьковъ гдѣ то возлѣ Дуная — не помню ужъ кого тогда изъ нихъ убили — разсказывали, будто онъ былъ убитъ совсѣмъ не турками, а болгарами же за его романтическія похожденія съ болгарскими женщинами и т. д. цѣлая без-

конечная вереница всевозможныхъ скандальныхъ исторій.

А рядомъ съ этимъ одинъ за другимъ стали двигаться поѣзда — теперь уже съ юга на сѣверъ, наполненные больными и раненными солдатами. Тяжело было ѣздить въ это время по одесской линіи!.. По станціямъ на запасныхъ рельсахъ стояли безконечно длинныя ряды товарныхъ вагоновъ съ открытыми настежъ дверями, изъ которыхъ несло вонью и откуда выглядывали блѣдныя лица солдатъ, лежавшихъ на соломенной подстилкѣ. Иногда этой подстилки не хватало въ достаточномъ количествѣ. Неурядица замѣчалась всюду и наталкивала людей на ту мысль, что этой неурядицы было бы несравненно меньше, если бы правительственые воры и авантюристы подлежали бы какому нибудь общественному контролю. Вопросъ о политической свободѣ, — о конституціи, самъ собою выдвигался, такимъ образомъ, на очередь.

И вотъ, о необходимости конституціонной реформы стали говорить втюду. Земства оживились: принялись готовиться къ подачѣ адресовъ на высочайшее имя. Но я не буду касаться здѣсь этого движенія, такъ какъ о немъ я зналъ лишь по слухамъ. Въ своемъ мѣстѣ я разскажу о нашихъ столкновеніяхъ съ земцами; теперь же перейду къ воспоминаніямъ того, чему былъ очевидцемъ.

Въ Кіевѣ организовался спеціальный кружокъ, назвавшійся „конституціоннымъ кружкомъ“, поставившій своей задачей агитацію въ пользу конституціи и пропаганду политическихъ идей. Такъ какъ студенчество представляло болѣе воспріимчивую среду, то неудивительно, что свою дѣятельность кружокъ этотъ направилъ сюда.

Между тѣмъ студенты и безъ того волновались. Недовольство существующимъ политическимъ режимомъ, наблюдавшееся во время войны съ Турціей во всемъ русскомъ обществѣ, отразилось и на поведеніи университетской молодежи, принявшее здѣсь сразу болѣе острый характеръ. То по одному, то по другому поводу собирались сходки въ студенческой столовой. Такъ, припоми-

наю, однимъ изъ поводовъ къ сходкамъ послужилъ арестъ студента Подольскаго. На собраніяхъ стали говорить о самоуправствѣ жандармовъ, и, само собою разумѣется, договорились до того, что не дурно было бы положить предѣлъ этому самоуправству; вопросъ этотъ явно выходилъ изъ сферы студенческихъ вопросовъ; но ораторы доказывали, что студенты до тѣхъ поръ не будутъ избавлены отъ административнаго произвола, пока во всемъ государственномъ строѣ не произойдетъ соотвѣтственныхъ политическихъ реформъ, и что, поэтому, студентамъ пора-де было сдѣлаться настоящими гражданами своей страны и прочее въ такомъ родѣ. Результатомъ этихъ сходокъ было то, что составился проэктъ подачи чего-то въ родѣ петиціи или адреса на высочайшее имя, въ которомъ просились извѣстныя реформы. Подобный адресъ былъ, кажется, составленъ въ двухъ редакціяхъ: въ болѣе радикальномъ и въ умѣренномъ духѣ. Но когда пришлось собирать подписи, то охотниковъ подписаться оказалось мало и попытка съ адресами окончилась неудачно. Однако студенческія волненія не прекращались, и когда полиція распорядилась закрыть студенческую столовую, то сходки перенесены были въ студенческій клубъ. Въ самый разгаръ этихъ сходокъ, возлѣ театра ночью, послѣ спектакля, произошло столкновеніе студентовъ съ полиціей, окончившееся арестомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Это вызвало сильное возбужденіе страстей: изъ клуба, гдѣ въ это время было собраніе, двинулась толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ въ полицейскій участокъ; ввалившись въ комнаты участка, толпа потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ и не ушла до тѣхъ поръ, пока арестованные не были выпущены. Послѣ этого студенческій клубъ былъ закрытъ; но студенты еще болѣе стали волноваться. Отправлена была депутація къ университетскому начальству. Ректоръ и попечитель не приняли депутатовъ; тогда они пошли къ генералъ губернатору Черткову. Здѣсь у нихъ съ Чертковымъ, какъ мнѣ тогда же передавалъ одинъ изъ депутатовъ (Наумъ Львовъ, умершій въ Парижѣ нѣсколь-

ко лѣтъ спустя), произошла въ такомъ родѣ бесѣда: — „Чего хотите, господа?“ спросилъ Чертковъ. — „Мы хотимъ избавиться отъ административнаго произвола,“ отвѣчала депутація. — „Какъ прикажете это понимать?“ — „А такъ, чтобы жандармы и полиція не имѣли права арестовывать кого имъ вздумается“. Тогда Чертковъ воскликнулъ: „Ахъ, господа, господа!... Таковъ законъ! Двуглавый орелъ!... Мы всѣ должны ему повиноваться.“ А потомъ добавилъ: „Я въ этомъ краѣ генералъ-губернаторъ, а жандармы и меня могутъ арестовать.“

Но изъ всего студенческаго движенія 77 года, котораго я здѣсь касаюсь, конечно, лишь въ общихъ чертахъ, едвали не самымъ характернымъ эпизодомъ была демонстрація при водруженіи креста на могилѣ одного рабочаго, похороненнаго на Байковомъ кладбищѣ. На сколько могу припомнить, рабочій этотъ былъ изъ интеллегентной среды и, кажется, прикосновенный къ революціонному движенію (я раньше не слыхалъ о немъ). По иниціативѣ студенческой организаціи, въ центрѣ которой стоялъ „Конституціонный Кружокъ“собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впереди деревяный крестъ. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующіе ораторы, сложно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. Какъ ни странно можетъ показаться, но рѣчи сводились къ тому, что „намъ надо добиваться конституціи“. На сколько въ данномъ случаѣ вязался конституціонный вопросъ со смертью рабочаго, на могилу котораго несли деревяный крестъ, объ этомъ, повидимому, мало кто заботился. Встрѣченные по пути мѣщане и рабочіе, останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на процессію, во главѣ которой — къ ихъ удивленію — не видно было ни попа, ни дьякона; но такъ какъ впереди все же несли крестъ, то народъ снималъ шапки и набожно крестился.

Кіевское студенческое волненіе 77 года окончилось тѣмъ, что многіе были исключены изъ университета, а вслѣдъ за тѣмъ разосланы административнымъ порядкомъ по сѣвернымъ губерніямъ.

XV

ПОЛИТИКА И ПЕРВЫЕ ТЕРРОРИСТЫ.

Въ подобной то атмосферѣ, если можно такъ выразиться, пропитанной конституціонными парами, пришлось вращаться тогда народникамъ-революціонерамъ. Само собою разумѣется, что общее настроеніе должно было отразиться и на насъ, тѣмъ болѣе, что среди насъ самихъ къ этому времени стало наблюдаться какое-то новое ненародническое настроеніе. Я раньше упоминалъ уже о томъ охлажденіи къ дѣятельности среди народа, которое видно было хотя бы у большинства членовъ нашего кружка. Ко времени русско-турецкой войны скептицизмомъ были заражены болѣе или менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ южные народники. Правда, перемѣнить міровоззрѣніе, пустившее такіе глубокіе корни, какъ это было у насъ съ народничествомъ, оказывалось далеко не легкимъ дѣломъ; и потому, на словахъ все еще продолжали исповѣдывать старые народническіе принципы, но въ душѣ мало уже кто имъ вѣрилъ, вслѣдствіе чего и на дѣлѣ движеніе въ народъ сильно ослабѣло. Деревня, раньше манившая къ себѣ, теперь отодвинулась на второй планъ. Революціонеры стали скопляться по городамъ. Среди насъ послышались голоса въ пользу политической свободы, къ которой раньше всѣ относились отрицательно. Однимъ изъ самыхъ раннихъ защитниковъ политики явился Волошенко, членъ одесскаго кружка народниковъ, носившаго названіе „башенцевъ“. Этотъ человѣкъ необыкновеннаго ума успѣлъ отрѣшиться очень рано отъ этого общаго всѣмъ народникамъ предразсудка.

Другимъ страстнымъ защитникомъ конституціонной

реформы оказался мой братъ Иванъ, только онъ шелъ въ этомъ направленіи значительно дальше другихъ. По его мнѣнію, революціонеры должны были направить свои силы исключительно на пріобрѣтеніе политическихъ правъ. Въ такомъ духѣ написана была имъ брошюра и пущена въ рукописи въ обращеніе. Исходя изъ того положенія, что экономическое освобожденіе народа можетъ быть дѣломъ рукъ только самого же народа, онъ находилъ, что революціонерамъ не по силамъ было и брать на себя эту задачу. Неудачи предыдущихъ годовъ, постигшія революціонеровъ въ народѣ, объяснялъ онъ тѣмъ, что революціонеры по самому своему происхожденію слишкомъ далеко стояли отъ народа и, потому, не знали даже, какъ взяться за дѣло; что въ будущемъ ихъ ожидаетъ подобная же неудача; что, наконецъ, самая программа соціалистическая несвойственна имъ, какъ дѣтямъ привилегированныхъ сословій. Максимумъ пользы, какую могутъ принести народу революціонеры изъ интеллигенціи, — это добыть политическую свободу, необходимую для созданія въ будущемъ широкой народной организаціи, которая одна только можетъ повести къ осуществленію соціалистическаго строя.

Не отрицая того, что въ прошломъ мы дѣйствительно не умѣли взяться за „мужицкое дѣло“, я не хотѣлъ согласиться съ братомъ, что и въ будущемъ насъ ожидаютъ однѣ неудачи, и находилъ, что народная революція должна остаться нашей цѣлью, главнымъ пунктомъ нашей программы и на будущее время.

— „Да знаешь ли ты изъ исторіи хоть одну революцію, которая совершена была бы народомъ?“ возражалъ мнѣ Иванъ. Но это была уже такая ересь, съ которой я никакъ не могъ примириться. Между тѣмъ, по мнѣнію Ивана, во всѣхъ революціяхъ народъ служилъ только пушечнымъ мясомъ. — „Правда, безъ участія народа революція невозможна“, говорилъ онъ, „но сущность дѣла заключается все таки не въ массѣ, а въ ея руководителяхъ. Руководители дѣлаютъ исторію; они вкладываютъ душу въ движеніе, а вовсе не народъ. Кто же

эти руководители? Это интеллигенція страны. Народъ безъ участія интеллигенціи можетъ произвести бунтъ, но не революцію... Вотъ какъ были бунты Пугачова и Стеньки Разина. Народная масса можетъ только разрушать.“

— „Тѣмъ лучше, что народъ можетъ только разрушать“, хватался я за старые бунтовскіе аргументы. „Созиданія и не надо. Мы будемъ поддерживать въ народѣ безконечный бунтъ, пока не будетъ разрушенъ въ корнѣ существующій порядокъ вещей и пока малу по малу среди этой волнующейся народной массы не народятся новые элементы, годные для созданія будущаго строя.“

— „Анархическая чепуха и больше ничего!“ съ жаромъ воскликнулъ Иванъ. „Я больше вижу смысла у якобинцевъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, захватимъ власть и передѣлаемъ все по своему. А по вашей теоріи ничего не разберешь.

Признать необходимымъ участіе общества въ революціи, въ качествѣ народника, я не хотѣлъ. А между тѣмъ, Иванъ строилъ свои разсужденія такъ: безъ участія интеллигенціи революціи быть не можетъ. Но интеллигенція, представляющая собою привилегированныя сословія, нуждается не въ соціалистическомъ переворотѣ, а въ политической свободѣ. Отсюда выходило, что и революціонерамъ, примѣняясь къ почвѣ, слѣдовало принять чисто политическую программу. Соціализмъ, по его мнѣнію, оказывался, такимъ образомъ, для насъ, русскихъ, преждевременной иллюзіей, препятствующей объединенію силъ для борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и въ частности среди насъ подъ вліяніемъ событій зарождались другія новыя теченія, — сдѣланъ ли былъ какой нибудь новый шагъ со стороны правительства? Подумало ли оно о томъ, что бы уладить или по крайней мѣрѣ сколько нибудь смягчить хотя бы то противорѣчіе, которое было между его внутренней и внѣшней политикой, между на-

шимъ русскимъ внутреннимъ рабствомъ и внѣшней войной за освобожденіе Болгаріи ?*) Нисколько. Здѣсь все оставалось по старому. Со времени, такъ называемаго, „большого погрома“, т. е. осени 74 года, о которомъ я разсказывалъ въ своихъ первыхъ главахъ, аресты почти не прекращались. Черезъ всѣ годы — 75, 76 и 77 — преслѣдованія не ослабѣвали, а по временамъ принимали даже необыкновенно свирѣпые размѣры. Правительство продолжало свою систему запугиванія. Во время демонстраціи, имѣвшей мѣсто въ Петербургѣ на Казанской площади въ декабрѣ 76 года, полиція жестоко исколотила на улицахъ участниковъ, а потомъ разослала ихъ административнымъ порядкомъ по сибирскимъ городкамъ. Боголюбовъ — одинъ изъ главныхъ участниковъ демонстраціи — даже приговоренъ былъ судомъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По процессу 50 или такъ называемому „московскому“ многіе были приговорены къ каторгѣ, хотя кружкомъ этимъ, помимо пропаганды словомъ и распространенія брошюръ соціалистическаго характера, не было совершено ничего. Произошолъ рядъ отдѣльныхъ, небольшихъ процессовъ, изумительныхъ по своей жестокости. Такъ Бутовскую приговорили за пропаганду къ шести годамъ, а Семеновскаго къ одинадцати годамъ каторжныхъ работъ. Донецкаго за найденныя у него прокламаціи, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить ни одного экземпляра, такъ какъ схваченъ былъ тотчасъ послѣ переѣзда черезъ русскую границу (объ его арестѣ я разсказывалъ въ своемъ мѣстѣ), приговорили къ 5 годамъ каторги и засадили въ централку, гдѣ онъ сошелъ съ ума. Между тѣмъ, на очереди были еще сотни лицъ, надъ которыми велось слѣдствіе съ 74 по 77 годъ. „Домъ Предварительнаго Заклю-

*) Въ то время въ Женевѣ издана была прекрасная брошюра покойнымъ Драгомановымъ подъ заглавіемъ „Турки внѣшніе и внутренніе“, гдѣ онъ указывалъ на это противорѣчіе нашей внутренней и внѣшней политики.

ченія“ былъ полонъ политическими, ожидавшими своей участи. За какую нибудь одну книгу, найденную во время обыска, людей гноили по тюрьмамъ, доводили до сумашествія и самоубійства, вгоняли въ тяжкія, смертельныя болѣзни.

Но насытилось ли правительство этимъ ? Нисколько. Жестокости его не было предѣловъ. Переодѣтые жандармы попрежнему продолжали рыскать, гоняясь всюду за новыми жертвами.

И вотъ, революціонеры, вмѣсто того, чтобы добровольно отдаваться въ руки жандармовъ, стали бѣжать. Чуть не всякій новый обыскъ давалъ въ результатѣ новыхъ нелегальныхъ, число которыхъ со дня на день стало увеличиваться. Такъ какъ самыхъ ничтожныхъ уликъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы погибнуть гдѣ нибудь въ одиночномъ заключеніи въ ожиданіи „скораго“ суда, дарованнаго Россіи Александромъ II, то, поэтому, часто даже совершенно мало скомпрометированные люди предпочитали скрываться. И за что, за что были всѣ эти гоненія? За какія нибудя книги!.... За пропаганду!.... Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома, къ своимъ „подданнымъ“, и какое въ тоже самое время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ!... Имъ ничего не стоитъ ворваться среди ночи въ комнату и грубо стащить васъ съ кровати, чтобы обыскать подъ тюфякомъ; а въ тоже время вести войну будто бы за освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и благородно возмущаться турецкими нравами и порядками. Да вѣдь даже турки не осмѣливались вламываться въ спальню женщины!... А посмотрите, какая несостоятельность въ войнѣ, хотя бы съ этой самой Турціей!... Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ, потребовала чуть не всѣ силы сто-милліонной имперіи для того, что бы какъ нибудь только покончить войну. Наши госпитали переполнены солдатами, умирающими отъ дезентеріи и тифа; въ Одессѣ настроили безконечные ряды бараковъ, — больныхъ дѣвать некуда... А въ это время на-

чальники занимаются воровствомъ. Поѣзда съ ранеными по часамъ стоятъ у вокзаловъ, давая дорогу экстернымъ поѣздамъ съ военной знатью, мчащеюся съ театра военныхъ дѣйствій на сѣверъ. Тутъ — нищета, стоны, смерть; тамъ — самодовольныя, откормленныя рожи, торжествующія побѣду, завоеванную такими тяжелыми жертвами. „Держу пари, что это Гурко“, проговорилъ Иванъ, указывая на одного генерала, стремительно вскочившаго на вокзалъ. „Сколько грому!... Сколько „гуркотни“!*) Какъ онъ распустилъ свою саблю!.. Какъ она неистово звенитъ у него по полу! Держу какое угодно пари, что это Гурко! Слѣдя за громкими дѣлами этого генерала, который метался по Балканамъ, какъ угорѣлый, я теперь не могу себѣ его иначе представить, какъ въ образѣ, подобномъ этому индѣйскому пѣтуху“. Навели справки, и оказалось — дѣйствительно генералъ Гурко. Выходило даже звукоподражательно. Но это еще что?! Гурко все же одинъ изъ нашихъ „лучшихъ“ генераловъ. А не угодно ли посмотрѣть на другихъ.... Вѣдь, начиная съ нашего главнокомандующаго и оканчивая Горвицомъ и компаніей, рѣшительно не на комъ остановить взора. Единственный человѣкъ, стоящій на высотѣ своего поста, — генералъ Радецкій. Остальные... одинъ срамъ!... Задать же имъ страху! это вовсе не трудно... Они побѣгутъ здѣсь, какъ бѣжали подъ Плевной!...

Такія послышались рѣчи среди революціонеровъ.

Уклоненіе революціоннаго движенія въ сторону политики и въ частности, такъ называемое, террористическое теченіе стало пробиваться всюду къ концу 77 года; но раньше всего оно стало наблюдаться на югѣ, благодаря, можетъ быть, тому, что отсюда было ближе къ театру военныхъ дѣйствій и здѣсь больше рѣзали глаза неурядицы и злоупотребленія, происходившія въ арміи. Война была важнѣйшей причиной, пробудившей

*) Украинское слово, обозначающее громъ, шумъ.

какъ въ обществѣ — среди земцевъ, — такъ и среди революціонеровъ теченіе въ пользу политическаго освобожденія. Въ частности къ этому присоединилась еще наша, такъ сказать, внутренняя причина, именно — отсутствіе на югѣ сильной революціонной организаціи. Наши кружки были слабые, недисциплинированны, значительно уступавшіе въ организаціонномъ отношеніи кружкамъ петербургскимъ. А организаціи, плодотворныя для задачъ, во имя которыхъ они создаются, служатъ, съ другой стороны, всегда непреодолимымъ тормозомъ при всевозможныхъ новшествахъ. Инициатива можетъ принадлежать только личности, организаціи — никогда: онѣ консервативны. Ко времени русско-турецкой войны на югѣ скопилось не мало энергичныхъ личностей, не связанныхъ сильными организаціонными узами, а, потому, здѣсь и оказались найболѣе благопріятныя условія для зарожденія новаго направленія.

Трудно теперь описать все то, что совершалось въ двухъ южныхъ центрахъ Одессѣ и Кіевѣ въ періодъ 77 — 78 годовъ! Здѣсь вышло что то похожее на съѣздъ революціонеровъ, вызванный, однако, не по какому либо уговору а, такъ сказать, самой жизнью. Старая кружковая замкнутость исчезаетъ: люди знакомятся другъ съ другомъ, дѣлятся впечатлѣніями пережитаго, принимаются совмѣстно обсуждать дѣла, стоящія на очереди. Оживленіе необыкновенное! дебаты — безъ конца. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ лицъ, спасшихся отъ жандармскихъ погромовъ, нелегальныхъ, скрывающихся или поднадзорныхъ — такъ или иначе воспитавшихся въ борьбѣ съ правительствомъ, правда, въ борьбѣ или вѣрнѣе неподчиненіи, носившимъ вначалѣ исключительно пассивный характеръ, такъ какъ все время правительство являлось нападающей стороной, а они только бѣжали, но ожесточившихся отъ этихъ безконечныхъ преслѣдованій и жаждущихъ вступить въ активную борьбу съ правительствомъ.

Для Кіева наступило время нѣсколько аналогичное тому, какое переживалось въ началѣ 74 года. Но только теперь движеніе имѣло несравненно болѣе широкіе раз-

мѣры. Тогда какъ въ 74 году жаждой дѣятельности охвачена была молодежь, не знакомая съ жизнью, теперь все это были люди опытные, испробовавшіе свои силы на практическихъ дѣлахъ. Тамъ мы видимъ увлеченіе теоріями, видимъ вѣру въ извѣстные идеалы; здѣсь людьми двигаетъ не теорія, а сама жизнь. И если въ 74 году, исходя изъ извѣстныхъ принциповъ, толковалось о томъ, какъ примѣнить ихъ на практикѣ, какъ ихъ осуществить, то въ 77 и 78 годахъ наблюдалось прямо обратное явленіе: здѣсь люди стараются подыскать или выдумать теорію для объясненія, отчасти какъ бы оправданія, фактовъ, совершаемыхъ ими подъ вліяніемъ страстей и обстоятельствъ.

Здѣсь-то въ Кіевѣ и намѣтилось раньше всего то теченіе, которое въ скоромъ времени направило наше революціонное движеніе въ совершенно другую сторону. Тутъ можно было видѣть Ивана Ивичевича, блѣдно-лицаго, невзрачнаго по виду, но дерзки смѣлаго человѣка; краснощекаго, здороваго Алешку, къ которому болѣе чѣмъ къ кому либо другому подошло бы названіе „добраго молодца“. Съ этимъ „молодцомъ“ постоянно происходили какіе либо экстраординарные случаи: то у него въ квартирѣ выстрѣлитъ нечаянно револьверъ, то выпадетъ на улицѣ изъ чехла и публика обходитъ его, точно прокаженнаго, глядя съ любопытнымъ страхомъ, какъ онъ подбираетъ съ тротуара свои „террористическія“ принадлежности. Одинъ разъ на Крещатикѣ (такъ называется главная улица въ Кіевѣ) у него какимъ-то образомъ вонзился въ ногу его собственный кинжалъ, висѣвшій сбоку на поясѣ, и такую глубокую рану сдѣлалъ, что воротился онъ домой весь окровавленный. Раза два наѣзжалъ изъ Петербурга Сенька, пріятель Валеріана Осинскаго и членъ одного съ нимъ петербургскаго кружка, такъ называемыхъ „троглодитовъ“. Въ Петербургѣ Сенька вынужденъ былъ сидѣть смирно и заниматься пропагандой; организація подавляла его. Но поживетъ, бывало, онъ въ Кіевѣ день-другой, и на его бедрѣ появится длинный, серпообразный кинжалъ. Высо-

кій, стройный, съ выпуклой грудью и выгнутой поясницей, — точъ въ точъ какъ его кинжалъ, — Стенька представлялъ собою прекрасное доказательство консервативнаго воздѣйствія петербургскаго кружка. Тутъ можно было видѣть Брандтнера изъ Харькова, Свириденко и Попко изъ Одессы, — лицъ необычайной отваги, такъ сказать, богатырей нашего времени, готовыхъ къ смерти во всякую минуту. Тутъ же появлялся и Лизогубъ, подобно Осинскому и Сенькѣ принадлежавшій къ кружку „троглодитовъ“ и бывшій тоже однимъ изъ первыхъ сторонниковъ терроризма.

Но душою этого новаго, нарождавшагося въ ту минуту теченія, получившаго названіе „террористическаго“, несомнѣнно оказался Осинскій, и потому я позволю себѣ коснуться здѣсь нѣсколько подробнѣе этой замѣчательной личности.

Валеріанъ Осинскій появился въ Кіевѣ осенью 77 года. Это былъ высокій, тонкій блондинъ, по виду лѣтъ 25-ти, показавшійся мнѣ какимъ-то хрупкимъ, почти женственнымъ существомъ; съ краснымъ лицомъ; живой и подвижной, какъ ртуть; то возбужденный, разговорчивый и веселый, то мрачно-молчаливый и въ такихъ случаяхъ жаловавшійся на головную боль. Осинскій неудовлетворялся дѣятельностью своихъ петербургскихъ товарищей, сводившейся исключительно къ пропагандѣ, и потому, естественно, искалъ для себя болѣе захватывающаго дѣла. Онъ познакомился въ Петербургѣ съ Вѣрой Засуличъ, пріѣхавшей туда изъ Кіева, и, когда Стефановичъ съ товарищами былъ арестованъ, охотно согласился заняться организаціей ихъ побѣга изъ тюрьмы. Съ этой цѣлью онъ и пріѣхалъ въ Кіевъ.

Здѣсь Осинскій сразу попалъ въ совершенно новую для него атмосферу. Студенты волновались, собирались подавать петицію съ требованіемъ конституціонной реформы; въ центрѣ движенія стоялъ „конституціонный кружокъ“, состоявшій отчасти изъ студентовъ, или лицъ близко прикосновенныхъ къ университету, отчасти изъ революціонеровъ-народниковъ. Помню, на одномъ изъ

засѣданій „конституціоннаго кружка“, куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказзывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость соціальной революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплуатацію народа, и прочее въ такомъ духѣ. „Все это мы давнымъ давно слыхали“, замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого, собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ. Любопытно то, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу. Большинство насъ, народниковъ, принципіально смотрѣло на вопросъ также какъ и Осинскій. Но мы успѣли уже, такъ сказать, втянуться въ окружающую жизнь и считали неумѣстнымъ высказывать наши разногласія въ собраніяхъ „конституціоннаго кружка“.

Кіевская атмосфера скоро, однако, повліяла на Осинскаго, и онъ сдѣлался самымъ горячимъ защитникомъ политической свободы. Но прежде всего надо было, по его мнѣнію, „задать страху врагамъ“, т. е. другими словами — терроризировать правительство.

Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на подготовленіи побѣга Стефановича и товарищей его изъ Кіевскаго тюремнаго замка. При посредствѣ одного подкупленнаго тюремнаго надзирателя установлена была переписка съ заключенными. Помню, въ одномъ изъ тюремныхъ писемъ Стефановичъ описывалъ ходъ чигиринской конспираціи, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: Стефановичъ познакомился зимою 75 года съ чигиринцами, находившимися при кіевскихъ полицейскихъ участкахъ, подъ видомъ крестьянина Херсонской губерніи Дмитрія Найды, отправлявшагося якобы ходакомъ къ царю. (Объ этомъ знакомствѣ я разсказывалъ раньше). Заручившись ихъ довѣріемъ, по истеченіи нѣкотораго времени, онъ представилъ имъ царскую грамоту, въ которой повелѣвалось всѣмъ крестьянамъ соединяться въ тайныя общества („Тайныя Дружины“) съ цѣлью возстанія противъ пановъ. Эти „Тайныя Дру-

жины“ должны были организоваться по извѣстному плану, изложенному въ другомъ царскомъ документѣ — „Уставѣ Тайной Дружины“. Согласно „Уставу“, всякій, желающій сдѣлаться „дружинникомъ“, долженъ былъ принести присягу въ вѣрности тайнѣ, и принимался въ члены только за поручительствомъ двухъ „дружинниковъ“. Всякій „дружинникъ“ долженъ былъ вносить ежемѣсячно по пяти копѣекъ въ кассу и имѣть собственную пику на случай возстанія. Двадцать пять „дружинниковъ“ составляли одно староство и выбирали своего старосту. Староста собиралъ денежные взносы, приводилъ къ присягѣ вновьпоступающихъ и т. д. Двадцать старостъ составляли атаманство. Атаманъ избирался старостской радой и былъ посредникомъ между „Дружиной и комиссаромъ. Во главѣ всѣхъ „Тайныхъ Дружинъ“ (которыхъ по всей Россіи должно было быть много, конечно) стоялъ „Совѣтъ Комиссаровъ“. Такова, въ общихъ чертахъ, была организація, которую Стефановичъ старался провести среди чигиринскихъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что затѣя эта имѣла полнѣйшій успѣхъ. Крестьяне стали записываться въ „Тайную Дружину“ цѣлыми десятками. Почти всѣ „душевики“, т. е. стремившіеся къ душевому передѣлу земли и враждовавшіе съ, такъ называемыми „актовиками“ (я упоминалъ объ этомъ дѣленіи крестьянъ въ Чигиринщинѣ) вскорѣ сдѣлались „дружинниками“- Въ ноябрѣ 1876 года Стефановичемъ пущены были въ дѣло „Грамоты“ и „Уставъ“, а уже къ веснѣ 77 года въ рядахъ тайной дружины насчитывались сотни людей. Но этотъ быстрый количественный успѣхъ и явился главной причиной неудачи. Тайна была очень скоро открыта и среди чигиринцевъ начались аресты и преслѣдованія, окончившіеся арестомъ самого комиссара Дмитрія Найды, т. е. Якова Стефановича.

— „Удивительная смѣлость мысли!“ говорилъ Осинскій о чигиринской конспираціи Стефановича. Это дѣло произвело на него сильное впечатлѣніе. Какъ я уже сказалъ выше, Осинскій былъ членомъ петербургскаго кружка пропагандистовъ, въ то время организаціи совершенно

молодой, только что начинавшей жить и, слѣдовательно, исповѣдовавшей еще твердо извѣстные принципы. Осинскому, слыхавшему лишь о пропагандѣ соціалистическихъ идей, чигиринское дѣло, построенное на народной вѣрѣ въ царя, продставлялось и оригинальнымъ и смѣлымъ. Какъ большинству молодыхъ революціонеровъ-народниковъ, и ему мужикъ представлялся въ образѣ таинственнаго сфинкса, къ которому онъ не зналъ, какъ подступиться. Здѣсь же онъ видѣлъ, что люди не только съумѣли приступить, но и достигли необыкновеннаго успѣха. „Удивительная смѣлость мысли!“ восклицалъ онъ. Рядомъ съ другими причинами чигиринское дѣло оказало, какъ я думаю, не малое вліяніе на ростъ идей въ его головѣ. У человѣка съ меньшей иниціативой, вѣроятно, родилось бы желаніе подражать; но Осинскій откровенно сознавался въ своей неспособности работать среди народа и, потому, ни о подражаніи, ни даже о продолженіи чигиринской конспираціи онъ и не подумалъ. Изъ чигиринскаго дѣла Стефановича онъ позаимствовалъ, если можно такъ сказать, только одну „смѣлость мысли“. А послѣднее было совсѣмъ не маловажной вещью. Онъ отказывался отъ дѣятельности въ народѣ, рѣшивши всѣ силы свои посвятить на террористическія дѣла. Для того времени это была дѣйствительно необыкновенная „смѣлость мысли“. Между Осинскимъ и его петербургскими товарищами скоро возникли серьезныя недоразумѣнія, перешедшія почти въ непріязнь.

Мало по малу, такимъ образомъ, среди революціонеровъ выросталъ расколъ; движеніе наше распадалось и получало два теченія: одно оставалось старое народническое; другое — новое террористическое.
Дмитрій Лизогубъ сталъ сочувствовать этому расколу и явно склонялся въ сторону Осинскаго; а это давало сразу большое преимущество, такъ какъ Лизогубъ былъ богатъ, и, слѣдовательно, новое направленіе съ нимъ пріобрѣтало большія матеріальныя средства.

И такъ, среди насъ зародилось теченіе, въ этотъ разъ уже несомнѣнно опасное для государственнаго по-

рядка, неизмѣримо болѣе опасное, чѣмъ было движеніе въ народѣ. Что же дѣлало въ это время наше правительство? А правительство продолжало держаться своей старой системы запугиванія. Но запугиваніе на смѣлыхъ людей оказывало совершенно такое же дѣйствіе, какъ масло, подбрасываемое въ огонь. Безтактные поступки правительства, слѣдовавшіе одинъ за другимъ все болѣе и болѣе раздражали страсти и безъ того возбужденныя въ сильной степени, пока, наконецъ, не произошелъ фактъ, окончательно толкнувшій наше революціонное движеніе въ сторону террора.

Лѣтомъ 77 года петербургскій градоначальникъ генералъ Треповъ при посѣщеніи Дома Предварительнаго заключенія столкнулся съ приговореннымъ въ каторгу Боголюбывымъ, сидѣвшимъ тамъ въ ожиданіи дальнѣйшей участи. Боголюбовъ не снялъ ему шапки при встрѣчѣ, и Треповъ, этотъ безграматный генералъ изъ кантонистовъ, ухитрявшійся дѣлать, какъ разсказывали, четыре ошибки въ словѣ е щ е (онъ писалъ: ѣсчо), приказалъ за это высѣчь розгами Боголюбова. Само собою разумѣется, экзекуція была исполнена. Я не возьмусь описывать того, что происходило въ это время въ Домѣ Предварительнаго Заключенія среди политическихъ заключенныхъ; пусть разскажетъ это кто либо изъ очевидцевъ, сидѣвшихъ тамъ тогда; возмущеніе было страшное. Но нужно было видѣть, какимъ гнѣвомъ запылали послѣ этого многіе на волѣ! Мщеніе Трепову сразу стало очереднымъ дѣломъ. Въ Кіевѣ организовалась компанія человѣкъ изъ шести (между ними былъ Попко), которая вскорѣ отправилась въ Петербургъ съ цѣлью убить Трепова. Между тѣмъ, въ Петербургѣ около этого времени начался процессъ 193-хъ. Отчеты объ этомъ процессѣ, печатавшіеся въ подпольной типографіи, разсылались повсюду, и всюду читались съ захватывающимъ интересомъ. Рѣчь Мышкина, вся проникнутая презрѣніемъ къ суду, къ сенаторамъ, „торгующимъ изъ за крупныхъ окладовъ чужей жизнью“; поведеніе подсудимыхъ, полное достоинства, — все это необыкновенно импонировало и ободряло революціоне-

ровъ, дѣйствовавшихъ въ это время на свободѣ. Правительственныя репрессаліи, вмѣсто того чтобы напугать людей, вызывали необыкновенный подъемъ духа и сознаніе собственныхъ силъ. „Видно правительство боится насъ, когда преслѣдуетъ съ такимъ ожесточеніемъ! А если оно боится, значитъ оно слабо. Задать же ему страху!“ слышались голоса. Было ли правительство на самомъ дѣлѣ слабое, — не берусь утверждать; но несомнѣнно то, что въ правительственномъ механизмѣ была какая-то неурядица; было много непослѣдовательнаго и даже противорѣчиваго въ немъ. Такъ судебное вѣдомство находилось въ явной оппозиціи къ министерству внутреннихъ дѣлъ и жандармеріи. Между тѣмъ, жандармерія оказывалась всесильной, такъ какъ самъ царь стоялъ на ея сторонѣ. Когда процессъ 193-хъ окончился оправданіемъ огромнаго большинства подсудимыхъ, содержавшихся неизвѣстно за что такое долгое время по тюрьмамъ, то жандармы стали ловить этихъ оправданныхъ судомъ людей и отправлять въ административную ссылку. Судъ постановилъ ходатайствовать передъ его величествомъ о смягченіи участи главныхъ виновныхъ по этому процессу, а величество осталось этимъ недовольно и никакого смягченія не оказало. Въ этотъ то моментъ Вѣра Засуличъ, придя къ Трепову, выстрѣлила въ него изъ револьвера. Процессъ Засуличъ, послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ, былъ самымъ разительнымъ примѣромъ этой разноголосицы, существовавшей въ правительствѣ. Засуличъ была оправдана и освобождена судомъ. Жандармы рѣшили ее арестовать тутъ же на улицѣ при выходѣ изъ суда. Произошло цѣлое столкновеніе публики съ полиціей и жандармами. Засуличъ совершенно случайно была спасена. Разсказываютъ, что царь этимъ процессомъ былъ взбѣшенъ до послѣдней степени и будто бы выразился о немъ такъ, что тамъ судили не Засуличъ, а Трепова.

XVI

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ КОТЛЯРЕВСКАГО И НАЧАЛО „ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА".

Я жилъ съ двумя товарищами въ Афанасьевскомъ Яру; такъ назывался оврагъ, черезъ который пролегала наполовину планированная въ то время улица, соединяющая Фундуклеевскую съ Подвальной. Наша квартира изъ двухъ небольшихъ комнатъ помѣщалась въ нижнемъ этажѣ и имѣла свой отдѣльный выходъ на улицу черезъ узенькій проходъ, заключавшійся между зданіемъ и высокимъ деревяннымъ заборомъ. Одно окно квартиры глядѣло въ этотъ узенькій проходъ, другое — на немощеную улицу, и находилось на одномъ уровнѣ съ землею, какъ это обыкновенно бываетъ въ подвальныхъ этажахъ кіевскихъ квартиръ. Дома три-четыре выше жилъ Избицкій, студентъ университета, находившійся въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ нами и принимавшій участіе въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Визави, по другой сторонѣ улицы по линіи, построекъ еще не было; но дальше, въ Яру виднѣлся двухъ-этажный домъ Бондаренко, гдѣ жилъ Валеріанъ Осинскій. Отъ насъ видна была крыша и верхній этажъ этого дома, видно было и окно комнаты Осинскаго, находившейся во второмъ этажѣ. Квартира, занимаемая нами, была очень удобна въ тамъ отношеніи, что въ нее можно было проникнуть незамѣтно для домохозяина и другихъ жильцовъ и, потому, чаще всего компанія собиралась у насъ. Живо припоминаются мнѣ теперь эти собранія, хотя уже больше полутора-десятка лѣтъ утекло съ той поры. Я говорилъ выше, что Валеріанъ Осинскій производилъ впечатлѣніе человѣка

очень живого, — что называется, непосѣды. Спокойнымъ оставался онъ развѣ только тогда, когда лежалъ въ кравати съ головной болью. Даже, когда писалъ что нибудь, его подвижное лицо постоянно мѣняло свое выраженіе. Онъ имѣлъ необыкновенную память, но сравнительно не большія обобщающія способности, такъ что спорщикъ изъ него былъ слабый; хотя въ тоже время несомнѣнно онъ всегда оставался оригинальнымъ и не только не находился подъ чьимъ либо вліяніемъ, но, болѣе того, обладалъ огромнымъ запасомъ инціативы. Инціатива эта пронстекала у него, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ изъ его непосидячей, подвижной, крайне дѣятельной натуры. Говорить онъ любилъ много, прерывая свою рѣчь частымъ смѣхомъ и нерѣдко впадая въ преувеличенія, вслѣдствіе необыкновенной своей экспансивности. Онъ забрасывалъ слушателя своею скороговоркой, словно горохомъ, и всегда носилъ съ собою большой запасъ всевозможныхъ свѣдѣній, то вычитанныхъ имъ изъ газетъ, за которыми слѣдилъ аккуратно, то просто слышанныхъ имъ отъ знакомыхъ, которыхъ у него вездѣ была пропасть. Со множествомъ лицъ онъ поддерживалъ самыя частыя сношенія и умѣлъ всякому дать какую нибудь работу, въ слѣдствіе чего всюду, куда появлялся, вносилъ оживленіе. Вся его фигура, обыкновенно изящно одѣтая, съ болтающимся пенсъ-нэ на черномъ шелковомъ шнурочкѣ, гибкая и, можетъ быть, выносливая, но далеко не крѣпко сложенная, обличала въ немъ человѣка весьма нервнаго. Въ заключеніе считаю нужнымъ добавить, что его портретъ, находящійся въ обращеніи, сдѣланъ очень удачно.

— „Ну, Валеріанъ, какъ же ведетъ себя „Голубь“? спрашивали мы, бывало, Осинскаго, когда онъ появлялся къ намъ съ тюремными письмами.

— „Пьетъ и ѣстъ необычайно! Удивительный обжора!...“ смѣясь, восклицалъ Осинскій, любившій пошутить, когда заходила рѣчь о тюремномъ надзирателѣ, служившемъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ заключенными и за это носившемъ кличку „Голубя“.

Этотъ „Голубь“ былъ глуповатый, но простодушный толстякъ, хорошо исполнявшій свою миссію за сравнительно небольшое вознагражденіе. Прійдя съ письмами къ Осинскому, „Голубь“ обыкновенно тотчасъ принимался за закуску, приготовленную здѣсь для него; съѣдалъ и выпивалъ все, что было поставлено передъ нимъ и потомъ ложился на постель Осинскаго и спалъ, пока тотъ готовилъ свой отвѣтъ, всегда весьма обстоятельный и длинный, написанный мелкимъ, круглымъ, красивымъ почеркомъ на „конспиративной“ бумагѣ. Письма писались на очень тонкой бумагѣ, получившей у насъ названіе „конспиративной“, для того, чтобы легче было проносить ихъ въ тюрьму, гдѣ при входѣ обыскивали всякого, даже служащихъ надзирателей. За этимъ занятіемъ проходилъ весь вечеръ у Осинскаго, и мы, зная, что у него сидитъ „Голубь“, въ эти вечера, конечно, не заходили къ нему. Окончивъ письма, Осинскій будилъ надзирателя, передавалъ ему пакетикъ, давалъ при этомъ рублевку, и тотъ удалялся. Чаще всего это было уже очень позднее время, а потому только на другой день Осинскій приходилъ къ намъ и приносилъ для прочтенія тюремныя письма.

Организовать побѣгъ изъ кіевской тюрьмы было далеко не легко, а на первыхъ порахъ показалось намъ даже почти невозможнымъ дѣломъ. О подкопахъ или проломахъ здѣсь и думать было нечего: все зданіе было слишкомъ капитально выстроено. Но при болѣе близкомъ ознакомленіи съ тюремными порядками, мало по малу сталъ возникать планъ совершенно особаго рода. Внутренній караулъ состоялъ изъ вольнонаемныхъ служащихъ: ключника и надзирателей, смѣнявшихся черезъ извѣстное время. Смѣной надзирателей завѣдывалъ ключникъ; этимъ обстоятельствомъ и задумали воспользоваться для устройства побѣга; а именно — подъ видомъ надзирателей ключникъ могъ вывести изъ тюрьмы заключенныхъ въ ночную смѣну. Конечно, для этого нужно было заручиться помощью ключника. Первоначально явилась мысль о подкупѣ, и въ этомъ направленіи сдѣ-

ланы были даже нѣкоторые шаги; но потомъ скоро планъ подкупа, какъ ненадежный, былъ отброшенъ, и остановились на мысли, чтобы ключникомъ въ тюрьму поступилъ свой человѣкъ. Осуществленіемъ этого плана занялся Михаилъ Фроленко. Получивши свѣдѣніе, что смотритель тюремнаго замка искалъ служителя, Фроленко съ мѣщанскимъ паспортомъ отправился къ нему хлопотать о своемъ назначеніи и былъ принятъ на службу.

Такъ было положено начало предпріятію, надѣлавшему не мало шуму въ свое время. Если мнѣ не измѣняетъ память, мѣсяцевъ около двухъ Фроленко исполнялъ различныя должности при тюрьмѣ (сначала былъ простымъ сторожемъ на смотрительскомъ дворѣ, потомъ — надзирателемъ, а наконецъ и ключникомъ), проявивши за это время такъ много выдержки и мужества, что вызвалъ къ себѣ среди революціонеровъ положительно всеобщее удивленіе.

Между тѣмъ, какъ дѣло съ устройствомъ побѣга, о которомъ я еще буду говорить ниже, постепенно налаживалось, Осинскій и его ближайшіе единомышленники въ это время занялись осуществленіемъ другихъ предпріятій. На тюрьмѣ и заключенныхъ сосредоточивалось ихъ вниманіе. Аресты по чигиринскому дѣлу произведены были жандармскимъ офицеромъ Гейкингомъ; слѣдствіе по дѣламъ велось прокуроромъ Котляревскимъ. И вотъ, у Осинскаго и его друзей, думавшихъ о терроръ, вскорѣ созрѣло рѣшеніе убить этихъ двухъ представителей власти. Въ первую очередь поставленъ былъ Котляревскій, о которомъ ко всему другому передавали изъ тюрьмы, будто тамъ, при обыскѣ, онъ осмѣлился раздѣть до гола одну политическую женщину. За Котляревскимъ стали слѣдить попеременно нѣсколько человѣкъ, высматривая удобный случай для нападенія. Нужно сказать, что какъ разъ около этого времени изъ Петербурга донеслась вѣсть о покушеніи Засуличъ; потомъ пришло извѣстіе изъ Одессы о вооруженномъ со-

противленіи при арестѣ Ковальскаго, Свитича и друг. Эти факты только подлили масла въ огонь.

Ночью 23-го февраля (1878 г.) я былъ разбуженъ легкимъ стукомъ въ окно, выходившее на улицу. Окликнувъ тихо, я узналъ по голосу Валеріана и поспѣшилъ открыть калитку. Помню, ночь была сырая и холодная, и потому, быстро воротившись въ комнату, я легъ въ кровать и принялся зажигать лампу, стоявшую на столѣ, въ то время, какъ Осинскій слѣдовалъ за мной. По шуму шаговъ я догадался, что онъ былъ не одинъ. И, дѣйствительно, съ нимъ явился Иванъ Ивичевичъ и еще другой товарищъ.

Мнѣ живо представляется теперь та минута, когда Осинскій, войдя въ комнату, подошелъ къ моей кровати, нагнулся и, глядя сверху пэнсъ-нэ, стекла котораго успѣли сразу запотѣть въ комнатѣ, тихо произнесъ: „Котляревскій убитъ!“

— „Когда?“ спросилъ я, чувствуя, какъ меня словно варомъ обдало отъ этой вѣсти.

— „Только что... Мы прямо оттуда“.

Я задернулъ плотнѣе занавѣску у окна, чтобы съ улицы не было видно свѣта, и сталъ разспрашивать, какъ это произошло. Осинскій сообщилъ мнѣ, что они настигли Котляревскаго, возвращавшагося откуда-то, почти у самого его дома и тутъ напали. Послѣ перваго выстрѣла, онъ свалился на землю и поднялъ страшный крикъ. Тогда они сдѣлали по немъ еще одинъ или два выстрѣла и затѣмъ убѣжали. Такъ какъ Котляревскій былъ въ шубѣ, и раны отъ револьверныхъ пуль могли оказаться несмертельны, то Ивичевичъ хотѣлъ подойти и ударить его еще кинжаломъ; но другіе его удержали отъ этого: опасно было оставаться дольше на мѣстѣ, куда всякую минуту могли сбѣжаться люди. „Все равно дѣло покончено“, сказалъ въ заключеніе Осинскій.

Нѣкоторое время я сидѣлъ на кровати, молча, если можно такъ выразиться, переваривая фактъ; и, долженъ сознаться, никакъ не могъ его переварить: дрожь пробѣгала по спинѣ, и какое-то тяжелое, страшно тяжелое

и непріятное чувство стало мало по малу овладѣвать мною.

— „Вы здѣсь ночуете?“ спросилъ я.

— „Понятно. Куда же идти? Теперь, вѣроятно, страшная погоня идетъ по всѣмъ улицамъ.“

— „Въ такомъ случаѣ ложитесь, и надо тушить лампу.“

На полу разослана была одежда и они втроемъ легли. Я погасилъ лампу; въ комнатѣ стало темно.

Нѣкоторое время я лежалъ молча; но потомъ мнѣ захотѣлось узнать, по какимъ улицамъ они бѣжали, и не было ли за ними погони. Осинскій сказалъ, что бѣжали они сначала по Прорѣзной, а затѣмъ мимо Золотыхъ воротъ по Подвальной, и что ни одного человѣка не было слышно сзади ихъ.

— „Ну, отлично! Будемъ спать“, замѣтилъ я.

Но заснуть я не могъ. Мои нервы были необыкновенно возбуждены; руки и ноги никакъ не могли согрѣться. Я принялся напряженно вслушиваться въ ночную тишину. Но на нашей улицѣ все было тихо: ни одинъ извощикъ, ни одинъ пѣшеходъ не нарушалъ царившаго спокойствія. Еще прошло нѣкоторое время... Вдругъ гдѣ-то далеко послышался ровный, продолжительный грохотъ, словно бой барабана. „Тревогу бьютъ,“ мелькнула у меня мысль. Я ощутилъ новый наплывъ непріятнаго чувства, никогда раньше не испытываемаго мною, и невольно приподнялся на кровати, чтобы лучше вслушаться. Трудно, однако, опредѣлить, какого сорта было это чувство. Тутъ былъ и страхъ — страхъ не передъ одной отвѣтственностью и наказаніемъ, а, такъ сказать, передъ самимъ фактомъ, — и недовольство этимъ фактомъ, и чувство какой-то отчужденности: я видѣлъ, что для Осинскаго это было свое, близкое дѣло, а для меня оно было чужое.

— „Валеріанъ, слышите?“ спросилъ я шопотомъ.

— „Слышу.“

— „Какъ будто барабанъ бьетъ.

— „Да.“

Мы замолкли, и я опять сталъ слушать. Но грохотъ не повторялся болѣе. Можетъ быть, это проѣзжали экипажи по мостовой, гдѣ нибудь по Владимірской улицѣ.

— „Кто это такъ громко храпитъ изъ нихъ?“ спросилъ я.

— „Это Иванъ“,*) отвѣтилъ Осинскій.

— „Они оба спятъ?“

— „Оба.“

Но Осинскій не спалъ. Уже и я начиналъ дремать, а сквозь сонъ слышалъ, какъ онъ все еще ворочался на полу и тихо покашливалъ.

Однако, на другой день оказалось, что Котляревскій не только не былъ убитъ, но даже не раненъ. Упалъ же онъ на землю послѣ выстрѣла просто отъ страха. Осинскій, всегда раньше другихъ узнававшій всевозможныя новости, узналъ и эту новость первый и намъ сообщилъ. Теперь онъ разсказывалъ о покушеніи на жизнь Котляревскаго смѣясь, и ни малѣйшаго волненія не было замѣтно на его нервно- подвижномъ лицѣ.

— „Какъ же вы намѣрены поступить дальше?“ спросилъ его кто-то.

— „А чортъ съ нимъ, съ этимъ трусомъ!...“ воскликнулъ Осинскій. „Съ него достаточно: послѣ этого случая, я полагаю, онъ не будетъ такимъ ревностнымъ чиновникомъ“.

Высказано было, не помню кѣмъ, мнѣніе, что было бы полезно издать по этому случаю прокламацію, гдѣ были бы разъяснены причины, вслѣдствіе которыхъ стрѣляли въ Котляревскаго. Стали обсуждать въ деталяхъ этотъ вопросъ. Потомъ бесѣда перешла къ тому, что было бы вообще не дурно, всякій разъ, послѣ совершенія извѣстнаго террористическаго факта (а ихъ предполагалось совершать не одинъ или два, а много) выпускать прокламаціи и раскленвать ихъ по улицамъ; и при этомъ кому-то изъ собесѣдниковъ пришла мысль въ голову, чтобы группа лицъ, занимающаяся террористическими

*) Ивичевичъ.

предпріятіями, назвала себя „Исполнительнымъ Комитетомъ".

Названіе „Исполнительнаго Комитета" присваивалось потому, что террористы по первоначальному представленію должны были являться ничѣмъ другимъ, какъ простыми исполнителями рѣшеній, принятыхъ всей „Соціально-революціонной партіей". Но какъ эти рѣшенія могли приниматься, когда на самомъ дѣлѣ и такой партіи не существовало, такъ какъ не существовало никакой общей организаціи, — объ этомъ пока не думали. „Исполнительный Комитетъ" имѣлъ ввиду заняться убійствами зловредныхъ лицъ, препятствовавшихъ развитію революціонной дѣятельности, какъ, напримѣръ: предателей, жандармскихъ сыщиковъ, прокуроровъ и пр. О перемѣнѣ программы, конечно, при этомъ не упоминалось, такъ какъ предполагалось, что программа у революціонеровъ остается прежняя, т. е. народническая; и все новшество заключалось лишь въ томъ, что часть силъ отряжалась спеціально на террористическія предпріятія.

Сдѣлана была печать овальной формы, на верху которой была вырѣзана полукруглая надпись: „Исполнительный Комитетъ", а внизу: „Русской соціально-революціонной партіи". Въ срединѣ были вырѣзаны револьверъ и кинжалъ, скрещивающіеся между собою.*)

Но съ выпускомъ прокламаціи нѣсколько запоздали, такъ какъ не было гдѣ ее отпечатать; станокъ и шрифты, вытащенные изъ квартиры Стефановича, Давиденко запропастилъ гдѣ-то такъ, что потомъ не только жандармы, но и революціонеры не могли ихъ отыскать. Только уже около средины марта, если не измѣняетъ мнѣ память, прокламація была отпечатана; въ ней говорилось объ убійствѣ шпіона Никонова, совершенномъ въ Ростовѣ на Дону, и о покушеніи на жизнь прокурора Котляревскаго. Подъ этой прокламаціей внизу въ

*) На сколько припоминаю — кромѣ револьвора съ кинжаломъ, былъ еще топоръ.

первый разъ приложена была печать „Исполнительнаго Комитета“. Насколько припоминаю, впрочемъ, печать была приложена не на всѣхъ экземплярахъ. Послѣ того мы занялись расклейкой прокламацій по улицамъ; само собою разумѣется, что расклейка производилась ночью, но все таки не обошлось безъ жертвъ: Избицкій былъ схваченъ на улицѣ во время наклеиванія прокламаціи и впослѣдствіи былъ осужденъ за это къ 15 годамъ каторжныхъ работъ.

— „А знаете ли, Валерьянъ?“ обратился я какъ-то къ Осинскому — „не совѣтовалъ бы я вамъ очень увлекаться терроромъ: вы нервны... Помните ту ночь?... Вотъ Ивичевичъ — другое дѣло...“

Замѣчаніе это видимо разсердило Осинскаго, и онъ отвѣтилъ мнѣ въ такомъ родѣ, что самъ лучше знаетъ, чѣмъ можетъ или не можетъ „увлекаться“.

Къ этому первому „Исполнительному Комитету“, о которомъ трудно было даже сказать, изъ кого въ точности онъ состоялъ, такъ какъ совсѣмъ не представлялъ собою строго опредѣленной организаціи, всякій относился по своему. Осинскій, Ивичевичъ Иванъ и нѣкоторые другіе ,видимо, смотрѣли на дѣло очень серьезно. Серьезно отнесся, помню, и мой братъ, сразу усмотрѣвшій въ этомъ попытку борьбы политическаго характера. „Вотъ пока вы разсуждали о народѣ“, говорилъ онъ мнѣ, „такъ и революціонности было мало: разводили бобы на киселѣ. А какъ дошло дѣло до вашихъ собственныхъ интересовъ, — посмотри, какія дѣла! Тамъ стрѣляютъ въ Трепова; здѣсь — въ Котляревскаго... Не зачѣмъ закрывать глаза: вѣдь это факты политической борьбы. Котляревскій дѣлаетъ обыски, раздѣваетъ женщинъ до нага, и его за это стрѣляютъ. А дѣло съ Треповымъ? Ну, подумай, мало ли у насъ сѣкутъ мужиковъ исправники, да губернаторы? Однако, за это ихъ никто не стрѣляетъ. А попробовалъ Треповъ высѣчь интеллигентнаго революціонера — ему и нагорѣло. Такъ то, братъ: ни соціализмъ, ни народъ здѣсь ни при чемъ.“

Что касается до моего отношенія къ этому нарож-

давшемуся „Исполнительному Комитету“, то оно было очень странное. Съ одной стороны, я не признавалъ пользы за террористическими дѣлами, да и не чувствовалъ себя способнымъ къ нимъ, съ другой стороны, являлся пособникомъ террористовъ и съ какой-то дѣтской необдуманностью принималъ участіе въ такихъ дѣлахъ, какъ изобрѣтеніе печати „Исполнительнаго Комитета“, расклейкѣ прокламацій и т. п. Мнѣ все еще казалось очень забавнымъ дразнить полицію, и я смотрѣлъ на расклейку прокламацій съ печатью „Исполнительнаго Комитета“ чуть ли не такъ же, какъ на расклейку вымышленныхъ телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій. „Вотъ, думалъ я, пойдетъ трескотня по городу! Начнутъ ловить „Исполнительный Комитетъ“. Полиція совсѣмъ потеряетъ голову“. Я радовался, рисуя въ своемъ воображеніи удивленныя рожи нашихъ администраторовъ, толкующихъ между собою объ „Исполнительномъ Комитетѣ“ и теряющихся въ догадкахъ — откуда комитетъ этотъ взялся. Однако, по мѣрѣ того, какъ происходили новыя событія террористическаго характера, и среди насъ стали возникать принципіальные споры, я сталъ задумываться надъ происходившими событіями, и мало по малу выработалось у меня прямо отрицательное отношеніе къ террору.

XVII

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ЧИГИРИНЩИНУ.

Между тѣмъ сношенія съ тюрьмой не прекращались и „Голубь“ попрежнему въ недѣлю разъ, а иногда и чаще, заносилъ къ Осинскому письма изъ тюрьмы. Со

словъ чигиринцевъ, сидѣвшихъ тамъ, оказывалось, что нѣкоторыя семьи бунтовавшихъ крестьянъ были доведены экзекуціями до полнаго раззорѣнія, и мы рѣшили оказать имъ матеріальную помощь. Получивши изъ тюрьмы нужные адресса, свѣдѣнія и пароль, безъ котораго трудно было бы проникнуть въ среду бунтовавшихъ крестьянъ, я выѣхалъ изъ Кіева.

До уѣзднаго города Черкассы я доѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Но отсюда ѣхать прямо въ село Шабельники, куда данъ былъ мнѣ адрессъ, я не рѣшился, такъ какъ пришлось бы проѣзжать черезъ бунтовавшія деревни, гдѣ очень строго слѣдили за проѣзжавшими, а потому я остановился на мысли сдѣлать объѣздъ. Была ранняя весна, и Днѣпръ еще стоялъ; кое-какъ я перебрался по льду на полтавскій берегъ, нанялъ тамъ крестьянскую телѣгу и двинулся на югъ по дорогѣ, ведущей къ городку Чигиринъ-Дубравѣ. Поровнявшись съ бунтовавшими селеніями, чтобы попасть куда мнѣ было нужно, я долженъ былъ опять переѣхать на правый берегъ Днѣпра. Между тѣмъ, рѣка за эти дни вскрылась, такъ что мнѣ пришлось переправляться въ рыбацкой лодкѣ уже среди плывшихъ льдинъ. Переправившись благополучно, я остановился въ шабельницкой корчмѣ, находившейся у самаго берега Днѣпра.

Мѣсто это было до того въ сторонѣ отъ проѣзжихъ большихъ дорогъ, и время для ѣзды выбрано было такое неудобное, что содержатель корчмы, еврей, встрѣтилъ меня, какъ говорится, большими глазами.

— „Куда ѣдете? Откуда?“ любопытствовалъ онъ знать.

Я отвѣчалъ, что ѣду въ Черкассы, такъ какъ никакого другого отвѣта и придумать не могъ. Повторяю, мѣстность до того была глухая и малопосѣщаемая, что единственный пунктъ, на который можно было указать, былъ только городъ Черкассы, гдѣ имѣлся по крайней мѣрѣ сахарный заводъ, и гдѣ проходила желѣзная дорога. Правда, изъ Черкассъ то соб твенно я теперь и ѣхалъ, но этого въ Шабельникахъ никто знать не могъ: кресть-

янинъ, везшій меня, остался на полтавскомъ берегу.

— „Вы съ далека?“ допытывался корчмарь.

— „Съ Чигиринъ- Дубравы“, отвѣтилъ я. Однако, въ моемъ положеніи значительно удобнѣе было самому задавать вопросы, чѣмъ отвѣчать, а потому я поторопился обратиться къ нему съ разспросами: у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, да какова дорога, да сколько будетъ стоить проѣздъ и т. п. дорожныя свѣдѣнія. Оказалось, что корчмарь имѣлъ лошадей; но желая видѣться съ крестьяниномъ, адрессъ котораго былъ мнѣ данъ, я, подъ тѣмъ предлогомъ, будто хочу поискать лошадей дешевле, вышелъ изъ корчмы и направился въ деревню.

Корчма стояла въ сторонѣ отъ села, и до Шабельниковъ мнѣ пришлось пройти около версты разстоянія. Я шелъ по дорогѣ, усаженной высокими осинами, по сторонамъ которой раскинулось низменное, песчанное прибрежье Днѣпра, мѣстами сильно заросшее лозникомъ и, повидимому, совершенно безплодное и негодное ни для какого хозяйства. Въ селеніи не было видно садовъ, столь любимыхъ украинцами; кое-гдѣ только осины или тополи высились надъ хатами, сзади которыхъ тянулись тощіе, песчаные огороды. Верстахъ въ четырехъ отъ Днѣпра, параллельно рѣкѣ, виднѣлась круча; тамъ на возвышенности земля была лучше; тамъ-то, кажется, и находились поля, изъ за которыхъ возгорѣлась столь ожесточенная борьба между „актовиками“ и „душевиками“.

Войдя въ село, я былъ атакованъ собаками, поднявшими необыкновенный лай. Село было глухое и затеряться въ немъ постороннему человѣку, оказывалось, рѣшительно невозможно. На лай собакъ люди повыходили изъ избъ и принялись на меня глазѣть со всѣхъ сторонъ. Я сталъ было спрашивать, у кого можно было нанять лошадей къ черкасскому вокзалу, но охотниковъ везти не находилось.

— „А гдѣ хата Сопрона С*?“ обратился я, наконецъ, съ вопросомъ къ одному изъ мужиковъ. „Мнѣ говорили, что у него есть лошади.“

— „Какіе же у Сопрона кони?! У него, не то коня, овцы нѣтъ во всемъ хозяйствѣ...“

— „А мнѣ въ корчмѣ сказали, что есть; надо его спросить.“

— „Спросите“, уклончиво проговорилъ мужикъ, указывая мнѣ на избу Сопрона. „Только я знаю, что у него нѣтъ коней.“

Сопронъ, къ которому дана была мнѣ рекомендація, жилъ на краю села. Маленькая избушка его была одной изъ ближайшихъ къ берегу рѣки и достаточно было на нее только взглянуть, чтобы понять всю неудачность выдумки моей съ лошадьми. Очевидно, здѣсь не было мѣста коню. Однако самого Сопрона я не засталъ: вышедшая ко мнѣ на встрѣчу женщина, должно быть его жена, заявила, что „хозяина нема дома“. Но если бы хозяинъ былъ и дома, мое свиданіе съ нимъ въ этотъ разъ все равно не привело бы ни къ какимъ результатамъ: изъ сосѣднихъ избъ сошлись любопытные сосѣди, и было бы крайне неблагоразумно при всѣхъ вступить въ объясненіе. Поэтому, осмотрѣвъ внимательно окрестности и самую избу, чтобы потомъ можно было ее узнать, я возвратился обратно въ корчму и сталъ торопиться со своимъ отъѣздомъ, рѣшивши пріѣхать сюда другой разъ совсѣмъ инымъ путемъ.

Черезъ часъ я уже выѣзжалъ изъ Шабельниковъ, сидя на тряскомъ возку, запряженномъ парой мохнатыхъ лошадокъ; нанялъ я ихъ у корчмаря. Проѣзжая деревней, я глядѣлъ по сторонамъ; плетни, защищавшіе крестьянскіе дворы и огороды, уцѣлѣли лишь кое-гдѣ: мѣстами они свалились на землю и лежали плашмя, мѣстами были совсѣмъ разобраны, открывая видъ на пустыя, голыя пространства, очевидно, обрабатываемыя раньше. Хаты съ обвалившеюся глиною со стѣнъ и выбитыми окнами, точно нищіе въ лахмотьяхъ, стояли по бокамъ дороги. На многихъ — крыши были разрушены. Въ неогороженныхъ дворикахъ и на улицахъ не видно было почти никакой жизни: не слышно было ни стука топора, ни шипѣнія пилы, точно работы всѣ были при-

кончены. Не видно было ни скота, ни домашней птицы. Даже люди, встрѣчавшіеся намъ по пути, казалось, передвигались съ мѣста на мѣсто не такъ, какъ обыкновенно, а какъ-то тихо, крадучись, словно боясь чего то. Подобнаго раззоренія, какое представилось тогда моимъ глазамъ, я не только не видѣлъ никогда, но и не слышалъ раньше. Точно ураганъ прошелъ надъ бѣдными Шабельниками. Таковы были результаты экзекуціи, произведенной нашими бравыми солдатиками!

—„Вотъ гдѣ бѣда!“ невольно воскликнулъ я.

— „Ой бѣда!..“ отозвался мой возница, служившій „наймытомъ“ у еврея, на лошадяхъ котораго я ѣхалъ.

— „Съ чего же здѣсь такое натворилось?“

— „Кто его знаетъ! Я не здѣшній“, уклонился крестьянинъ.

— „Живешь здѣсь въ корчмѣ, да чтобы ничего не слышалъ“.

— „Слышать слыхалъ, что люди бунтуютъ; а чего они бунтуютъ — господь ихъ знаетъ.„

— „Кто же ихъ тутъ бунтуетъ?“ допрашивалъ я.

— „Вотъ, разсказываютъ, что есть какіе то „штуденты...“

— „Что же это за штуденты?“

— „Штундови или штундари... Кто ихъ тамъ знаетъ, какъ они зовутся.“

Такъ больше ничего я и не могъ добиться отъ моего возницы. Было очевидно только, что студенты и штундисты слились въ одно понятіе въ умѣ моего собесѣдника, весьма вѣроятно, что это смѣшеніе понятій было тогда у многихъ окрестныхъ жителей.

Воротившись въ Кіевъ, я провелъ дней около десяти въ ожиданіи, пока Днѣпръ совершенно очистится отъ льдинъ; и вторичное свое путешествіе въ Шабельники предпринялъ въ лодкѣ.

Былъ часъ первый дня, когда мы съ Н* отчалили отъ кіевскаго берега и пустились внизъ по теченію рѣки. Чтобы избѣгнуть необходимости причаливать по пути къ прибрежнымъ деревнямъ, мы закупили съѣст-

ныхъ припасовъ, состоявшихъ изъ крупы, сала, чаю, сахару и сухарей. День былъ солнечный, тихій; свѣжій весенній воздухъ; Днѣпръ въ полномъ разливѣ. Быстро миновала наша лодка желѣзно-дорожный мостъ; я сидѣлъ на рулѣ; Н* копался на днѣ лодки; онъ сортировалъ припасы, сложенные какъ попало въ холщевомъ мѣшкѣ: нужно было отдѣлить чай отъ сала и т. п. Вотъ приблизились мы къ Китаеву; право-бережныя горы здѣсь круто поворачиваютъ и удаляются отъ рѣки; Днѣпръ разбивается на рукава, образуя низкіе острова, поросшіе лѣсомъ; теперь многіе изъ нихъ были залиты водою; съ шумомъ неслась вода по лѣсу. Я направилъ лодку между деревьевъ. Потому ли, что намъ пришлось пробѣгать мимо неподвижно стоявшихъ дубовъ, или же на самомъ дѣлѣ было такъ, но намъ казалось, что мы мчимся съ необыкновенной быстротой. Рогатые сухіе сучья, уносимые водою, бревна, захваченныя Днѣпромъ, богъ знаетъ откуда — все это быстро опережала наша лодка. Я слѣдилъ, чтобы она шла впередъ носомъ, такъ какъ, сбитая теченіемъ, она легко могла разбиться между деревьями. Серьезной опасности, впрочемъ, не предвидѣлось потому, что было неглубоко: время отъ времени Н* опускалъ въ воду весло и почти всякій разъ доставалъ дно. Мы выѣхали изъ лѣса, добрались до открытаго широкаго русла и поплыли дальше. Весь день плыли безостановочно. Наступила ночь — такая же тихая, какъ былъ и день. Надъ горами, чернѣвшими, словно туча, впереди, на горизонтѣ засіяла луна. Мы плыли срединою рѣки; далеко-далеко гдѣ-то по сторонамъ тянулись берега неопредѣленными, темными полосами. Прибрежный шумъ воды едва доносился къ намъ. Отъ луны Днѣпръ блестѣлъ милліонами искръ. Кругомъ, неощутимо для насъ, двигалась впередъ вся эта громадная масса воды, увлекая и насъ съ собою, намъ же представлялось, будто мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Н* положилъ весла въ лодку; я оставилъ руль; оба мы молча сидѣли. Часамъ къ 11-ти ночи мы добрались до подножія тѣхъ, впереди виднѣвшихся горъ. Лодку втащили

на берегъ. Нѣсколько выше — подъ горою — стояло вѣтвистое дерево; подъ нимъ мы разложили костеръ и стали готовить ужинъ.

Поѣвши, мы легли. Съ рѣки тянуло холодомъ. Укутавшись потеплѣе въ свои полушубки, мы прижались другъ къ другу и крѣпко заснули.

Но погода, благопріятствовавшая намъ въ началѣ путешествія, вскорѣ измѣнилась: поднялся южный вѣтеръ до того сильный, что невозможно было плыть. Цѣлый день простояли мы у устья рѣки Роси (притокъ Днѣпра съ правой стороны), выжидая перемѣны погоды.

Только на пятые сутки къ вечеру мы подплыли, наконецъ, къ Шабельникамъ. Плоскій берегъ Днѣпра здѣсь все же на столько былъ высокъ, что наша лодка легко могла укрыться отъ людскаго глаза. Взойдя на берегъ изъ за кустовъ лозы, я указалъ хату Сопрона, и Н* сталъ осторожно пробираться къ ней. Мнѣ было менѣе удобно идти, такъ какъ одинъ разъ меня тамъ уже видѣли.

Вскорѣ я услыхалъ приближающіеся шаги. Н* возвратился въ сопровожденіи высокаго, молодого крестьянина.

— „Вы Сопронъ С*?“ спросилъ я.

— „Я“, односложно отвѣтилъ тотъ.

— „Кланялся вамъ боровичанскій староста“, я назвалъ по имени старосту и сообщилъ пароль.

— Въ глазахъ крестьянина засвѣтилась тихая улыбка. „Идемъ ко мнѣ“, сказалъ онъ.

Мы привязали лодку и пошли вслѣдъ за Сопрономъ. До избы дошли скоро. Благодаря лозняку, росшему по всему пространству, едва ли кто насъ замѣтилъ. Когда мы сидѣли уже въ избѣ, хозяйка тихо зашептала что-то мужу, поглядывая на меня; видно, она меня узнала. Тотъ, слушая ее, улыбался, потомъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— „Это вы заходили сюда недѣли двѣ назадъ?“

—„Я.“

„Меня тогда не было дома: я ходилъ въ поле. Вер-

нулся, а жена и разсказала мнѣ. Я тогда же подумалъ: вѣрно то заходилъ къ намъ изъ такихъ людей. Жалко мнѣ было, что не видѣлъ. А вотъ же богъ помогъ таки намъ свидѣться".

Хата Сопрона состояла всего изъ одной избы и сѣней. При входѣ въ избу, налѣво, стояла печь, расплывшаяся, какъ обыкновенно, на цѣлую четверть помѣщенія. Направо, вдоль стѣны тянулась скамья, а дальше стоялъ столъ. Въ углу, подъ самымъ потолкомъ висѣли образа. Два маленькихъ оконца слабо освѣщали внутренность избы.

Я сообщилъ Сопрону о цѣли нашего пріѣзда въ Шабельники и просилъ его устроить мнѣ свиданіе съ Кузьмою.

— „Кузьма бѣжалъ", замѣтилъ мнѣ Сопронъ.

— „Я слыхалъ объ этомъ въ Кіевѣ. Но нельзя ли его извѣстить, чтобы онъ сюда пришелъ ?"

— „Можно... Только это далеко; отсюда 25 верстъ."

— „ Пошлите за нимъ кого нибудь".

Кузьма Прудкій былъ старостой въ организаціи „Тайной Дружины" и считался однимъ изъ наиболѣе преданныхъ дѣлу. Такъ какъ полиція усиленно его разыскивала, то мы хотѣли помочь ему укрываться.

Сопронъ пошелъ въ деревню и воротился назадъ почти уже въ сумерки.

— „Все будетъ добре", говорилъ онъ, входя въ хату. „Одинъ паробокъ берется сбѣгать за Кузьмою. Паробокъ этотъ здѣсь, въ сѣняхъ: поговорите еще съ нимъ вы сами-"

Я вышелъ за Сопрономъ въ сѣни. Паробокъ, лѣтъ 20-ти, сидѣлъ на порогѣ, но тотчасъ почтительно всталъ, когда мы показались, и снялъ свою черную барашковую шапку.

— „Вотъ теперь можешь и присягнуть: они подведутъ тебя подъ присягу", проговорилъ вдругъ Сопронъ, указывая на меня.

— „Подъ какую присягу ?!" воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— „Этотъ паробокъ уже давно хочетъ записаться въ Тайную Дружину, а некому его подвести подъ присягу; ни одного старосты не осталось: однихъ забрали по тюрьмамъ, другіе разбѣжались.“

Я разсказывалъ выше, что при вступленіи въ организацію всякій „дружинникъ“ долженъ былъ приносить присягу, и этотъ обрядъ совершался въ присутствіи старосты. Видно, меня принимали здѣсь за какое то важное лицо въ организаціи и потому надумались воспользоваться моимъ присутствіемъ.

— „Я пріѣхалъ сюда совсѣмъ не для того, чтобы вербовать въ дружину, и къ присягѣ не буду приводить никого“, категорически замѣтилъ я.

Сопронъ былъ смущенъ моимъ отказомъ; паробокъ тоже стоялъ растерянный.

— „И времени у меня нѣтъ для этого“, продолжалъ я, „да мнѣ и не поручили этимъ заниматься. А вотъ, скажи: сбѣгаешь за Кузьмою?“ обратился я къ паробку.

— „Добре“, отвѣтилъ тотъ.

— „Такъ иди и скажи Кузьмѣ, чтобы онъ пришелъ сюда. Скажи ему, что у меня есть порученіе къ нему отъ Дмитрія Ивановича Найды (подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ среди чигиринцевъ Стефановичъ).

Сопронъ съ своей стороны далъ еще какой-то „значекъ“, и нашъ посланецъ въ тотъ же вечеръ отправился въ путь.

Между дружинниками, т. е. членами организаціи сразу пошелъ слухъ о нашемъ появленіи. Съ наступленіемъ вечера стали заходить то тотъ, то другой въ хату Сопрона. Изъ бесѣдъ съ ними я сдѣлалъ заключеніе, что въ организаціи ихъ въ послѣднее время развилась сильная деморализація; хотя нельзя было не признать того, что положеніе дѣлъ какъ нельзя болѣе способствовало этому. „Дружинниковъ“ преслѣдовала не только полиція (въ лицѣ медвѣдовскаго* становаго

*)Медвѣдовка — мѣстечко Чигиринскаго уѣзда, гдѣ былъ станъ.

пристава и др.), но и крестьяне, такъ называемые „актовики. Ненависть послѣднихъ къ „душевикамъ“, или, что было одно и тоже, къ дружинникамъ, такъ какъ Тайная Дружина навербована была, само собою разумѣется, изъ душевиковъ, доходила до изумительныхъ размѣровъ. Время отъ времени актовики устраивали облавы и обыски по селу для задержанія подозрительныхъ и скрывающихся лицъ и для отнятія преступныхъ бумагъ („Грамоты“, „Уставы“ и пр.), и при этомъ тащили изъ избъ душевиковъ все, что находили тамъ сколько нибудь цѣннаго. Такимъ образомъ, полотна, сало и т. п. движимая собственность вскорѣ перешла изъ коморъ бунтовщиковъ въ коморы актовиковъ. Ни одинъ душевикъ не избѣгъ этой участи и всякій болѣе или менѣе подвергся этому дикому грабежу. Полиція же только потворствовала подобнымъ безобразіямъ. Скоро болѣе умные и энергичные изъ душевиковъ были переарестованы и разосланы по тюрьмамъ, такъ что уцѣлѣли и остались на мѣстѣ лишь болѣе слабые изъ нихъ; поэтому сталъ замѣчаться большой упадокъ духа; явилось перебѣжничество: сегодня записывались въ „Тайную Дружину“, присягали, — завтра отказывались, перебѣгали въ лагерь своихъ враговъ (актовиковъ); видны были всѣ признаки разложенія организаціи.

Послѣ ужина хозяинъ разослалъ на полу охапку соломы, прикрылъ ее рядномъ, и мы улеглись спать. Но едва былъ затушенъ огонь въ избѣ, какъ послышались чьи то торопливые шаги и раздался стукъ въ оконцѣ.

— „Кто тамъ ?“ окликнулъ Сопронъ.

— „Это я“, отвѣтилъ женскій голосъ.

— „Корпіиха пришла“, заявилъ хозяинъ, узнавшій пришедшую по голосу.

— „Кто она ?“ спросилъ я.

— „Чоловика*) ея ищутъ; онъ убѣжалъ съ Кузьмою. А она баба хорошая“, проговорилъ Сопронъ, поднима-

*) Т. е. мужа.

ясь съ лежанки и направляясь къ дверямъ, чтобы впустить гостю.

Корніиха вошла въ избу и остановилась у порога, возлѣ печки; Сопронъ улегся на свое мѣсто.

— „Ой, дайте же мнѣ хоть поглядѣть на нашихъ заступныковъ“, заговорила пришедшая жалобнымъ голосомъ.

— „Поздно уже, Корніиха; нельзя чтобы свѣтилось въ хатѣ: заподозрятъ что тутъ дѣлается что то и придутъ“, возразилъ хозяинъ.

— „Охъ, горе, горе, Сопронъ!“ заговорила баба. Если бы вы знали, что они мнѣ вчера сдѣлали ?!.. Зашли, чуете, ко мнѣ въ хату и стали искать бумагъ.... Какіе же у меня бумаги, сами знаете ? Шарили, шарили по всѣмъ куткамъ и въ хатѣ, и въ коморѣ, — нѣтъ бумагъ. Повытрушивали все: гдѣ была куколка добраго прядива — взяли.... Ну, да это ужъ богъ съ ними!.. А дальше и спрашиваетъ меня голова: гдѣ твой чоловикъ ? Ты, сука, его скрываешь ! Вотъ подожди, придетъ самъ становой — онъ тебѣ задастъ ! Забрали все и ушли. Только немного позже гляжу въ оконце, собака забрехала на дворѣ, гляжу въ оконце, — идетъ становой и съ нимъ два десятскихъ...-“

— „А становой здѣсь ?..“ прервалъ я рѣчь.

— „Здѣсь. Вчера при волости экзекуцію производилъ: кое кого сѣкли“, пояснилъ мнѣ Сопронъ.

— „Вотъ уже входитъ становой въ хату“, продолжала Корніиха, „десятскіе стали около двери, а онъ идетъ прямо ко мнѣ. Вижу я, Сопроне, лице у него такое сердитое!.. Вижу — бѣда!. Да скоренько ухватила изъ люльки дытыну и прижала ее къ груди. Какъ крикнетъ становой: гдѣ твой мужъ ! Такъ я и задрожала всѣмъ тѣломъ. Кто же его знаетъ, Ваше благородіе, гдѣ онъ, говорю я. Мой чоловикъ никогда не говоритъ мнѣ, куда идетъ... Врешь ты, стерво! Я тебя раздеру, какъ жабу... ей-богу, говорю, не брешу!... А онъ меня, Сопроне, бухъ въ морду!... Я упала. Упала и дытына со мною вмѣстѣ...“ голосъ разсказчицы задрожалъ, послы-

шалось сдержанное рыданіе. „Дытына плачетъ, и я плачу съ нею“, продолжала Корніиха, высморкавшись и оправляясь. „Ну пускай бы ужъ меня одну! А то кому и чѣмъ провинилась мала дытына? Подумайте только, Сопроне?!“

Но Сопронъ молчалъ и она разсказывала дальше.

Я лежалъ и слушалъ. По разсказу, медвѣдовское благородіе оказывалось весьма „распорядительнымъ администраторомъ“: каждую недѣлю оно являлось въ волость и сѣкло по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Порядокъ этотъ становой завелъ послѣ того, какъ открытъ былъ чигиринскій заговоръ. Болѣе вліятельныхъ изъ крестьянъ и умныхъ, а слѣдовательно и вредныхъ, онъ арестовалъ и отправилъ въ кіевскій тюремный замокъ, а съ остальными распорядился чисто административнымъ порядкомъ, а именно: съ одной стороны позволилъ ихъ грабить, съ другой — принялся сѣчь по очереди.

Корніиха стала подробно разсказывать объ одномъ восьмидесятилѣтнемъ старикѣ изъ селенія Боровица, котораго тоже въ числѣ другихъ медвѣдовскій приставъ приказалъ высѣчь. Разсказывала Корніиха, не дѣлая перерывовъ, не останавливаясь; быстро и монотонно лились ея слова, точно она торопилась передать все, что знала. А я лежалъ и слушалъ, и невыносимо тяжело становилось у меня на душѣ. Картины, одна другой безотраднѣе, живо возставали передъ моими глазами.

Окончивши разсказъ, Корніиха нащупала гдѣ-то на припечкѣ сѣрничекъ и принялась его чиркать.

— „Не свѣтите! энергично запротестовалъ Сопронъ. „Не дай богъ огонь увидятъ“

— „Дозвольте хоть разокъ глянуть на заступныкивъ нашихъ! Голубе, Сопроне! Только гляну!...“ молилась Корніиха.

Чувство стыда и досады заставило меня тотчасъ укрыться съ головою. Н* уже спалъ и ничего не слышалъ.

— „Видите? Спятъ уже... Гасите огонь, Корніихо“. проговорилъ Сопронъ.

— „Правда, спятъ.... Ну, прощайте, Сопроне“. Баба вздохнула и ушла. Сопронъ заперъ за нею сѣнную дверь на засовъ, улегся, и въ избѣ водвориласъ тишина.

Къ вечеру слѣдующаго дня возвратился посланный нами паробокъ, и съ нимъ пришли Кузьма и Корній (мужъ бабы, бывшей у насъ ночью). Они не вошли въ избу, такъ что я долженъ былъ выйти къ нимъ въ сѣни. Ни Кузьма, ни Корній не встали передо мною, какъ то сдѣлалъ наканунѣ паробокъ; оба сидя поздоровались со мною. На блѣдномъ, нѣсколько истомленномъ лицѣ Кузьмы ясно выражалось недовѣріе.

О Кузьмѣ Пруткомъ такъ много писали намъ изъ тюрьмы, всѣ отзывались о немъ съ такою похвалою, что теперь я невольно засмотрѣлся на него. Однако съ внѣшней стороны онъ не представлялъ ничего особеннаго; это былъ худощавый небольшаго роста человѣкъ, съ свѣтло-русыми волосами, съ прямымъ носомъ. Изъ подъ свѣтлыхъ бровей глядѣли небольшіе, голубовато-сѣрые глаза. Ему было, казалось, не болѣе 35 лѣтъ. ни одной рѣзкой черты, которая бы бросалась въ глаза наблюдателю.

„О васъ, Кузьма, писалъ мнѣ Дмитрій Ивановичъ*) и наказывалъ помочь вамъ. Я для этого и посылалъ за вами паробка“.

— „Не знаю...“ какъ-то неопредѣленно отозвался Кузьма, поглядывая на меня искоса и поправляя свой мѣшокъ на плечахъ, привязанный двумя перекрещивавшимися на груди веревками. Мѣшекъ, видимо, его безпокоилъ, но онъ не торопился его сбрасывать, хотя Корній давнымъ-давно сдѣлалъ это.

— „Вы не вѣрите мнѣ? Вы думаете, что я, можетъ быть, врагъ вамъ?“

— „Можетъ и такъ“, замѣтилъ Кузьма.

— „Спросите у Сопрона: я ему привезъ „знакъ“ отъ боровичанскаго старосты, который сидитъ теперь

*) Стефановичъ.

въ Кіевѣ, въ тюрьмѣ. Или, можетъ быть, вы и Сопрону не вѣрите?

— „Если бы я невѣрилъ Сопрону, то совсѣмъ не пришелъ бы сюда. А васъ я первый разъ вижу". Помолчавъ немного, Кузьма спросилъ: „Давно Вы знаете Дмитра Ивановича?"

Только послѣ ряда отвѣтовъ съ моей стороны недовѣріе Кузьмы поколебалось, и онъ сталъ откровеннѣе.

Положеніе этихъ двухъ старостъ (оба они были старостами въ организаціи) было крайне печальное. Они должны были скрываться отъ полиціи и отъ актовиковъ, знавшихъ ихъ въ лицо, конечно, а въ то же самое время заботиться о пропитаніи. Я много видѣлъ нелегальныхъ (т. е. скрывающихся) среди революціонеровъ, да и самъ уже нѣсколько лѣтъ (съ осени 73 года) находился въ этомъ званіи, но сравнивать свое положеніе съ ихъ рѣшительно было невозможно. Безъ денегъ, безъ паспортовъ, окруженные измѣнниками актовиками, они, точно лѣсные звѣри, гонимые сворою гончихъ собакъ, убѣгали отъ преслѣдованій и, какъ лѣсные же звѣри, совершали роковые круги около мѣста своей родины, не рѣшаясь бѣжать дальше за неимѣніемъ средствъ и каждую минуту рискуя попасть на ловца.

Я имъ сдѣлалъ предложеніе бѣжать пока вмѣстѣ съ нами въ Кіевъ, и они согласились. Мы рѣшили, не откладывая, на другой же день пуститься въ путешествіе.

Наканунѣ отъѣзда весь вечеръ мы провели въ составленіи списка семей, болѣе другихъ нуждавшихся въ помощи и въ распредѣленіи денегъ, имѣвшихся у насъ для этой цѣли. Кузьма съ Корніемъ, само собою разумѣется, принимали въ этомъ обсужденіи самое живое участіе. Деньги оставлены были Сопрону для раздачи по принадлежности.

На слѣдующее утро еще было темно, когда мы всѣ вышли изъ хаты Сопрона и направились къ берегу. Сопронъ насъ проводилъ до лодки. Мы вчетверомъ усѣлись свободно, такъ какъ наша лодка при нуждѣ могла поднять даже десятокъ человѣкъ. Вѣтеръ былъ по-

путный, съ юга; мы оттолкнули лодку отъ берега, распустили парусъ и поплыли вверхъ по рѣкѣ.

Во время пути, само собою разумѣется, мы много бесѣдовали по разнымъ вопросамъ, но особенно часто сводились наши разговоры на чигиринскія дѣла. Корній своимъ простымъ умомъ не могъ понять того, зачѣмъ членамъ „Тайной Дружины“ надо было запасаться оружіемъ (дружинникъ, по уставу, долженъ былъ имѣть пику). „Развѣ намъ доведется воевать съ москалями?“ спрашивалъ онъ. „Если царь хочетъ передѣлить землю, то сдѣлаетъ это безъ всякой войны. Не пойдутъ же москали противъ воли царя?“ Соображенія были просты и логичны. Но Кузьма возражалъ товарищу. Онъ высказалъ мнѣніе, что царь одинъ безсиленъ сдѣлать что нибудь, такъ какъ много есть враговъ, мѣшающихъ ему и что поэтому крестьянамъ нужно заботиться самимъ о себѣ. Въ примѣръ того, какъ много есть враговъ, Кузьма привелъ актовиковъ. „Развѣ наши актовики не идутъ теперь противъ воли царя?“ Говорилъ онъ. „Пусть бы самъ царь пріѣхалъ и сказалъ имъ отдать землю, которую они заграбили, думаете — отдадутъ? А попробуйте передѣлить землю въ Полтавщинѣ, думаете — козаки согласятся? Знаю я этихъ козаковъ!“ воскликнулъ Кузьма, и въ голосѣ его зазвучала ненависть. „Не разъ ходилъ я на полтавскую сторону и толковалъ съ ними. Сначала никакъ не могъ понять, отчего это люди не соглашаются? Потомъ уже только разобралъ: сами они бѣды не знаютъ, такъ имъ и земли дѣлить не надо. Потомъ я уже зналъ; бывало только спросишь: ты — козакъ? — Козакъ! А если ты козакъ, то съ тобой мнѣ и говорить не о чемъ. Что же съ такимъ народомъ подѣлаетъ царь? Пока у нихъ изъ горла не вырвешь — сами не отдадутъ.“

Кузьма говорилъ съ такимъ жаромъ и сознаніемъ своей правоты, что Корній даже не пытался ему возражать.

Чѣмъ больше я присматривался къ Кузьмѣ, тѣмъ онъ мнѣ больше нравился. Онъ обладалъ сильнымъ у-

момъ и страстностью къ дѣлу, проглядывавшей въ каждомъ его словѣ и жестѣ. На ряду съ тѣмъ, казалось, трудно было найти человѣка болѣе деликатнаго въ вопросахъ, касающихся лично его; дѣтскою стыдливостью вѣяло отъ него въ тѣ минуты, когда ему дѣлалось какое нибудь ничтожнѣйшее одолженіе. То была натура идейная въ полномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, однако, вѣра въ царя служила базисомъ для его міровоззрѣній; точно къ богу, которому Кузьма молился по утрамъ, относился онъ къ царю. Вслѣдствіе этого я не могъ стать съ нимъ въ прямыя, искреннія отношенія и, само собою разумѣется, онъ это долженъ былъ сразу почувствовать. Я не рѣшался высказываться передъ нимъ и вынужденъ былъ замалчивать всякій разъ, какъ только рѣчь заходила о царѣ. Это сильно мѣшало нашему сближенію.

Тогда у меня явилась мысль познакомить Кузьму съ дѣдомъ Федемъ, Нечипоромъ и другими моими пріятелями, которые, какъ я полагалъ, съумѣютъ лучше и быстрѣе, чѣмъ я, повліять на міровоззрѣніе Кузьмы. Мужикъ мужику скорѣе повѣритъ, думалъ я; и чѣмъ больше останавливался на этой мысли, тѣмъ она мнѣ казалась справедливѣе. Уже мысленно я представлялъ себѣ Кузьму въ средѣ моихъ пріятелей-крестьянъ; ужъ я мечталъ о томъ, какъ Кузьма передѣлается въ сознательнаго революціонера и вмѣстѣ съ другими примется работать для созданія революціонной крестьянской организаціи. Но это все оказались однѣ мечты. Жизнь распорядилась по своему.

Кузьма съ Корніемъ и Н* приплыли въ Кіевъ дней за шесть до Пасхи. Я прибылъ значительно раньше ихъ, такъ какъ изъ Черкассъ до Кіева проѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Кузьма и Корній задумали говѣть и принялись шататься по кіевскимъ монастырямъ. Въ монастыряхъ встрѣчался и я съ ними, такъ какъ ко мнѣ на квартиру (въ Афанасьевскомъ Яру) приходить имъ было не совсѣмъ удобно. Однако Пасху мы встрѣтили вмѣстѣ на моей квартирѣ. Для этого случая, помню, Ва-

леріанъ купилъ даже образъ и повѣсилъ передъ нимъ лампадку. Затѣмъ я условился съ ними относительно слѣдующаго свиданія, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ, и они уѣхали изъ Кіева.

Но видѣться съ ними мнѣ не удалось. Скоро какъ-то получилось извѣстіе, что оба они арестованы и привезены въ кіевскій тюремный замокъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были арестованы — сказать не умѣю.

XVIII

ПОБѢГЪ ИЗЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ. УБІЙСТВО ЖАНДАРМСКАГО ОФИЦЕРА ГЕЙКИНГА

Съ наступленіемъ весны сношенія съ тюрьмою еще болѣе оживились. Нашъ „Голубь“ то и дѣло таскалъ взадъ и впередъ конспиративные пакетики и получалъ отъ Осинскаго свои рублевки. Михайло Фроленко сдѣланъ былъ надзирателемъ на „политическимъ отдѣленіи“ и пользовался у смотрителя тюрьмы репутаціей весьма примѣрнаго служащаго. Но на этомъ пока дѣло ограничивалось и дальше не шло. Надзиратель существенной пользы для побѣга оказать не могъ, такъ какъ смѣнами, которыми думали воспользоваться, завѣдывалъ ключникъ; между тѣмъ ключникомъ былъ пьяница Пономаренко, съ которымъ ни въ какія соглашенія вступать было невозможно.

Первымъ кандидатомъ на должность ключника — разъ она оказалась бы вакантной — являлся нашъ Михайло, къ которому смотритель относился съ довѣріемъ; поэтому рѣшено было принять всѣ мѣры для удаленія

Пономаренко изъ тюрьмы, и за осуществленіе этого дѣла взялся я.

Одѣвшись по возможности щеголевато, чтобы придать себѣ видъ настоящаго барина, вмѣстѣ съ Н*, который теперь изображалъ лакея, мы заняли два номера въ одной изъ болѣе порядочныхъ гостинницъ на Подолѣ и Н* отправился позвать ко мнѣ Пономаренко. Я уже говорилъ раньше, что ключникъ и надзиратели были вольнонаемные и жили на своихъ (частныхъ) квартирахъ. Само собою разумѣется, что мы знали адресъ Пономаренко, равно какъ и многія подробности изъ его прошлой и настоящей жизни. Пономаренко служилъ раньше у кіевскаго фабриканта, нѣкоего Шапиры, и я теперь звалъ его къ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, будто мнѣ его рекомендовалъ этотъ Шапира. Въ тотъ же вечеръ Пономаренко явился въ гостинницу. То былъ лѣтъ 40 отставной солдатъ, съ молодости запуганный дисциплиной и на всю жизнь сохранившій глупый растерянный видъ, и мнѣ оказалось совсѣмъ не труднымъ его одурачить. Я ему сказалъ, что имѣю въ Подольской губерніи возлѣ города Винницы, собственный винокуренный заводъ и нуждаюсь въ хорошемъ приказчикѣ; что фабрикантъ Шапира рекомендовалъ мнѣ его, Пономаренко, какъ исполнительнаго человѣка и поэтому я желаю, чтобы онъ поступилъ ко мнѣ на службу. Не безъ умысла была пущена въ ходъ выдумка, что я обладалъ винокуреннымъ, а не какимъ либо другимъ заводомъ. Пономаренко былъ страшный пьяница (объ этомъ намъ сообщали изъ тюрьмы) и я надѣялся, что моя винокурня окажетъ на него магическое дѣйствіе. Я предложилъ ему плату 25 руб. въ мѣсяцъ, и такъ какъ въ тюрьмѣ получалъ онъ всего на всего 15, то само собою разумѣется, онъ не устоялъ отъ всѣхъ этихъ соблазновъ. Онъ охотно принялъ предложеніе, согласившись немедленно уволиться со службы въ тюрьмѣ. Подъ предлогомъ будто я очень тороплюсь съ своимъ отъѣздомъ изъ Кіева, я приказалъ ему явиться ко мнѣ на другой день съ паспортомъ для заключенія съ нимъ письменнаго условія.

Мнѣ было извѣстно, что его паспортъ, равно какъ и другихъ служащихъ при тюрьмѣ, сохранялся у смотрителя, и онъ его могъ получить оттуда не иначе, какъ отказавшись отъ службы. На слѣдующій день Пономаренко добился увольненія и принесъ мнѣ свою солдатскую отставку. Тогда я, взявши эту отставку, далъ ему въ задатокъ 10 рублей и сдѣлалъ съ нимъ маленькое письменное условіе, или точнѣе, просто выдалъ ему расписку въ томъ, что его паспортъ (отставка) взятъ мною на сохраненіе. Послѣ того я ему сообщилъ, что ѣду по дѣламъ на короткое время въ городъ Нѣжинъ, откуда возвратившись, возьму, де, его съ собою, и мы вмѣстѣ отправимся въ мою винокурню. Въ ожиданіи моего возвращенія изъ Нѣжина, я приказалъ ему эти дни заняться подъискиваніемъ плотниковъ, въ которыхъ будто бы имѣлась нужда на винокурнѣ.

Такимъ образомъ, дѣло было улажено, и на другой день вечеромъ мы съ Н* выѣхали уже изъ гостинницы, направляясь къ вокзалу, будто бы для отъѣзда изъ Кіева.

Расчетъ оказался вѣрнымъ: какъ только мѣсто ключника въ тюрьмѣ сдѣлалось вакантнымъ, смотритель назначилъ на эту должность Фроленка. Тогда поднялась у насъ невообразимая суета. Побѣгъ могъ совершиться всякій день, и приходилось торопиться заготовить все нужное. Самый безопасный путь былъ — бѣжать въ лодкѣ по Днѣпру до г. Кременчуга, откуда уже можно было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ разныя стороны. Въ этомъ направленіи мы и занялись приготовленіями: одни закупали съѣстные припасы, другіе — одежду, третьи — торговали лошадь и телѣгу, на которой предполагалось провезти бѣглецовъ отъ тюрьмы до берега Днѣпра.

Между тѣмъ въ самый разгаръ этихъ заготовленій на улицахъ Кіева совершилась страшная трагедія. Я уже говорилъ, что террористы, Осинскій и ближайшіе его друзья, рѣшили убить двухъ правительственныхъ лицъ: прокурора Котляревскаго и жандармскаго офицера Гейкинга. На жизнь Котляревскаго сдѣлано было

покушеніе; теперь оставалась очередь за Гейкингомъ. И вотъ, въ то самое время, какъ велись вышеупомянутыя приготовленія къ побѣгу, нѣсколько человѣкъ непрерывно слѣдили за Гейкингомъ, и наконецъ, 25-го мая его убили. Исполнителемъ рѣшенія оказался въ этотъ разъ Попко.

Вооруженный двумя револьверами и кинжаломъ, Попко настигъ Гейкинга на углу Крещатика и Бульварной, возвращавшагося домой изъ какого-то кафе-шантана. Было часовъ 11 или 12 ночи. Съ нимъ, кажется, шелъ редакторъ газеты „Кіевлянинъ“ — Шульгинъ. Нагнавши ихъ, Попко ударилъ Гейкинга кинжаломъ въ поясницу и побѣжалъ вверхъ по Бульварной улицѣ по направленію къ гимназіи. Гейкингъ упалъ, крича о помощи. Шульгинъ тоже побѣжалъ. Между тѣмъ, какой-то человѣкъ загородилъ дорогу Попко, такъ что тотъ, чтобы очистить себѣ путь, долженъ былъ въ него выстрѣлить. На выстрѣлъ, не причинившій, впрочемъ, никому вреда, стали сбѣгаться люди. Сзади погнался полицейскій, свистя тревогу; спереди, отъ гимназіи, другой полицейскій бросился къ нему на встрѣчу; съ одного изъ сосѣднихъ домовъ наперерѣзъ выскочилъ дворникъ. Положеніе Попко было отчаянное. Дворникъ оказался до того близко къ нему, что разставилъ уже руки, что бы его схватить. Тогда Попко остановился. Раздался второй выстрѣлъ, и дворникъ, смертельно раненный въ грудь, упалъ на землю; вслѣдъ за тѣмъ, Попко сдѣлалъ еще третій выстрѣлъ въ полицейскаго, подбѣжавшаго къ нему сверху, и ранилъ его въ ногу. Полицейскій упалъ, а Попко своротилъ съ Бульварной улицы влѣво и побѣжалъ по мало освѣщенной уличкѣ, недавно передъ тѣмъ проложенной возлѣ Университетской площади, гдѣ въ то время только-что разбитъ былъ паркъ. Пробѣжавши нѣкоторое разстояніе, онъ перелѣзъ черезъ ограду и здѣсь прилегъ. Но было ли то пустое мѣсто, или строющійся домъ, какъ разсказывается въ „Біогра-

фіи Попко"*), не берусь утверждать. Вскорѣ показалась погоня: нѣсколько человѣкъ и полицейскихъ съ фонарями пробѣжали улицей мимо него. Попко, передававшій мнѣ на слѣдующій день подробности этой ужасной ночи, разсказывалъ, что онъ чувствовалъ въ ту минуту такую полную физическую разбитость, что, если-бы тогда замѣтили его, лежавшаго въ сторонѣ, и подошли арестовать, онъ, вѣроятно, не оказалъ бы уже никакого сопротивленія. Но погоня съ фонарями пробѣжала мимо, и Попко, нѣсколько отдохнувши, незамѣтно удалился оттуда.

Дворникъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ; Гейкингъ — дня черезъ два. Полицейскій отдѣлался только раной.

На слѣдующій день я пошелъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ происходила вышеописанная сцена. Здѣсь, на Бульварной улицѣ, почти противъ самой улички, куда побѣжалъ Попко (не помню теперь ея названія), я увидѣлъ полицейскаго, ходившаго взадъ и впередъ около небольшой кучки кирпичей, разставленныхъ на землѣ, которыми огорожены были слѣды крови. Полицейскій поставленъ былъ стеречь эти слѣды крови.

Въ публикѣ передавались разные слухи по поводу событія и между прочимъ сообщались примѣты преступника; разсказывали, будто онъ былъ высокаго роста, сильно сложенъ и съ большой бородой. Попко, дѣйствительно былъ нѣсколько выше средняго роста, но очень слабо сложенъ; что касается до бороды, то у него ея почти совсѣмъ не было.

Остановившись въ сторонѣ, возлѣ тополей, росшихъ по бульвару, я смотрѣлъ издали на эти кирпичи, огораживающіе слѣды крови, и въ моемъ воображеніи живо воскресали всѣ подробности событія, происходившаго здѣсь ночью. И въ этотъ разъ, какъ послѣ покушенія на жизнь Котляревскаго, я опять ощутилъ тяжелое, давящее чувство; но въ этотъ разъ я уже совершенно ясно сознавалъ для себя свою неспособность къ террористическимъ дѣ-

*)См. „Съ Родины на Родину“ № 3, женевское изданіе.

ламъ и принялся анализировать свои чувства. Была ли это у меня простая боязнь крови? Странно: революціи безкровной, конечно, я никогда не рисовалъ себѣ; напротивъ, по моему, должны были пролиться рѣки крови. Но и цѣлыя рѣки крови, пролитой народнымъ возстаніемъ, не рисовались моему воображенію такими ужасными, какъ представлялись мнѣ теперь эти незначительныя кровяныя пятна, огороженныя кирпичами и остерегаемыя будочникомъ. Или, можетъ быть, мнѣ такъ казалось только потому, что въ дѣйствительности я не видѣлъ ни рѣкъ крови, ни самого возстанія. Не знаю; но повторяю, въ ту минуту я почувствовалъ свою полную негодность къ террору.

Два дня послѣ убійства Гейкинга поздно ночью постучались съ улицы въ мое окно. Я отперъ калитку; это былъ Фроленко.

— „Ну, что? какъ?“ засыпалъ я его вопросами.

— „Бѣжали“, отвѣчалъ онъ, входя въ комнату своей развалистой походкой.

— „Какъ?“

— „Какъ предполагали, такъ и случилось. Подпоили надзирателей; они уснули. Я отперъ камеры и вывелъ ихъ. У тюремныхъ воротъ часовой окликнулъ; я сказалъ, что смѣна, и онъ пропустилъ насъ.“

Я слушалъ Фроленко и почти не вѣрилъ ему. Такъ вышло все необыкновенно просто и удачно. Я слѣдилъ за нимъ во время разсказа, но не подмѣтилъ ни малѣйшаго волненія въ его лицѣ, только глаза его нѣсколько горѣли. Мнѣ хотѣлось задать ему бездну вопросовъ, но я не нашелся съ чего начать свои разспросы. Все какъ-то спуталось въ моей головѣ. Наконецъ я обратился къ нему съ вопросомъ, о которомъ меньше всего думалъ въ ту минуту, а именно, я его спросилъ, далеко ли онъ ихъ проводилъ?

— „До Днѣпра. Ну, братъ, и лошадь же ты купилъ! замѣтилъ онъ. „Я всю дорогу колотилъ ее: не хотѣла бѣжать. До сихъ поръ рука болитъ отъ битья... Однако, дай ножницы: надо обстричь бороду, что-ли.„

И Михайло занялся передѣлкою своей физіономіи. Само собою розумѣется, что послѣ этого кіевская полиція и жандармы, какъ говорится, встали на дыбы. Такихъ два крупныхъ событія — убійство и побѣгъ — совершились почти одновременно; это было уже черезчуръ. Поднялись страшные поиски по городу. Движеніе полиціи мы сразу замѣтили. На второмъ этажѣ, какъ разъ надъ квартирой, занимаемой нами, жили какія-то двѣ дѣвушки, кажется, курсистки, а во флигелѣ — въ нашемъ же дворѣ — помѣщался студентъ. И вотъ, я видѣлъ черезъ окно, какъ въ нашъ дворъ направился квартальный, а вслѣдъ за тѣмъ у насъ надъ головами послышались тяжелые не женскіе шаги. Полиція производила осмотръ неблагонадежныхъ квартиръ. Но почему мои сосѣдки оказались неблагонадежными? — этотъ вопросъ могла разрѣшить развѣ одна только кіевская полиція. Квартальный заглянулъ, конечно, и во флигель къ студенту, но и тамъ не нашлось ни убійцы Гейкинга, ни Стефановича съ Дейчемъ и Бохановскимъ, ни знаменитаго ключника. Стефановичъ съ своими товарищами плыли въ это время по Днѣпру въ лодкѣ уже далеко отъ Кіева, а ключникъ вмѣстѣ съ Попко спокойно сидѣли у насъ на квартирѣ. Наша квартира въ Афанасьевскомъ Яру, гдѣ сохранялась также и небольшая наборня (шрифты и другія типографскія принадлежности), которую мы успѣли завести, оказывалась, такимъ образомъ, настоящимъ революціоннымъ притономъ. Нанималъ я ее по подложному документу, составленному на вымышленное имя якобы отставного канцелярскаго служителя изъ летичевскаго*) полицейскаго управленія. Документъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ въ участкѣ, и никому изъ властей и шпіоновъ не закрадывалась даже мысль въ голову, что за этимъ документомъ скрывался государственный преступникъ.

Спустя нѣкоторое время была набрана коротенькая прокламація и оттиснута при помощи простой щетки

*)Летичевъ — уѣздный городъ Подольской губ.

(такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было станка). Прокламація, состоявшая всего изъ трехъ или четырехъ строкъ, гласила только, что, какъ убійство Гейкинга, такъ и побѣгъ изъ Кіевской тюрьмы были организованы по распоряженію Исполнительнаго Комитета; внизу подъ этими строками приложена была печать, и въ такомъ видѣ прокламація была расклеена въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ.

Еще нѣсколько дней послѣ того переслана была изъ другого города солдатская отставка бѣдному Пономаренко съ письмомъ, гдѣ его увѣдомляли, что больше не нуждаются въ немъ, такъ какъ мѣсто приказчика при винокурнѣ занялъ другой. Чтобы облегчить немного ударъ при отставкѣ приложено было еще 15 рублей.

Такъ закончились предпріятія Исполнительнаго Комитета, имѣвшія непосредственную связь и вызванныя Чигиринскимъ Дѣломъ. Два правительственныхъ лица, принимавшихъ главное участіе въ арестахъ и слѣдствіи по этому дѣлу, были наказаны революціонерами; главные обвиняемые бѣжали изъ тюрьмы. Теперь властямъ ничего другого не оставалось, какъ направить свои обвиненія противъ второстепенныхъ лицъ, крестьянъ, являвшихся въ данномъ дѣлѣ орудіемъ въ рукахъ иниціаторовъ.

Къ числу второстепенныхъ лицъ, обвиняемыхъ по Чигиринскому Дѣлу, принадлежалъ, между прочимъ, и Владиміръ Малавскій, объ арестѣ котораго я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ сидѣлъ въ одной камерѣ съ Бохановскимъ и, само собою разумѣется, не представлялось особенной трудности бѣжать и ему вмѣстѣ съ другими. Но всѣ товарищи, и самъ онъ, были увѣрены, что его оправдаютъ по Чигиринскому Дѣлу, а потому излишнимъ казалось прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ побѣгъ изъ тюрьмы. Въ самомъ дѣлѣ, все преступленіе Малавскаго и всѣ улики противъ него сводились лишь къ тому, что онъ былъ арестованъ натой квартирѣ, гдѣ Стефановичъ имѣлъ свиданіе съ чигиринцами. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что онъ

не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ; да и не могъ принимать, такъ какъ не зналъ даже о существованіи самаго дѣла, съ которымъ уже только въ тюрьмѣ познакомился.

Однако, въ 1879 году, когда правительствомъ пущены были въ ходъ всѣ мѣры для подавленія революціоннаго движенія, Малавскій былъ приговоренъ кіевской уголовной палатой къ 6-ти годамъ каторги. Но и этого оказалось мало: сенатъ кассировалъ рѣшеніе палаты и присудилъ Малавскаго не болѣе не менѣе какъ къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ!!

Такимъ образомъ, Малавскій, ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ не принимавшій участія, будучи арестованъ на квартирѣ своего товарища по гимназіи, скрывавшагося отъ полиціи (я воспитывался въ одной гимназіи съ Малавскимъ), только за это одно былъ приговоренъ къ 20-ти годамъ каторги. Само собою разумѣется, что мириться съ этимъ рѣшеніемъ онъ не хотѣлъ и по пути слѣдованія въ Сибирь, именно въ Красноярскѣ, сдѣлалъ попытку къ побѣгу; но, къ несчастью, былъ пойманъ. Сибирскія власти вскорѣ составили о немъ понятіе, какъ объ опасномъ и неспокойномъ человѣкѣ, и послѣ одного бунта на Карѣ, въ числѣ другихъ главарей, онъ былъ пересланъ изъ Сибири въ Шлиссельбургскую Крѣпость, гдѣ, спустя нѣкоторое время, умеръ отъ чахотки.

XIX

ИЗВѢСТНОСТЬ „ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА. ОДЕССА ПОСЛѢ КАЗНИ КОВАЛЬСКАГО. КЪ ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПРОГРАММАХЪ.

И такъ, кіевскій періодъ дѣятельности „Исполнительнаго Комитета“ окончился. Ивичевичъ, Фроленко, Осинскій, Попко разъѣхались. Ивичевичъ Иванъ уѣхалъ, кажется, въ Харьковъ; Осинскій и Попко — въ Одессу, гдѣ въ это время готовился военный судъ надъ Ковальскимъ, Свитичемъ и друг., оказавшими вооруженное сопротивленіе при арестѣ, и гдѣ задумано было организовать уличную демонстрацію во время суда.

Вслѣдствіе болѣзни отца и брата Ивана я запоздалъ и пріѣхалъ въ Одессу только въ августѣ мѣсяцѣ, уже послѣ казни Ковальскаго. Блѣдныя лица товарищей свидѣтельствовали о тѣхъ страшныхъ впечатлѣніяхъ, что пришлось имъ пережить за эти дни. Во время суда, на улицахъ произошли безпорядки, окончившіеся тѣмъ, что двое изъ публики были убиты, и нѣсколько человѣкъ ранено; послѣ чего начались, конечно, аресты. Около этого времени арестованъ былъ, между прочимъ, Сергѣй Чубаровъ, членъ нашего кружка; онъ пытался стрѣлять во время ареста, но жандармы успѣли его обезоружить. Среди дня на улицѣ схваченъ былъ Давиденко, о которомъ я упоминалъ,разсказывая, какъ мы очищали квартиру Стефановича. Теперь въ свою очередь пришлось очищать квартиру Давиденко, гдѣ сохранялся, какъ намъ было извѣстно, ящикъ съ динамитомъ. По примѣру Рахальскаго, мы проникли въ квартиру подъ видомъ родственниковъ и увезли ящикъ. Здѣсь я первый разъ видѣлъ динамитъ; онъ имѣлъ форму шести или восьми

угольныхъ плитокъ желтоватаго цвѣта. Динамитъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, перевезенъ былъ потомъ въ Кіевъ и тамъ былъ взятъ жандармами, кажется, при обыскѣ у Гобста, судимаго за это и повѣшеннаго въ 1879 году.

Послѣ уличныхъ безпорядковъ въ Одессѣ, обыски и аресты приняли повальный характеръ. Тюремный замокъ наполнился, и для содержанія политическихъ пришлось занять участки и даже, если не измѣняетъ мнѣ память, часть зданія жандармской команды. Шпіоны и переодѣтые жандармы рискали по улицамъ Одессы не меньше, чѣмъ это было въ Кіевѣ. „Исполнительный Комитетъ“ въ это время былъ уже на столько извѣстенъ у насъ на югѣ, что въ Одессѣ, напримѣръ, какіе то жулики нашли выгоднымъ пустить въ ходъ подметныя письма къ извѣстнымъ лицамъ отъ имени „Исполнительнаго Комитета“ съ вымогательствомъ денегъ. Валеріанъ Осинскій, узнавшій объ этомъ откуда-то, предложилъ издать протестъ противъ этихъ подметныхъ писемъ, и, насколько помню, въ такомъ родѣ было напечатано заявленіе отъ „Исполнительнаго Комитета“ и расклеено по улицамъ.

Нужно, однако, прибавить, что „Ис. Комитетъ“ обратилъ на себя вниманіе не только на югѣ; свидѣтельствуетъ это, какъ нельзя болѣе, нижепомѣщенное письмо шефа жандармовъ Мезенцева къ министру внутреннихъ дѣлъ Макову. Вотъ текстъ письма:

Совершенно секретно

„III Отдѣленіе. 20 іюля 1878 г.

Милостивый Государь Левъ Савичъ!

Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго соціалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города: Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося „Исполнительнымъ Комитетомъ русской соціально революціонной партіи“, государю императору благо-

угодно было повелѣть назначить подъ пресѣдательствомъ Статсъ-Секретаря Валуева изъ Г.г. министровъ Военнаго, Юстиціи, Вашего Превосходительства и меня — особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка.

Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27-го іюля, на которомъ разсмотрѣть рѣшеніе Одесскаго Военно-Окружного Суда по дѣлу Ковальскаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Н. Мезенцевъ

Какъ видно изъ этого письма, участь Ковальскаго была рѣшена на совѣщаніи министровъ 27 іюля, и 2-го августа онъ былъ разстрѣлянъ въ Одессѣ. То была первая смертная казнь. Черезъ два дня послѣ того въ Петербургѣ на улицѣ былъ убитъ Мезенцевъ.

Пріѣхалъ я въ Оде су, какъ уже упоминалъ выше, послѣ казни Ковальскаго и засталъ здѣсь необыкновенное возбужденіе умовъ; всѣ пылали мщеніемъ; одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе — предсѣдателю суда. Осинскій высказывался за убійство генерала Семеки (градоначальника Одессы). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь или смерть.

Между тѣмъ и власти съ своей стороны тоже не дремали. Шпіоны бѣгали по нашимъ слѣдамъ, и то и дѣло производились аресты. Помню, собрались мы въ одной пивной, не далеко отъ Соборной площади. Попко, Лизогубъ, Осинскій и еще нѣсколько другихъ лицъ усѣлись кругомъ стола въ отдѣльной комнатѣ. Вдругъ, дверь отворилась, и заглянулъ какой-то субъектъ. Одинъ изъ товарищей объявилъ, что заглянулъ въ комнату из-

вѣстный одесскій сыщикъ, и трое изъ насъ, нелегальные — Ковалевская, Осинскій и я — немедленно ушли изъ пивной. Покруживши по городу нѣкоторое время, чтобы сбить съ пути шпіоновъ, если таковые вздумали за нами слѣдить, съ наступленіемъ сумерекъ я и Ковалевская направились къ дому Новицкаго. Это большое четырехъ-этажное зданіе тянулось на цѣлый кварталъ и одной своей стороной упирало въ глубокій оврагъ. На его фасадѣ по сторонамъ возвышались двѣ надстройки, имѣвшія форму башенъ, въ одной изъ которыхъ занимали квартиру наши пріятели, Попко и другіе, почему и самый ихъ кружекъ носилъ названіе среди насъ „башенцевъ“. Желательно было узнать, чѣмъ окончилось появленіе сыщика въ пивной, и мы отправились къ Попко. Но сознавая опасность положенія, я рѣшилъ одинъ подняться въ башню. И вотъ, войдя на четвертый этажъ, я прошелъ карридоромъ до крутой, деревяной лѣсенки, ведшей на башню, и сталъ было уже подниматься по ней, какъ вдругъ, поднявъ голову, увидѣлъ вверху при евѣтѣ лампы двѣ или три спины, одѣтыя въ бѣлые кителя. Тогда съ лѣсенички я прямо спрыгнулъ въ корридоръ и быстро побѣжалъ назадъ. Сзади меня раздался шумъ погнавшихся за мною жандармовъ. Но я помчался внизъ по лѣстницамъ съ невѣроятной быстротой; жандармы стали отставать: звонъ шпоръ, вначалѣ рѣзкій, слышался постепенно все слабѣе и слабѣе. Выскочивъ изъ дому, я схватилъ Ковалевскую подъ руку; мы перебѣжали черезъ улицу на противуположную сторону и здѣсь медленно двинулись по тротуару. Нѣсколько мгновеній спустя на улицу выскочилъ жандармъ. Оглянувшись по сторонамъ, онъ бросился за уголъ дома къ оврагу, гдѣ, по его предположенію, долженъ былъ скрыться бѣглецъ.

Такъ въ этотъ разъ намъ удалось избѣжать ареста. Оказывалось, что вскорѣ послѣ нашего ухода изъ пивной, туда явилась полиція и всѣхъ арестовала. Компанія арестованныхъ, среди которыхъ были Лизогубъ и Попко, отведена была въ участокъ; послѣ чего начались, само

собою разумѣется, обыски по квартирамъ арестованныхъ и мы какъ разъ угодили на одинъ изъ нихъ.

Оставаться дольше въ Одессѣ было невозможно; шпіоны знали насъ въ лицо: трудно было показаться на улицу; мы надумались опять перебраться въ Кіевъ. Но напрасно бѣгали мы изъ Кіева въ Одессу, изъ Одессы въ Кіевъ: дни наши были сочтены; борьба, поднятая такъ смѣло небольшой горстью людей, должна была кончиться пораженіемъ. Погромъ южныхъ террористовъ, начавшійся въ 78 году, закончился въ началѣ 79 года. 11-го февраля 1879 года арестованъ былъ и я.

Я разсказалъ въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе все, что могло представлять какой либо интересъ для исторіи нашего движенія, и чему я самъ былъ свидѣтелемъ или въ чемъ принималъ самъ участіе. На моихъ глазахъ совершился поворотъ въ движеніи; я видѣлъ первые опыты террористовъ, видѣлъ зарожденіе „Исполнительнаго Комитета“, пріобрѣвшаго въ скоромъ времени такую грозною славу. Въ заключеніи мнѣ остается только прибавить, что событій террористическаго характера за этотъ короткій періодъ времени (78 и начало 79 года) случилось несравненно больше, чѣмъ я описываю. Но такъ какъ многихъ изъ нихъ я не былъ свидѣтелемъ, то поэтому не разсказываю о нихъ; постараюсь перечислить ихъ.

Въ январѣ 1878 года произошло покушеніе на жинь Трепова; почти одновременно съ этимъ случилось вооруженное сопротивленіе при арестѣ кружка Ковальскаго въ Одессѣ; въ февралѣ мѣсяцѣ былъ убитъ шпіонъ Никоновъ въ Ростовѣ на Дону; вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано было покушеніе на жизнь прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, и появилась первая прокламація „Исполнительнаго Комитета“. Въ мартѣ, въ Петербургѣ происходитъ демонстрація возлѣ суда послѣ оправданія Засуличъ (которую жандармы рѣшили арестовать). Въ апрѣлѣ, въ Петербургѣ совершается вторая демонстрація и панихида по Сидорацкомъ, убитымъ жандармами во время уличныхъ безпорядковъ (послѣ оправданія Засу-

личъ). Въ маѣ — убійство жандармскаго капитана Гейкинга въ Кіевѣ и бѣгство изъ кіевской тюрьмы. Въ іюлѣ, возлѣ Харькова вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго, перевозимаго въ центральную тюрьму (при чемъ былъ убитъ одинъ жандармъ). Въ томъ же мѣсяцѣ уличные безпорядки въ Одессѣ, во время суда надъ Ковальскимъ. Въ августѣ растрѣлянъ Ковальскій въ Одессѣ, а два дня спустя въ Петербургѣ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Въ концѣ августа побѣгъ изъ кіевской тюрьмы Избицкаго и Беверлея, во время котораго Беверлей былъ убитъ. Въ октябрѣ 78 года вооруженное сопротивленіе Колѣнкиной въ Петербургѣ; въ декабрѣ вооруженное сопротивленіе Дубровина въ Старой-Руссѣ; Сентянина — въ Харьковѣ; Бобохова — въ Архангельской губ. Въ февралѣ 79 года происходитъ убійство губернатора Кропоткина въ Харьковѣ и, наконецъ, 11-го февраля вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, на Жилянской улицѣ.

Такъ слѣдовали одно за другимъ кровавыя событія, совершенно измѣнившія въ концѣ концовъ характеръ нашего революціоннаго движенія. Народничество было забыто, заброшено, отодвинуто куда-то на десятый планъ, на сцену выступилъ терроръ.

Но чѣмъ больше уходило наше движеніе въ терроръ, тѣмъ лично я все дальше и дальше становился къ нему; я ему не сочувствовалъ и вскорѣ сталъ даже смотрѣть на террористическую дѣятельность почти какъ на измѣну народному дѣлу. Моя народническая логика ухитрялась усматривать измѣну прежде всего въ стремленіи къ политической свободѣ, которая — по моему — была вредна, такъ какъ давала силу и значеніе только одной буржуазіи, а слѣдовательно, и нужна была только для одной буржуазіи, а вовсе не для народа. Мало по малу среди насъ стали возникать принципіальные споры, которые по временамъ принимали весьма острый характеръ.

Раньше какъ-то я высказалъ мнѣніе, что жизнь организаціи направляется не столько принципами и конеч-

ными цѣлями, поставленными въ ея программѣ, сколько ежедневными дѣлами, совершаемыми ею въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами. Другими словами, программы минимума оказываютъ на ходъ событій несравненно большее вліяніе, чѣмъ общія программы, такъ какъ не слова, а дѣла вліяютъ главнымъ образомъ на жизнь; и особенно справедливо это, мнѣ кажется, по отношенію къ жизни революціонной организаціи. Наше движеніе служитъ самымъ неопровержимымъ доказательствомъ этому.

Въ чемъ же заключалась перемѣна нашего движенія? Прежде всего она состояла въ томъ, что перенесенъ былъ фактически (т. е. дѣлами, а не программами) центръ тяжести изъ деревни въ городъ. Деревенская революція, т. е. крестьянская, о которой мы всѣ такъ страстно мечтали и въ которую такъ глубоко вѣрили въ началѣ 70-хъ годовъ, къ концу десятилѣтія была оставлена, и силы были направлены въ города, гдѣ имѣлось несравненно больше благопріятныхъ условій для революціонной дѣятельности, и гдѣ отъ этой дѣятельности предвидѣлись скорѣйшіе результаты. Но однимъ перенесеніемъ дѣятельности въ города вопросъ далеко не исчерпывался, и если бы революціонныя силы направлены были не на терроръ, то наше движеніе едвали претерпѣло бы существенную перемѣну. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы революціонеры, воротившись изъ деревень въ города, устремили свои силы, скажемъ, хоть на дѣятельность среди городскихъ рабочихъ? Вышло бы, какъ я полагаю, повтореніе того же народничества и, само собою разумѣется, съ анологичными результатами: у насъ вопросъ былъ вовсе не въ томъ, представляла ли крестьянская масса удобную почву для пропаганды соціалистическихъ идей, или нѣтъ, какъ это полагаютъ нѣкоторые; а въ томъ, что правительство наше не дозволяло совсѣмъ никакой работы ни въ деревняхъ, ни въ городахъ и своими преслѣдованіями вынудило болѣе энергичныхъ и страстныхъ направить свои силы на прямую борьбу съ нимъ. Среди нашего крестьянства обеззе-

меленнаго и голоднаго не менѣе удобно было заниматься пропагандою, какъ и среди городскихъ рабочихъ, и переходить изъ деревень въ города ради этого совсѣмъ не стоило. Болѣе того: перемѣна эта была бы даже къ худшему настолько, насколько пришлось бы переходить отъ болѣе широкаго къ менѣе широкому полю дѣятельности. Да, наконецъ, я долженъ припомнить, что наше движеніе, поднявшееся въ городахъ (среди университетской молодежи) началось именно съ пропаганды среди рабочихъ. Но эта дѣятельность, равно какъ и дѣятельность среди крестьянства, не дала прямыхъ революціонныхъ результатовъ. Конечно, если бы удовлетворяться тѣми небольшими результатами и пользою, которую все таки могла принести — да и приносила на самомъ дѣлѣ — эта работа, тогда другое дѣло. Но работа эта, кропотливая и медленная, носила бы характеръ скорѣе простой культурной дѣятельности, чѣмъ революціонной. Между тѣмъ, люди того поколѣнія, террористы, обладали несравнимо болѣе широкими требованіями, и — самое главное, они были революціонеры. Разсказывая о нашихъ попыткахъ создать бунтъ въ крестьянствѣ, я указывалъ на тѣ неразрѣшимыя задачи, которыя выдвигала передъ нами жизнь. Тѣ-же задачи стояли бы передъ всякимъ дѣятелемъ, задумавшимъ организовать подобную же попытку и въ городѣ. Сила правительственныхъ организацій въ современныхъ государствахъ на столько велика, что путь возстаній — какъ деревенскихъ, такъ равно и городскихъ — заранѣе обреченъ на неуспѣхъ, и баррикады являются теперь такимъ же анахронизмомъ, какъ и вооруженные отряды крестьянъ. Особенно это справедливо для новыхъ городовъ, подобныхъ Петербургу, гдѣ прямыя и широкія улицы, расходящіяся радіусами (Невскій, Вознесенскій и Гороховая улица) дѣлаютъ совершенно немыслимымъ никакое уличное возстаніе. Но при современныхъ арміяхъ даже и въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, съ кривыми, тѣсными улицами, возстаніе едвали можетъ привести къ успѣху, а потому и здѣсь въ послѣдніе годы соціалистическое движеніе ста-

ло принимать характеръ легальной борьбы (манифестаціи, митинги, выборы въ парламентъ и пр.); попытки же революціоннаго характера фатальнымъ образомъ сводились всѣ къ террору, т. е. отдѣльнымъ убійствамъ.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку. Сравнивая между собою террористическіе факты, мы должны будемъ ихъ раздѣлить на двѣ категоріи, строго отличающіяся одна отъ другой: на убійства, совершаемыя ради протеста противъ общихъ соціальныхъ условій, и — убійства политическаго характера. Само собою разумѣется, что только послѣднія могутъ имѣть свое оправданіе, такъ какъ, если съ устраненіемъ той или другой личности еще можно надѣяться на извѣстныя перемѣны въ политикѣ, то ужъ, конечно, нельзя ожидать таковыхъ въ соціальномъ строѣ.

Русскій терроръ носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ „аграрномъ“ и „фабричномъ“ террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или, другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры на первыхъ порахъ не сознавали ясно, а это отсутствіе яснаго пониманія отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Южные террористы: Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима и на югѣ одно время были всѣ шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами; а „Земля и Воля“, организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился 1 № „Земли и Воли“. Здѣсь опять на сцену выступили „соціалисты-революціонеры — Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники“, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговоренъ былъ цѣлый коробъ старыхъ на-

родническихъ глупостей. „Увѣряютъ, что мы противники политической свободы и ненавистники русскихъ либераловъ и конституціоналистовъ“, пишетъ „Земля и Воля“ въ своей передовой статьѣ. „Ненависть къ либераламъ? Но кто у насъ называетъ себя этимъ именемъ?“

„Эти люди, утверждающіе, что казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ преступниковъ — произведеніе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на „иностранныя деньги,“

„Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе преступники не даютъ себя безнаказано тиранить жандармамъ.“

„Это люди, утверждающіе, что поступокъ Вѣры Засуличъ результатъ нравственнаго уродства этой личности.

„Это дѣятели прессы, обѣщающіе правительству въ награду за послабленіе въ цензурѣ обратиться въ околодочныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ.“

„Пусть читатель судитъ самъ, имѣетъ ли дѣятельность вышеупомянутой котеріи что нибудь общее съ борьбою за политическую свободу?“

„Насчетъ конституціонныхъ вождѣленій мы пока ничего опредѣленнаго сказать не можемъ (курсивъ нашъ). Наши отношенія къ нимъ опредѣлятся, когда конституціоналисты выступятъ, какъ дѣйствующая партія.“ Дальше говорится, что нашей задачей должна оставаться народная революція, что „главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы — это не болѣе, какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это.

Вопросъ только о днѣ и часѣ, — когда это совершится“ (курсивъ нашъ). „Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ, всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ — буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ то, во всякомъ случаѣ, дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ превозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ“.

Словомъ, на основаніи всѣхъ сихъ соображеній „конституціоннымъ вожделеніямъ“ не должно давать мѣста въ нашихъ правовѣрныхъ сердцахъ. И въ № 4 „Земли и Воли“, появившемся въ февралѣ 1879 года, мы находимъ уже цѣлое назиданіе, которое читаетъ „Земля и Воля“ „Сѣверному союзу рабочихъ“ по поводу ихъ программы, въ которой признается полезность политической свободы. „Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами“, пишетъ „Земля и Воля“, „посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ“ (курсивъ нашъ).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что „Земля и Воля“ взяла тонъ, котораго держались революціонеры 60 и начала 70 хъ годовъ. Это былъ большой поворотъ назадъ послѣ того, что говорили южные террористы, и отъ этихъ теорій уже воняло плѣсенью. И въ самомъ дѣлѣ, что это были за соображенія по вопросу о конституціи (которыхъ, между прочимъ, и я самъ тогда придерживался)? Конституція дастъ-де возможность съорганизоваться нашей буржуазіи, слѣдовательно для насъ, соціалистовъ, она вредна. Совершенно въ такомъ же родѣ было разсуж-

деніе (да мы, народники, отчасти и держались его), что школа вредна, ибо она вооружаетъ знаніями только зажиточныхъ, а бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности ее посѣщать ничего не даетъ; знаніе же въ рукахъ зажиточныхъ или, какъ мы тогда выражались, буржуазіи послужитъ лишь орудіемъ для большей эксплуатаціи бѣдныхъ и пр. въ такомъ родѣ.

Вспоминая теперь всѣ тѣ „счеты“, которые велись тогда между революціонерами и либералами, становится и грустно и досадно за оба лагеря, — такими неумѣлыми и недальновидными оказались и одни, и другіе. Одни не вѣрили въ свои силы и думали, какъ-то „украсть конституцію“. А что бы усыпить, одурачить врага (самодержавіе), принялись взапуски проклинать революціонеровъ. Другіе были полны вѣры въ собственныя силы до того, что вызывали на бой не только правительство, но и общество. Только одинъ врагъ и оказался предусмотрительнымъ: согнулъ онъ въ бараній рогъ и либеральную, и революціонную оппозицію и зажилъ послѣ того припѣваючи на долгое время. А какой грубой ироніей звучатъ теперь слова „Земли и Воли“, что „паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что „вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится“. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтія. Цѣлая четверть вѣка!... Что же, ужъ не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки?! О, конечно, нѣтъ! Да мы ожидали тогда соціальную революцію раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію! Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады прерады даже плохенькой, лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровіе организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазіи нѣтъ, а все еще одни военноначальники, какъ у какихъ нибудь Кафровъ или Готтентотовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію вооруженнаго

сопротивленія въ Кіевѣ на Жилянской улицѣ, когда былъ арестованъ и я, остановлюсь еще на одномъ эпизодѣ, имѣвшимъ мѣсто въ Кіевѣ.

Осенью или зимою 78 года (точно не помню времени) пріѣхали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украйнофилами, а также и съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для завоеванія конституціонной реформы. Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій, Ковалевская и еще нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ я не буду здѣсь приводить. Помню (такъ какъ и я присутствовалъ тамъ), собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ дастъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Что бы вовлечь въ движеніе больше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было бы печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабаднымъ путемъ.

Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть нашего общества, а равнымъ образомъ и правительство. Съ этимъ требованіемъ террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

Что касается лично до меня, то я присутствовалъ на этихъ собраніяхъ и не соглашался ни съ тѣми, ни

съ другими. Какъ допотопному звѣрю, все окружающее казалось мнѣ и дикимъ и непонятнымъ. Я слушалъ земца и не понималъ его; слушалъ террористовъ и не соглашался съ ними. По моему, надо было достать побольше оружія и поднимать народный бунтъ.

XX

ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНІЕ И АРЕСТЪ. ТЮРЬМА. — СУДЪ. — КАЗНЬ.

Между тѣмъ, дни наши были сочтены, и мы напрасно бѣгали изъ Кіева въ Одессу и обратно, стараясь скрыть наши слѣды; за нами всюду гонялись шпіоны. Такъ Осинскій, вернувшись изъ Одессы въ Кіевъ, привезъ, между прочимъ, съ собою небольшую типографію въ сундукѣ; но когда пошелъ на вокзалъ получать ее изъ багажа, то оказалось, что сундукъ былъ взятъ жандармами и его самаго тогда чуть-чуть не арестовали на вокзалѣ; едва удалось ему бѣжать. Иванъ Ивичевичъ, возвращаясь изъ Харькова въ Кіевъ, былъ прослѣженъ на желѣзной дорогѣ шпіонами и, чтобы избѣгнуть ареста, вынужденъ былъ спрыгнуть съ поѣзда во время хода недалеко отъ кіевской товарной станціи. Но это было не все. Между арестованными, сидѣвшими въ кіевской тюрьмѣ, нѣкій Веледницкій сталъ выдавать. Тогда жандармы выпустили его на свободу съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ на насъ. Помню, однажды въ ресторанѣ, гдѣ обѣдали Осинскій, Волошенко и я, мы натолкнулись на этого Веледницкаго, а потомъ у выхода замѣтили переодѣтаго околодочнаго. Еще нѣсколько раньше этого времени мы познакомились съ нѣкой Баби-

чевой; сначала Рахальскій, а потомъ я и Свириденко. Это была курсистка кіевскихъ женскихъ курсовъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, на жалованіи у жандармовъ. О ея нравственной физіономіи можно судить уже потому, что въ полтавской уголовной палатѣ противъ нее начато было дѣло за покражу какихъ-то серебряныхъ ложекъ. Но все это, конечно, мы узнали потомъ. Двухъ такихъ предателей, какъ Веледницкій и Бабичева оказалось достаточно, чтобы погубить насъ; мы не оглянулись, какъ были окружены сѣтью шпіоновъ, слѣдившихъ за нами до того искусстно, что мы почти не замѣчали этого. Я говорю почти, такъ какъ на самомъ дѣлѣ были факты, вызывавшіе подозрѣнія у насъ. Такъ, возлѣ дома, гдѣ я жилъ (на Большой Васильковской улицѣ) замѣчено было мною появленіе подозрительныхъ личностей, что принудило меня бросить квартиру и переселиться на Жилянскую улицу въ домъ Коссаровской. Ивичевичъ Иванъ, занимавшій въ домѣ Коссаровской же смежную комнату, зайдя однажды въ сосѣднюю лавочку за покупками, натолкнулся тамъ, какъ ему казалось, на сыщика, распрашивавшаго о чемъ то лавочника· И множество было еще другихъ мелкихъ показаталей (не говоря уже о такомъ показателѣ, какъ встрѣча наша съ Веледницкимъ), которые трудно было даже формулировать, но которые, тѣмъ не менѣе, давали чувствовать намъ, какъ людямъ привыкшимъ къ укрывательству, и слѣдовательно весьма чуткимъ ко всему окружающему, что наше положеніе было крайне шаткое. И сосѣдній лавочникъ, казалось, не такъ встрѣчалъ насъ, какъ раньше, и будочникъ, стоявшій на ближайшемъ посту, при нашемъ проходѣ, оглядывалъ насъ подозрительнѣе, чѣмъ прежде.

Послѣ убійства Гейкинга жандармскимъ адъютантомъ въ Кіевѣ назначенъ былъ Судейкинъ. Этотъ то господинъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій громкую извѣстность, и организовалъ всю облаву за нами. Въ то время имя Судейкина еще никому не было извѣстно; на насъ первыхъ онъ проявилъ свои таланты, и нельзя не

согласиться съ тѣмъ, что дѣло свое онъ повелъ очень ловко и умѣло.

Первый ударъ нанесенъ былъ намъ 24 января 79 г.: на улицѣ арестованы были Осинскій и Волошенко, а потомъ, въ тотъ же день, на квартирѣ арестована была Софія Лешернъ.

Наконецъ наступило 11-ое февраля. Насколько припоминаю, была маслена, и къ Ивичевичу, жившему въ домѣ Коссаровской, собралась довольно большая компанія съ цѣлью провести вечеръ. Тутъ были Брантнеръ, Позенъ, Стеблинъ-Каменскій, Армфельдъ Наталія, братъ Ивана Ивичевича — Игнатъ и другіе. Орловъ же, Ковалевская, Свириденко, Дическуло и я — отправились изъ дома Коссаровской къ Бабичевой, (о которой я упоминалъ выше), жившей тоже по Жилянской улицѣ.

Такимъ образомъ наша компанія раздѣлилась, и въ то время, какъ мы находились у Бабичевой, вотъ что произошло въ домѣ Коссаровской.

Компанія сидѣла въ комнатѣ Ивана Ивичевича и весело разговаривала, когда въ передней послышался шумъ, отворилась дверь, и показались жандармы.

— „Здѣсь живетъ господинъ Дебогорій-Мокріевичъ? спросилъ Судейкинъ.

— „Никакого Дебогорій-Мокріевича здѣсь нѣтъ", отвѣтилъ Ивичевичъ.

Тогда Судейкинъ захотѣлъ узнать, кто были они всѣ. Но Иванъ Ивичевичъ вмѣсто отвѣта схватилъ револьверъ, который у него всегда лежалъ заряженный подъ подушкой, и подошелъ къ дверямъ. За Иваномъ приблизился къ дверямъ братъ его Игнатъ и Брантнеръ, тоже оба вооруженные револьверами. Кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ — неизвѣстно; на судѣ вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, такъ какъ никто не помнилъ. Жандармы, какъ потомъ показывалъ на слѣдствіи самъ Судейкинъ, были въ панцыряхъ. Раздался залпъ съ одной и съ другой стороны. Унтеръ-офицеръ Казанкинъ, стоявшій впереди, упалъ у самыхъ дверей; пуля попала ему въ лобъ, нѣсколько выше носа; онъ былъ убитъ

сразу. Судейкина ударила одна пуля въ грудь, но панцырь спасъ его. Въ комнатѣ, возлѣ самой двери, упалъ раненный Иванъ Ивичевичъ, а за нимъ упалъ и братъ его Игнатъ. Брантнеръ продолжалъ стрѣлять, хотя тоже получилъ рану. Кто еще стрѣлялъ изъ революціонеровъ — на слѣдствіи не было выяснено. Извѣстно лишь, что въ то время, какъ одни стрѣляли, другіе уничтожали и жгли компрометирующія бумаги. „Ножами ихъ, братцы!..“ кричалъ лежавшій на полу Иванъ Ивичевичъ. Оба брата Ивичевичи были смертельно ранены и не могли уже больше подняться съ земли.

Жандармы сробѣли и отступили. Тогда Позенъ, Армфельдъ и другіе, уцѣлѣвшіе отъ пуль, подняли съ полу братьевъ Ивичевичей, положили ихъ на кровать и принялись хлопотать объ ихъ ранахъ. Между тѣмъ Романъ, раненный въ голову, вышелъ изъ комнаты на крыльцо. Здѣсь ему сдѣлалось дурно; онъ упалъ на землю и въ полусознательномъ состояніи проползъ еще до калитки, ведшей въ садъ, гдѣ окончательно потерялъ сознаніе, и откуда былъ потомъ поднятъ. Брантнеръ тоже выскочилъ изъ дому. Нужно сказать, что все это происходило во флигелѣ, стоявшемъ въ глубинѣ двора. Брантнеръ пробѣжалъ черезъ весь дворъ къ забору, огораживавшему отъ улицы, и сталъ на него взбираться. Однако здѣсь онъ почувствовалъ, что не можетъ владѣть одной рукой и въ обморочномъ состояніи свалился съ забора внизъ. Кромѣ руки, онъ былъ раненъ еще въ поясницу. Въ обморочномъ состояніи онъ потомъ былъ найденъ жандармами и взятъ.

Итакъ, Судейкинъ съ жандармами бѣжалъ изъ дома Коссаровской. Это вполнѣ выяснено было на судѣ. Онъ послалъ въ военную казарму за подкрѣпленіемъ, и когда солдаты явились, отправился съ ними на квартиру Бабичевой, гдѣ, какъ ему было извѣстно по донесеніямъ шпіоновъ, находилась другая половина нашей компаніи; въ домѣ же Коссаревской онъ предоставилъ окончить дѣло другому жандармскому офицеру. Когда жандармы, подкрѣпленные солдатами, явились вторично въ кварти-

ру Ивичевича, то здѣсь уже никто не думалъ сопротивляться. Тѣмъ не менѣе, занявши переднюю, они поторопились приперетъ дверь, ведущую въ комнату Ивичевича, такъ что, когда понадобилась тамъ вода для раненныхъ, то оттуда нельзя было выйти. Только послѣ обѣщанія со стороны бывшихъ въ комнатѣ, что они не будутъ стрѣлять, жандармы осмѣлились наконецъ отворить дверь и войти въ комнату.

Послѣ того всѣ вещи, находившіяся въ комнатахъ моей и Ивичевича, были собраны и отосланы въ полицейскій участокъ. Подняли во дворѣ лежавшихъ безъ чувствъ Романа и Брантнера, и вмѣстѣ съ смертельно ранеными Ивичевичами, отправили ихъ въ городской госпиталь. Остальныхъ находившихся въ комнатѣ перевязали зачѣмъ-то веревками, хотя никто изъ нихъ не сопротивлялся, и связанныхъ доставили въ Лыбедской полицейскій участокъ.

Ничего этого, конечно, мы не знали и мирно сидѣли у Бабичевой вокругъ стола, на которомъ шипѣлъ самоваръ. Хозяйка наша въ этотъ вечеръ была весьма гостепріимна. Пробывъ нѣкоторое время, Свириденко и Дическулъ ушли, такъ какъ они предполагали посѣтить въ этотъ вечеръ одну сходку.

Тотчасъ послѣ ихъ ухода съ улицы донесся звукъ, похожій на револьверный выстрѣлъ. Помню, кто-то изъ насъ вышелъ въ сѣни, чтобы послушать; но затѣмъ воротился и заявилъ, что это хлопнула дверь въ сосѣднемъ кабакѣ. Мы успокоились и опять принялись пить чай; какъ вдругъ, раздался необыкновенный шумъ въ сѣняхъ; послышался звонъ оружія. Двери комнаты, гдѣ мы сидѣли, порывисто растворились настежъ, и моимъ глазамъ представилась плотная шеренга солдатъ съ ружьями на перевѣсъ, устремленными въ нашу комнату.

— „Господа, прошу сдаться! Я жандармскій офицеръ.“ Раздался звучный голосъ оттуда.

Я взглянулъ и увидѣлъ съ правой стороны солдатской шеренги, въ самомъ углу коридора, слабо освѣщеннаго свѣтомъ, падавшимъ изъ нашей комнаты, вы-

сокую фигуру въ военной фуражкѣ и въ широкомъ военномъ плащѣ. То былъ капитанъ Судейкинъ.

— „Мы не крѣпость“, шутливо замѣтилъ я въ отвѣтъ на требованіе Судейкина „сдаться“.

— „Однако, ваши товарищи...“

За шумомъ я не разслышалъ конца фразы. Больше всѣхъ подняла шуму въ это время наша хозяйка: она стала навзрыдъ плакать и метаться по комнатѣ и коридору, какъ угорѣлая.

Сдѣлавши поверхностный обыскъ, такъ какъ Судейкинъ все еще предполагалъ, что при насъ имѣется оружіе, и не найдя ничего, солдаты окружили насъ двумя тѣсными рядами и повели въ участокъ.

Подходя къ Лыбедской части, еще издали я замѣтилъ тамъ необыкновенное движеніе. Всѣ окна были освѣщены. На крыльцѣ и возлѣ зданія на тротуарѣ толпились полицейскіе. Мы поднялись по ступенямъ крыльца и вошли въ переднюю. Комната оказалась запруженная солдатами; намъ дали дорогу; мы прошли впередъ и здѣсь я увидѣлъ связанныхъ Позена и Сѣеблина-Каменскаго. Они стояли. У Позена плечи и руки были такъ сильно оттянуты назадъ веревками, что локти касались другъ друга. Съ лѣвой стороны сидѣли на стульяхъ Наталія Армфельдъ, Сарандовичъ и Потылицына; всѣ три онѣ тоже были связаны по рукамъ. Обращаться къ кому нибудь изъ нихъ съ прямымъ вопросомъ я считалъ неудобнымъ, такъ какъ не желалъ показывать свое знакомство; однако изъ отдѣльныхъ фразъ, брошенныхъ то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ, мнѣ удалось догадаться, что въ домѣ Коссаровской было оказано вооруженное сопротивленіе во время ареста.

Между тѣмъ изъ смежной комнаты, куда двери отворены были настежъ, доносился какой-то шумный разговоръ. Словъ невозможно было разслышать, но голосъ мнѣ показался знакомымъ. Разъясненія не пришлось ожидать долго. Раздались чьи-то шаги, крикъ усилился, и оттуда въ нашу комнату ворвался Владиміръ Свириденко, буквально валоча за собою двухъ полицейскихъ,

которые, ухватившись за него сзади, старались его удержать. Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали, какъ угли, онъ былъ точно опьянѣлый.

— „Что это? Связанные?!“ крикнулъ онъ, увидѣвъ Позена и Каменскаго со скрученными назадъ руками и тотчасъ бросился къ одному изъ нихъ и принялся рвать на немъ веревки.

— „Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь!“ суетливо говорилъ полицейскій приставъ Матковскій, прибѣжавшій за Свириденко изъ сосѣдней комнаты. Онъ не осмѣливался прикоснуться самъ къ нему и только командовалъ вполголоса будочникамъ: „взять его“.

— „Успокойтесь! Мы сейчасъ развяжемъ“, продолжалъ Матковскій. И дѣйствительно, онъ немедленно распорядился, чтобы веревки были распущены на Позенѣ и Каменскомъ.

— „Пить хочу!“ крикнулъ вдругъ Свириденко.

— „Пить... Слышишь? Маршъ за водой!“ командовалъ приставъ будочнику.

— „Пива хочу!“

— „Пива! пива неси!“ повторялъ за Свириденко Матковскій. „Только успокойтесь. Пожалуйте во вторую комнату; пойдемте“, уговаривалъ онъ его.

И Свириденко, видимо, нѣсколько успокоился и въ сопровожденіи пристава и будочниковъ, опять ушелъ въ сосѣднюю комнату, откуда передъ тѣмъ такъ стремительно ворвался къ намъ.

Эта сцена произвела на меня потрясающее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но и теперь мнѣ достаточно немного сосредоточить свои воспоминанія на этомъ моментѣ, чтобы передъ моими глазами всталъ, какъ живой, Свириденко съ своимъ блѣднымъ, красивымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми, вьющимися, черными волосами

Послѣ ухода отъ Бабичевой Дическуло и Свириденко, мы слыхали выстрѣлъ; теперь, видя Свириденко въ подобномъ состояніи, я понялъ, въ чемъ было дѣло. И дѣйствительно, остановленные на улицѣ жандармами, сте-

регшими квартиру Бабичевой, гдѣ мы были въ гостяхъ, Свириденко и Дическуло стали отстрѣливаться и затѣмъ пустились бѣжать. Чтобы легче скрыть слѣды, они рѣшили раздѣлиться. Дическуло удалось скрыться. Но Свириденко на одномъ перекресткѣ былъ остановленъ полицейскими, разставленными въ этотъ вечеръ, ввиду облавы за нами, по всѣмъ окрестнымъ улицамъ, и доставленъ въ участокъ. Всѣ подробности ареста узналъ я, конечно, впослѣдствіи, уже когда мы сидѣли въ тюрьмѣ; въ ту же минуту приходилось только догадываться, глядя на то, что совершалось передъ моими глазами въ участкѣ.

Но вотъ толпа солдатъ, запружавшая переднюю комнату участка, гдѣ находились и мы, заколыхалась; пронесся шопотъ: „Полковникъ идетъ! Разступись!..“. И въ комнату, среди разступившихся солдатъ, быстро вошли жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ.

— „Арестованныхъ отдѣлить другъ отъ друга!..“ крикнулъ полковникъ Новицкій, и тотчасъ всякаго изъ насъ окружило по нѣсколько человѣкъ солдатъ.

— „Въ случаѣ сопротивленія съ ихъ стороны, пускать въ дѣло холодное оружіе!“ командовалъ дальше Новицкій, сильно возвышая голосъ.

Отдавши это приказаніе, полковникъ и полиціймейстеръ вышли въ другую комнату, и въ пріемной остались одни мы, окруженные солдатами. По истеченіи нѣкотораго времени арестованныхъ, одного за другимъ, стали вводить въ смежную комнату опять для обыска и предварительныхъ допросовъ. Дошла очередь до меня; я оставался послѣдній.

— „Позвольте узнать вашу фамилію?“ изысканно вѣжливо обратился ко мнѣ полковникъ Новицкій.

— „На этотъ вопросъ я не желаю отвѣчать“, проговорилъ я, кланяясь не менѣе изысканно вѣжливо съ своей стороны.

— „Въ такомъ случаѣ я самъ назову васъ“.

— „Мнѣ пріятно будетъ услышать.“

Нервно шутливое настроеніе не покидало меня весь этотъ вечеръ.

— „Васъ зовутъ Владиміръ Карповичъ Дебогорій-Мокріевичъ“, проговорилъ Новицкій.

— „Да, это онъ“, подтвердилъ Судейкинъ, заглядывая мнѣ въ лицо.

— „Очень пріятно познакомиться!“ замѣтилъ я.

Запираться было безполезно. Въ Кіевѣ въ это время жили мои родные: мать, братъ, сестра... Мнѣ не хотѣлось, чтобы ихъ таскали по участкамъ и тюрьмамъ для очныхъ ставокъ со мною.

Фамилія моя была выдана Веледницкимъ, который меня зналъ, а также и Бабичевой, какъ потомъ это выяснилось.

— „Взятъ съ оружіемъ въ рукахъ?“ обратился полковникъ къ Судейкину.

— „Нѣтъ. Арестованъ въ квартирѣ госпожи Бабичевой“, отвѣтилъ тотъ.

— „Слава богу!“ воскликнулъ полковникъ.

Насколько это восклицаніе было искренно съ его стороны — не берусь утверждать.

По окончаніи обыска, меня отвели въ какую-то темную коморку, гдѣ я провелъ ночь; а утромъ другого дня препроводили съ конвоемъ въ тюрьму. Въ тюремной конторѣ смотритель выдалъ арестантскую одежду; я переодѣлся, и ключникъ повелъ меня въ предназначенную для меня камеру. Мы прошли дворомъ къ правому крылу тюрьмы; здѣсь, войдя въ дверь, спустились нѣсколько ступенекъ внизъ и двинулись по низкому корридору, показавшемуся мнѣ очень мрачнымъ. Мы миновали трое дверей, снабженныхъ желѣзными засовами и большими висячими замками, и у четвертой двери остановились. Ключникъ отперъ замокъ; желѣзный засовъ звякнулъ, и я пропущенъ былъ черезъ отворившуюся дверь въ небольшую комнату, съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ, пробитымъ довольно высоко надъ поломъ. Послѣ того дверь захлопнулась, послышался опять звонъ засова, и я остался одинъ въ своей камерѣ. Я

осмотрѣлся. Я имѣлъ деревянную кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и такой-же подушкой, небольшой деревянный столикъ у окна и одинъ стулъ. Съ правой стороны отъ дверей, почти до самаго потолка, подымалась печка. Такова была обстановка моего новаго жилища. Почти въ срединѣ двери, на высотѣ человѣческаго роста, я увидѣлъ небольшую, круглую дыру, выходившую въ корридоръ.

Странно почувствовалъ я себя вначалѣ. Помню, первую минуту меня непріятно поразила окружавшая тишина. Невольно я сталъ прислушиваться ко всему и ловить всѣ звуки, долетавшіе ко мнѣ извнѣ. Эти звуки показались мнѣ тогда такими отдаленными, можетъ быть потому, что кругомъ себя я ощущалъ невозмутимую тишину. Впослѣдствіи, перебывавши въ разныхъ тюрьмахъ, я убѣдился, что кіевскій тюремный замокъ былъ одинъ изъ шумныхъ. Потомъ у меня явилось желаніе непремѣнно посмотрѣть въ окно, и вотъ я взобрался на подоконникъ и взглянулъ черезъ рѣшетку. Окно мое выходило въ узкій, длинный дворикъ, огороженный заборомъ отъ другого широкаго двора, за которымъ видно было противуположное лѣвое крыло тюрьмы; то было женское отдѣленіе, гдѣ сидѣли и политическія женщины. Нашъ правый фасадъ, состоявшій изъ одиночныхъ камеръ, былъ весь занятъ политическими. Всѣ арестованные наканунѣ находились уже здѣсь, кромѣ раненныхъ, отправленныхъ въ больницу. Прежде всѣхъ подошелъ къ моей камерѣ и окликнулъ меня черезъ дверную дырку Малавскій. Потомъ подошелъ Стеблинъ-Каменскій и познакомился со мною, такъ какъ раньше мы не знали другъ друга. Его камера оказалась сосѣдней съ моею. Наконецъ, я вступилъ въ сношенія со всѣми политическими, размѣщавшимися на всѣхъ трехъ этажахъ праваго крыла. Мы разговаривали черезъ дверныя дырки или черезъ окна, хотя это и запрещалось тюремными правилами. Въ первую ночь, припоминаю, когда я легъ и потушилъ въ своей камерѣ лампочку, вниманіе мое опять привлечено было круглой дверной дыркой, о которой я

упоминалъ выше. Пучекъ свѣта, врывавшійся черезъ нее изъ освѣщеннаго корридора въ мою темную камеру, вызывалъ во мнѣ странно-непріятное чувство. Я часто просыпался, и мнѣ всякій разъ бросался въ глаза этотъ яркій, круглый пучекъ свѣта. То было, по истинѣ, какое-то недремлющее, всевидящее око (оно было видно изъ всѣхъ угловъ камеры), не позволявшее мнѣ ни на одну минуту забыть, гдѣ я находился. Непріятное чувство отъ этого пучка свѣта вызывалось потомъ у меня всякій разъ, когда я просыпался по ночамъ во все время моей тюремной жизни.

Началась тюремная жизнь. Большую часть времени я проводилъ у окна, выходившаго во внутренній дворъ. Вскочивъ на подоконникъ и держась за рѣшетку, по цѣлымъ часамъ, бывало, просиживалъ я тамъ, глядя во дворъ, гдѣ весь день гуляли уголовные арестанты. Помню, въ одинъ изъ первыхъ дней своего пребыванія въ тюрьмѣ, среди гулявшихъ я узналъ Корнія.

— „Здравствуйте, Корній!“ крикнулъ я ему изъ окна.

Онъ подошелъ ближе и посмотрѣлъ на меня. Улыбка, появившаяся на его лицѣ, засвидѣтельствовала, что я былъ узнанъ.

— „Узнаете меня?.. Сколько здѣсь сидитъ вашихъ, чигиринцевъ?“ спрашивалъ я.

— „Человѣкъ шесть“, отвѣтилъ онъ. „И Кузьма тутъ“.

— „А гдѣ же Кузьма?“ спросилъ я.

— „А онъ сидитъ въ камерѣ.“

— „Что же онъ дѣлаетъ въ камерѣ?“

— „Все больше читаетъ Евангеліе“.

Часто послѣ того мнѣ доводилось бесѣдовать съ Корніемъ. Онъ, видимо относился сочувственно къ политическимъ и неоднократно оказывалъ мелкія услуги.

Но Кузьмы я не встрѣчалъ. Разъ или два показалась его фигура среди другихъ арестантовъ, но онъ такъ далеко гулялъ отъ оконъ политическихъ, что заговорить съ нимъ не было возможности. Вглядываясь издали въ его блѣдную физіономію, я ничего не могъ на

ней прочесть; но странно — лицо его съ трудомъ напоминало мнѣ прежняго Кузьму. Одинъ разъ, помню, онъ даже довольно близко подошелъ къ нашему фасаду, даже поклонился намъ, и я какъ будто замѣтилъ на его лицѣ что то въ родѣ улыбки; но онъ не заговорилъ со мною.

Проживши годъ времени въ тюрьмѣ, Кузьма, какъ человѣкъ умный и впечатлительный, не могъ, конечно, не видѣть того, что политическіе вовсе не сторонники царя. Нигдѣ, быть можетъ, революціонеръ не пользовался такой свободой слова, какъ въ тюрьмѣ; и надо сказать, что свободой этой мы не пренебрегали: рѣзко и прямо, безъ стѣсненія, высказывали мы то, что думали о царѣ. Трудно допустить, чтобы при такихъ условіяхъ могла сохраниться у Кузьмы прежняя чистая вѣра и идеализація царя. Что же, однако, долженъ былъ думать о насъ и что чувствовалъ умный Кузьма послѣ всего предыдущаго? Я не возьмусь анализировать его чувствъ; но мнѣ казалось только, что я понялъ причину, почему онъ такъ рѣдко выходилъ изъ камеры и почему не заговаривалъ съ политическими. Я попялъ, а потому и самъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Какъ провинившійся мальчишка, я не зналъ съ чего начать свои объясненія. Да всякія объясненія, я думаю, оказались бы неумѣстны: Кузьма глубоко замкнулся отъ всего окружающаго міра.

Скоро получено было въ тюрьмѣ извѣстіе, что оба брата Ивичевичи умерли отъ ранъ въ госпиталѣ, и, спустя еще нѣсколько дней, изъ того же госпиталя переведенъ былъ къ намъ, въ тюрьму, Романъ, съ перевязанной головой, получившій названіе „неизвѣстнаго, раненнаго въ голову", такъ какъ онъ отказался объявить властямъ свою фамилію, и Брантнеръ, съ рукою, висѣвшей на перевязкѣ; другая рана его, въ поясницу, зажила очень скоро, хотя на первыхъ порахъ врачи считали ее очень опасной, такъ какъ предполагали, что были повреждены почки.

Наша жизнь въ тюрьмѣ до суда прошла необыкно-

венно бурно. То была одна сплошная борьба съ властями, не прекращавшаяся ни на одну минуту, а временами принимавшая даже очень острый характеръ. Прежде всего арестованные не называли своихъ фамилій, за исключеніемъ меня и Брантнера, назвавшагося сразу. Одни называли себя вымышленными именами, другіе, просто, молчали. Такъ, Осинскій объявилъ, что его фамилія Бойко; Свириденко назвался Антоновымъ. Романъ молчалъ, и жандармамъ пришлось окрестить его „неизвѣстнымъ". Даже лица мало скомпрометированныя и не принимавшія раньше участія въ революціонныхъ дѣлахъ, подъ вліяніемъ остальныхъ товарищей, не объявляли своихъ фамилій, заставляя теряться жандармовъ во всевозможныхъ догадкахъ и предположеніяхъ.

Между тѣмъ, обвиненія, тяготѣвшія надъ нами, были очень сильны: нѣкоторые привлекались къ отвѣтственности за вооруженное сопротивленіе, сопровождавшееся убійствомъ жандарма. Другіе, подобно мнѣ, до ареста жили нелегальными и были раньше скомпрометированы по разнымъ политическимъ дѣламъ. Само собою разумѣется, что жандармы съ особенной энергіей старались раскрыть истину. И вотъ, для признанія арестованныхъ, стали пріѣзжать съ различныхъ городовъ шпіоны. Въ корридорахъ нашихъ отъ времени до времени появлялись личности въ формахъ и цивильныхъ костюмахъ, въ сопровожденіи, конечно, мѣстныхъ властей; заходили въ наши камеры, чтобы посмотрѣть и припомнить, не встрѣчался ли имъ гдѣ либо тотъ или другой изъ насъ. Но подобные осмотры дали сравнительно не много въ результатѣ: такъ, полтавскіе жандармы признали Стеблина-Каменскаго, а петербургскіе — Софію Лешернъ и Осинскаго; другіе оставались не открыты.

Помню, позвали меня однажды въ тюремную контору. Придя туда, я увидѣлъ Судейкина, сидѣвшаго за столомъ, и въ той же комнатѣ какую то женщину и Пономаренко, бывшаго тюремнаго ключника, котораго я нанималъ для своей винокурни. Пономаренко я узналъ,

но жещины не могъ припомнить. Во всякомъ случая я догадался, что мнѣ готовились очныя ставки.

— „Садитеся, г нъ Дебогорій-Мокріевичъ," любезно пригласилъ Судйкинъ.

Я сѣлъ за столъ противъ него.

— „Маленькое дѣльце есть... Это вотъ, если узнаете, тотъ самый, котораго вы нанимали для винокурни," началъ Судейкинъ перелистывая какія-то бумаги. Потомъ, вдругъ поднявъ голову, спросилъ громко: Пономаренко, узнаешь ?... Потрудитесь поворотиться къ нему," добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ прямо въ глаза Пономаренко. На его глупомъ лицѣ видна была растерянность. Я видѣлъ, что онъ меня не узнаетъ. Еще бы! Тамъ передъ нимъ былъ баринъ, а здѣсь какой-то арестантъ. Это меня ободрило.

— „Для какой винокурни?"... удивленно переспросилъ я.

— „Къ чему запираться ? Вѣдь мы прекрасно знаемъ все... Узнаешь ли ?" допытывался Судейкинъ.

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! Не могу признать".

— „А вы? Потрудитесь взглянуть", обратился Судейкинъ къ женщинѣ.

Та тоже посмотрѣла на меня и тихо проговорила: „Не могу узнать."

Теперь я вспомнилъ: то была служанка гостинницы, гдѣ я съ Н* останавливался; она приносила самоваръ раза два въ мой номеръ.

— „Гм... гм..." Судейкинъ, видимо, былъ обезкураженъ. Я торжествовалъ.

— „Сознайтесь, г нъ Дебогорій! Право, такъ будетъ проще! Намъ все извѣстно; ваша записка, которую вы дали Пономаренко, у насъ въ рукахъ; вашъ почеркъ очень характерный: эти черточки надъ буквами т, п.." Судейкинъ улыбался, глядя на меня.

— „Въ чемъ мнѣ сознаться ? Да я объ этомъ дѣлѣ отъ васъ первый разъ слышу!".

— Ну вотъ!... блестящее дѣло!... Освобожденіе изъ

тюрьмы — блестящее дѣло!..“ повторялъ Судейкинъ даже съ восторгомъ въ голосѣ. „Я на вашемъ мѣстѣ гордился бы этимъ дѣломъ, а вы почему то отказываетесь.

— „Странное было бы тщеславіе — гордиться чужимъ дѣломъ. Я такимъ тщеславіемъ не страдаю.“

Наступило молчаніе.

— „Такъ составить актъ ?“ проговорилъ Судейкинъ.

— „Да. И въ актѣ потрудитесь упомянуть, что во мнѣ не признали того, о комъ ведется дознаніе.“

— „А право, я, на вашемъ мѣстѣ, сознался бы... Блестящее дѣло!...“ говорилъ Судейкинъ, принимаясь за составленіе акта..

Актъ былъ написанъ; я подписался, и меня увели обратно въ камеру.

Я уже сказалъ, что все наше время проходило въ борьбѣ съ властями. Особенно много усилій стоило намъ поддержать сношенія съ товарищами, жившими на свободѣ. Тюремное начальство, съ своей стороны, принимало всѣ мѣры, чтобы насъ уберечь отъ этихъ сношеній. Страхъ, чтобы мы не сдѣлали попытки къ побѣгу доходилъ до такихъ размѣровъ, что одинъ разъ, помню, по распоряженію полиціймейстра (нужно, однако, добавить — человѣка крайне глупаго) была прорыта вдоль нашего фасада цѣлая огромная канава, въ розыскахъ за подкопомъ, котораго мы и не думали копать. Правда, наши головы были полны всевозможныхъ плановъ къ побѣгу, и особенно мечталъ объ этомъ на первыхъ порахъ Осинскій, ведшій даже переписку по этому поводу съ „волей“. Однако, сдѣлать побѣгъ изъ кіевской тюрьмы послѣ того, какъ одинъ разъ это уже было сдѣлано, оказывалось теперь невозможнымъ дѣломъ. Смотритель слѣдилъ за тюремными надзирателями, чтобы они не явились посредниками между нами и внѣшнимъ міромъ. Но тюремная организація уголовныхъ, относившихся сочувственно къ намъ, политическимъ, и, съ другой стороны, подкупъ — дѣлали то, что усилія смотрителя оставались въ этомъ отношеніи безуспѣшными: мы находились въ правильныхъ сношеніяхъ съ товарищами, жив-

шими на свободѣ и знали о всемъ, что дѣлается внѣ тюрьмы. Что касается до сношеній другъ съ другомъ внутри тюрьмы, то тутъ мы продолжали перекликаться черезъ окна, хотя это и воспрещалось тюремными правилами. Мы имѣли свой условный шифръ, гдѣ буквы выражались цыфрами, и когда надо было сообщить что либо серьезное, выкрикивали вмѣсто словъ рядъ цыфръ. Тюремныя власти дѣлали намъ неоднократно замѣчанія, чтобы мы не перекликивались; но такъ какъ это не приводило ни къ какимъ результатамъ, то они надумались прибѣгнуть къ спеціальной мѣрѣ. По распоряженію того же умнаго полиціймейстра, заведена была трещетка. И вотъ, помню, однажды вечеромъ (по вечерамъ наши бесѣды были болѣе оживленныя, такъ какъ уголовные арестанты въ это время успоканвались, и мы могли лучше слышать другъ друга) при первой же фразѣ, выкрикнутой кѣмъ то изъ окна, на тюремномъ дворѣ раздался вдругъ оглушительный шумъ трещетки. Трещеткой полагали помѣшать нашимъ разговорамъ. Но вмѣсто того, чтобы замолчать, мы принялись кричать еще сильнѣе, и, въ заключеніе, со всѣхъ нашихъ оконъ посыпалась брань. Смотритель, человѣкъ довольно добродушный, къ несчастью оказался въ этотъ вечеръ пьянъ и, услышавъ голосъ Осинскаго, ругавшаго его громче другихъ, пошелъ къ нему для объясненій. Осинскій бросился на него съ кулаками, а онъ приказалъ конвойнымъ схватить Осинскаго и посадить въ карцеръ. Крикъ, раздавшійся съ верхняго корридора, гдѣ вся эта сцена происходила (камера Осинскаго была на самомъ верхнемъ этажѣ), взбудоражилъ всѣхъ насъ. Поднялся страшный шумъ; мы стали требовать смотрителя для объясненій; смотритель не являлся.

— „Ломать печки!“ раздался въ эту минуту голосъ Малавскаго, сидѣвшаго въ камерѣ втораго этажа. Совѣтъ показался намъ весьма практичнымъ: этимъ способомъ мы могли причинить убытки казнѣ. И вотъ, по всѣмъ нашимъ камерамъ начался невообразимый стукъ и трескъ.

Схвативъ доску отъ кровати (кровать была деревянная), мнѣ удалось продвинуть одинъ конецъ въ душникъ, а на другой конецъ доски, образовавшей, такимъ образомъ, родъ рычага, я налегъ со всей силы. Верхняя половина печи съ грохотомъ свалилась на полъ. Мнѣ самому едва удалось отскочить въ сторону. Полъ моей камеры покрылся грудами кирпича и глины, а воздухъ наполнился ѣдкой пылью отъ сажи. Я едва могъ дышать. Окончивъ свою работу, я пріостановился и сталъ прислушиваться. Въ сосѣднихъ камерахъ и на верху продолжался шумъ; отъ времени до времени по всему зданію раздавался грохотъ обваливавшихся кирпичныхъ печей.

Я подошелъ къ дверной дыркѣ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и замѣтилъ въ корридорѣ смотрителя.

— „Что вы, господа, дѣлаете?“ обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— „Зачѣмъ вы посадили Осинскаго въ карцеръ?“ отвѣтилъ я вопросомъ же.

— „Какъ же я могъ поступить иначе? Въ присутствіи конвоя бросается меня бить. Я не могу иначе поступать,“ философствовалъ далѣе смотритель. „Служба; я долженъ повиноваться тѣмъ, отъ кого завишу; мнѣ приказано завести трещетку — завожу... А пусть прикажутъ всѣхъ васъ выпустить — съ радостью это исполню...“

Утромъ другого дня въ тюрьму для слѣдствія пріѣхалъ помощникъ полиціймейстра. На наше требованіе, освободить Осинскаго изъ карцера, онъ отвѣтилъ, что сдѣлать это невозможно, такъ какъ Осинскій оскорбилъ смотрителя при исполненіи его обязанностей. Мы настаивали, чтобы, въ такомъ случаѣ, и остальныхъ насъ подвергли тому же наказанію, такъ какъ мы всѣ ругали смотрителя. На это намъ возразили, что никого изъ насъ въ этомъ не обвиняютъ, хотя составили актъ въ томъ, что мы поломали печи въ камерахъ. Тогда мы

рѣшили въ ближайшую повѣрку,*) когда смотритель будетъ обходить наши камеры съ конвоемъ, нанести ему оскорбленіе „при исполненіи обязанностей“ Такъ было и поступлено (всякій изъ насъ выругалъ его въ присутствіи солдатъ), и спустя нѣкоторое время всѣхъ насъ по очереди сажали въ карцеръ. Сверхъ того, за бунтъ, мы были лишены книгъ и отнята была у насъ мебель, т. е. кровати, столы и стулья, такъ что мы спали остальное время, проведенное въ кіевской тюрьмѣ, на полу.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о карцерѣ. Это былъ по просту погребъ, со сводистымъ потолкомъ, помѣщавшійся подъ зданіемъ. При запертыхъ дверяхъ, въ немъ водворялась абсолютная темнота: не оставалось ни одной свѣтлой точки, на которой могъ бы остановиться глазъ; ни сидѣть, ни лежать, само собою разумѣется, не было на чемъ. Помню, когда меня заперли въ эту яму, то я думалъ было сначала примоститься въ какомъ нибудь уголкѣ, чтобы задремать; но это оказалось невозможнымъ: холодъ и сырость были на столько велики, что я принужденъ былъ двигаться. И вотъ, я принялся ходить, ощупывая всякій свой шагъ, чтобы не разбить голову объ низкіе, каменные своды. На первыхъ порахъ, ходя вдоль стѣны, я держалъ руки вытянутыя впередъ; но потомъ освоился съ мѣстомъ на столько, что совершенно автоматически поворачивался въ одну и другую сторону. Эта безконечно-однообразная прогулка продолжалась цѣлыя сутки.

Между тѣмъ, какъ наша тюремная жизнь протекала вышеописаннымъ образомъ, въ это время совершилось событіе, оказавшее самое рѣшительное вліяніе на нашу участь. 2-го апрѣля 1879 г. произошло покушеніе на жизнь царя, вслѣдъ за которымъ былъ изданъ высочайшій указъ объ учрежденіи шести временныхъ генералъ-губернаторствъ. Объявлено было военное положеніе и политическія дѣла были переданы въ вѣденіе военно-

*)Повѣрки совершались всякій день утромъ и вечеромъ.

окружныхъ судовъ. Прокуроръ военно-окружного суда, полковникъ Стрѣльниковъ, принялся за составленіе обвинительнаго акта по нашему дѣлу.

Обвинительный актъ врученъ былъ намъ въ 20-хъ числахъ апрѣля. Обвиненія, составленныя на скорую руку, безъ достаточнаго знакомства съ дѣломъ, бросались въ глаза своею бездоказательностью и съ юридической точки зрѣнія не выдерживали критики. Насъ обвиняли въ составленіи заговора, хотя многіе изъ насъ другъ съ другомъ не были знакомы; такъ, напр., я только въ тюрьмѣ познакомился съ Стеблинъ-Каменскимъ, Феохари и Романомъ. Судъ былъ назначенъ на 30-ое апрѣля. Обвиняемыхъ было 14 человѣкъ (въ число ихъ, неожиданно для насъ, попала квартирная хозяйка съ ея сестрой; видимо это нужно было для того, чтобы судъ могъ вывести хоть одинъ-два оправдательныхъ приговора). Чтобы придать больше гласности процессу, мы обратились — конечно письменно — къ петербургскимъ адвокатамъ съ приглашеніями для защиты; но спустя нѣкоторое время намъ объявили, что мы должны брать защитниковъ мѣстныхъ, прикомандированныхъ къ кіевскому военно-окружному суду, т. е. лицъ, если не подчиненныхъ, то, во всякомъ случаѣ, зависимыхъ отъ нашего обвинителя, Стрѣльникова. Тогда, ради протеста, мы рѣшили совершенно отказаться отъ защиты.

30-го апрѣля, часу въ 6-мъ утра, по нашимъ камерамъ разнесена была новая арестантская одежда. Мы переодѣлись, начиная съ рубахъ и оканчивая котами, и насъ вывели изъ тюрьмы. Всѣхъ насъ было 8 человѣкъ; остальные 6 обвиняемыхъ по нашему дѣлу, женщины, были увезены изъ тюрьмы въ судъ раньше. Выйдя за ворота, я увидѣлъ огромную, красивую карету, съ окнами по бокамъ, въ которыхъ вдѣланы были желѣзныя рѣшетки, и множество конвойныхъ козаковъ, жандармовъ и полицейскихъ. Мы всѣ 8 человѣкъ совершенно свободно размѣстились на мягкомъ сидѣніи этой кареты, и наша процессія двинулась. Впрочемъ, то нельзя было назвать процессіей, а скорѣе какой-то скачкой, такъ

какъ мы не ѣхали, а прямо мчались. Впереди всѣхъ летѣлъ въ фаэтонѣ полиціймейстеръ; за нимъ — жандармскій офицеръ. Карета наша окружена была скакавшими верхомъ козаками, съ пиками на перевѣсъ, точно они шли въ атаку. Мы промчались городскими улицами, не встрѣтивъ почти ни одного цивильнаго человѣка. По всѣмъ этимъ улицамъ прекращено было сообщеніе. Всюду стояли полицейскіе, а на перекресткахъ видны были шеренги солдатъ. Кіевскія власти, повидимому, боялись уличной демонстраціи; но эти преувеличенныя мѣры строгости придали лишь нашему проѣзду особенно торжественный характеръ. Подъѣзжая къ зданію военно-арестантскихъ ротъ, мы увидѣли окна буквально облѣпленныя головами любопытныхъ, и едва наша карета поравнялась съ фасадомъ зданія, какъ оттуда раздалось: ура! Такимъ же крикомъ встрѣтила насъ и гимназія, мимо оконъ которой пришлось проѣзжать.

Въ военно-окружномъ судѣ мы провели четверо сутокъ, пока нашъ процессъ разсматривался. На ночь мы помѣщались въ камерахъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ зданія; днемъ, когда засѣданія суда прекращались, мы проводили время во дворѣ.

Все вниманіе прокурора и суда было сосредоточено на выясненіи дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, происшедшемъ 11-го февраля. Обвиненія же остальныхъ лицъ, не участвовавшихъ въ вооруженномъ сопротивленіи, отличались полной голословностью. Прокуроръ подводилъ всѣхъ по 250-ой статьѣ уложенія о наказаніяхъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ; между тѣмъ, противъ нѣкоторыхъ онъ не могъ представить никакихъ уликъ; такъ напр., все обвиненіе Феохари и Позена сводилось къ тому, что они были взяты на квартирѣ Ивичевича. Примѣняя 250-ю статью, прокуроръ исходилъ изъ того предположенія, что мы составляли одно тайное сообщество, стремившееся къ ниспроверженію существующаго строя въ ближайшемъ будущемъ. Но если возможно было примѣнить эту статью, то развѣ только по отношенію къ Ивичевичу, Брантнеру, Осинскому и Свириденко.

Можно было еще, пожалуй, съ нѣкоторой натяжкой притянуть сюда же меня, какъ нелегальнаго, — хотя на самомъ дѣлѣ, я не состоялъ съ ними въ одной организаціи, а находился лишь въ лично-пріятельскихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Но Осинскаго почему то прокуроръ совсѣмъ выключилъ изъ нашего процесса и составилъ противъ него, Софіи Лешернъ и Волошенко отдѣльный обвинительный актъ.

Въ своей обвинительной рѣчи Стрѣльниковъ (во время которой онъ выпилъ очень много воды, такъ какъ кричалъ до сипоты въ горлѣ) говорилъ преимущественно о вооруженномъ сопротивленіи. Потомъ для характеристики нашего сообщества приводилъ цитаты изъ „Земли и Воли“ и другихъ революціонныхъ изданій. Наконецъ, упомянулъ о нѣкоторыхъ прошлыхъ дѣлахъ, какъ напр., о покушеніи на жизнь Гориновича и побѣгѣ изъ кіевской тюрьмы, при чемъ указалъ судьямъ на меня, какъ на одного изъ виновниковъ этого побѣга. Но относительно большинства обвиняемыхъ не сказалъ ровно ничего, а многихъ даже не упоминалъ. Такъ, онъ совершенно умолчалъ о Позенѣ, Сарандовичъ, Потылицыной, Феохари.... Да нечего было ему и говорить, ибо противъ нихъ не имѣлось у него никакихъ данныхъ. Они оказывались виновными только въ томъ, что были знакомы съ тѣми, которые оказали вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Но этого одного оказалось достаточнымъ, чтобы ихъ осудить. Судъ призналъ, что всѣ мы составляли одно тайное сообщество, видимо, исходя, подобно прокурору, изъ того соображенія, что разъ мы были пойманы одновременно и держались въ тюрьмѣ и на процессѣ единодушно, то это доказывало нашу принадлежность къ одной организаціи. На процессѣ много времени было удѣлено на выясненіе нашего поведенія въ тюрьмѣ: нашего бунта, ломанія печекъ и пр. Что пойманы мы были въ одно время, для многихъ изъ насъ это было простой случайностью; относительно же нашего единодушія во время тюремной жизни, я долженъ замѣтить, что для этого вовсе не надо было состоять въ

одномъ революціонномъ сообществѣ. Тамъ, гдѣ были люди, которымъ грозила смертная казнь, остальнымъ приходилось держаться единодушно. Простое чувство порядочности вынуждало къ этому. Вотъ этихъ то простыхъ соображеній не понимали или, можетъ быть, даже не смѣли понимать господа судьи. Этимъ только и можно объяснить ту вопіющую несправедливость, въ которую впалъ судъ: исключая Брантнера и Свириденко, приговоренныхъ къ смерти, какъ вооруженно сопротивлявшихся, всѣхъ остальныхъ подвели подъ одну категорію; вынесенъ былъ одинъ приговоръ для всѣхъ — 14 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ каторжныхъ работъ. Сюда входили и такіе, какъ я, жившій до ареста нелегально цѣлыхъ 6 лѣтъ, тутъ же была и Потылицына, молодая дѣвушка, не принимавшая участія ни въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ. Эта ошибка поправлена была нѣсколько потомъ, канфирмаціей генералъ-губернатора, по которой приговоренные были раздѣлены на нѣсколько категорій. Но при этомъ опять таки власти руководились не столько фактами, сколько внутреннимъ убѣжденіемъ.

На судѣ держали мы себя скорѣе, какъ зрители, чѣмъ какъ обвиняемые. Мы отказались отъ защиты, не давали никакихъ показаній; но почти всѣ передъ судомъ назвали свои фамиліи, исключая Владиміра Свириденко, продолжавшаго именовать себя Антоновымъ. Это онъ дѣлалъ для того, чтобы по возможности дольше не могла узнать о его участи его мать, жившая въ Крыму. Публика, присутствовавшая на судѣ по билетамъ (безъ билетовъ не пускали въ залу суда), состояла преимущественно изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Составъ суда не вызывалъ особенно дурнаго впечатлѣнія; большинство судей, какъ и самъ предсѣдатель, генералъ Слуцкій, казалось, были люди добродушные; это можно было читать по ихъ лицамъ, блѣднымъ, взволнованнымъ. Приговоръ же оказался жестокій потому, что онъ имъ былъ продиктованъ сверху. Судьи кіевскаго военно-окружнаго суда, подобно нашему тюремному смотрите-

лю, держались, видимо, того взгляда, что они должны подчиняться тому, отъ кого зависѣли, т. е. — кто далъ имъ службу.

Только два человѣка рѣзко выдѣлялись изъ всѣхъ; то былъ прокуроръ Стрѣльниковъ и жандармскій капитанъ Судейкинъ, игравшій одну изъ видныхъ ролей на нашемъ процессѣ (въ качествѣ свидѣтеля, конечно).

Капитанъ Судейкинъ, высокій и стройный, молодой человѣкъ, очевидно, позировалъ передъ публикой. Особенно интересенъ онъ былъ, когда ораторствовалъ въ качествѣ главнаго свидѣтеля по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи. Видимо, онъ себя считалъ героемъ и до того рисовался и хвастался передъ судомъ и публикою, такъ много болталъ, подчасъ просто безсмыслицу, не относящуюся къ дѣлу, лишь бы только болтать и вертѣться передъ глазами всѣхъ, что гадко было на него смотрѣть. Человѣку этому, какъ мнѣ казалось, ни до какихъ убѣжденій никакого дѣла не было, и для него мы всѣ, нигилисты, представляли просто лакомый кусокъ: на нашей гибели онъ строилъ свою карьеру. Мнѣ онъ сильно напоминалъ собою гоголевскаго Ивана Александровича Хлестакова.

Нервное, сухое и злое лицо, какъ и вся небольшая фигура Стрѣльникова представляла рѣзкую противуположность съ бѣлой откормленной, самодовольной физіономіей Судейкина. Въ прокурорѣ сказывался человѣкъ очень злой, но извѣстныхъ убѣжденій, и на насъ онъ смотрѣлъ, какъ на личныхъ своихъ враговъ. Всякая его фраза дышала злобой. Но онъ не щадилъ и другихъ. Такъ ему удалось, между прочимъ, рядомъ свидѣтельскихъ показаній выяснить передъ судомъ, что жандармы бѣжали изъ дома Коссаровской послѣ первыхъ залповъ; и надо было видѣть, съ какимъ злорадствомъ онъ посматривалъ то на публику, то на судей, то, наконецъ, на самого Судейкина. „Господа жандармы бѣжали...“ шипѣлъ онъ сквозь зубы, и злая усмѣшка играла на его сухомъ лицѣ.

Объ эти личности, и Судейкинъ, и Стрѣльниковъ, всю-

рѣ стали исполнять видныя роли въ Россіи. Судейкинъ сдѣлался начальникомъ тайной полиціи въ Петербургѣ; Стрѣльниковъ создалъ рядъ процессовъ съ висѣлицами въ Кіевѣ и Одессѣ. Объ эти личности и были впослѣдствіи убиты революціонерами.

Во время смертнаго приговора, когда объявлена была смертная казнь Брантнеру и Антонову (Свириденко), съ одной изъ подсудимыхъ сдѣлалась истерика. Жандармы побѣжали за водой; мы поднялись со скамей, на которыхъ сидѣли; произошла общая суматоха. Въ эту минуту, публика, присутствовавшая въ залѣ суда, тоже встала на ноги, а многіе даже взлѣзли на стулья, чтобы лучше видѣть происходившую сцену.

— „Чего глазѣете ?!“ закричалъ Свириденко. „Здѣсь не театръ!... Позоръ — дѣлать изъ этого зрѣлище!“

Это произвело удивительный эффектъ: всѣ сразу присѣли, а затѣмъ поспѣшно стали выходить изъ залы суда.

4-го мая процессъ нашъ окончился, и насъ отвезли обратно въ тюрьму; а въ окружномъ судѣ началось разбирательство другихъ дѣлъ: сначала Осинскаго и затѣмъ Избицкаго. Всѣ три процесса были окончены къ 8-му маю, и послѣ того мы стали ждать конфирмаціи. Цѣлые дни мы проводили вмѣстѣ; намъ разрѣшены были свиданія съ родными; вообще, жизнь въ тюрьмѣ послѣ суда сдѣлалась значительно вольнѣе; но перспектива казни отравляла все. Въ томительномъ ожиданіи ужаснаго конца, надъ которымъ даже самая мысль не осмѣливалась остановиться на долго, протекало наше время. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, 12-го мая появился полиціймейстеръ, и насъ позвали въ тюремную контору для выслушанія конфирмаціи. По конфирмаціи, нѣкоторымъ были уменьшены сроки каторги: другимъ оставлено было наказаніе, вынесенное судомъ. Только о троихъ въ конфирмаціи 12-го мая ничего не было сказано; эти трое были: Антоновъ (Свириденко), Брантнеръ и Осинскій; ихъ даже не звали въ тюремную контору. Это значило, что приговоръ въ оконча-

тельной формѣ надъ ними будетъ прочтенъ на мѣстѣ казни. Всѣ это понимали, но никто, конечно, объ этомъ не говорилъ. Кажется, въ тотъ же день, т. е. 12-го мая, Осинскій и Антоновъ были переведены съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ уже сидѣлъ Брантнеръ, и гдѣ находились также камеры моя и Волошенко. Сначала мы не могли понять, зачѣмъ это было сдѣлано, но вскорѣ причина выяснилась: изъ оконъ верхняго корридора было видно, какъ въ полѣ, недалеко отъ тюрьмы, начали строить висѣлицы. Сидѣвшіе въ верхнемъ этажѣ сообщили объ этомъ остальнымъ, кромѣ приговоренныхъ къ смерти, отъ которыхъ, конечно, старались скрыть. Догадывались ли сами приговоренные о томъ, что готовилось для нихъ — не знаю. Они тоже, подобно намъ, молчали, не разговаривали объ ожидавшей ихъ казни. Но видно было, что они къ ней готовились. Такъ, Валеріанъ Осинскій время отъ времени возвращался къ вопросу о томъ, что для него смертная казнь черезъ разстрѣляніе представляется несравненно легче, чѣмъ черезъ повѣшеніе. Антоновъ озабоченъ былъ мыслью, чтобы его мать не узнала объ его участи и часто говаривалъ со мною объ этомъ: но въ чемъ состояла эта его участь, онъ не договаривалъ, или вѣрнѣе, никогда не успѣвалъ договорить, бесѣдуя со мною. Мнѣ всякій разъ становилось страшно, когда объ этомъ заходила рѣчь, и я тотчасъ старался свести разговоръ на что либо другое. Мы всѣ избѣгали слова казнь, какъ будто боялись самого этого слова. Нужно сказать, что судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, и замѣна разстрѣла висѣлицей произошла уже потомъ. Кому обязаны были приговоренные этой замѣной въ худшую сторону, такъ какъ повѣшеніе считается у насъ болѣе позорной казнью, — съ увѣренностью сказать не могу; но я помню, что въ то время ходилъ слухъ, будто замѣна эта была сдѣлана самимъ царемъ, съ которымъ, какъ передавали намъ офицеры, приходившіе на караулъ, кіевскій генералъ-губернаторъ Чертковъ сносился телеграммой.

Вечеромъ 12-го мая, передъ тѣмъ какъ должны бы-

ли затворить насъ на ночь по камерамъ, приговоренные попрощались со всѣми, такъ какъ думали, что это было ихъ послѣднее свиданіе. Однако ночь прошла; наступило 13-ое мая, и утромъ опять выпустили насъ всѣхъ изъ камеръ во дворъ. Такъ какъ было неизвѣстно, чѣмъ объяснить это замедленіе, то, помню, у меня зародилась даже смутная надежда на то, что казни не будетъ. Съ казнью мой умъ и чувство не могли мириться, и достаточно оказалось ничтожнаго повода, чтобы родить надежду. Но наступилъ вечеръ 13-го мая, и приговоренные, расходясь по своимъ камерамъ, опять попрощались со всѣми. И вотъ повѣрка прошла; насъ заперли на ночь. Вскорѣ я услыхалъ шаги въ корридорѣ какихъ то вооруженныхъ людей, и тотчасъ послышался изъ окна голосъ Осинскаго, сообщавшаго о томъ, что къ нему въ камеру поставили часового. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Я раньше слыхалъ, что послѣднюю ночь передъ казнью приговореннаго не оставляютъ одного, а помѣщаютъ къ нему часового. Камера Осинскаго находилась въ началѣ корридора; за ней слѣдовала камера Волошенко, потомъ — моя, — Брантнера и наконецъ, послѣдняя, въ глубинѣ корридора, была камера Свириденко. Я слышалъ, какъ прошли мимо моей двери солдаты; какъ отворилась дверь, сначала въ камеру Брантнера, потомъ Свириденко. Однако ни тотъ, ни другой не сообщали объ этомъ черезъ окна, какъ это сдѣлалъ Осинскій. Изъ камеры Брантнера доносились какіе то слабые голоса.

Между тѣмъ наступила ночь. Я не зажигалъ лампы и моя камера едва освѣщалась пучкомъ свѣта, врывавшимся изъ корридора черезъ дверную дырку. Окно было отворено настежъ. Я влѣзъ на подоконникъ и сѣлъ, прижавшись къ рѣшеткѣ. Ночь была теплая и тихая, такая тихая, что на открытомъ воздухѣ, казалось, могла бы горѣть свѣча. Уголовные арестанты улеглись, и въ главномъ фасадѣ тюрьмы, гдѣ они помѣщались, все успокоилось. Тихо было и въ нашемъ отдѣленіи. Но что дѣлали всѣ — не знаю.; можетъ быть, подобно мнѣ, сидѣ-

ли у настежь отворенныхъ оконъ и глядѣли на ночное небо, гдѣ мерцали звѣзды. Всѣ молчали. Только Осинскій перекликивался съ Лешернъ, сидѣвшей на женской половинѣ, въ противуположномъ концѣ зданія. „Четыре, пять, семь, два, восемь, нуль....“ съ нервной торопливостью выкрикивалъ онъ изъ своего окна. Онъ шифровалъ что то.

Внизу, вдоль нашихъ оконъ, ходилъ часовой. Я сталъ вслушиваться. Изъ камеры Свириденко не долетало ни одного звука, ни малѣйшаго шороха. Спалъ ли онъ въ эту послѣднюю ночь, или только молча лежалъ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, заложивъ обѣ руки подъ голову, какъ онъ обыкновенно любилъ лежать? Трудно сказать; но я чувствовалъ, что его не было возлѣ окна. Было такъ тихо, и я такъ напряженно вслушивался, что, конечно, услыхалъ бы что нибудь, какъ слыхалъ я Малавскаго, сидѣвшаго у своего окна, и камера котораго находилась вверху надъ моей, хотя я и не разговаривалъ съ нимъ.

Владиміръ Свириденко родомъ былъ изъ Крыма, изъ города Симферополя; онъ жилъ на югѣ (Одессѣ, Харьковѣ и Николаевѣ) и принималъ участіе въ дѣлахъ тамошнихъ кружковъ; кажется, былъ даже формальнымъ членомъ кружка Ковальскаго. Онъ занимался пропагандой, главнымъ образомъ, среди матросовъ черно-морскаго флота въ г. Николаевѣ, а съ наступленіемъ террора, увлекся этимъ новымъ направленіемъ и сошелся съ террористами. Онъ очень высоко цѣнилъ дѣятельность Осинскаго и въ послѣднее время окончательно примкнулъ къ „Исполнительному Комитету“. Арестованный на улицѣ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ назвалъ себя ложнымъ именемъ Антонова съ единственной цѣлью, чтобы его мать, жившая въ Симферополѣ, и которую онъ очень любилъ, не узнала объ его участи. Свириденко отказался давать показанія, хотя на судѣ призналъ, что сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ жандармовъ. Все его поведеніе, прямое и смѣлое, отъ ареста до самой послѣдней минуты его жизни, вызвало симпатіи и удивле-

ніе даже среди властей. Свириденко былъ повѣшенъ подъ вымышленнымъ прозвищемъ Антонова, но впослѣдствіи одесскіе процессы послужили къ открытію его фамиліи. Что сдѣлалось съ его бѣдной матерью послѣ того, какъ она узнала объ участи сына — не знаю.

Изъ камеры Брантнера слышался тихій разговоръ. Въ этотъ вечеръ къ нему пришелъ лютеранскій пасторъ и хотя онъ отказался отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ, но съ пасторомъ бесѣдовалъ очень долго. Ровная, спокойная натура Брантнера мало походила на пылкую, бунтовскую натуру Владиміра Свириденко.

Людвигъ Брантнеръ не обладалъ ни особенно широкимъ развитіемъ, ни знаніями и при первомъ знакомствѣ не производилъ впечатлѣнія человѣка выдающагося. Но тому, кто его зналъ въ теченіи долгаго періода времени, приходилось многому въ немъ удивляться. Онъ принадлежалъ къ харьковскому кружку народниковъ и сталъ участвовать въ движеніи очень рано. Разсказывая о первыхъ нашихъ кружкахъ, я уже упоминалъ о тѣхъ принципахъ нравственности, которыхъ держались тогда всѣ. Мы находили безнравственнымъ жить на чужой счетъ и старались зарабатывать пропитаніе простымъ физическимъ трудомъ. Это нравственное требованіе проявилось въ томъ, что повсюду устраивались мастерскія, и люди занимались изученіемъ ремеселъ. Но прошло нѣкоторое время, и охота зарабатывать хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ пропала у большинства. Брантнера это не коснулось; онъ попрежнему столярничалъ, попрежнему бѣдствовалъ. Я часто бывалъ у него въ мастерской, въ Харьковѣ. Онъ держалъ ее вмѣстѣ съ Глушковымъ, котораго мы звали „Іонычемъ“ (Іонычъ потомъ эмигрировалъ и жилъ въ Парижѣ). Въ этой мастерской съ шипящимъ жестянымъ самоваромъ на столярномъ верстакѣ, я всегда чувствовалъ себя легко и уютно. Въ голодѣ и холодѣ проводилъ Брантнеръ свою жизнь, но ни разу я не слыхалъ его жалующимся; при встрѣчахъ всегда одинаково весело улыбались его добрые карые глаза, какъ будто жизнь

его была полна всевозможныхъ прелестей. Какой то задушевностью дышало все его существо. Во время вооруженнаго сопротивленія онъ получилъ, какъ я уже говорилъ выше, двѣ раны: одну въ поясницу, другую въ руку. Первая рана зажила скоро, хотя считалась болѣе опасной; а рука такъ и осталась на перевязкѣ до самой его казни. Пуля раздробила плечевую кость и порвала нервъ, управляющій движеніемъ руки, вслѣдствіе чего рука его висѣла парализованная. Помню, встрѣчаясь съ Брантнеромъ во время гуляній, или же глядя изъ корридора черезъ дверную дырку на его приземистую фигуру, я никогда не могъ видѣть безъ волненія этой больной его руки; она совершенно не гармонировала съ его попрежнему веселымъ лицомъ; эта вевелая, добрая улыбка не покидала его лица до самой послѣдней минуты. Съ перваго дня ареста Брантнеръ объявилъ свою фамилію и далъ о себѣ показанія, не скрывая вовсе того, что онъ стрѣлялъ. Эксперты склонялись къ тому, что жандармъ Казанкинъ былъ убитъ пулей изъ револьвера Брантнера, но это, впрочемъ, не было вполнѣ выяснено.

Въ то время какъ изъ камеры Свириденко не доносилось ни малѣйшаго шороха, а Брантнеръ тихо бесѣдовалъ съ пасторомъ, Валеріанъ Осинскій ни на одну минуту не могъ успокоиться. Его нервно-подвижная натура вполнѣ сказалась въ эту ночь. Онъ перебрасывался отдѣльными фразами; шифровалъ. По голосу его, то звонкому и рѣзкому, то глухо вылетавшему откуда-то изъ глубины, можно было заключить, что онъ не сидѣлъ спокойно у своего окна, а постоянно то соскакивалъ внизъ въ камеру, то опять взбирался къ окну. Въ заключеніе, помню, обратился онъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я спѣлъ ему Беранже „На смерть капрала“. Нечего и говорить, что мнѣ было совсѣмъ не до пѣсенъ; однако, сознаніе, что я своимъ пѣніемъ, доставлю, не скажу, удовольствіе, но, можетъ быть, отвлеку его мысли въ сторону, или просто сокращу время, — это сознаніе меня ободрило, и я сталъ пѣть. Въ эту ночь онъ заста-

вилъ меня повторить раза три „На смерть капрала“, гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о томъ, какъ наполеоновскій капралъ шелъ къ разстрѣлу. Бѣдный Валеріанъ!... Онъ все надѣялся, что будетъ разстрѣлянъ, подобно наполеоновскому капралу, по пѣснѣ Беранже. Его мысль не мирилась съ висѣлицей; онъ чувствовалъ отвращеніе къ висѣлицѣ, какъ это неоднократно высказывалъ передо мной.

Наконецъ, становилось уже очень поздно. Осинскій не просилъ больше меня пѣть; пересталъ разговаривать. Изъ камеры Брантнера пасторъ давно ушелъ, и тамъ все затихло; отъ Свириденко попреженему — ни звука. Я продолжалъ сидѣть у рѣшетки. Слѣва, въ сосѣдней одиночкѣ раздавались шаги Волошенко, который то ходилъ, то пріостанавливался, плевалъ и опять принимался ходить. Окно его было отворено, и мнѣ все было слышно. „Соня!“ вдругъ раздался рѣзкій голосъ Осинскаго. „Валеріанъ!“ откликнулась Софія Лешернъ съ противуположнаго конца зданія; она, видимо, тамъ тоже сидѣла у окна. Но Осинскій только окликнулъ ее; онъ не вступалъ въ разговоръ. И все опять смолкло.

Въ моей головѣ толпились мысли. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы всѣхъ троихъ повѣсили. Свириденко и Брантнеръ стрѣляли во время ареста, и оба передъ судомъ въ этомъ сознались. На вопросъ предсѣдателя суда, признаютъ ли они себя виновными, Свириденко отвѣтилъ, что хотя онъ стрѣлялъ, но полагаетъ, что имѣлъ на это нравственное право, а потому не считаетъ себя виновнымъ. Помню, прокуроръ Стрѣльниковъ, выслушавъ это заявленіе, только пожалъ плечами и, обращаясь къ судьямъ, прошипѣлъ, какъ змѣя: „мнѣ нечего добавить къ этому...“ Да, къ этому, дѣйствительно, нечего было добавить. Участь Свириденко и Брантнера была рѣшена. Но относительно Валеріана Осинскаго я все еще сомнѣвался. Мнѣ представлялось, что его подведутъ подъ висѣлицу и за тѣмъ помилуютъ, такъ какъ противъ него собственно фактическихъ уликъ не было. Его обвиняли тоже въ вооруженномъ сопротивленіи при

арестѣ и за это подводили къ смертной казни. Но то была слишкомъ очевидная натяжка со стороны прокурора. Осинскій, остановленный на улицѣ переодѣтыми жандармами, поведенъ былъ въ полицейскій участокъ; здѣсь, въ ту минуту, когда Судейкинъ собирался его обыскать, онъ сталъ вытаскивать изъ кабура револьверъ; его схватили за руки, обезоружили, и тѣмъ дѣло кончилось. Онъ не успѣлъ сдѣлать выстрѣла. Это было выяснено на судѣ. И вотъ, принимая это во вниманіе, мнѣ казалось, что онъ избѣгнетъ казни. Но я упускалъ въ ту минуту изъ вида самое главное, именно, „внутреннее убѣжденіе“, составленное у властей относительно Осинскаго. Они его считали чуть не предсѣдателемъ „Исполнительнаго Комитета“, хотя и не имѣли на это доказательствъ. Осинскій объявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ „Исполнительнаго Комитета“, а не членомъ и что, насколько ему было извѣстно, среди арестованныхъ не находилось даже ни одного члена „Исполнительнаго Комитета*) Стрѣльниковъ съ особенной ненавистью относился къ Осинскому и на судѣ, требуя для него смертной казни, дошелъ до того, что, обхвативъ пальцами свою шею, воскликнулъ: „Вотъ чего заслуживаетъ господинъ Осинскій!“ Злоба, которой кипѣлъ Стрѣльниковъ, была такъ велика, что не могла выразиться одними словами; ему понадобилось прибѣгнуть къ жестамъ. Онъ намѣкалъ на веревку.

Сидя у рѣшетки, я вслушивался въ окружавшую тишину. А между тѣмъ на небѣ уже звѣзды мерцали; потянуло предразсвѣтнымъ холодомъ. Внизу, подъ окномъ прошла „смѣна“; послышалось бряцаніе ружей, голоса... Потомъ опять все стихло. Я слѣзъ съ подоконника

*)Любопытно то, что этотъ тонъ былъ удерживаемъ потомъ многими революціонерами. Такъ, Желябовъ заявилъ на судѣ, что онъ былъ только агентомъ „Испол. Комитета; Ал. Михайловъ тоже самое, присовокупивъ при этомъ, что „Исп. Комитетъ“ это „учрежденіе неуловимое, недосягаемое“.

и прилегъ на тюфякъ. Скоро я впалъ въ полузабытье, далеко, впрочемъ, не сонъ, такъ какъ все слышалъ. „Соня!...“ „Валеріанъ!...“ проносилось отъ времени до времени надъ обширнымъ, пустымъ, тюремнымъ дворомъ. Очнулся я отъ этого состоянія скоро и, увидѣвъ свѣтъ, всталъ и принялся ходить по камерѣ. Уголовные арестанты поднялись; съ ихъ камеръ доносился шумъ. Въ камерахъ нашего отдѣленія царствовало прежнее молчаніе. Прошло нѣкоторое время. Я позвалъ ключника и приказалъ отворить мою камеру. Выйдя въ карридоръ, я подошелъ къ двери Волошенко и заглянулъ черезъ дырку: онъ сидѣлъ на своемъ тюфякѣ съ опущенной головой; волосы на его головѣ были взъерошены; онъ глядѣлъ въ полъ и поплевывалъ. Я ничего не сказалъ ему и удалился отъ двери. Къ приговореннымъ я не рѣшался заглядывать; какой-то необъяснимый страхъ удерживалъ меня отъ этого. Въ это время раздался шумъ двигавшагося конвоя. У входныхъ дверей я увидѣлъ кучу солдатъ и офицеровъ, спускавшихся по ступенькамъ въ нашъ корридоръ. Я догадался, зачѣмъ они явились. Тутъ были офицера пѣхотные и жандармскіе, нѣсколько полицейскихъ, нашъ тюремный смотритель. Сколько было ихъ всѣхъ, сказать не умѣю, но мнѣ показалось, очень много. Почти одновременно какъ-то приговоренные были выведены изъ своихъ камеръ; двери отворялись, и они выходили въ корридоръ одинъ за другимъ: Свириденко, Брантнеръ, Осинскій... Я сталъ съ ними прощаться. Брантнеръ, съ рукою на перевязи, улыбался и въ эту минуту; лицо его было совершенно свѣжее; Антоновъ былъ, по обыкновію, блѣденъ; у Осинскаго губы, словно отъ лихорадки, ссохлись, и онъ скусывалъ ихъ до крови. Не знаю, какъ мнѣ пришло въ голову въ ту минуту, но я потребовалъ ножницы. Кто-то изъ конвоя далъ мнѣ ножъ, такъ какъ ножницъ не оказалось. Тогда у всѣхъ троихъ я отрѣзалъ по клочку волосъ съ головы; у Осинскаго трудно оказалось отрѣзать, и онъ почти вырвалъ ихъ изъ своей головы. Конвойные молча окружали насъ, ожидая конца

прощанія. Послѣ этого я ушелъ въ камеру. Меня заперли. Я слышалъ, какъ вышелъ въ корридоръ Волошенко и тоже сталъ съ ними прощаться. Меня въ камерѣ стали душить рыданія.

14-го мая, въ 10 часовъ утра ихъ казнили. Вотъ какъ описана была эта казнь въ „Листкѣ Земли и Воли". „Въ 9 часовъ ихъ повели въ контору тюрьмы и, по исполненіи какихъ то формальностей, посадили въ приготовленную для нихъ карету, окруженную отрядомъ козаковъ. Имъ было предложено посадить съ собою въ карету и священниковъ, но осужденные отказались. Пріѣхавъ на мѣсто казни, они сами вышли изъ кареты, отказались отъ предложенія тюремныхъ сторожей вести ихъ за руки и подошли ближе къ висѣлицамъ. Здѣсь ихъ поставили рядомъ, спиной къ эшафоту. Адьютантъ 128 полка прочелъ приговоръ; одинъ изъ осужденныхъ просилъ позволенія проститься съ товарищами. Получивъ позволеніе, всѣ трое обнялись и поцѣловались другъ съ другомъ. Одинъ изъ офицеровъ въ третій разъ предложилъ имъ принять священника, но осужденные снова отказались.

Палачъ сбросилъ съ нихъ арестантскіе халаты и надѣлъ саваны, связавъ предварительно имъ руки. Ему помогали полицейскіе солдаты. Въ эту минуту прискакалъ адъютантъ Черткова и громко отъ имени генералъ-губернатора спросилъ: не желаютъ ли осужденные раскаяться и принять духовное утѣшеніе? Всѣ трое отвѣтили отрицательно... Палачъ надѣлъ имъ капюшоны на головы, поворотилъ лицомъ къ эшафоту и ,подталкивая подъ локти, сталъ взводить на эшафотъ. Поставивъ Брантнера, Антонова и Осинскаго на скамьи, палачъ надѣлъ имъ петли на шеи и выдернулъ изъ подъ каждаго скамью. Первымъ повисъ Антоновъ — сразу. Вторымъ — Брантнеръ, застонавъ и метнувшись раза два. Третьимъ — Осинскій, на котораго петля была надѣта такъ, что при паденіи скамьи, голова склонилась въ сторону и веревка пришлась не на замычкѣ, а около уха. Онъ сталъ метаться и судорожно биться ногами... Полковникъ Но-

вицкій, бесѣдовавшій съ напиравшей на солдатъ толпою и силившійся доказать ей, что вѣшаютъ разбойниковъ и убійцъ, обратился къ палачу: „Что ты сдѣлалъ? Вѣдь онъ мечется?“ — „Ничевосъ — это сейчасъ кончится“, отвѣтилъ палачъ. — „Но вѣдь онъ живъ?“ — „Не безпокойтесь! Это ужъ мое дѣло... Будетъ мертвъ! Не безпокойтесь“. Новицкій, очевидно, успокоенный тѣмъ, что хотя и въ страшныхъ мученіяхъ, но все таки Осинскій умретъ, продолжалъ краснорѣчиво лгать передъ толпою, объясняя ей, между прочимъ, мученія Валеріана тѣмъ, что онъ отказался принять священника.

Черезъ полъ часа палачъ перерѣзалъ веревки и трупы рухнули на землю. Сняли капюшоны. Лица были багровыя, съ высунутыми языками. Ихъ осмотрѣлъ врачъ.“ Вслѣдъ затѣмъ ихъ тамъ же закопали.

Послѣ казни отданъ былъ приказъ возвращаться войскамъ съ музыкой, и часу въ одинадцатомъ дня нашъ слухъ былъ пораженъ оркестромъ солдатскихъ трубъ, игравшихъ залихватскій военный маршъ. Какое презрѣніе возбудилъ во мнѣ, да, вѣроятно, и у всякаго, у кого только сохранилась капля совѣсти, этотъ неумѣстный парадъ! Собраться въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ для убійства троихъ, — хотя бы даже и враговъ — неужели это достаточный поводъ для выраженія такого военнаго азарта? И чѣмъ тогда отличались эти господа отъ дикарей Полинезіи? Имъ недоставало только поджарить своего врага и съѣсть.

Утромъ того же дня, т. е. 14-го мая (еще передъ казнью), увезены были изъ тюрьмы на желѣзную дорогу приговоренныя женщины: Армфельдъ, Ковалевская, Лешернъ, Сарандовичъ и Потылицына. А спустя нѣкоторое время (недѣли двѣ, однако, прошло), отправили и остальныхъ насъ на каторгу.